

Юрий Кулин

1920 -

1941



КАРЕЛИЯ

В ПОЛИТИКЕ

СОВЕТСКОГО

ГОСУДАРСТВА



Министерство образования  
Российской Федерации

Петрозаводский государственный университет



Юрий Кулин

КАРЕЛИЯ В ПОЛИТИКЕ  
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

1920–1941



ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО  
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY  
PRESS

ПЕТРОЗАВОДСК 1999

ББК 63.3(2Р–6К)7  
К 392

В монографии на основе большого количества впервые вовлекаемых в научный оборот источников рассматриваются военно-стратегические, дипломатические, экономические и политические аспекты истории Карелии 1920—1941 гг. в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Монография предназначена для преподавателей вузов, учителей школ, аспирантов, студентов, всех интересующихся историей Карелии.

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Петрозаводского государственного университета

Рецензенты:

А. Лайне,

*доктор философии, университет Йозенсуу, Финляндия*

А. И. Рупасов,

*кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник СП(б)ФИРИ РАН*

Автор признателен за финансовую поддержку  
исследовательской работы в архивах России и Финляндии  
фонду Корделина (Alfred Kordelinin yleinen edistys ja sivistysrahasto, Финляндия),  
администрации Петрозаводского государственного университета,  
Совету Министров Северных стран (Nordic Council of Ministers)

К  $\frac{0503000000}{Д 26(03)—99}$  152—98

ISBN 5-8021-0033-8

© Килин Ю. М., 1999

© Издательство Петрозаводского  
государственного университета,  
оригинал-макет, 1999



# ОГЛАВЛЕНИЕ

## ВВЕДЕНИЕ 7–15

### **Глава 1. ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМИИ 16–103**

- 1.1. Карельский вопрос в XIX – начале XX в. ....16
- 1.2. Революция и гражданская война .....23
- 1.3. Карельская Трудовая Коммуна .....39
- 1.4. "Каравантюра" или карельское восстание? ....55
- 1.5. Слово переходит к дипломатам .....73
- 1.6. От Карельской Трудовой Коммуны к КАССР ....77

### **Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАССР В 1920–1930-е гг.: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 104–165**

- 2.1. Стратегия и экономика: два варианта хозяйственного развития КАССР .....104
- 2.2. Восточная Карелия в военных планах командования финляндской армии в 1930-е гг. ....117
- 2.3. Беломорско-Балтийский канал как фактор стратегии .....122

2.4. Экономическое развитие Карелии: основные проблемы .....	128
2.5. Первая финнизация Карелии .....	139
2.6. Конец эпохи «красных» финнов .....	145

### **Глава 3. КАРЕЛИЯ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 гг. 166–215**

3.1. Подготовка в КАССР к войне с Финляндией ..	166
3.2. Сосредоточение войск и оперативные планы ..	175
3.3. Боевые действия в полосе 9-й армии .....	181
3.4. Боевые действия в Приладожье – операции 8-й и 15-й армий .....	187
3.5. «Народная демократия» для Финляндии .....	195
3.6. «Бюро К» Ставки финляндской армии .....	199

### **Глава 4. КАРЕЛИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ (МАРТ 1940 – ИЮНЬ 1941 г.) 216–243**

4.1. Преобразование Карельской АССР в союзную республику .....	216
4.2. Вторая финнизация Карелии .....	221
4.3. Заселение и освоение новых территорий ....	228
4.4. Военное строительство в КФССР .....	233

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ 244–250**

### **SUMMARY 251–255**

### **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 256–270**

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 271–272**

### **УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 273–275**

## ВВЕДЕНИЕ

История советской Карелии довоенного периода дает уникальную возможность проанализировать особенности региональной политики центрального руководства СССР в 1920—1930-е гг. на примере пограничной автономной республики. Процессы, происходившие в Карелии, имевшей протяженную границу с западным государством, Финляндией, обладали определенной спецификой. Приграничное положение Карелии, ее менявшаяся роль в планах будущей войны на западной границе СССР, составлявших в предвоенное двадцатилетие, наложили глубокий отпечаток не только на особенности политического и социально-экономического развития края того времени, но и во многом определили современные проблемы Республики Карелия.

История советской Карелии довоенного периода, с 1920 по июнь 1941 г., до настоящего времени изучена недостаточно. Немногие имеющиеся обобщающие труды<sup>1</sup> несут отпечаток своего времени, отличаясь, наряду с идеологической заданностью, незначительным использованием архивных материалов, и, соответственно, создают поверхностную и фрагментарную реконструкцию прошлого, абстрагируясь от целого ряда принципиально важных для понимания происходившего проблем. Не в последнюю очередь это объяснялось состоянием историографии: выборочностью тем исследований, среди которых разрабатывались посвященные преимущественно изучению революционных событий, а также гражданской войны<sup>2</sup>.

К положительным чертам научных трудов, изданных по этим темам в 1950—1980-е гг., следует отнести то, что в них был представлен более широкий выбор сюжетов в сравнении с предвоенной историографией, стали активнее использоваться исследования зарубежных авторов<sup>3</sup>, полнее отражалась событийность. В то же время социальный заказ, ограниченность доступа к некоторым видам источников, концептуальная заданность и цензура обездвигивали мысль и во многих случаях лишали исследователей возможности формулировать самостоятельные выводы. Одним из наиболее устойчивых стереотипов, сложившихся в отмеченный период, был тезис о единстве и сплоченности антибольшевистских сил, действовавших

в Карелии и в целом на севере России в 1918—1920 гг., отвергнутый сравнительно недавно<sup>4</sup>.

В трудах советских исследователей до начала 1990-х гг. весьма поверхностно и предвзято освещалась история карельского национального движения: не рассматривался вопрос о его неоднородности, переоценивалась степень финского влияния<sup>5</sup>. Наибольший вклад в изучение карельского вопроса, политики Финляндии в отношении Восточной Карелии, деятельности финляндских активистов по обе стороны границы, карельского национального движения внесли зарубежные ученые. Следует прежде всего выделить классические работы М. Яаскеляйна, С. Черчилля, Т. Нюгорда, Й. Вахтола<sup>6</sup>, основывающиеся на широком комплексе архивных источников и создающие объективную реконструкцию прошлого.

Проблемы зарождения карелианизма и активизма, различные этапы попыток присоединения Восточной (русской) Карелии к Финляндии, рассматриваемые в широком контексте европейской политики, подвергнуты анализу в труде М. Яаскеляйна. Исследователь приходит к выводу о том, что к началу XX в. идеи родства финнов и карелов и неестественности границ, разделявших эти близкие народы, глубоко укоренились в сознании значительной части граждан Великого княжества Финляндского, став после начала революционных событий в России действенным политическим фактором и движущей силой аннексионистской политики не только активистов, но и правительства Финляндии<sup>7</sup>.

Зарождение идеи предоставления Восточной Карелии автономного статуса, которая получила широкое распространение среди карелов еще до октября 1917 г., и попытки ее реализации в 1917—1922 гг. как со стороны Финляндии, так и советской России подробно освещены в монографии С. Черчилля. В исследовательском плане наибольший интерес представляют сюжеты, связанные с формированием карельского национального движения с присущими ему противоречиями. В монографии рассмотрен большой круг других вопросов: движение за независимость Восточной Карелии, разногласия в стане антибольшевистских сил, роль финнов-эмигрантов в создании Карельской Трудовой Коммуны в июне 1920 г. и другие<sup>8</sup>.

Главным выводом основательной монографии Й. Вахтола, в которой рассматривается агрессивная политика белой Финляндии в отношении Восточной Карелии в 1918 г., является хорошо обоснованный тезис о нежелании местного карельского населения присоединиться к Финляндии (основная цель вооруженных экспедиций, предпринятых активистами), что стало основной причиной, не позволившей решить эту задачу<sup>9</sup>.

В советской историографии, в том числе довоенной, довольно подробно освещена проблематика, связанная с карельским восстанием зимой 1921—1922 гг., которое до начала 1990-х гг. характеризовалось как «каравантюра». Авторы монографий единодушно констатировали, что восстание было инспирировано финляндскими активистами и вызывалось исключительно внешними причинами, а основной движущей силой его были белофинны<sup>10</sup>. Последнее убеждение разделяется отдельными авторами и в настоящее время<sup>11</sup>.

Новые подходы в изучении этой темы были сформулированы отечественными исследователями сравнительно недавно. По мнению К. В. Гусева, причинами



мятежа были тяжелая экономическая ситуация в автономной области и массовый голод, а события зимы 1921—1922 гг. в Карелии следует характеризовать как крестьянское восстание, стоящее в одном ряду с аналогичными выступлениями в других районах страны<sup>12</sup>. А. А. Левкоев в качестве причин, вызвавших восстание, называет недостаточность автономных прав Карельской Трудовой Коммуны<sup>13</sup>, ошибочную национальную политику<sup>14</sup>, а также указывает на положительное воздействие от выступления в Карелии на предоставление области дополнительных прав<sup>15</sup>.

А. А. Левкоев внес значительный вклад в изучение проблем становления карельской автономии, национальной политики «красных» финнов, занимавших руководящие посты в Карелии в 1920—1935 гг.<sup>16</sup> Кандидатская диссертация и научные статьи этого исследователя опираются в первую очередь на прежде неизученные финноязычные материалы фонда Северо-Западного бюро РКП(б), хранящиеся в ЦГАИПД, (бывшем архиве Ленинградского обкома КПСС), а также на материалы архивов Республики Карелия.

А. А. Левкоев первым из отечественных исследователей показал решающую роль «красных» финнов в создании карельской автономии, охарактеризовал замысел автора проекта КТК Э. Гюллинга, в соответствии с которым Коммуна должна была стать своего рода социалистической альтернативой буржуазному финляндскому государству<sup>17</sup>. Им проанализированы взгляды и состав противников карельской автономии — властей Олонецкой губернии, видевших в КТК временное образование, а также представителей «русско-карельской оппозиции», один из лидеров которой В. М. Куджиев отказывал карелам в праве на национальное самоопределение<sup>18</sup>. Следует отметить, что внешнеполитические аспекты проблемы создания карельской автономии, имевшие определяющее значение, не получили отражения в работах этого исследователя.

В 1994 г. приступил к исследованию политической истории Карелии периода «красных» финнов (1920—1935 гг.) исследователь университета г. Йоэнсуу М. Кангаспуру, защитивший лицензиатскую работу и опубликовавший ряд научных статей по этой теме<sup>19</sup>. Изучение материалов архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и Финляндии позволило исследователю сформулировать ряд выводов, значительно отличающихся от общепринятых как в России, так и в Финляндии. В первую очередь следует упомянуть предложенный автором тезис о стремлении «красного» финна Э. Гюллинга, возглавлявшего правительство КАССР, к государственному отделению Карелии от СССР — путем включения ее в «Великую красную Финляндию» и ориентирования в культурном отношении на Запад<sup>20</sup>.

С начала 1990-х гг. на волне общественного интереса к теме сталинских репрессий и либерализации доступа к некоторым архивным материалам стали появляться работы об использовании труда заключенных Беломорско-Балтийского комбината, оставленных осваивать природные богатства Карелии после завершения строительства Беломорско-Балтийского канала<sup>21</sup>.

Первая волна репрессий в Карелии, жертвами которой стали несколько сот человек по делу о «заговоре финского генштаба», недавно освещена в статье, основывающейся на материалах архива УФСБ по Республике Карелия<sup>22</sup>.

Тема репрессий, проводившихся в КАССР в 1937—1938 гг., наиболее подробно изучалась И. Р. Такала<sup>23</sup>, определившей на основе архивных данных количество арестованных и осужденных внесудебными органами в 1937—1938 гг. В соответствии с этими данными острее репрессий было направлено против немногочисленного финского населения Карелии<sup>24</sup>. Из общего числа арестованных и осужденных в 1937—1938 гг. финны, численность которых в середине 1930-х гг. немного превышала 3% от населения КАССР, составили 40% всех репрессированных (карелы 27%, русские 25%)<sup>25</sup>.

И. Р. Такала внесла, помимо этого, вклад в изучение истории финского населения Карелии в предвоенный период<sup>26</sup>. Согласно ее подсчетам, к середине 1930-х гг. общая численность финнов, проживавших в КАССР, достигла примерно 15 тыс. человек<sup>27</sup>, что позволяет сделать вывод об ограниченном характере миграционной политики «красных» финнов, имевшей целью увеличение национального населения автономной республики, чему противодействовали представители ОГПУ—НКВД<sup>28</sup>.

Наибольший вклад в исследование процессов развития культуры в Карелии внесла А. И. Афанасьева. В ее монографии подробно разработаны проблемы культурных преобразований в республике: развитие системы народного образования, формирование национальной интеллигенции, языковая политика карельских властей на разных этапах<sup>29</sup>. Проблемы демографии, изученные по материалам переписей населения, рассмотрены в монографии И. П. Покровской<sup>30</sup>.

В последнее время появились исследования, опирающиеся на новые архивные материалы, в которых рассматриваются проблемы экономического развития Карелии в довоенный период: осуществление коллективизации и развитие сельского хозяйства<sup>31</sup>, а также функционирование ключевой отрасли автономной республики — лесной<sup>32</sup>.

Различным аспектам истории Карелии довоенного периода в последнее время уделялось значительное внимание зарубежных исследователей, в первую очередь финляндских<sup>33</sup>.

В отечественной историографии советско-финляндской войны на долгое время закрепился ряд стереотипов: на переговорах в Москве советское руководство стремилось к достижению компромисса, желая избежать войны<sup>34</sup>; в ходе войны решалась ограниченная задача обеспечения безопасности Ленинграда, северо-западных рубежей СССР и Кировской железной дороги; Финляндия представляла собой плацдарм для нападения третьих стран на СССР, которые использовали зимнюю войну для организации «крестового похода» капиталистических стран против страны Советов<sup>35</sup>; непосредственная подготовка к ведению боевых действий велась с лета—осени 1939 г. лишь силами ЛВО и была недостаточной как по масштабам, так и по срокам. Используемые нами материалы РГВА позволяют высказать серьезные сомнения в обоснованности этих позиций.

Из большого количества публикаций отечественных исследователей зимней войне в интересующем нас аспекте следует выделить работы сотрудника РГВА П. А. Аптекаря, автора ряда статей, в которых на основе новых источников достоверно рассматриваются операции 8-й и 9-й армий начального периода войны, действовавших с территории Карелии<sup>36</sup>.

Историография зимней войны в Финляндии весьма обширна, однако она имеет определенные пробелы с точки зрения интересующей нас темы. С одной стороны, до недавнего времени были недоступны многие документы российских архивов и до начала 1990-х гг. историки в основном опирались на материалы финляндских архивохранилищ; с другой — деликатность темы в свете особых отношений между СССР и Финляндией после 1944 г. сделала неизбежным появление известных фигур умолчания. Наибольшее их число так или иначе связано с «карельским вопросом» — притязаниями определенных кругов в Финляндии на Восточную Карелию, приблизительно совпадавшую с административными границами Карельской АССР, и попытками реализации этих планов в ходе зимней войны. Часть этой проблематики впервые освещена в данной работе.

Следует выделить ряд вопросов, по разным причинам обойденных вниманием исследователей и освещаемых в настоящем исследовании: военное планирование в ЛВО в 1920—1930-е гг.; создание военной инфраструктуры на северо-западе страны и, в частности, в Карелии; место этого региона в планах военно-политического руководства СССР, подготовки к войне с Финляндией.

В данном исследовании широко использованы материалы ряда отечественных и зарубежных архивов. Так, в документах, хранящихся в Военном архиве Финляндии, содержатся сведения о предвоенных планах командования финской армии в отношении Восточной Карелии. (Основательная монография по этой теме принадлежит генералу в отставке Реймо Аримо<sup>37</sup>, в исследовании которого, однако, опущены некоторые весьма существенные детали.) Следует особо отметить, что в настоящей работе мы используем лишь варианты оперативных планов финляндской армии, в соответствии с которыми войска действовали в случае войны.

Рассекреченные в 1989 г. материалы разведотдела Генерального штаба финской армии дают представление об уровне информированности финляндских военных о политико-экономическом положении в Карельской АССР и его влиянии на особенности планирования военных операций, концентрации в Карелии частей РККА накануне войны.

Документы Валпо (Государственной полиции Финляндии), хранящиеся в Национальном архиве, содержат достаточно полный набор сведений о состоянии экономики Карелии, политических процессах, происходивших в республике в 1920—1930-е гг., и дают представление о тех материалах, на основании которых в Финляндии принимались решения и выработывалась политика в отношении СССР. Основным источником этих сведений были допросы выехавших и бежавших из СССР людей, в большинстве своем карелов, финнов и ингерманландцев. Постоянное перемещение через границу больших масс людей, владевших русским и финским языками, особенно в 1920-х и начале 1930-х гг., создавало самые благоприятные возможности для разведслужб обеих стран в получении информации и вербовке агентов\*.

Привлечены также материалы ряда отечественных архивов. Военная проблематика освещается на основе документов, хранящихся в РГВА, которые относятся

\* Только 1-й пограничный отряд с 1929 по 1939 г. задержал 1674 нарушителя границы: *Иноземцев А., Никошенко И.* Очерки по истории пограничных войск в Карелии. Петрозаводск, 1944. С. 14.

к периоду военных действий (30 ноября 1939 — 13 марта 1940 г.). В исследовании использованы материалы Ставки Главного Военного Совета (ГВС), Генерального штаба РККА, управлений армий, а также корпусов и дивизий, в разное время участвовавших в боевых действиях. Документы представлены боевыми приказами, приказаниями и распоряжениями штабов и военных советов армий, вариантами планов операций войск, журналами, отчетами и описаниями боевых действий армий, корпусов и дивизий за период войны. В сочетании с документами управления Ленинградского военного округа за 1920—1941 гг., управлений Генерального штаба РККА и ряда других фондов РГВА источники достаточно полно характеризуют военную сторону рассматриваемой темы.

Особый интерес представляют находящиеся в архиве внешней политики Российской Федерации материалы референтуры НКВД по Финляндии и Карелии, фондов народных комиссаров иностранных дел Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова, В. М. Молотова и их заместителей. Они дают возможность проследить сложные перипетии попыток решения карельского вопроса в первой половине 1920-х гг., а также определить место, которое занимала Карелия в системе советско-финляндских отношений в последующий период. Конфиденциальная переписка отдела Прибалтики и Польши НКВД, а затем Западного отдела, с полномочными представителями СССР в Финляндии позволяет довольно подробно охарактеризовать различные подходы внешнеполитического ведомства Советского Союза к решению карельского вопроса. Ценность этих источников, рассекреченных в начале 1990-х гг., заключается в том, что участниками переписки являлись полпреды СССР в Финляндии и курировавшие эту страну руководители НКВД, что во многих случаях позволяет достоверно реконструировать процесс принятия решений, имеющих важное значение для раскрытия темы.

Несмотря на то, что значительная часть документов, относящихся к истории Карелии в период, непосредственно предшествовавший советско-финляндской войне, была изъята из архивов республики специальной экспедицией, прибывшей из Москвы\*, в НА РК и бывшем партийном архиве Карельского обкома КПСС (ныне ГАОПДФ Республики Карелия) сохранился значительный массив материалов, имеющих непосредственное отношение к теме.

Упомянутое изъятие не коснулось материалов, относящихся к короткому межвоенному периоду — с марта 1940 по июнь 1941 г. Это позволило довольно подробно осветить мероприятия, намеченные руководством СССР после заключения Московского мира: создание Карело-Финской ССР, вторую финнизацию Карелии, освоение и экономическую эксплуатацию новых районов\*\*, военное строительство на территории республики накануне Великой Отечественной войны.

Материалы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург) дают представление о месте Карелии в военном планировании командования РККА и ВМС в период после завершения гражданской войны до ноября 1939 г., строительстве здесь военно-гражданской инфраструктуры, значении

\* Свидетельство архивиста НА РК В. А. Рунова.

\*\* Так, в переписке государственных и партийных органов КФСР в период с марта 1940 по июль 1941 г. называли территорию, отошедшую от Финляндии к СССР по условиям Московского мирного договора, большая часть которой была передана КФСР.



северо-западного направления в военном планировании. Часть использованных документов хранится в архиве УФСБ по Республике Карелия, бывшем архиве Ленинградского обкома КПСС (ныне ЦГАИПД), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

В целом замысел автора сводится к тому, чтобы на основе новых, ставших недавно доступными, архивных материалов и имеющейся литературы осветить избранную тему, учитывая взаимосвязь и взаимовлияние военно-стратегических, дипломатических, экономических, политических аспектов. Суть предложенной концепции заключается в том, что политика советского государства в отношении Карелии была обусловлена военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами, а ее специфика в конкретные периоды определялась характером отношений с Финляндией.

В исследовании использован ряд материалов, находящихся на особом режиме хранения. В соответствии с действующим законодательством ссылки на них не даются.

---

<sup>1</sup> Очерки истории Карелии: В 2 т. Петрозаводск, 1964; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

<sup>2</sup> Шумилов М. И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти. 1917—1918. Петрозаводск, 1957; Он же. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; Он же. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. Петрозаводск, 1992; Фалинов Ю. Н. Восстановление Советской власти в северо-западных волостях Карелии во второй половине 1920 — начале 1921 г. // Вопросы истории КПСС: Сб. ст. Петрозаводск, 1967. С. 12—19; Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948; Машезерский В. И. Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1953; Он же. Установление Советской власти в Карелии (1917—1918). Петрозаводск, 1957; Он же. Из истории борьбы трудящихся Карелии за самоопределение // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 4—28; Он же. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978; Морозов К. А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Петрозаводск, 1961.

<sup>3</sup> Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975.

<sup>4</sup> См., например: Мусаев В. И. Белофинская авантюра в Карелии весной—летом 1919 г. и ее ликвидация // Европейский Север. История и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1990. С. 48—49.

<sup>5</sup> Машезерский В. И. Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1953.

<sup>6</sup> Jäskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918—1920. Helsinki, 1961; Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo, 1970; Nygerd T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1978; Idem. Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922. Studia historica jyvässkylänsia 19. Jyväskylä, 1980; Vahtola J. Östkarelen i finländsk politik 1917—1945 / Oulun yliopisto. Historian laitos. Eripainossarja. N:o 233. Oulu, 1990; Idem. «Suomi suureksi —

Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.

<sup>7</sup> *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. S. 21—66.

<sup>8</sup> *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922.

<sup>9</sup> *Vahtola J.* «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». S. 108.

<sup>10</sup> *Гардин Е. С.* Разгром белофинской авантюры (1921—1922 гг.). Петрозаводск, 1947; *Хесин С. С.* Разгром белофинской интервенции в Карелии в 1921—1922 гг. М., 1949; *Самойло А. А., Сбойчаков М. И.* Поучительный урок: (Боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.) М., 1962; *Соколов-Страхов К. И.* Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Л., 1927.

<sup>11</sup> *Барышиников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 80.

<sup>12</sup> *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа. (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—83.

<sup>13</sup> *Levkojev A.* Lisiä teemaan «Gylling ja Itä-Karjala» // Karjalan heimo. 1994. № 7-8. S. 112.

<sup>14</sup> *Левкоев А. А.* Национальная политика в Советской Карелии (1920—1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 13.

<sup>15</sup> *Levkojev A.* Vieran Karjalan kapinan v. 1921—1922 vaikutus Karjalan autonomian kehitysprosessiin // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 127—134

<sup>16</sup> *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918—1923 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 24—50; Он же. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства советской Карелии в 1920-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940 годы). Сыктывкар, 1996. С. 23—28; Он же. Д. В. Бубрих и полемика вокруг создания карельской письменности на рубеже 1920—1930-х гг. // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Вып. II. Петрозаводск, 1996. С. 181—186; *Levkojev A.* Neuvostoliiton Kommunistisen puolueen keskuskomitean Luoteisbyroo ja Karjalan autonomia vuosina 1921—1927 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 41—50.

<sup>17</sup> *Левкоев А. А.* Национальная политика в Советской Карелии. С. 10—11.

<sup>18</sup> Там же. С. 11—12.

<sup>19</sup> *Кангаспуро М.* Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20—30-х годах // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940 годы). Сыктывкар, 1996. С. 29—39; Он же. Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11—12. С. 115—127; Он же. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123—160; *Kangaspuro M.* «Ison vihan» tausta Karjalassa. Vuoden 1933 puoluepuhdistus ei etene Karjalassa toivotulla tavalla // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 133—149; Idem. Nationalities Policy and Power in the 1920s and 1930s // Communism National & International. Tauno Saarela and Kimmo Rentola (ed.). Helsinki, 1998. P. 119—138.

<sup>20</sup> *Кангаспуро М.* Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11—12. С. 117.

<sup>21</sup> *Чухин И.* Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990; *Макуров В. Г.* Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135—159; *Чухин И.* Карелия—37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

<sup>22</sup> Репухова О. Ю. Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Вып. II. Петрозаводск, 1996. С. 85—99.

<sup>23</sup> Такала И. Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (далее — ВИЕС). Петрозаводск, 1991. С. 92—104; Она же. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // ВИЕС. Петрозаводск, 1993. С. 111—128.

<sup>24</sup> Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 196.

<sup>25</sup> Там же. С. 199.

<sup>26</sup> Такала И. Р. В поисках Эльдorado: Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 91—110; Она же. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 150—175; *Takala I. Loikkareiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994. S. 173—180.*

<sup>27</sup> Такала И. Р. Репрессивная политика... С. 115.

<sup>28</sup> *Takala I. Eldoradoa etsimässä // Carelia. 1993. № 3. S. 14.*

<sup>29</sup> Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928—1940. Петрозаводск, 1989; Она же. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии // ВИЕС. Петрозаводск, 1987. С. 49—66.

<sup>30</sup> Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

<sup>31</sup> Никитина О. А. Роль центральных и местных органов власти Карельской АССР в проведении раскулачивания (1930—1931 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 50—68; Она же. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997.

<sup>32</sup> *Autio S. Metsätalous Karjalan talouden runkona 1920-luvulla // Kansallisuus ja valtio- Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 101—114.*

<sup>33</sup> Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207—222; *Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920—1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 15—41; Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 223—250.*

<sup>34</sup> Донгаров А. Г. Представлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 43; Он же. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 35; *Ващенко П. Ф. Если бы Финляндия и СССР... // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 28.*

<sup>35</sup> Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 41.

<sup>36</sup> *Aptekar P. 8. Armeijan toiminta Neuvostoliiton — Suomen sodan alkuvaiheessa // Sotahistoriallinen aikakauskirja. 1995. № 14. S. 95—105; Дудорова О., Аптекарь П. Преданные и забытые // Родина. 1995. № 12. С. 88—91.*

<sup>37</sup> *Arimo R. Suomen puolustus suunnitelmat 1918—1939. Helsinki, 1986—1987. 3 osaa.*

## *Глава 1*

# ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АВТНОМИИ

## 1.1. КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавшая за ним гражданская война повлекли за собой значительные изменения в геополитическом положении России, складывавшемся на протяжении столетий. Особенно опасной была, по мнению большевиков, новая стратегическая ситуация на севере и северо-западе бывшей империи. Обретение Финляндией и прибалтийскими государствами независимости, с точки зрения военного и политического руководства советской России, означало разрушение складывавшейся веками системы безопасности северо-западных рубежей страны, ставило под угрозу крупнейший центр военной промышленности, «колыбель революции» — Петроград, а также транспортные артерии, связывавшие страну с Западной Европой\*.

С точки зрения стратегии, в период первой мировой войны Карелия представляла собой транспортный коридор, связывавший центральные районы страны с незамерзающими заливами Кольского полуострова, через который осуществлялись жизненно важные для страны поставки оружия, военных материалов и снаряжения. Царская Россия, военная экономика которой накануне войны была крайне слаба<sup>1</sup>, могла вести боевые действия на западном фронте и Кавказе какое-то продолжительное время лишь при условии получения помощи от своих более развитых в индустриальном отношении союзников, в первую очередь Великобритании.

Построенная в годы войны железная дорога, связавшая Петроград с Мурманском, по которой осуществлялась значительная часть военных поставок, в корне изменила стратегическое значение Карелии — во всех отношениях отсталой окраины царской России. Война заставила также вспомнить о прежних стратегических расчетах, в которых Карелии отводилась весьма важная роль. Еще в конце XIX — начале XX в. выяснилось, что территориальные приобретения царизма на

---

\* Это обстоятельство отмечает и финляндский исследователь Ю. Паасивирта. *Paasivirta J. Finland and Europe. The early years of independence 1917—1939. Helsinki, 1988. P. 158—159.*



Балтике имели сомнительную ценность с точки зрения морского сообщения с союзниками.

После поражения в войне с Японией были сформулированы перспективные стратегические идеи, призванные улучшить геополитическое положение России: обеспечить «неконтролируемый выход»\* в Мировой океан, используя незамерзающие порты на Кольском полуострове, где предполагалось построить мощную военно-морскую базу\*\* (ВМБ) для действий в Атлантике против германского флота; создать прямую морскую транспортную связь между Балтийским и Белым морями по Беломорско-Балтийскому водному пути (ББВП), далее по Северному морскому пути — с Тихим океаном, для переброски боевых кораблей на случай войны с Японией. Одновременно обеспечивалась бы дополнительная транспортная магистраль для вывоза сибирского хлеба в центральные районы страны.

Несмотря на то, что реализация указанных идей обеспечивала бы активное участие России в мировой политике в случае блокады Германией выходов в Балтийское море и Мировой океан и была жизненно важной для страны, осуществление их затягивалось вследствие противоборства, условно говоря, «азиатской» и «европейской» группировок в военном и политическом руководстве царской России.

Первую группировку манили перспективы расширения влияния и упрочения положения России на Дальнем Востоке, что повлекло за собой перераспределение государственных средств в пользу азиатской части страны и приостановило начало осуществления стратегических проектов на северо-западе государства, в частности, были отложены строительство военно-морской базы на Кольском полуострове<sup>2</sup>, железной дороги и сооружение ББВП.

К строительству железной дороги Петроград — Мурманск, к которому живой интерес проявляла Великобритания, правительство России заставило приступить лишь начало первой мировой войны<sup>3</sup>. Дорога была построена в короткие сроки, с массой недоделок и не справлялась с перевозкой военных грузов, складировавшихся в большом количестве в районе Мурманска вдоль железной дороги. Кроме того, ее низкая пропускная способность лимитировала объемы экспорта леса и лесоматериалов в Великобританию, ограничивая финансовые возможности царского правительства<sup>4</sup>.

Сооружение железной дороги, значительная часть которой проходила по территории Карелии, позволяла самодержавию достичь двух взаимосвязанных целей. Первая — обеспечение импортных поставок для армии и военной промышленности, а вторая — создание в Карелии, особенно в ее северной части, Беломорской Карелии\*\*\*, условий противодействия финскому влиянию. В начале XX в. по-

\* Термин, использовавшийся в тот период офицерами флота.

\*\* К строительству баз на Кольском полуострове приступили летом 1916 г. Телеграмма 12. 7. 1917 из Петрограда. НА РК, ф. 1576, оп. 1, д. 17/99, л. 1.

\*\*\* Перевод с финского языка: *Vienap Karjala* — населенные карелами волости Кемского уезда Архангельской губернии. Второе название этой части Карелии — Архангельская или Кемская Карелия. Олонецкую Карелию (*Aunuksen Karjala*) составляли населенные карелами волости Олонецкой губернии, язык которых значительно отличался от языка карелов, проживавших в Беломорской Карелии. Иногда выделяют еще и среднюю Карелию, в кото-

следнее расценивалось центральными властями как весьма опасное явление в свете усиливавшихся в Великом княжестве Финляндском настроений в пользу независимости и выхода из состава империи.

В южной, так называемой Олонеккой, Карелии к началу XX в. длительное соседство двух народов — русских и карелов — привело к значительному их сближению, что наиболее наглядно отразилось на языке местных карелов. Видную роль в этом процессе играла православная церковь, с 1860-х гг. отвечавшая за народное образование в России, осуществлявшееся через сеть приходских школ<sup>5</sup>. (Почти все карелы, населявшие Олонеккую губернию (99%), проживали в западной ее половине — в Олонекком, Петрозаводском и Повенецком уездах<sup>6</sup>.)

Ситуация на севере была совершенно иной. Влияние финнов в Беломорской Карелии на рубеже XIX—XX вв. было весьма значительным, чему в немалой степени способствовала языковая близость — язык ухтинских карелов, например, был ближе к литературному финскому языку, чем язык населения некоторых районов собственно Финляндии. Кроме того, население Беломорской Карелии вело активную мелкую торговлю с приграничными местностями Финляндии<sup>7</sup> и испытывало сильное влияние финской культуры. Такое положение складывалось на протяжении столетий<sup>8</sup>, а в начале XX в. интенсивность контактов резко возросла.

В 1809 г., после завершения последней русско-шведской войны, Финляндия вошла в состав Российской империи, что означало фактическое открытие границы между Восточной Карелией\* (российской) и Великим княжеством. Стена, разделявшая родственные народы\*\*, однако, не была совершенно непроницаемой, и до 1809 г. предприимчивые карелы-коробейники вели нелегальную торговлю в прилегающих местностях Финляндии на всем протяжении границы от Кемского до Олонеккого уезда, несмотря на запреты властей<sup>9</sup>.

После присоединения Финляндии масштабы коробейничества значительно увеличились. По свидетельству Э. Лённрота, только из Вокнаволоцкой волости осенью 1833 г. должны были отправиться в Финляндию 400 торговцев<sup>10</sup>. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. стоимость доставленных в Великое княжество карельскими коробейниками товаров равнялась примерно половине официального экспорта России в эту страну<sup>11</sup>. В 1872 г. из Беломорской Карелии в Финляндию прибыли 1229 и из Олонеккой Карелии — 200—300 коробейников, имевших разрешение на торговлю (по некоторым оценкам, в действительности число коробейников было в 2 раза больше)<sup>12</sup>. В 1907 г. коробейничество достигло пика — 2 тыс. человек<sup>13</sup>.

---

рую включают прилегающие друг к другу местности двух вышеупомянутых. Основным критерием выделения двух или трех основных районов Карелии являлись языковые различия между населявшими их карелами. На территории Финляндии до 1940 г. находилась так называемая Ладжская Карелия (Laatokan Karjala). Кроме того, карелы проживали на примыкающей к границе территории Финляндии к северу от Ладоги.

\* Перевод с финского: *Iitä-Karjala* — широко использовавшийся в Финляндии термин для обозначения населенных карелами местностей, примыкавших к границе с Великим княжеством. В названии отражено противопоставление финляндской Карелии — Западной и российской Карелии — Восточной.

\*\* Это выражение принадлежит финскому историку М. Яаскеляйнену.

Из Финляндии в Карелию первыми отправились ученые и собиратели народной поэзии, вскоре оценившие те сокровища, которые сохранились в устной традиции карелов, прежде всего в Беломорской Карелии. Уже в 1822 г. С. Топелиус-старший, записывавший от торговцев-карелов руны, наиболее ценная часть которых происходила из Беломорской Карелии<sup>14</sup>, опубликовал первый сборник народной поэзии, проложив дорогу самому известному собирателю рун Элиасу Лённроту — составителю эпоса «Калевала», который совершил первую поездку в Беломорскую Карелию в 1832 г. Изданный им в 1835 г. эпос способствовал не только формированию национального сознания финнов, но и стал самым убедительным доказательством родства двух народов — финнов и карелов.

До конца 1830-х гг. идея родства не получила широкого распространения в Финляндии, однако уже тогда были сформулированы положения, которые впоследствии обрели политическое звучание. В апреле 1836 г. в своей статье, опубликованной в журнале «*Mehiläinen*» («Пчела»), Э. Лённрот высказал убеждение, что на территории, которая ограничивалась Финским заливом, Ладожским озером, Свирью, Олонцом, Онежским озером, Онежским заливом Белого моря и Лапландией, расселялись финские племена<sup>15</sup>.

Дальше своих современников пошел представитель Турусской романтической школы Э. К. Эрстрём, надевшийся на присоединение к Финляндии родственных финнам карелов<sup>16</sup>, так же как это произошло в 1811 г., когда Александр I передал Великому княжеству Финляндскому территорию Ладожской Карелии.

С середины 1840-х гг., благодаря усилиям фенноманов, считавших, что национальность и язык составляют неразрывное целое, идея родства финнов и карелов стала постепенно утверждаться в общественном мнении страны, по крайней мере, среди образованной части населения Финляндии. В 1845 г., после публикации в немецкой газете «*Ausland*» статьи о стремлении фенноманов развивать национальное самосознание говорящего на финском языке населения севера России, на их деятельность впервые было обращено внимание официальных властей империи.

В 1850 г., в связи с широким революционным брожением, охватившим Европу несколькими годами раньше, самодержавие ввело в Финляндии цензуру и через два года распустило студенческие землячества, члены которых наиболее активно пропагандировали идею пробуждения национального самосознания у родственных народов по ту сторону границы. Одной из причин, вызвавших этот шаг, были популярные в студенческих землячествах планы присоединения к Финляндии родственных народов и образования отдельного государства<sup>17</sup>.

В середине XIX в. была впервые отчетливо сформулирована идея, которая почти 90 лет\* владела умами многих людей в Финляндии. В 1855 г., во время Крымской войны, перебравшийся в Швецию уроженец Финляндии поэт Эмиль фон Квантен издал под псевдонимом брошюру (*lentokirje*) «Фенномания и скандинавизм», в которой Россия была представлена как враждебная сила, угрожающая цивилизованным странам Западной Европы. Являвшийся одним из идеологов панскандинавизма, но не поддерживавший идею присоединения Финляндии к Швеции, Э. фон Квантен предложил создать государственный союз, в который входили бы

\* До осени 1944 г.

Швеция, Финляндия, а возможно, и другие страны Северной Европы. Это объединение представляло бы собой бастион против России и включало в себя входившие в ее состав территории, которые надо было завоевать. Граница при этом должна была проходить по линии Ладога—Свирь—Онежское озеро—Белое море<sup>18</sup>.

В работе Э. фон Квантена говорилось, что «до настоящего времени разделенный финский народ, наконец, соединится... русские карелы, которые по духу являются настоящими финнами... объединятся со своими братьями в Финляндии»<sup>19</sup>. Высказанная Э. фон Квантеном идея о необходимости проведения так называемой границы трех перешейков\*, которая отделяла бы страны Западной Европы от России<sup>20</sup>, намного опередила время и не скоро обрела политические и военные очертания.

В связи с запретом царским правительством студенческих землячеств в Финляндии, идеи, сформулированные в первой половине XIX в., до середины 1860-х гг. не получили широкого распространения, и лишь с 1864 г., с возобновлением деятельности землячества, объединявшего выходцев из Саво, начался новый этап. Наиболее известными представителями этого течения были члены землячества Т. Аминофф и А. Генец<sup>21</sup>.

В отличие от своих предшественников Т. Аминофф полагал, что возможности для объединения финнов и карелов в единый народ были весьма незначительны, в первую очередь из-за окончательной потери Швецией статуса великой державы. Т. Аминофф все же предложил план, в соответствии с которым у карелов, проживавших за границей, следовало пробуждать национальные чувства для того, чтобы избежать их ассимиляции русскими. Достигать этой цели надо было просветительской работой, прежде всего используя православных священников, которые бы вели богослужения по другую сторону границы на финском языке<sup>22</sup>.

Интерес, проявленный в Великом княжестве к Восточной Карелии в XIX в., не ограничивался отмеченными выше подходами, носившими по преимуществу политический характер. На исходе столетия в Финляндии сформировалось течение, получившее название карельского ренессанса, или карелианизма. Представители этого течения интересовались прежде всего духовным и культурным богатством, сохраненным карельским народом, и активно занимались его изучением<sup>23</sup>.

На рубеже XIX—XX вв. интерес финнов, в первую очередь ученых и собирателей поэзии\*\*, к Восточной Карелии достиг апогея и вскоре, в связи с начавшимися в России революционными потрясениями, приобрел политический характер.

В начале XX в., в период выборов в Думу, в Беломорской Карелии начался процесс пробуждения национального самосознания карелов, что не в последнюю очередь объяснялось влиянием, исходившим из Финляндии. В декабре 1905 г. в Кестеньге и Ухте состоялись собрания жителей, которые должны были избрать представителей для участия в выборах депутатов Думы, а также составить для них указы. Американский исследователь С. Черчилль полагает, что инициатива

\* Перешейки, соединяющие Финский залив Балтийского моря и Ладожское озеро по реке Неве, Ладожское и Онежское озера по реке Свири, а также Онежское озеро и Онежский залив Белого моря.

\*\* Значительная часть из них были финляндскими шведами.



в этом деле исходила от местных карелов, перебравшихся жить в Финляндию<sup>24</sup>. На втором собрании, состоявшемся в Ухте 14 января того же года, ухтинцы заслушали программу кадетской партии, после чего проголосовали за вступление в эту партию и образование местного партийного комитета из 35 человек. Наряду с общими демократическими требованиями жители Ухты высказали просьбу ликвидировать таможенную границу в Беломорской Карелии и ввести обучение в начальной школе на карельском языке. Последний пункт соответствовал программе кадетской партии. В начале мая петицию с этими просьбами, которую подписали три тысячи человек, вручили представителям Думы от Архангельской губернии<sup>25</sup>.

В августе 1906 г. выходцы из Беломорской Карелии основали в городе Тампере Союз беломорских карелов (Vienan karjalaisten liitto)<sup>26</sup>, который принялся осуществлять энергичную просветительскую работу по другую сторону границы на финском языке, а также наладил почтовое сообщение между Финляндией и приграничными волостями Карелии<sup>27</sup>. Союз, насчитывавший около 750 членов, в том числе около 550 финнов и примерно 200 карелов из российской Карелии<sup>28</sup>, приступил к изданию газеты «Karjalan Rakinoita» («Карельские Разговоры»), первый номер которой вышел 30 июля 1906 г.<sup>29</sup> Летом 1907 г. по решению Союза, изыскавшего средства, местные жители приступили к строительству дороги Вокнаволок — граница. В июне 1908 г. строительство было запрещено российскими властями, с самого начала с подозрением относившимися к этому проекту<sup>30</sup>.

На состоявшемся в Тампере в январе 1907 г. первом годовом собрании Союза один из его лидеров уроженец Ухты купец Павел Афанасьев (Ахава), в частности, заявил, что «...пробуждение Архангельской Карелии началось двадцать лет тому назад по почину коробейников. Но пришли весенние заморозки и всходы поникли...»<sup>31</sup>.

«Заморозки» означали те меры, которые самодержавие предпринимало для нейтрализации влияния финской культуры и лютеранства на карельское население, проживавшее по обе стороны границы. В декабре 1906 г. по инициативе главы православной церкви в Финляндии архиепископа Николая представители православного духовенства провели встречу в Ухте, на которой обсудили меры противодействия расширению финского влияния и лютеранства в Беломорской Карелии. Собрание приняло программу реформ, включавших в себя, в частности, разрешение использования карельского языка на богослужениях, а также обучение финскому языку как предмету в школах приграничных деревень, хотя основной целью реформ было укрепление религиозной связи карелов с Россией<sup>32</sup>.

В январе 1907 г. в д. Вешкелицы Олонецкой губернии провели более представительную встречу, в которой приняли участие священнослужители Финляндской и Олонецкой епархий, а также святейшего Синода. Помимо принятия программы, аналогичной одобренной в Ухте, на встрече было решено основать добровольное православное «Карельское Братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца» (ortodoksinen Karjalan veljeskunta) для проведения просветительской работы среди карельского населения Финляндии, Олонецкой и Архангельской губерний, пробуждения у населения чувства истинного православия, русской народности, любви к отечеству и верности престолу<sup>33</sup>. В 1908 г. деятельность

Братства была распространена на Беломорскую Карелию<sup>34</sup>. Кроме того, были использованы и репрессивные меры: открытые Союзом беломорских карелов школы в сентябре 1907 г. закрыли, двух членов Союза отправили в Сибирь, часть арестовали, а некоторым запретили появляться в российской Карелии. После этого деятельность Союза была почти полностью прекращена<sup>35</sup>.

Попытки Союза беломорских карелов распространить финское влияние в Карелии имели положительные последствия для постановки системы народного образования на окраине Российской империи. По инициативе официальных властей по обе стороны границы учреждались начальные школы для карельских детей, которым обещали как материальную поддержку, так и возможность трудоустройства в будущем. Между 1907 и 1916 г. количество школ в Беломорской Карелии возросло с 33 до 76, а в Олонецкой Карелии — со 152 до 190. На населенной карелами сопредельной территории Финляндии учредили 63 новые школы<sup>36</sup>. (Первая русская школа была открыта в финляндской Карелии 28 февраля 1905 г.<sup>37</sup>)

Меры эти были весьма необходимы, поскольку грамотных, например, среди карелов Олонецкой губернии было в 1897 г. только 6,2 тыс. человек, или 10,4%, из которых были обучены русской грамоте 6,1 тыс. человек. Из 59,4 тыс. карелов Олонецкой губернии лишь 23 человека имели образование выше начального<sup>38</sup>.

Внутриполитическая ситуация в Финляндии в начале XX в. и наступление так называемого «периода угнетения», связанного с попытками царизма сократить объем автономных прав Финляндии<sup>39</sup>, обусловили формирование движения, целью которого было противодействие усилению русского влияния, в том числе в Восточной Карелии\*. На состоявшемся 30. 9 — 3. 10. 1904 г. в Париже конгрессе этих политических сил помимо прочего было принято решение защищать права российских карелов. Одной из целей образованной Финской партии активного сопротивления<sup>40</sup> (*Suomen aktiivinen vastarintapuolue* — ее основал в ноябре 1904 г. К. Циллиакус)<sup>41</sup> стало «освобождение» Карелии и присоединение ее в будущем к Финляндии, хотя на первых порах это не афишировалось. В 1907 г. в программе активистов было включено требование о независимости Финляндии<sup>42</sup>.

Активисты считали необходимым присоединить Карелию к Финляндии, прежде всего, по стратегическим соображениям, сторонниками чего в особенности были егеря, представлявшие военное крыло активизма<sup>43</sup>. Во время первой мировой войны из Финляндии в Германию отправились добровольцы, где из них был сформирован егерский батальон, принявший участие в боевых действиях на стороне Германии<sup>44</sup>. В соответствии с замыслом командования германской армии участники движения должны были ослабить положение России, возглавив кампанию по саботажу, а впоследствии и восстание в Финляндии<sup>45</sup>. После завершения гражданской войны в стране вернувшиеся на родину егеря со временем заняли ведущие посты в финляндской армии.

## 1.2. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Февральская революция 1917 г. и последовавший за этим Октябрьский переворот привели к тому, что карельский вопрос постепенно приобрел международное значение, а правительство Финляндии, ставшей независимым государством в декабре 1917 г., в скором времени включило вопрос о присоединении Восточной Карелии в свою официальную политику<sup>46</sup>.

Революционные события в Петрограде стали толчком для активизации движения, стремившегося на первых порах добиться предоставления Карелии статуса автономии. 9 апреля 1917 г. в г. Тампере состоялось собрание, в котором участвовало 20 человек, принявшее решение об учреждении новой организации, получившей название Карельское просветительское общество (Karjalan sivistysseura). Общество ставило целью деятельность как в Беломорской, так и в Олонецкой Карелии<sup>47</sup>. В одной из листовок, распространенных Обществом, предлагалось, чтобы карелы, проживавшие в Восточной Карелии, приняли участие в избрании выборщиков в Учредительное собрание, которые должны были отстаивать право народов бывшей империи на внутреннее самоуправление, или автономию<sup>48</sup>.

11—12 мая 1917 г. делегация руководителей Общества отправилась в Петроград, где вручила Временному правительству и Синоду русской православной церкви петицию, в которой помимо прочего содержались просьбы о строительстве в Карелии дорог и использовании карельских наречий в церквях, школах и административных учреждениях<sup>49</sup>. Последовавшие вскоре в России события не позволили этой инициативе обрести какие-либо конкретные формы.

Впервые отчетливо о стремлении карелов к автономии было заявлено 12—14 июля 1917 г. на традиционном летнем празднике в Ухте, когда на одном из собраний было принято решение представить проект создания «карельской автономной административной области» (autonomian karjalainen hallintoalue) в Учредительное собрание<sup>50</sup>. В протоколах заседаний имелось и другое название автономии — «северо-карельская административная область» (karjalais-pohjoisen hallintoalue)<sup>51</sup>. Точных данных о том, какое число карелов представляло собрание, нет, и С. Черчилль подвергает сомнению цифру, имеющуюся в финляндской литературе, — 9 тыс. человек, указывая, впрочем, на отсутствие сомнений в том, что большинство населения отнеслось к этой инициативе положительно<sup>52</sup>.

Проанализировав административную систему, предложенную в Ухте, С. Черчилль пришел к выводу, что она ничем не напоминала систему управления в Финляндии, а представляла собой традиционную для России «пирамиду власти». На этом основании историк пришел к выводу об авторстве документа — он был составлен российскими карелами, хотя комитет, разработавший его, и был образован Карельским просветительским обществом<sup>53</sup>.

Территориально эта автономия во многом совпадала с КАССР, образованной в июле 1923 г. На западе область граничила с Финляндией, на юге граница проходила по реке Свири, на востоке включала по меньшей мере часть побережья Онежского озера с Петрозаводском и окрестностями. На северо-востоке естественной границей было Белое море, а на севере — широта Кандалакши<sup>54</sup>.

Проект автономии включал в себя изменение статуса местного языка и право использования его карелами в официальных учреждениях и школах, проведение церковной реформы (в том числе учреждение в Карелии отдельной епархии), а также земельной реформы. Крестьянам в наследуемую собственность передавалась половина земельного фонда (пашня и лес), коммунам — четверть лесной площади, в общую собственность автономии — оставшиеся земли и лес<sup>55</sup>. С. Черчилль обращает внимание на то обстоятельство, что ни правительство Финляндии, которая еще не стала независимым государством, ни большевики, еще не пришедшие к власти не оказывали влияния на решения, принятые в Ухте. Однако идея автономии Карелии не получила широкой поддержки карельского населения и зимой — весной 1918 г. была популярна лишь в Беломорской Карелии и Повенце<sup>56</sup>.

После обретения Финляндией независимости ее правительство на первых порах заняло по отношению к карельскому вопросу выжидательную позицию. Это объяснялось как сложной внутривосточной обстановкой и продолжавшейся мировой войной, так и ситуацией в Восточной Карелии, в которой началось национальное движение, не имевшее связей с официальными властями Финляндии или политическими партиями<sup>57</sup>.

Национальные устремления населения северной и южной частей Восточной Карелии довольно отчетливо различались, что впоследствии не позволило создать единого национального движения. Это обстоятельство на практике ограничивало выбор вариантов действий двумя: присоединиться к Финляндии или войти в качестве автономии в состав России. Идея создания независимой Карельской республики, популярная среди небольшой части карелов\*, была с самого начала неосуществима в силу различных причин.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавший за ним вакуум власти на местах, в том числе на Севере России, на какое-то время, как казалось, дали возможность изменить статус Карелии. В циркуляре Карельского просветительского общества от 9 февраля 1918 г., уже после начала гражданской войны в Финляндии, была высказана надежда на то, что большевистское правительство предоставит Карелии автономный статус<sup>58</sup>. 24 февраля 1918 г. в Повенце на съезде, собравшем представителей Олонецкой Карелии, делегаты высказались в поддержку автономии в составе России<sup>59</sup>. С. Черчилль, однако, отмечает, что на съезде в Повенце уполномоченные земствами карелы-делегаты одобрили проект создания автономии, принятый в Ухте, и образовали уездный исполком с целью подготовки съезда представителей всей Восточной Карелии для решения вопроса о ее государственном положении и независимости<sup>60</sup>.

В январе 1918 г. в Финляндии началась гражданская война, продолжавшаяся до начала мая 1918 г., исход которой был решен с помощью немецких войск, что вскоре придало карельскому вопросу новое измерение. Вмешиваясь в гражданскую войну в Финляндии, немцы преследовали свои цели. Генерал Э. Людендорф полагал, что целью операции немецких войск было приобретение выгодного стратегического плацдарма против России и создание опорной базы для борьбы с союзниками на Кольском полуострове<sup>61</sup>.

\* 27 января 1918 г. на состоявшемся в Ухте собрании было решено отделиться от России и образовать независимую Карельскую республику. *Jääskeläinen M. Op. cit. S. 82.*

В период подготовки к переговорам в Брест-Литовске в Финляндии впервые стали активно обсуждать карельский вопрос на уровне партий. Председатель влиятельной аграрной партии С. Алкио, а также представители старофинской партии высказались в пользу обсуждения проблемы присоединения Восточной Карелии к Финляндии на переговорах, в то время как младофинны и представители шведской партии, убежденные в преждевременности такого шага и его особой деликатности, выступили против этого предложения<sup>62</sup>.

До апреля 1918 г. в Финляндии рассматривался еще один вариант решения карельского вопроса, предложенный финляндскими активистами, — в обмен на военную помощь Швеции против России к первой должны были отойти населенные шведами острова Аландского архипелага. Финляндия, в свою очередь, компенсировала бы эту потерю приобретениями в Восточной Карелии. Впервые эта мысль была высказана еще осенью 1915 г. сторонниками независимости Финляндии, которые вели переговоры в Стокгольме, а затем снова появилась на рубеже 1917—1918 гг., но не привела к конкретным последствиям<sup>63</sup>.

С февраля 1918 г., когда в Финляндии еще продолжалась гражданская война, проблема Восточной Карелии стала решаться силой оружия. Непосредственным поводом к этому стала подготовка потерпевших поражение и бежавших в Карелию «красных» финнов к нанесению удара в тыл армии белофиннов<sup>64</sup> и стремление правительства Финляндии заручиться военной помощью карелов для отражения этой угрозы.

Свою роль сыграли и переговоры, которые вели представители Совета народных уполномоченных (правительство «красных» финнов) и большевики в феврале 1918 г.<sup>65</sup> По условиям подписанного 1 марта договора Россия признавала независимость Финляндии, которая получала выход к Баренцеву морю в районе Петсамо в обмен на стратегически важный форт Ино, расположенный недалеко от Кронштадта. В. И. Ленин пообещал финским коммунистам рассмотреть в дальнейшем возможность уступки «красной» Финляндии Восточной Карелии<sup>66</sup>, чего требовала «красная» пресса<sup>67</sup>.

Переговоры использовались «красными» финнами как сильное пропагандистское оружие, которому было необходимо найти противовес. В отданном «белым» войскам в Антреа 23 февраля приказе командующего войсками белых сил в Финляндии К. Г. Маннергейма помимо прочего говорилось: «Мы знаем цену обещаниям Ленина и достаточно сильны для того, чтобы сохранить свою независимость и защитить наших братьев в Беломорской Карелии. Мы не возьмем как подачку ту землю, которая кровными узами связана с нами, и от имени крестьянской армии, которой я имею честь командовать, клянусь, что не вложу в ножны свой меч до тех пор, пока здесь не восторжествует законный порядок, пока все крепости не будут в наших руках, пока последний солдат и хулиган Ленина не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии»<sup>68</sup>. И. Вахтола отмечает, что на этом этапе целью К. Г. Маннергейма все же не было военное решение карельского вопроса — он стремился побудить поднять восстание самих карелов для того, чтобы вернуться к этой проблеме после победоносного завершения гражданской войны в Финляндии<sup>69</sup>.

Наиболее активным сторонником организации военных экспедиций в Восточную Карелию был зачитавший войскам приказ К. Г. Маннергейма полковник Х. Игнатиус, предложивший план, в соответствии с которым немецкие войска должны были наступать на Петроград для соединения с финнами. Кроме того, Финляндия присоединяла бы к себе Восточную Карелию и приобретала бы порт на Баренцевом море<sup>70</sup>. По мнению Х. Игнатиуса, которое он высказал в 1930 г., присоединение Восточной Карелии во время гражданской войны в России принесло бы Финляндии не только стратегические, но и экономические преимущества<sup>71</sup>.

Решение о присоединении Восточной Карелии к Финляндии силой оружия было принято в начале марта 1918 г., после того как представители финских активистов и карелов из Йоэнсуу и Сортавалы побывали на приеме у исполнявшего обязанности председателя сената сенатора Х. Ренваля, представлявшего в правительстве вместе с П. Свинхувудом — главой сената (в тот период правительство страны) воинственное крыло. При этом в Финляндии рассчитывали на поддержку немецких войск<sup>72</sup>. Поскольку, исходя из своих интересов, немецкое правительство не обещало военной помощи, было решено, что Финляндия предпримет наступление в Восточной Карелии своими силами.

11 марта 1918 г. К. Г. Маннергейм одобрил план операции, представленный егерем — старшим лейтенантом К. Валлениусом. План, реализацию которого отложили на время из-за сложной ситуации на фронте под Выборгом, предусматривал одновременное наступление в направлении Олонца, Ухты и Кеми\*. Возглавляемый подполковником К. В. Мальмом отряд из Куопио, насчитывавший около 350 человек, пересек границу 21 марта, продвигаясь в направлении Кеми. После неудачных попыток 9—10 апреля занять Кемь<sup>73</sup> отряд отступил в Ухтинскую волость, где и остался до осени 1918 г.

Правительство Финляндии и ставка финляндской армии надеялись, что результатом похода Мальма будет массовое вступление в отряд местного карельского населения, которое, как ожидалось, будет активно содействовать включению Беломорской Карелии в состав Финляндии, а также направит ее правительству просьбы оказать помощь в осуществлении этого замысла<sup>74</sup>. В направленном К. В. Мальмом из занятой Ухты К. Г. Маннергейму рапорте он, однако, был вынужден признать «с чувством глубокого и горького разочарования», что карелы отнеслись к отряду «очень холодно»<sup>75</sup>. По мнению финляндского исследователя А. Ялава, в марте 1918 г. население Беломорской Карелии больше всего интересовало не ее государственная принадлежность, а то, какая из сторон — Россия или Финляндия — могла гарантировать поставки хлеба<sup>76</sup>. (Впоследствии хлеб стал основным средством достижения политических целей сторон, претендовавших на влияние в Карелии.)

Два других отряда, в состав которых входило около 1000—1300 человек, попытались предпринять наступление в направлении Кандалакши, однако уже недалеко от границы были остановлены силами «красных» финнов<sup>77</sup>. Решающие бои имели место в районе озер Толвандозеро и Соколозеро в середине апреля 1918 г.<sup>78</sup>, после чего наступавшие вынуждены были вернуться на территорию Финляндии.

\* Населенный пункт на севере Карелии.



Между тем 17—18 марта 1918 г. в Ухте был проведен съезд, принявший решение о присоединении Беломорской Карелии к Финляндии на определенных условиях, среди которых были: хозяйственная автономия, передача в распоряжение местному населению природных богатств края, предоставление большого займа для развития экономики, дарование карелам тех прав, которые имели граждане Финляндии<sup>79</sup>. Как отмечает М. Яаскеляйнен, содержание одобренных съездом решений продемонстрировало опасения принимавших их людей, что природные богатства Карелии будут служить экономическим интересам лишь Финляндии<sup>80</sup>. 29 марта в решение съезда было внесено дополнение: окончательные условия присоединения будут выработаны избранными представителями от Финляндии и Восточной Карелии<sup>81</sup>.

По мнению С. Черчилля, решения съезда свидетельствовали о намерении его участников получить больший объем автономных прав, чем в свое время стремились обеспечить сторонники автономии Карелии в составе России. Кроме того, замечает американский исследователь, стремление к присоединению Восточной Карелии к Финляндии у карелов, проживавших к востоку от государственной границы, было заметно менее выражено, чем у выходцев из Восточной Карелии, обосновавшихся по другую сторону границы<sup>82</sup>.

Северо-запад бывшей Российской империи весной 1918 г. превратился в арену противостояния разнородных сил, среди которых были союзники, высадившиеся в Мурманске и Архангельске, добровольческие формирования финнов и карелов, части Красной Армии, подразделения регулярной армии Финляндии и формирования белых. До ноября 1918 г. участниками событий являлись и находившиеся в Финляндии немецкие войска. При этом интересы сторон были столь противоречивы, что возникали самые необычные комбинации сил. Большевики стремились обезопасить «колыбель революции» — Петроград, имевший символическое значение для нового политического режима и, может быть, еще большее — как крупнейший центр военной промышленности России. Ближайшей же их задачей было стремление овладеть большими запасами военных материалов (в районе Мурманска и Архангельска), которые царское правительство оказалось не в состоянии доставить в центральные районы страны по причине слабости коммуникаций\*.

Британская флотилия, которой командовал контр-адмирал Т. Кемп, находилась в водах Баренцева и Белого морей с 1915 г., обеспечивая охрану экспортных поставок союзников от действий подводных лодок и рейдеров германского флота. После Февральской революции британские военно-морские силы, действовавшие в районе Архангельска и Мурманска, занимались охраной доставленных союзниками в Россию боеприпасов, снаряжения и военных материалов. В ноябре 1917 г. по причинам безопасности флотилию Т. Кемпа перевели в Мурманск, где она обеспечивала эвакуацию из России военных представителей Антанты, пленных чехов, сербов, хорватов, а также политических беженцев<sup>83</sup>.

9 марта 1918 г. в Мурманске высадился первый отряд английских солдат численностью в 200 человек<sup>84</sup>. До завершения первой мировой войны (в ноябре 1918 г.)

\* В конце 1917 г. в районе Архангельска имелось около 12 тыс. тонн боеприпасов и взрывчатых веществ, а также 200 000 тонн угля и металлов, импортированных для военной промышленности России. Запасы боеприпасов и военных материалов в районе Мурманска были менее значительны. *Ullman R. W. Intervention and the War. Princeton, 1961. P. 109.*

союзнические войска должны были воспрепятствовать Германии в создании на Кольском полуострове базы для подводных лодок<sup>85</sup> и не допустить, чтобы военные материалы в районе Мурманска и Архангельска<sup>86</sup> достались немцам. Кроме того, после заключения Брест-Литовского мира страны Антанты относились к большевистскому режиму как к фактическому союзнику немцев, которые, используя богатые природные и продовольственные ресурсы западной части бывшей Российской империи, могли бы успешно продолжать войну. С этой точки зрения продвижение союзников к югу от Мурманска должно было, в случае удачи, породить второй фронт и помочь решить исход затянувшейся войны.

Страны Антанты, находившиеся в начале 1918 г. на грани военного поражения<sup>87</sup>, проявив поначалу колебания, все же решили восстановить Восточный фронт на севере, в районе Мурманска и Архангельска, используя антибольшевистские силы. Интересы Финляндии, рассчитывавшей на присоединение силой Восточной Карелии и Кольского полуострова, противоречили планам Антанты. Военный кабинет Великобритании опасался выхода белофинских войск на Мурманскую железную дорогу и занятия ими Мурманска, после чего могло начаться общее наступление немецких войск на Крайнем Севере.

Известие о наступлении отряда Мальма в начале апреля в направлении Кеми в Лондоне было сочтено первым этапом военной операции немцев<sup>88</sup>. 12 апреля британский военный кабинет принял решение о необходимости безотлагательно осуществить десантную операцию в Мурманске, для чего министерству иностранных дел Великобритании следовало заручиться согласием правительства большевиков. К этому времени, однако, по просьбе Мурманского совета для отражения угрозы железной дороге со стороны белофиннов в Кандалакшу отправился эшелон с британскими морскими пехотинцами и французскими артиллеристами<sup>89</sup>.

23 июня 1918 г. в Мурманске высадились британские войска под командованием генерал-майора Мейнарда, в состав которых входили 600 британских солдат\* с западного фронта, около 400 морских пехотинцев британского королевского флота, батальон сербских войск, инженеры и французские артиллеристы. В составе экспедиционных войск была также насчитывавшая 560 человек группа военных инструкторов. Целью операции было соединение с чешским легионом, действовавшим в Сибири<sup>90</sup>.

К январю 1919 г., в период наибольшей концентрации войск союзников, численность объединенных сил в Мурманском районе достигала 14 775 человек (10 334 англичан, французов, итальянцев, сербов и 3500 белогвардейцев)<sup>91</sup>. Численность войск под командованием генерала Айронсайда, действовавших в Архангельском районе, составляла 15 297 человек (13 182 англичан, французов, американцев и 2715 белогвардейцев). В боевых частях насчитывалось соответственно в Мурманском районе 9813 «штыков» (6313 союзников и 3500 белогвардейцев), в Архангельском — 10 421 человек (8721 и 1700)<sup>92</sup>.

В соответствии с имевшимися у Ч. Мейнарда данными, белофинские войска общей численностью до 15 тыс. человек продвигались в направлении железной

\* Адмирал Кемп просил военный кабинет об отправке в Мурманск 6000 солдат. *Churchill S. Op. cit. S. 97.*

дороги Петроград—Мурманск между Кандалакшей и Кемью. 27 июня началось выдвижение союзных войск в южном направлении, однако вместо белофиннов они столкнулись с отрядами красногвардейцев, направлявшихся в Мурманск. Разоружив красногвардейцев, Ч. Мейнард отправил их в сторону Петрограда<sup>93</sup>. В дальнейшем продвижение войск союзников было приостановлено южнее станции Сорокская, у реки Онды, отрядом красногвардейцев под командованием И. Д. Спиридонова<sup>94</sup>.

Еще до прибытия Ч. Мейнарда в Мурманск делегация, представлявшая 300 жителей Вокнаволоцкой волости, обратилась к британским офицерам с просьбой о формировании из карелов воинской части, позднее известной под названием Карельский легион (полк), для борьбы с белофинскими войсками. Эта инициатива отвечала интересам командования союзных войск, малочисленность которых вызывала тревогу в связи с переходом большевиков в стан противников Антанты, и вскоре началось формирование воинской части из местных карелов. Во второй половине августа 1918 г. в легионе насчитывалось 1200 бойцов, из которых, впрочем, лишь 600 представляли обученную боевую силу. Боевое крещение Карельский легион получил в ходе совместной операции с Мурманским легионом, состоявшим в основном из бежавших в Россию «красных» финнов<sup>95</sup>, против формирований белофинских добровольческих войск, обосновавшихся в Беломорской Карелии с весны 1918 г.<sup>96</sup>

Такое положение дел «связывало руки» правительству Финляндии, к которому с просьбами о присоединении летом 1918 г. обращались делегации от большого числа деревень Олонецкой Карелии, а также представителей населения Олонца. Вступление финляндской армии в Восточную Карелию означало бы начало войны с союзниками<sup>97</sup>, к чему правительство не было готово.

Помимо стран Антанты<sup>98</sup> против расширения Финляндии на восток были и немцы, связанные обязательствами по Брест-Литовскому договору, однако они не исключали такой возможности в будущем. С точки зрения Финляндии, сложность ситуации заключалась в том, что начало большой войны в Восточной Карелии могло привести к такой ситуации, когда русские и немецкие войска, при возможном переносе боевых действий на территорию Финляндии, могли, несмотря на договор, вступить в схватку<sup>99</sup>.

В итоге различные интересы и военные возможности сторон привели, по выражению М. Яаскеляйнена, к «драме четырех» — Антанты, Финляндии, Германии и России, основными участниками которой были страны Антанты и Германия<sup>100</sup>. Ни одна из сторон, за исключением, разумеется, Финляндии, не была (по разным причинам) заинтересована в присоединении к последней Восточной Карелии, хотя Германия и меняла свою точку зрения по этому вопросу в зависимости от ситуации.

Летом 1918 г. германское правительство и военные были заинтересованы в совместном участии войск Германии, советской России и Финляндии в операции по изгнанию союзников, прежде всего с Кольского полуострова<sup>101</sup>. Стороны приступили к подготовке операции, имевшей кодовое наименование «Шлюсштайн» («Ключевой камень»), которая была нацелена против войск Антанты, действовавших на Мурмане и в Карелии<sup>102</sup>. Исходя из тактических соображений, большеви-

ки дали согласие на осуществление операции, что было зафиксировано в добавочном договоре 27 августа 1918 г. и приложениях к нему<sup>103</sup>. Вскоре, однако, наметившийся временный союз распался по причинам, не зависящим от его участников.

7 сентября из опубликованного газетой «Норддойче альгемайне цайтунг» текста добавочного договора между Россией и Германией финны с удивлением узнали, что Германия дала большевикам гарантию ненападения со стороны Финляндии, пока не будет подавлен чехословацкий мятеж<sup>104</sup>. 14 сентября операция была отложена до нанесения Германией решающего удара по Румынии, а затем отменена<sup>105</sup>.

Одновременно с 3 по 27 августа в Берлине проходили переговоры между представителями России и Финляндии<sup>106</sup>. На заседании территориальной комиссии, состоявшемся 5 августа, сенатор Х. В. Раутапя изложил условия финляндской стороны: в состав Финляндии должны были войти Кольский полуостров, Соловецкие острова, далее от Белого моря граница должна была идти к Онежскому озеру, затем по южному берегу Свири к Ладожскому озеру, упираясь в Финский залив<sup>107</sup>. Кроме того, Х. В. Раутапя высказал мнение о необходимости применения принципа самоопределения народов в отношении населения Восточной Карелии, указав на то, что «на востоке живет 140 тысяч финнов, отделенных от своего государства»<sup>108</sup>.

Глава советской делегации В. В. Воровский допускал возможность ограниченного территориального обмена: Россия могла уступить в вопросе о Восточной Карелии и районе Петсамо, а Финляндия в свою очередь передавала бы России территории на Карельском перешейке, примерно до линии Выборг — Кексгольм (Приозерск)<sup>109</sup>. (В отношении же применения к Восточной Карелии принципа самоопределения глава советской делегации призвал финнов придерживаться государственных интересов. По мнению В. В. Воровского, принятие требования финнов создавало бы опасный прецедент, так как «финские племена» проживали и в таких русских губерниях, как Новгородская, Тверская и Нижегородская<sup>110</sup>.)

Последнее требование было абсолютно неприемлемо для финнов прежде всего по соображениям безопасности. Переговоры, несмотря на посредничество Германии, завершились неудачей из-за неуступчивости обеих сторон. В скором времени Германия, потерпевшая крупное поражение 8 августа на Западном фронте, перестала играть роль в событиях, имевших отношение к Восточной Карелии.

Между тем единственной возможностью для Финляндии утвердиться в Восточной Карелии, не используя при этом военные силы, которых к тому же не доставало, было присоединение приграничных территорий де-факто, используя в качестве предлога просьбы местного населения о помощи и, в некоторых случаях, о присоединении к Финляндии.

2—3 августа 1918 г. на сходе жителей Ребольской волости было принято решение о присоединении Восточной Карелии к Финляндии на определенных условиях: она должна была управляться по финляндским законам, но в экономическом отношении быть самостоятельной; пахотную землю и часть лесов (в общей сложности 40% территории) следовало раздать крестьянам, 40% оставшегося леса передать в общее пользование и 20% — финляндскому государству. Последнее должно было построить дороги, в том числе железную дорогу, которая, начинаясь в финляндском населенном пункте Лиекса, проходила бы через Реболы, соединяя этот

населенный пункт с Мурманской магистралью. Местные жители на 30 лет освобождались от воинской повинности. Обучение следовало вести на родном языке, а кроме того, учредить в волости народное училище<sup>111</sup>.

Делегация от Ребольской волости, возглавляемая П. Кюёттиненом, 10 августа побывала на приеме у П. Свинхувуда и правительства Финляндии, которые приняли выдвинутые сходом условия присоединения<sup>112</sup>.

31 августа на собрании жителей Ребольской волости, в котором приняли участие представители от 22 деревень (182 человека, или 8% от общей численности населения волости), было решено присоединиться к Финляндии<sup>113</sup>. На территорию волости вступил добровольческий отряд из 48 человек, который 15 октября был заменен частями регулярной армии Финляндии<sup>114</sup>.

Эти события вызвали опасения командования союзных войск, полагавшего, что события в Восточной Карелии могли означать скрытое наступление немецких войск. Было решено начать наступление против добровольческих формирований финнов, оставшихся в Ухте после неудачной операции отряда Мальма. 11 сентября Мурманский и Карельский легионы заняли Ухту, изгнав оттуда части финских добровольцев<sup>115</sup>.

После поражения Германии и подписания 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия Финляндия была вынуждена пересмотреть подходы к проблеме Восточной Карелии, нуждаясь в дипломатическом признании союзных стран, из которых лишь Франция сделала этот шаг. 12 декабря 1918 г. К. Г. Маннергейм, известный своей проантантовской позицией, был избран регентом Финляндии. Он полагал, что Финляндия сможет нанести поражение большевикам на севере России<sup>116</sup>, в чем особенно были заинтересованы союзники после начала революции в Германии и наступления Красной Армии в Эстонии. В этой ситуации союзники больше всего опасались обретения большевизмом плацдарма в Германии, что, как тогда казалось, могло привести к отказу немцев от тяжелых условий перемирия и возобновлению большой войны с участием армий Германии и России<sup>117</sup>.

В отношении проблемы Восточной Карелии, которую К. Г. Маннергейм считал второстепенной в сравнении с захватом Петрограда<sup>118</sup>, вскоре после оглашения знаменитого приказа, уже в апреле 1918 г., он занял более умеренную позицию, предполагая решить вопрос после войны дипломатическими методами с помощью союзников<sup>119</sup>. Обращения же делегаций из Восточной Карелии с просьбами о помощи и присоединении к Финляндии, по мнению К. Г. Маннергейма, были тем дипломатическим оружием, с помощью которого, в частности, можно было избежать вывода финляндских войск из Ребольской волости, чего требовала Великобритания<sup>120</sup>.

После завершения первой мировой войны союзники приняли решение об установлении блокады советской России, поскольку идея об открытой войне была крайне непопулярна<sup>121</sup> и во Франции, понесшей колоссальные людские потери, и в Великобритании. 13 ноября 1918 г. Франция и Великобритания утвердили заключенный ими еще 23 декабря 1917 г. договор о разделе сфер влияния в России, в соответствии с которым британцы контролировали Армению и Грузию. Договор также признавал экономические интересы англичан на севере России<sup>122</sup>, откуда в Великобританию в большом количестве импортировались лесные материалы<sup>123</sup>.

В марте 1919 г., в связи с успехом наступления войск Колчака на восточном фронте, англичане на время отказались от своей политики неучастия большими силами в гражданской войне России и решили предпринять наступление с севера для соединения с армией Колчака. Поскольку целью движения белых была единая и неделимая Россия, союзники не доверяли Колчаку, опасаясь, что после его окончательной победы могла разрушиться создававшаяся ими система «буферных» государств Восточной Европы и политика изоляции Германии от России<sup>124</sup>.

В конце мая 1919 г. союзники пообещали Колчаку поддержку на определенных условиях, в число которых, в частности, входило признание белыми независимости Финляндии. 4 июня в ответе на ноту союзников Колчак в принципе согласился на эти условия, отложив их окончательное принятие до созыва Учредительного собрания<sup>125</sup>. Между тем до основной операции, назначенной на лето 1919 г., генерал Мейнард начал 16 февраля наступление в Карелии силами союзников и войск правительства Северной области, остановленное в начале лета севернее ст. Кяппесельга<sup>126</sup>. Составленный Ч. Мейнардом план предусматривал в перспективе создание антибольшевистского объединения, в которое входили бы Финляндия, Эстония, а также районы Европейского Севера России, контролируемые белыми. Это объединение могло бы оказывать сопротивление большевикам и после ухода союзнических войск<sup>127</sup>.

Тем временем на съезде представителей семи волостей Беломорской Карелии и Ребольской волости (всего в нем участвовало 24 человека), состоявшемся в Хельсинки 1 января 1919 г., была избрана делегация, которая должна была обратиться с адресом к представителям союзных держав в Стокгольме. Проект адреса составил глава политического отдела Восточно-Карельского комитета (Itä-Karjalan toimituskunnan poliittinen osasto) при финляндском правительстве Л. Ханникайнен<sup>128</sup>.

В окончательном тексте, доставленном 19 февраля в Стокгольм, который был предложен послам Великобритании, Франции, США, Италии и Бельгии, содержались, в частности, положения об определении народом Восточной Карелии своего государственного состояния после «возвращения порядка», а также о посылке его представителей на Парижскую мирную конференцию<sup>129</sup>.

Одновременно продолжались попытки захвата земель в Восточной Карелии, и в начале января 1919 г. силами бежавших в Финляндию карелов и финских добровольцев была оккупирована часть территории Поросозерской волости, после чего предполагалось последовать примеру Ребольской волости и объявить о присоединении к Финляндии. В середине января этот отряд вынужден был оставить захваченную территорию под давлением красных<sup>130</sup>.

Зимой 1918—1919 гг. отношения между правительством Северной области и карельским населением Беломорской Карелии стали обостряться и превратились для генерала Мейнарда в серьезную политическую проблему. К началу 1919 г. популярной среди карелов стала идея независимости Карелии. Центром этого движения стал Карельский легион, формально входивший в состав 237-й пехотной бригады британской армии под командованием генерала Прайса. В конце 1918 г. легион превратился в значительную военную силу, насчитывая в своих рядах более 3,6 тыс. человек, в то время как в рядах «белой» армии, подчинявшейся времен-

ному правительству Северной области, в тот период было лишь 943 солдата. Первоначально легионом командовал британский подполковник ирландец П. Вуд, который с сочувствием воспринимал стремление карелов к независимости<sup>131</sup>.

18 февраля помощник губернатора Северной области В. В. Ермолов обсудил с представителями командования союзных войск предложения, содержащиеся в составленной им для губернатора области генерала Миллера 14 февраля записке. Эти предложения включали нейтрализацию основной военной силы карелов: ограничение территории, на которой мог действовать Карельский легион (линия проходила по южной границе Кемского земства, по реке Онде и северной границе Ребольской волости), и включение 4-го Олонецкого батальона легиона в состав русского батальона под командованием британских офицеров, которых со временем должны были заменить русскими командирами. Впоследствии Карельский легион следовало расформировать. Помимо этого для завоевания симпатий карелов В. В. Ермолов предложил укрепить земства, которые распределяли бы продовольствие среди населения, направляли бы в карельские деревни врачей, строили дороги, постепенно переходили к российской полицейской и правоохранительной системе. На совещании 18 февраля большая часть этих предложений союзниками была принята<sup>132</sup>.

В то же самое время по инициативе командования Карельского легиона 16—18 февраля 1919 г. в Кемии состоялся съезд представителей десяти волостей Беломорской Карелии, а также Ругозерской и Ребольской волостей. Съезд, собравший 15 делегатов<sup>133</sup>, потребовал объявления Карелии независимым государством, вопрос о присоединении которого к Финляндии или России должен был решаться народом Карелии впоследствии. Съезд избрал национальный комитет, в который вошли Егор Лежоев<sup>134</sup> (председатель), Ииво Ахава, Алексей Маткевич, Иван Гаврилов и Семен Епифанов<sup>135</sup>. Комитету поручили отправить на Парижскую мирную конференцию двух представителей и добиваться международного признания независимости Карелии. В соответствии с решениями съезда природные богатства Карелии становились собственностью ее народа, а государственная жизнь строилась на демократических началах<sup>136</sup>. Ключевыми фигурами съезда были О. Токой, написавший текст речи, содержащий основные положения, принятые съездом<sup>137</sup>, а также И. Ахава, прочитавший эту речь делегатам и исполнявший обязанности секретаря<sup>138</sup>.

Решение о независимости Карелии было принято съездом уже после того, как британский генерал Прайс зачитал собравшимся телеграмму высшего командования союзных войск в Мурманске, в которой говорилось о том, что союзники не поддерживают предложения об отделении Карелии от России («белой»), принимая во внимание интересы обеих сторон. Союзное командование и В. В. Ермолов обсудили сложившуюся ситуацию на состоявшейся 11 марта в Мурманске встрече. Стороны пришли к выводу о том, что решение съезда о предоставлении независимости Карелии показало «абсолютную неспособность» карелов «оценить положение, в котором находилась их страна». Позднее на просьбу национального комитета о поддержке Мейнард ответил отказом, указав на то, что делегаты съезда представляли лишь шестую часть той территории Карелии, которую они хотели объявить независимым государством, а кроме того, они не были избраны в соответствии с законом<sup>139</sup>.

М. Яаскеляйнен замечает, что решения, принимавшиеся съездами карелов как в Финляндии, так и в Восточной Карелии, свидетельствовали о политическом хаосе, в котором находилось карельское движение в начале 1919 г.<sup>140</sup>

В январе—феврале 1919 г., в связи с отправкой в Эстонию финляндских войск для отражения наступления Красной Армии, а также со вспыхнувшим в Ингерманландии восстанием, в Финляндии стали разрабатываться планы военного захвата Карелии\*. При этом учитывалось и экономическое значение, прежде всего района Олонца, сельское хозяйство которого при надлежащих усилиях могло увеличить обеспеченность Финляндии продовольствием<sup>141</sup>.

Идеологическую сторону захвата Карелии обеспечивал действовавший в Выборге Восточно-Карельский комитет, первое заседание которого состоялось 9 января 1919 г. При этом финляндская пресса не сообщила о состоявшемся в Кемпи съезде, решения которого противоречили интересам активистов<sup>142</sup>. (Карельское просветительское общество до начала Олонецкого похода не смогло определить своего отношения к Кемскому съезду<sup>143</sup>.)

Военный поход активистов в Олонецкую Карелию должен был начаться по «инициативе» местных карелов, для чего требовалось сформировать правительство в Олонце, которое бы объявило о провозглашении независимости<sup>144</sup>. В Выборге также был образован комитет, целью которого было освобождение Беломорской Карелии. Для управления Восточной Карелией было создано правительство, премьер-министром которого стал В. Сарии, министром иностранных дел — А. Митро и военным министром — полковник А. Сихво.

Регент Финляндии К. Г. Маннергейм одобрил план, предложенный Карельским комитетом, действовавшим в Хельсинки, и пообещал оказать помощь оружием и боеприпасами при условии получения согласия на поход со стороны Великобритании. К. Г. Маннергейм считал необходимым в союзе с белыми осуществить операцию по захвату Петрограда — основную, по его мнению, задачу. В благодарность за это, как он полагал, белые предложили бы Финляндии Восточную Карелию<sup>145</sup>.

На заседании правительства Финляндии, состоявшемся 2 апреля 1919 г., обсуждались так называемая «большая программа», которая предусматривала захват всей Восточной Карелии и выход к Свири, для чего требовались части регулярной армии, а также «малая программа». Отказавшись по внешнеполитическим соображениям от реализации «большой программы», означавшей войну с Россией, правительство 3 апреля одобрило «малую программу», в соответствии с которой «освобождение» Олонецкой Карелии с выходом к реке Свири и Онежскому озеру<sup>146</sup> совершалось бы силами добровольцев<sup>147</sup>.

Первоначально средства на проведение операции были взяты Карельским комитетом в виде займа (5 млн. марок) в частных банках, а с 28 мая поход оплачивался правительством Финляндии, которое затратило к 1 сентября 1919 г. на эти цели

\* В опубликованной в 1919 г. в Хельсинки книге Восточная Карелия и Кольский полуостров были названы территориями, дополняющими (complementary parts) Финляндию. The Greater Finland. A union between the fennobaltic lands. The Carelian citizens League publication № 1. Helsinki, 1919. P. 9; см. также: *Voionmaa V. Suomen uusi asema. Maantiiteellisia ja historiallisia peruspiirteitä.* Porvoo, 1919. S. 32.



16,6 млн. марок. Эти суммы, а также проценты по ним были зачтены в виде долга временному правительству Олонеккой Карелии под залог государственных земель<sup>148</sup>.

Наступление, в котором приняло участие первоначально около тысячи добровольцев (впоследствии в Финляндии было завербовано еще около двух тысяч)<sup>149</sup>, началось в ночь с 20 на 21 апреля 1919 г. по трем направлениям, на каждом из которых действовал один батальон. Впоследствии силы наступавших возросли до 3 тыс. человек. Южная группа под командованием капитана-егеря Сихвонена уже 24 апреля овладела Олонцом, продолжив наступление в направлении Лодейного Поля<sup>150</sup>.

К добровольческим формированиям финнов затем присоединилось около тысячи местных карелов, часть которых была мобилизована, однако в целом отношение населения к финнам было сдержанным, а у тех, которые разделяли взгляды большевиков, — враждебным<sup>151</sup>. Это не позволило сформировать, как это предполагалось, из местного карельского населения массовую армию, костяк которой составили бы финны-добровольцы<sup>152</sup>.

В Олонце усилиями прибывшей из Финляндии группы организаторов (*hoitokunta*) из представителей местного населения было начато формирование временного правительства, которое возглавил местный житель Г. Куттуев<sup>153</sup>. 5—7 июня собравшиеся в деревне Погранкондуши 14 представителей восьми карельских волостей и Олонца решили объявить о выходе из России и присоединении впоследствии к Финляндии на определенных условиях. Собрание постановило послать трех представителей на Парижскую мирную конференцию<sup>154</sup>.

В начале мая 1919 г. К. Г. Маннергейм назначил командующим походом полковника Сихво, который в соответствии с указаниями генерального штаба должен был захватить Петрозаводск и соединиться с наступавшими с севера вдоль железной дороги войсками генерала Мейнарда<sup>155</sup>.

Ч. Мейnard, получив сведения о готовящемся выступлении финских отрядов в Олонеккую Карелию, оценил эту «блестящую возможность сотрудничества», которая позволяла бы оттеснить войска красных к югу от Петрозаводска, и обратился к военному кабинету Великобритании с просьбой предложить сотрудничество правительству Финляндии.

В этой ситуации важной была позиция генерала Миллера, в январе 1919 г. возглавившего правительство Северной области<sup>156</sup>, который настоятельно потребовал гарантий возвращения захваченных финнами территорий после разгрома большевиков<sup>157</sup>. Поскольку этот вопрос был увязан союзниками с признанием ими независимости Финляндии, в начале мая правительство страны отправило в Париж телеграмму, содержащую заверения об ограниченных целях Олонеккого похода, которые, однако, не произвели должного впечатления ни на правительство белых, ни на страны Антанты. Генералу Мейнardu было запрещено сотрудничать с финнами\* до получения необходимых гарантий<sup>158</sup>, а на проведенных в первой полови-

\* В советских исследованиях отмечалось, что союзники и финны должны были предпринять совместное наступление на Петрозаводск. *Самойло А. А., Сбойчаков М. И.* Поучительный урок: (Боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.). М., 1962. С. 121.

не июня переговорах стороны зашли в тупик из-за требования белых передать им контроль над захваченной финнами территорией<sup>159</sup>.

Такая расстановка сил заставила финнов поспешить с операцией по захвату Петрозаводска, поскольку генеральный штаб финляндской армии считал необходимым овладеть этим городом до подхода войск Мейнарда<sup>160</sup>. Эта операция не удалась: 2-й полк под командованием майора Талвела 20—21 июня был остановлен в непосредственной близости от Петрозаводска — на Сулажгорских высотах<sup>161</sup>. От проведения новой операции по захвату Петрозаводска командование «добровольческой армии» заставила отказаться<sup>162</sup> успешная Видлицкая десантная операция, осуществленная силами 1-й дивизии и Онежской военной флотилии 27 июня. В ней приняли участие 13 кораблей Онежской флотилии, а также приблизительно 650 бойцов<sup>163</sup>. (В Видлице располагалась основная база снабжения добровольческой армии<sup>164</sup>.) После этого судьба военной экспедиции финнов была решена<sup>165</sup>. В Финляндии поражение под Видлицей воспринимали как катастрофу<sup>166</sup>.

На такой исход дела повлияло и то, что сотрудничество между финнами и войсками Мейнарда не состоялось. Генерал был готов осуществить совместную операцию по захвату Петрозаводска, однако при том условии, что финны в случае удачи предприятия немедленно должны были оставить город, а управление захваченной территорией передать правительству Северной области. Эти условия для финнов были неприемлемы<sup>167</sup>.

В конце июля — начале августа 2-й полк отступил в Финляндию, однако финны продолжали контролировать значительную часть российской территории, прилегающей к границе<sup>168</sup>. Поход завершился, не достигнув своей цели, еще и потому, что местное население не проявляло ожидавшегося финнами «воодушевления», чем были разочарованы руководители военного предприятия<sup>169</sup>.

Единственным результатом Олонецкого похода было присоединение к Финляндии Поросозерской волости, где усилиями прибывших из Финляндии членов организационной группы (hoitokunta) в период военных действий формировались органы местного управления и отряды самообороны. 6 июня 1919 г. на проведенном в Поросозере собрании было решено выйти из состава России и присоединиться к Финляндии. Из д. Реболы в Поросозере прибыли отряд шюцкора под командованием В. Сариио, а в сентябре — подразделение из состава егерского полка<sup>170</sup>.

После этих событий оставались лишь мирные способы решения карельского вопроса, который был впервые официально поставлен финляндской делегацией 15 июля 1919 г. на заседании балтийской комиссии Парижской мирной конференции, на котором глава делегации К. Энкель зачитал соответствующий меморандум. В документе констатировалось, что население Восточной Карелии уже использовало свое право на самоопределение и оставалось лишь добиться разрешения на присоединение ее к Финляндии.

Поскольку союзники имели обязательства перед А. В. Колчаком, которые воспрещали решать территориальные вопросы, относящиеся к России, без его согласия, по решению комиссии, принятому 25 августа 1919 г., она не обладала полномочиями обсуждать проблему Восточной Карелии. Кроме того, большинство членов комиссии отметило угрозу, которая создавалась бы при удовлетворении требований финнов для Мурманской железной дороги. Возможности финнов на

конференции ограничивались еще и резко отрицательным отношением к их планам французского правительства и «белого» движения<sup>171</sup>.

Решение от 25 августа, а также письмо, направленное лордом Керзоном 25 сентября 1919 г. английским представителям, в котором странам-лимитрофам была дана свобода в решении вопроса о заключении мира с Россией<sup>172</sup>, означали как отказ Великобритании от активной политики в этом регионе, так и завершение попыток Финляндии решить проблему Восточной Карелии силовыми методами.

Тем временем в Восточной Карелии в начале 1919 г. наметилось сближение между бежавшими в Финляндию карелами, принимавшими участие в походе К. В. Мальма, и командованием Карельского легиона. (Легион был расформирован 30 июня 1919 г. по политическим причинам: как из-за наличия в нем сочувствовавших большевикам людей, так и под давлением правительства Северной области<sup>173</sup>, которому союзники передавали полномочия, готовясь к эвакуации<sup>174</sup>.) В феврале 1919 г. после принятого съездом в Кеми решения о независимости Карелии один из руководителей бежавших в Финляндию карелов Пааво Ахава предложил Карельскому национальному комитету и офицерам Карельского легиона провести совместный съезд «для достижения взаимопонимания между всеми карелами». Съезд, проведенный в конце июня в д. Вокнаволоок с согласия командования союзников, постановил ходатайствовать перед правительством Финляндии и союзным командованием об открытии границы. Проблему возвращения беженцев было решено обсудить на съезде в Ухте в июле<sup>175</sup>.

21 июля 1919 г. в Ухте был проведен съезд представителей пяти волостей, учредивший Временный комитет Беломорской Карелии. 26 июля комитет отправил в адрес посольств союзных стран в Хельсинки открытое письмо, в котором были разъяснены причины, приведшие к увольнению карелов из военных подразделений, подчинявшихся генералу Миллеру.

Главной причиной было требование командования союзных войск принять присягу Архангельскому правительству, на что карелы не согласились бы «даже под страхом смертной казни». В оставшемся без ответа письме комитет просил союзников дать ему право на управление внутренними делами пяти волостей, открытие границы и разрешение ввоза продовольствия из Финляндии, а также демобилизацию карелов из частей, подчинявшихся Архангельскому правительству. Кроме того, следовало разрешить сформировать отряды под командованием карельских офицеров для борьбы с большевиками<sup>176</sup>.

12 октября 1919 г. последний эшелон союзников отплыл из Мурманска<sup>177</sup>, поскольку явная бесперспективность их пребывания здесь после завершения мировой войны и дальнейшей помощи «белому» движению войсками стала очевидна и для военного командования, и для правительств стран блока Антанты. Кроме того, приходилось считаться с уставшим от длительной войны населением стран-победительниц.

После ухода союзников спасти правительство генерала Миллера могла только поддержка со стороны Финляндии, к чему его склоняли покидавшие север России союзники. Какое-то время казалось, что такой союз возможен и «белое» правительство, по мнению финляндского консула в Мурманске Э. Лампио, в обмен на военную помощь финнов могло пойти на территориальные уступки: к Финляндии

отходили бы часть Кольского полуострова и Восточная Карелия, в соответствии с языковыми границами, хотя окончательно вопрос должен был решаться Учредительным собранием<sup>178</sup>.

Во второй половине ноября, однако, Е. К. Миллер отозвал свою просьбу об оказании военной помощи со стороны Финляндии, так как получил сведения о подстрекательстве финнами карельского населения к отделению от России, чему способствовал установленный белыми порядок, в соответствии с которым отказавшиеся от мобилизации волости лишались продовольствия. В этой ситуации Е. К. Миллер не мог пополнить свои войска карелами, которые получили продовольствие из Финляндии через посредство Временного комитета<sup>179</sup>.

Решение о прекращении поставок хлеба быстро накалило обстановку в расположенных далеко от границы местностях, в результате чего, в частности, для подавления восстания в населенном пункте Княжая, пришлось использовать оставшиеся на севере сербские войска. В конце ноября имели место стычки между войсками белых и карельскими отрядами<sup>180</sup>.

Отношения между военными отрядами карелов и белыми были выяснены в декабре 1919 г., когда войска барона Э. Тизенгаузена, заняв Кестеньгу, продолжили наступление в направлении Ухты. В сражении с карелами у Тунгудского озера барон был взят в плен и доставлен в Ухту, после чего карельские отряды освободили Кестеньгу, захватив 80 пленных. После этих событий командование «белой» армии отдало приказ войскам не предпринимать наступательных действий, а карелам были даны заверения в том, что целью белых в Карелии являлась исключительно оборона Мурманской железной дороги<sup>181</sup>. В начале 1920 г., пытаясь получить поддержку со стороны Временного комитета до начала наступления Красной Армии, генерал Миллер заявил о совпадении целей белых и карельского движения, а 29 января 1920 г. отправил в Беломорскую Карелию своего представителя — генерала Ключева, который имел полномочия предоставить карелам автономию<sup>182</sup>.

Ситуация еще более осложнилась после того, как правительство Финляндии, используя в качестве предлога просьбу Е. К. Миллера о посылке техников для установления прямой телеграфной связи между Хельсинки и северной Россией, отправило в Петсамо (Печенга) военный отряд, который без сопротивления со стороны белых занял этот населенный пункт 10 февраля 1920 г.<sup>183</sup> Этот шаг со стороны Финляндии заставил Москву поторопиться с началом военной операции. 9 февраля Г. В. Чичерин направил в политбюро письмо, в котором указал на необходимость предпринять наступление «вдоль Мурманской железной дороги для одновременной борьбы против двух, враждующих между собой, белых военных сил»<sup>184</sup>. Как полагал нарком иностранных дел, в случае занятия Финляндией «этого края»\* его «очень трудно будет вырвать обратно не только в военном, но, в особенности, в дипломатическом отношении»<sup>185</sup>.

Общеполитическая ситуация благоприятствовала решению этого вопроса. Еще в январе 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о снятии военно-экономической блокады советской России. Направленная вскоре генералом Мил-

\* В Москве располагали неверной информацией о наступлении финляндской армии в направлении Кеми. Письмо Г. В. Чичерина в политбюро ЦК РКП(б) 9. 2. 1920. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 105, л. 2.

лером военному министру Великобритании У. Черчиллю телеграмма о помощи осталась без ответа<sup>186</sup>. Дни Северного правительства были сочтены. 20 февраля 1920 г. части Красной Армии вступили в Архангельск, а к середине марта с белыми на севере России было покончено<sup>187</sup>. Финляндия и Временный комитет остались один на один с Россией.

19 марта 1920 г. Ухта была занята Красной Армией без боя. Несмотря на то, что в Ухте готовились к проведению съезда, который в советской историографии получил название «съезда представителей волостей северной Карелии»<sup>188</sup>, командование красных не предприняло попыток ему воспрепятствовать\*. Это было связано, по всей видимости, с тем, что в это время в Москве велась подготовка к переговорам с Финляндией о заключении перемирия.

В заседаниях съезда, открывшегося 21 марта, принимали участие 120 делегатов от 12 волостей Беломорской и части Олонецкой Карелии. (Делегаты представляли примерно 1/3 всех карельских волостей и около 1/4 карельского населения<sup>189</sup>.) На съезде присутствовали представители советской власти, следившие за его ходом с помощью переводчиков.

22 марта съезд принял резолюцию, содержащую пункты о «скорейшем выводе» частей Красной Армии с территории, контролируемой до 19 марта Временным комитетом; о стремлении Беломорской Карелии к выходу из Российского государства; о проведении плебисцита, с помощью которого Карелия должна была определить свой статус. Проведенные карельской делегацией переговоры в Кеми с представителями советской власти привели к выводу подразделений Красной Армии из Ухты еще до конца марта<sup>190</sup>. С. Черчилль полагает, что на это решение повлияли приближавшаяся весна и распутица, а также острый недостаток продовольствия, которого не хватало даже для нужд населения<sup>191</sup>.

На закончившемся 1 апреля съезде в Ухте были одобрены и другие решения: принята просьба к великим державам признать независимость Восточной Карелии, а также определены принципы строительства ее экономики. Съезд избрал Временное правительство Беломорской Карелии, состоявшее из шести человек, которое должно было приступить к работе 1 июня 1920 г., заменив Временный комитет.

### 1.3. КАРЕЛЬСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

События в Беломорской Карелии весной 1920 г. заставили Москву обратить самое пристальное внимание на решение карельского вопроса. Общая внешнеполитическая ситуация и положение на Западном фронте ставили на повестку дня заключение перемирия и мирного договора с Финляндией, что было возможно лишь при таком решении проблемы Восточной Карелии, которое удовлетворило бы обе стороны.

В Москве постепенно созревало понимание того, что инициатива в решении карельского вопроса со стороны советской России была упущена: в перспективе это

\* Участникам съезда представителем советской власти были даны гарантии безопасности: *Kaukoranta T. Itä-Karjalan vapaudentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki, 1944. S. 23.*

могло повлечь за собой неблагоприятные последствия. Необходимо было принимать срочные меры для изменения ситуации. Съезд в Ухте, состоявшийся в марте 1920 г., в этом смысле стал и толчком, заставившим большевиков принимать контрмеры, и примером для подражания\*. То же обстоятельство, что Москва не пыталась проводить в Карелии собственную политику, с учетом национальных особенностей края и не предпринимала усилий по созданию карельской автономии, объяснялось не только гражданской войной, но и, как вскоре выяснилось, противодействием местных большевиков, в своем большинстве — русских.

Решения съезда советов Повенецкого уезда (февраль 1918 г.) о необходимости административного объединения карельских волостей Архангельской и Олонецкой губерний и Кемского уездного съезда советов (май 1918 г.) о необходимости образования карельской автономии в составе РСФСР до весны 1920 г. не привели к практическим мероприятиям в этом направлении. Лишь необходимость упорядочить отношения с Финляндией и невозможность сделать это без общего решения карельского вопроса и предоставления автономии Карелии заставили Москву предпринять срочные меры.

По официальной версии, инициатива образования на территории Карелии автономной области принадлежала Олонецкому уездному исполкому, принявшему 28 апреля 1920 г. решение обратиться в НКВД с заявлением «о твердом решении карел Олонецкого уезда находиться в Советской республике». Исполком выдвинул также идею созыва съезда трудящихся карелов. Советское правительство «горячо поддержало карельский народ в его стремлении к самоопределению в составе Советской республики», и 8 июня 1920 г. ВЦИК принял декрет об образовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в составе РСФСР<sup>192</sup>.

За этим простым объяснением причин, приведших к образованию КТК, которое ставило во главу угла стремление «трудящихся карелов» к самоопределению, на самом деле скрывается весьма сложная исследовательская проблема, впервые подробно рассмотренная финляндским и американским исследователями<sup>193</sup>.

Понимание неизбежности создания в Карелии автономии стало постепенно осознаться в Москве в связи с необходимостью найти весной 1920 г. дополнительные аргументы для переговоров о заключении перемирия и мирного договора с Финляндией. Самые серьезные опасения руководства РСФСР вызывала возможность заключения военно-политического союза между Финляндией и Польшей\*\*, переговоры о котором велись в марте 1920 г.<sup>194</sup> К этому времени словосочетание Карельская Коммуна уже давно было на слуху.

Известная еще с начала века, идея создания в Восточной Карелии автономии была в обновленном виде высказана «красными» финнами-эмигрантами, бежавшими после завершения гражданской войны из Финляндии в Швецию. Общий план образования в Восточной Карелии Коммуны был предложен ими еще в 1918 г.

\* В завуалированной форме это признают и авторы труда, изданного в 1983 г., не отрицавшие легитимность съезда в Ухте. Авторы подвергли сомнению лишь претензии съезда представлять всю Карелию. Карелы Карельской АССР. С.168.

\*\* Впервые эта идея обсуждалась на правительственном уровне 29 августа 1919 г. *Schauman H. Reunavaltio politiikka // Itsenäisen Suomen ulkopoliitikan alkutaival. Porvoo, 1962. S. 121.*

и предусматривал создание в ней базы для революционизирования и последующего установления в Финляндии советской власти<sup>195</sup>. В конце 1918 — начале 1919 г. Э. Гюллинг выдвинул идею о целесообразности компактного расселения эмигрантов из Финляндии в каком-либо районе России<sup>196</sup>.

У задержанной шведской полицией по подозрению в заговоре в начале июня 1921 г. группы финнов-эмигрантов были обнаружены документы, среди которых находилось некое письмо, или меморандум, о необходимости создания в Восточной Карелии Коммуны по образцу имевшихся в советской России. Документ, который С. Черчилль датировал летом — ранней осенью 1919 г., был частью большого плана, в соответствии с которым состоявший из 100—150 «красных» финнов отряд должен был, отправившись в поход из Швеции в Карелию через Лапландию, напасть с тыла на отряды белых и союзнические войска<sup>197</sup>. Исходя из дальнейших событий, имел значение не этот несостоявшийся поход, который вряд ли привел бы к каким-то результатам, а набросок об устройстве Коммуны, обнаруженный у участников заговора.

Содержание упомянутого документа очень напоминало тот план, который впоследствии отстаивали «красные» финны, когда обсуждался вопрос о границах и правах Карельской Трудовой Коммуны. В соответствии с ним в состав Коммуны, обладавшей «частичной автономией», должны были войти районы российской Карелии и, как минимум, западная часть Кольского полуострова. Целью создания Коммуны было лишение Финляндии предлога присоединить Восточную Карелию на основании права наций на самоопределение, а также превращение новой автономии в пример для «трудящихся Скандинавии». Кроме того, Коммуна должна была стать базой для революционизирования Скандинавии. По мнению полицейских властей, автором документа был Эдвард Гюллинг, перебравшийся весной 1920 г. из Стокгольма в Россию<sup>198</sup>.

Авторство Э. Гюллинга подтверждается письмом, которое он отправил Ю. Сирола в конце 1919 — начале 1920 г. из Стокгольма<sup>199</sup>. Письмо по просьбе Э. Гюллинга было переведено на русский язык и доведено до сведения «русских товарищей», в том числе Л. Д. Троцкого, в марте 1920 г.<sup>200</sup>

Находившийся к этому времени почти полтора года в Швеции Э. Гюллинг, усилия которого по «обращению в новую веру языческой страны» не привели к ощутимым результатам, предложил создать на «территории Карелии и Кольского полуострова, во всяком случае, его западной части... особую Карельскую комму-ну». Границами Коммуны были бы Белое море, Онежское озеро, финляндская граница и Ледовитый океан<sup>201</sup>.

Карельская Коммуна, создаваемая по образцу уже существовавшей Петроградской коммуны, по мнению Э. Гюллинга, имела бы право «устанавливать свои внутренние дела, советское хозяйство и свое народное просвещение автономно», являясь в то же время частью советской России «не только политически, но и экономически и относительно обороны»<sup>202</sup>.

Созданием Коммуны в Карелии достигалось бы одновременно несколько целей, из которых Э. Гюллинг наименьшее внимание уделил экономическим перспективам, освещенным им лишь в самых общих чертах. В соответствии с духом времени наиболее подробно в письме были обозначены политические задачи. Прежде все-

го, способом, «удовлетворявшим население», осуществлялся принцип самоопределения карелов Восточной Карелии, часть которых «проявляла националистические наклонности», а также было бы «сломяком острие» у панфинской пропаганды<sup>203</sup>.

Значение Коммуны, однако, не исчерпывалось ее ролью в установлении эффективного экономического порядка и урегулировании национальной проблемы в Карелии. Она могла бы, «не вмешивая Советскую Россию в дело, вести революционную агитацию и посредством основания образцового государства на границе с Финляндией» готовить почву для финляндской революции<sup>204</sup>.

Карельская Коммуна, по мнению Э. Гюллинга, испытывавшего разочарование в связи с неэффективностью нелегальной работы в Швеции, могла стать базой для продвижения революционных идей в Скандинавии, прежде всего на севере Норвегии и Швеции. В Карелию могли бы перейти для вступления в «особый шведский или норвежский полк» тысячи две рабочих из этих стран, положив начало «действительно революционной» нелегальной деятельности. В перспективе Карелия становилась бы частью «образовываемой скандинавской советской республики»<sup>205</sup>.

Предлагая план создания Карельской Коммуны, Э. Гюллинг внес свой вклад в разработку идеи «мировой революции», перспективы которой весной 1920 г. были весьма неопределенны. Революция в Скандинавии могла быть осуществлена при военной поддержке России, «независимо от западноевропейской революции», и, победив на севере Европы, должна была поставить капиталистические страны в «полную зависимость» от «красной» Скандинавии в лесных товарах, что, как полагал Э. Гюллинг, было «настоящей революционной стратегией»<sup>206</sup>.

Э. Гюллинг признался Ю. Сиrolа, что «охотно принял бы сам участие в осуществлении этого плана, который... уже и раньше обдумывал». Устав от бесплодной нелегальной работы в Швеции, Э. Гюллинг «хотел бы для разнообразия принять участие в творческом деле» и предложил Ю. Сиrolа при условии принятия плана заменить его в Швеции<sup>207</sup>.

Идея Э. Гюллинга нашла в Москве поддержку. С 12 по 24 апреля 1920 г. в Раяёки велись дипломатические переговоры между представителями Финляндии и РСФСР о заключении перемирия\*. В ходе переговоров обозначились контуры проблемы, которая заставила большевиков искать новые подходы к решению карельского вопроса, учитывая волеизъявление карелов относительно государственной принадлежности Восточной Карелии.

Предложение советской стороны отвести подразделения финляндской армии из Ребольской и Поросозерской волостей за линию государственной границы было отвергнуто финнами, указавшими на волеизъявление жителей спорной территории, пожелавших войти в состав Финляндии. Делегация РСФСР заявила, что в ее распоряжении были сведения совершенно противоположного свойства<sup>208</sup>, однако к этому времени у нее не имелось убедительных документов, подтверждавших эту точку зрения.

У финляндской делегации, напротив, соответствующие материалы были подготовлены заранее<sup>209</sup>. Еще до завершения непродолжительных переговоров представитель карелов вручил советской делегации копии двух документов — решения

\* Заключено 13 августа 1920 г. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 124.



ухтинского съезда о выходе Карелии из состава РСФСР и заявления о предоставлении Восточной Карелии нейтрального статуса<sup>210</sup>. Впоследствии обе стороны продолжили «войну волеизъявлений», ставкой в которой было влияние в Карелии, а возможно, и ее государственная принадлежность.

В ходе подготовки к переговорам в Раяёки определило свою позицию по отношению к будущему Восточной Карелии и командование Красной Армии, поводом для чего стало предложение финляндской стороны установить нейтральную зону и демаркационную линию, в том числе в Олонецкой Карелии. Принятие этого предложения, по мнению военных, не только «создавало угрозу Мурманской железной дороге на участке между Петрозаводском и Повенцом», но и ставило «непосредственную оборону» Петрограда в трудные условия, закрывая перешеек между Ладожским и Онежским озерами, «имеющий для нас весьма важное маневренное значение»<sup>211</sup>.

Стратегическая ценность перешейка между этими озерами определялась, как полагал полевой штаб РВСР, прежде всего в том, что он «заключал в себе естественное направление для развития с нашей стороны активных действий во фланг и тыл неприятелю, оперирующему против Петрограда». В военно-стратегическом отношении Южная Карелия позволяла компенсировать невыгодную для армии ситуацию на Карельском перешейке, на узком фронте которого маневрирование было «чрезвычайно стеснено, что обрекает нашу оборону на совершенную пассивность»<sup>212</sup>.

По мнению военного ведомства, предложение Финляндии об установлении нейтральной зоны и демаркационной линии вызывалось стремлением изолировать «возможно большую территорию исключительно с политическими, военными и экономическими целями»<sup>213</sup>. Территория, которая по инициативе финляндской стороны должна была войти в нейтральную зону, как полагало командование Красной Армии, и в этническом отношении не давала оснований принять это предложение, так как на ней проживало частично русское (в районе Печенгского монастыря) и «карельское, совершенно обруселое население»\*. На карелов, «хотя и родственных финнам по племени», последние «потеряли уже свои права племенного родства», и территория предлагаемой нейтральной зоны «по этнографическим признакам не может быть признана финской»<sup>214</sup>.

Заявление финляндской делегации в Раяёки, сделанное 24 апреля, в котором она настаивала на принятии предложения о нейтральной зоне и отвергала вариант, выдвинутый делегацией РСФСР, стало поводом для прекращения переговоров о заключении перемирия<sup>215</sup>. В заявлении делегации Финляндии говорилось, что проект установления нейтральной зоны, предложенный российской стороной, не обеспечивал никаких гарантий соблюдения мира, пока хотя бы часть Восточной Карелии была занята русскими войсками<sup>216</sup>. Переговоры в Раяёки, прерванные по инициативе РСФСР 24 апреля, выявили основную проблему отношений между двумя государствами — вопрос о Восточной Карелии. В Москве приступили к поиску военных, политических и дипломатических путей решения этой проблемы.

\* Это утверждение, по крайней мере в отношении населения Беломорской Карелии, как было показано выше, не соответствовало действительности.

Вопрос создания в Карелии автономии перешел в практическую плоскость в связи с дипломатическими переговорами в Раяёки в конце апреля 1920 г., когда по просьбе В. И. Ленина Э. Гюллинг\*, перебравшийся из Швеции в Россию<sup>217</sup>, приступил к разработке соответствующего плана<sup>218</sup>. В. И. Ленин обсудил подготовленный проект с Э. Гюллингом\*\* и Ю. Сирола, а затем с прибывшими на партийный съезд в Москву делегатами от Олонецкой губернии. Предложенные Э. Гюллингом объяснения, по свидетельству Ю. Сирола, убедили В. И. Ленина, который лично стал продвигать в правительстве идею основания КТК<sup>219</sup>.

Первые «красные» финны-агитаторы появились в Карелии, впрочем, еще до начала переговоров в Раяёки. Из воспоминаний Я. Мяки, занимавшего впоследствии видные посты в КТК, следует, что еще в марте 1920 г. по просьбе председателя исполкома Коминтерна Г. Зиновьева<sup>220</sup>, одновременно занимавшего пост председателя Петроградского Совета, десять финских коммунистов отправились в Кемь, где образовали Карельско-Мурманское отделение, члены которого занимались агитацией среди населения, говорящего на финском языке<sup>221</sup>.

Вернувшись в Петроград, Я. Мяки составил доклад о положении в Восточной Карелии, который, как он утверждал в своих воспоминаниях, был переведен на русский язык и повлиял на решение Москвы рассмотреть вопрос о карельской автономии. Помимо прочего, Я. Мяки предложил построить железную дорогу до Ухты, которая 18 мая 1920 г. была занята 6-м финским стрелковым полком Красной Армии<sup>222</sup>. (Вторая по счету операция по захвату «столицы» Северной Карелии была начата сразу после отъезда советской делегации из Раяёки 25 апреля 1920 г.<sup>223</sup>)

Ухта была важным стратегическим пунктом не только для большевиков. Незадолго до занятия финским полком этого населенного пункта и возобновления мирных переговоров между Финляндией и РСФСР премьер-министр Финляндии Р. Эрих 3 мая 1920 г. доверительно сообщил послу Великобритании в Финляндии, основываясь на рапорте финляндского представителя в Ухте, о твердом желании ухтинских карелов присоединиться к Финляндии. Р. Эрих заявил также, что целью карельской политики Финляндии было создание нейтрального «буферного» государства на границе с Россией, которое впоследствии должно было стать частью финляндского государства<sup>224</sup>.

Занятие Ухты вызвало выдержанную в жестких тонах телеграмму протеста МИДа Финляндии наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину, что, однако, не помешало правительству Финляндии отправить 27 мая в Москву предложение приступить к мирным переговорам 10 июня 1920 г. в Тарту, на что сразу было получено согласие Г. В. Чичерина.

Условия, на которых должна была настаивать финляндская делегация, разработал комитет, состоящий из представителей фракций основных партий, представленных в парламенте Финляндии. Финляндская сторона должна была настаивать на пре-

\* Точная дата прибытия Э. Гюллинга в Россию неизвестна. В. М. Куджиев полагал, что это произошло 1 мая 1920 г. Куджиев В. М. Карельская Трудовая Коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970. С. 35.

\*\* По мнению А. Юляраккола, В. И. Ленин предложил Э. Гюллингу прибыть в Москву еще в феврале 1920 г. См.: Yläraakkola A. Op. cit. S. 167.

доставлении населению Восточной Карелии права на самоопределение: путем проведения плебисцита решить, в состав какого государства карелы желали бы войти — Финляндии или РСФСР. По мнению членов комитета, такой плебисцит в пользу Финляндии уже был проведен в Ребольской и Поросозерской волостях и необходимо было лишь подтверждение этого международной комиссией<sup>225</sup>.

Основные пути решения карельского вопроса были определены в Москве во второй половине апреля — мае 1920 г. в связи с предстоявшими переговорами о заключении мирного договора с Финляндией. 29 апреля член Петроградского совета С. Равич переслала Г. В. Чичерину доклад о Карельской Трудовой Коммуне\*, содержащий предложения об основных мероприятиях по созданию автономии: публикацию декрета СНК РСФСР, назначение ревкома из 5 лиц, отделение территории КТК от Олонецкой и Архангельской губерний, осуществление культурных мероприятий в Карелии с использованием финского языка. Рабочие из Швеции и Норвегии составляли бы «Скандинавский кадровый отряд Международной Красной Армии»<sup>226</sup>. (Следует отметить, что к этому пункту программы «красных» финнов, встречавшемуся и в более ранних документах, а также после создания КТК, в Москве относились без энтузиазма.)

В начале мая активизировать поиск новых подходов решения финского и связанного с ним карельского «вопросов» Москву заставил кризис в советско-английских отношениях, возникший в связи с нотой министра иностранных дел Великобритании Д. Керзона. НКВД опасался посылки англичанами флота в Балтийское море, а также осуществления Финляндией каких-либо агрессивных планов в отношении РСФСР, чему могло способствовать прекращение переговоров о заключении перемирия<sup>227</sup>. Главком С. С. Каменев, указывая на крайнюю важность предотвращения наступления финнов, настаивал на переносе переговоров с Финляндией из военной сферы в дипломатическую, что было возможно лишь при условии ведения переговоров о заключении мирного договора, а не перемирия. Исходя из открывавшихся в связи с этим предложением возможностей затягивать ход переговоров до изменения к лучшему общей ситуации, НКВД поддержал инициативу главкома, несмотря на то, что это могло быть расценено финнами как признак слабости<sup>228</sup>.

18 мая вопрос о Карелии рассматривался на заседании политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина<sup>229</sup>. Политбюро поручило наркомату внутренних дел РСФСР разработать проект карельской автономии, согласованный с финскими коммунистами<sup>230</sup>. Г. В. Чичерин в письме заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому определил специфику создаваемой Коммуны — «особой области с ограниченной автономией для карелов на советской почве в пределах Советской Республики»<sup>231</sup>. Нарком иностранных дел вполне определенно высказался о целях, которые преследовала Москва, давая согласие на создание карельской автономии, — эта политика должна была «удовлетворить и умиротворить карельское население и тем самым обезопасить нас в этой местности»<sup>232</sup>.

Дипломатическое давление со стороны Финляндии заставило руководство РСФСР поспешить с принятием решения о предоставлении Карелии автономии.

\* В письме С. Равич не упоминается автор «Доклада...», охарактеризованный ею как «весьма серьезный человек». АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 24, л. 15. Судя по содержанию «Доклада...», его автором был Э. Гюллинг.

В связи с финляндской нотой по карельскому вопросу и ответом НКВД, в котором указывалось на «предпринятые нами шаги в смысле развития национального самоопределения карелов», Г. В. Чичерин обратился 25 мая 1920 г. к заместителю наркома внутренних дел РСФСР М. Ф. Владимирскому с просьбой ускорить «работу по созданию Карельской Советской коммуны»<sup>233</sup>. К 27 мая НКВД и НКВД согласовали проекты постановления ВЦИК о карельской автономии и воззвания Карельского комитета с незначительными поправками, внесенными Ю. Сиrolа<sup>234</sup>.

1 июня 1920 г. вопрос о Карелии второй раз рассматривался на заседании политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина. На этом заседании был обсужден проект декрета об образовании КТК, подготовленный комиссией, которую возглавил заместитель наркома внутренних дел М. Ф. Владимирский<sup>235</sup>. Политбюро поручило М. Ф. Владимирскому «провести» через Президиум ВЦИК постановление о создании КТК, а оргбюро — определить состав Карельского ревкома<sup>236</sup>.

8 июня 1920 г., за два дня до начала мирных переговоров в Юрьеве (Тарту), ВЦИК принял декрет об образовании КТК в составе РСФСР. Наибольшие затруднения вызвал вопрос о территории Коммуны: русские члены Олонекского губкома и губисполкома, полагая, что КТК является временным образованием и просуществует лишь до заключения мирного договора, предлагали включить в состав автономной области местности, населенные только карелами. В этом случае КТК представляла бы собой узкую полосу, протянувшуюся вдоль границы с Финляндией, без выхода к Белому морю, Онежскому озеру, а также оказывалась бы отрезанной от Мурманской железной дороги<sup>237</sup>. Для НКВД такой вариант в период переговоров в Тарту был совершенно неприемлем.

Члены Карельского ревкома, напротив, предлагали включить в состав КТК большую часть территории Кольского полуострова с г. Мурманском, мотивируя это экономико-географической общностью и наличием на Кольском полуострове карелов, финнов и саамов<sup>238</sup>. На заседании СНК РСФСР, которым руководил В. И. Ленин, было принято компромиссное решение, учитывавшее предложения обеих сторон: в состав автономной области вошли некоторые волости с русским населением, территории, примыкавшие к побережью Белого моря и Онежскому озеру, а также значительный участок Мурманской железной дороги<sup>239</sup>.

4 августа 1920 г. декретом ВЦИК и СНК была определена территория Карельской Трудовой Коммуны, в состав которой вошли 41 волость Олонекской и Архангельской губерний, а также города Петрозаводск, Кемь, Олонец. Общая площадь первоначальной территории КТК составила 115 186 кв. км, на ней проживали 144 393 человека, в том числе около 60% карелов и 37% русских<sup>240</sup>.

В соответствии с декретом Олонекская губерния подлежала ликвидации, а НКВД РСФСР предлагалось решить вопрос о присоединении волостей, не вошедших в КТК, к смежным губерниям<sup>241</sup>. Менее чем через месяц это решение было пересмотрено. Олонекская губерния была теперь образована в составе Лодейнопольского, Вытегорского, Пудожского и Повенецкого уездов, за исключением тех частей, которые отошли к КТК, а Петрозаводск стал административным центром одновременно и КТК, и Олонекской губернии<sup>242</sup>. Губернские хозяйственные органы стали обслуживать одновременно оба административных образования, что

вскоре привело к кризису во взаимоотношениях между властями губернии и возглавившими КТК «красными» финнами.

Включение в КТК территорий с русским населением объяснялось в первую очередь стремлением создать автономию, экономическая жизнеспособность которой не вызывала бы сомнений ни у карельского населения, ни у финляндской делегации в Тарту. Объединение в составе КТК только неразвитых в экономическом отношении карельских волостей могло лишь «вызвать у ее населения националистические стремления за присоединение к Белой Финляндии». Карельский ревком готов был в крайнем случае согласиться на исключение из состава Коммуны г. Петрозаводска при условии, что население города высказалось бы против его передачи КТК, однако при еще большем ограничении территории автономной области ее не «следовало и образовывать»<sup>243</sup>.

1—3 июля делегаты 24 волостей Карелии собрались на Всекарельский съезд представителей трудящихся карелов<sup>244</sup>. Съезд, что и требовалось для НКВД в той ситуации, «горячо приветствовал» образование Коммуны<sup>245</sup>. Как выяснилось вскоре, положительное решение съезда было принято под сильным нажимом Москвы и партийные руководители Олонецкой губернии, в большинстве русские, уступили ему, надеясь на временный и преходящий характер мероприятия.

По свидетельству члена Карельского ревкома В. М. Куджиева, выступления депутатов на Всекарельском съезде и его решения должны были стать на переговорах в Тарту «самым убедительным доказательством воли всего карельского народа жить и работать в составе РСФСР»<sup>246</sup>. После завершения съезда В. М. Куджиев по приглашению НКВД прибыл на аудиенцию к Г. В. Чичерину, доставив в Москву резолюции съезда и протоколы волостных собраний. Нарком иностранных дел сообщил В. М. Куджиеву, что пошлет эти материалы в Тарту<sup>247</sup>. Кроме того, в ходе подготовки к Всекарельскому съезду среди карельского населения был проведен плебисцит, результаты которого также были использованы советской делегацией в Тарту. Из числа охваченных плебисцитом 88,3% высказались за то, чтобы Карелия осталась в составе РСФСР, 10,8% — за независимость Карелии и 0,9% — за присоединение к Финляндии<sup>248</sup>.

Ход продолжительных переговоров в Тарту (с 10 июня по 14 октября 1920 г.) и позиция делегации Финляндии по проблеме Восточной Карелии еще раз убедили руководство советской России как в том, что Финляндия претендовала на ту или иную степень участия в карельских делах, так и в необходимости предпринимать известные шаги с целью воспрепятствовать этому. По-новому подходить к решению карельского вопроса большевиков заставляла новая стратегическая ситуация, в которой оказалась Россия в 1920 г.: утрата позиций на Балтике и неопределенность статуса балтийских и черноморских проливов, в результате чего страна находилась в политической и экономической изоляции<sup>249</sup>. Такое положение резко увеличивало стратегическую и экономическую ценность незамерзающего порта на Кольском полуострове и заставляло иначе взглянуть на обеспечение безопасности железной дороги, соединяющей Мурманск с Петроградом.

По мнению В. Егорова — военного эксперта российской делегации в Тарту, выразившего точку зрения военного ведомства, перенесение русско-финляндской границы к востоку, если бы население Восточной Карелии пожелало этого,

«поставило бы оборону Мурманской железной дороги в значительно более невыгодные условия». Заглядывая далеко вперед, В. Егоров высказал сомнения в том, что в случае войны России с третьими государствами Финляндия сможет сохранить свой нейтралитет. Хотя и не было оснований предполагать, что Финляндия, приобретя Восточную Карелию, совершит «непосредственное нападение на нас из этого района», по мнению эксперта, «не исключалась возможность нападения на нас из этого района и иного противника чем Финляндия»<sup>250</sup>.

Помимо угрозы Мурманской железной дороге, которая создавалась бы перенесением границы в Карелии на восток, это лишало бы Красную Армию «выгод фланговой и в тыл угрозы противнику», который решил бы предпринять наступление в Южной Карелии в промежутке между Онежским и Ладожским озерами. По мнению В. Егорова, значение этого перешейка «для обороны обширного Петроградского района так очевидно, что не нуждается в пояснении»<sup>251</sup>. Изменение границ в Восточной Карелии в пользу Финляндии не исключало возможности «упорно оборонять» межозерный перешеек, однако оборона «лишалась того удобства контрманевров во фланг и тыл наступающему, которые могут сделать ее более прочной, длительной и менее кровавой»<sup>252</sup>.

Оценивая позицию военного ведомства в отношении Восточной Карелии, следует учитывать, что делегация Финляндии на переговорах в Тарту не настаивала на изменении государственной границы к северу от Ладожского озера, за исключением района Печенги, и с этой точки зрения мнение В. Егорова, носило, на первый взгляд, умоглядный характер. Российской стороне, однако, приходилось брать в расчет возможность такого волеизъявления населения Карелии, в результате которого она переходила бы к Финляндии<sup>253</sup>.

Как полагал В. Егоров, «с военной точки зрения представляется необходимым принести принцип полного самоопределения малых народностей до их права отделяться от России в жертву принципу правово-экономического самоопределения всей Российской Республики (и) упрочению военного положения Петроградского района»<sup>254</sup>. Результаты плебисцита, проведенного в Карелии накануне Всекарельского съезда, в соответствии с которыми подавляющее большинство населения высказалось за то, чтобы остаться в составе России, сняли с повестки дня этот вопрос.

Оставалась, впрочем, хотя и меньшего значения, проблема возвращения в состав РСФСР Ребольской и Поросозерской волостей. Проведение плебисцита по вопросу о государственной принадлежности этой территории\*, население которой добровольно и демократическим образом\*\* проголосовало за присоединение к Финляндии, было нежелательным для советской делегации. По мнению главного командующего Красной Армией С. С. Каменева, эти волости следовало включить в КТК без плебисцита, так как при исходе голосования в пользу Финляндии граница оказалась бы в опасной близости к Мурманской железной дороге, чем было «совершенно невозможно рисковать»<sup>255</sup>.

Эти соображения, высказанные представителями военного ведомства, проливают свет на причины непоследовательности политики Москвы в отношении карельской автономии: при условии сохранения бедственного положения большинства насе-

\* Предложено финляндской делегацией.

\*\* В большей степени это относилось к Ребольской волости.

ления Карелии, а также продолжении агитационной и пропагандистской деятельности активистов карельское население могло вполне демократическим образом проголосовать за выход из РСФСР. Как показали решения съезда в Ухте, состоявшегося в марте 1920 г., такой вариант был вполне возможен.

Как отмечалось выше, решение об образовании КТК было принято незадолго до начала переговоров в Тарту и было не чем иным, как дипломатическим маневром. Поскольку, однако, финны в ходе переговоров требовали предоставления карельской автономии реальных экономических прав, советская сторона вынуждена была пойти на дальнейшие уступки. Г. В. Чичерин обратился 6 сентября в политбюро РКП(б) с просьбой «ввиду решающего момента, достигнутого в Юрьеве», принять предложение советской делегации о немедленном опубликовании воззвания к карелам с заявлением о самоопределении, «чтобы это воззвание противопоставить требованию Финляндии и доказать беспредметность... заявлений со стороны финнов с требованием о постановке на конференции карельского вопроса»<sup>256</sup>. Указав на «очень важное» значение Мурманской железной дороги, нарком иностранных дел предложил «немедленно» издать от имени президиума ВЦИК воззвание о самоопределении карельского народа, а также обратил внимание политбюро на необходимость предоставления КТК реальных экономических прав, так как «именно теперь этот вопрос стоит в центре внимания ввиду наших отношений с Финляндией»<sup>257</sup>. На заседании политбюро 6 сентября рассматривалось предложение НКВД о предоставлении КТК полной самостоятельности в экономическом и организационном отношениях, переданное на рассмотрение комиссии, состоявшей из представителей НКВД, Э. Гюллинга, И. В. Сталина, А. И. Рыкова и М. Ф. Владимирского<sup>258</sup>.

Уже 8 сентября воззвание ВЦИК к карельскому народу было опубликовано, о чем немедленно поставили в известность финляндскую делегацию в Тарту. 9 сентября Г. В. Чичерин обратил внимание главы советской делегации Я. А. Берзина на основные моменты, которые следовало подчеркивать в ходе переговоров: образование в КТК Совета народных комиссаров, освобождение населения Коммуны от мобилизаций в Красную Армию, принятие карельского языка в северной части Карелии в качестве языка администрации, начало строительства дорог в Кемской Карелии<sup>259</sup>. (В соответствии с первым пунктом подготовительного доклада к воззванию ВЦИК КТК должна была стать противовесом «завоевательным стремлениям финнов»<sup>260</sup>. По внешнеполитическим соображениям в окончательный текст воззвания этот пункт не был включен.)

Как вскоре стало ясно, воззвание от 8 сентября представляло собой не что иное, как еще один дипломатический маневр советской стороны, предпринятый с целью ускорить подписание мирного договора с Финляндией, — реальные экономические права, в первую очередь бюджетные, Коммуне предоставлены не были. Власти РСФСР относились к КТК до 1922 г. как к обычной русской губернии<sup>261</sup>.

Непосредственной причиной, заставившей Москву пойти на создание КТК в июне 1920 г., была необходимость подписания мирного договора с Финляндией, что было возможно лишь при условии предоставления Карелии автономии. Вместе с тем создание автономной области в Карелии было одним из мероприятий, предпринимаемых в 1920—1922 гг. большевиками для решения национального

вопроса в РСФСР, поводом для чего стали события в Башкирии в январе—мае 1920 г., где сторонники Э. Д. Валидова попытались разогнать местный обком РКП(б), добиваясь устранения контроля центра за ведомствами Башкирской республики и требуя укрепления прав автономии<sup>262</sup>.

Создание в 1920—1922 гг. автономных республик и областей, представлявшее собой один из этапов оформления жестко централизованного государства, оказалось поначалу более или менее приемлемым для народов этих районов решением административной проблемы и в то же время сохранило все центральные полномочия в руках большевистского руководства в Москве<sup>263</sup>. Целью большевиков было создание социалистического унитарного государства, а решение национального вопроса в РСФСР использовалось большевиками как тактика для ее достижения<sup>264</sup>.

В приграничной Карелии способы решения национального вопроса имели свою специфику. Советское государство вынуждено было учитывать сложившиеся реалии и действовать, учитывая одновременно следующие факторы: окрепший за годы гражданской войны карельский национализм и определившееся стремление населения края к автономии, а также воздействие со стороны Финляндии, правительство которой настаивало на предоставлении Карелии автономного статуса.

В соответствии с условиями Тартуского мирного договора, подписанного 14 октября 1920 г., Финляндия отказалась от каких бы то ни было территориальных притязаний на Восточную Карелию, вернув России Ребольскую и Поросозерскую волости и получив взамен выход к Ледовитому океану в районе Петсамо<sup>265</sup>. Советская сторона, с тем чтобы ускорить подписание договора, на заключительном заседании в Тарту выступила с декларацией о праве населения Восточной Карелии на национальное самоопределение<sup>266</sup>, не включенной, впрочем, в текст договора, что делало ее необязательной для исполнения.

Впоследствии в Финляндии рассматривали эту ситуацию как поражение и пытались исправить ее методами дипломатии. Представляется, однако, что в свете последовавших событий следует, скорее, рассматривать наличие этой декларации и то, что финляндская сторона, используя ее, вывела карельский вопрос на международный уровень, как, возможно, единственное условие сохранения Карелией автономного статуса. Об этом свидетельствует весь ход событий после 14 октября 1920 г.

После подписания договора в Тарту в Москве о КТК на какое-то время забыли, поскольку цель была достигнута. До февраля 1921 г., как сообщил в ЦК РКП(б) секретарь объединенного Карело-Олонецкого комитета РКП(б) И. А. Данилов, «ни ЦК партии, ни какой другой центральный руководящий орган не дали местной партийной организации абсолютно никаких указаний о целях и задачах КТК и о той партийной линии, которую необходимо проводить во всей дальнейшей работе на данной территории...»<sup>267</sup>.

И. А. Данилов в своем письме попросил ЦК разъяснить, как следует относиться к карельской автономии. «Мы знаем по слухам, что т. Чичерин придает огромное значение в политическом отношении КТК, что здесь до некоторой степени готовится «буфер» для революционирования Финляндии и Скандинавии и т. п. и т. п., но для этого тогда нужны самые точные указания местной партийной организации»<sup>268</sup>.



В Москве плохо представляли, что происходило в КТК после принятия декрета, и до января 1921 г., когда в столицу дошли сведения о трениях между двумя фракциями Карело-Олонецкого объединенного комитета, а также о тяжелом продовольственном положении в крае, не проявляли интереса к северной окраине страны. 25 января секретарь ЦК Е. А. Преображенский, напомнив карельским коммунистам о поручении, данном еще в августе 1920 г., провести подготовку к съезду Советов КТК<sup>269</sup> и организовать в Коммуне органы власти, посетовал: «...за весь этот период к нам не поступало никаких сведений о том, что сделано: во всех ли уездах КТК существуют Советы, когда будет созван съезд Советов»<sup>270</sup>.

Образование КТК, которое было удачным дипломатическим маневром, позволившим большевикам заключить мирный договор с Финляндией, в скором времени привело к резкому обострению отношений между членами Карельского ревкома — «красными» финнами Э. Гюллингом и Я. Мяки, с одной стороны, и членами Олонецкого губкома и исполкома — с другой. Основными проблемами, разделявшими стороны, было различное понимание сути КТК и раздел властных полномочий. Власти Олонецкой губернии не сомневались в том, что Коммуна вскоре будет упразднена; «красные» финны, которые имели представление о целях Москвы в карельском вопросе, были уверены в том, что автономная область будет сохранена. Среднюю позицию занимали некоторые партийные руководители-карелы.

Позиции сторон были обозначены на 5-й Карельско-Олонецкой конференции, состоявшейся в начале января 1921 г. Выступивший с докладом о задачах КТК член Карельского ревкома карел В. М. Куджиев заявил, что центр был вынужден сделать этот шаг — создать автономную область в Карелии «в момент наиболее сложный в смысле угроз северу и мирных переговоров с Финляндией». По его мнению, КТК «выделялась не как национальная единица, ибо карельской нации, как таковой, безусловно, нет — ибо нет у карел ни своей культуры, ни своего языка...»<sup>271</sup>. Такое положение дел определяло то, что «карелы как таковые безусловно подлежат с одной стороны русификации, с другой — финнизации», в зависимости от географического положения. В экономическом же отношении КТК представляла собой «нечто целое». В. М. Куджиев высказался за «сохранение КТК и против ее слияния с Олонецкой губернией»<sup>272</sup>.

Противоположной точки зрения придерживался выразивший мнение русских коммунистов, составлявших основную оппозицию сохранению автономной области, председатель Олонецкого губисполкома П. Ф. Анохин, который высказался за слияние Коммуны и Олонецкой губернии и опротестовал утверждение В. М. Куджиева о том, что «КТК это нечто жизненно целое»<sup>273</sup>.

Представление «красных» финнов о задачах, которые должна была решать КТК, изложил в своем выступлении Я. Мяки, выразивший общее мнение «красных» финнов о том, что «Коммуна в будущем будет руководительницей коммунистических идей в Финляндии». Я. Мяки согласился с В. М. Куджиевым в том, что Коммуна была образована не как национальное объединение<sup>274</sup>.

В численном отношении русские члены Объединенного Карельско-Олонецкого губернского комитета ВКП(б) значительно превосходили своих оппонентов — «красных» финнов. Силы были явно неравными. Вся партийная организация КТК и Олонецкой губернии в начале сентября 1920 г. объединяла 212 ячеек, насчиты-

вавших 1829 членов и 458 кандидатов в члены партии<sup>275</sup>. «Красные» финны составляли лишь незначительную часть объединенных партийных сил. На 15 ноября 1921 г., в соответствии с информацией Я. Мяки, в состав финского отдела Карельского обкома входило 12 ячеек: 4 — в Петрозаводском уезде (99 членов и 14 кандидатов) и 8 — в Кемском уезде (68 членов и 22 кандидата), в общей сложности 203 человека. Почти половина из них (96 человек) работала в Петрозаводске<sup>276</sup>. За год до этого, без сомнения, «красных» финнов в Карелии было меньше.

Слабейшей группой, участвовавшей в завязавшейся интриге, были коммунисты-карелы, лидером которых выступал один из немногих в их стане видных политиков В. М. Куджиев. В настоящий момент не имеется достоверных данных о национальном составе Карельско-Олонецкой партийной организации, относящихся к началу 1920-х гг.\*, однако не приходится сомневаться, что и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении карелы-коммунисты были в абсолютном меньшинстве. Даже в 1925 г., через три года после начала политики «коренизации», означавшей прежде всего выдвижение представителей коренных народов в национальных районах страны на руководящие должности всех уровней и увеличение в их среде прослойки коммунистов, в партийной организации КАССР насчитывалось лишь 11,24% карелов (218 человек)<sup>277</sup>, при том что удельный вес карелов и вепсов в республике составлял, по данным на 1 января 1924 г., 42,8%<sup>278</sup>. Русские коммунисты были в абсолютном большинстве: 1359 человек, или 70,09%<sup>279</sup>, при удельном весе представителей этой национальности 55,7%<sup>280</sup>.

Вскоре, однако, выяснилось, что решающими факторами были не численное превосходство оппонентов, а умение и организованность «красных» финнов, которых, исходя из своих внешнеполитических интересов, поддерживала в тот момент Москва.

Сигналом к переходу «красных» финнов в наступление стало принятое 5-й Карельско-Олонецкой конференцией, состоявшейся 2—5 января 1921 г., решение о подчинении Объединенному Карельско-Олонецкому комитету Карельско-Мурманского отдела центрального бюро финской организации РКП(б), которым заведовал Я. Мяки<sup>281</sup>. Два «красных» финна — Э. Гюллинг и Я. Мяки — не заставили себя ждать и предприняли контрмеры: Я. Мяки отправился в Москву, где предложил разделить партийные организации<sup>282</sup>. Кроме того, совместно с Э. Гюллингом он обратился с письмом в ЦК РКП(б), в котором в официальном порядке поставил этот же вопрос. Авторы информировали Москву, что на конференции «ясно говорили о том, что КТК скоро ликвидируется, так как она образована только на время мирных переговоров с Финляндией»<sup>283</sup>.

Проявленная «красными» финнами инициатива нашла в Москве подготовленную почву. Высшая партийная инстанция не стала откладывать дело и уже 22 января оргбюро ЦК РКП(б) постановило «организационно отделить облаком\*\* КТК от Олонецкого губкома»<sup>284</sup>. Исполнение этого решения, благодаря противодействию Олонецкого губкома, затянулось, и окончательный раздел состоялся только 26 сентября 1921 г.<sup>285</sup>

\* В советский период этот вопрос по политическим соображениям не рассматривался.

\*\* Так в тексте. Облаком — областной комитет.

В начале февраля 1921 г. «красные» финны нанесли удар, который, как оказалось вскоре, стал решающим. По их настоянию Президиум ВЦИК принял решение о переводе Олонецкого губисполкома из Петрозаводска в Вытегру или Лодейное Поле.

На созванном 5 февраля 8-м Олонецком губернском съезде Советов делегаты попытались добиться отмены постановления ВЦИК. По их мнению, о переводе не могло быть и речи, ибо в противном случае губерния «будет влачить жалкое существование политического убудка». Кроме того, это могло тяжело отразиться на снабжении дровами Петрограда и подготовке древесины для экспорта, а также обречь население губернии «на перспективу длительной голодовки»<sup>286</sup>.

Наилучшим выходом из ситуации было бы, как полагали делегаты съезда, присоединение Олонецкой губернии к КТК, что, однако, могло привести к потере Карелией «своей национальной физиономии». Съезд предложил отложить перевод учреждений губернии в Вытегру до момента завершения строительства административных зданий и железной дороги<sup>287</sup>, что, учитывая экономическое положение в тот период, означало завуалированный отказ выполнять решение ВЦИК.

Съезд потребовал «прекращения попыток путем личных знакомств в Центре финских товарищей из Карисполкома... выставить Губисполком из Петрозаводска». Было принято решение послать в Москву делегацию, которая доложила бы ЦК РКП(б) о положении, создавшемся «благодаря интригам отдельных членов Карревкома, которые являются равносильными смертному приговору» для Олонецкой губернии<sup>288</sup>.

На состоявшемся вскоре пленуме Карельско-Олонецкого комитета РКП(б), рассмотревшем спорный вопрос, вещи были названы своими именами. Пленум констатировал, что с момента образования КТК комитет, «а также местные работники карелы, исключая приезжую группу финнов, руководимую т. т. Гюллингом и Мяки, стояли на той точке зрения, что самоопределение карел — это политический шаг Наркоминдела, в связи с русско-финскими переговорами»<sup>289</sup>.

Проявив понимание позиции центра, занятой им в отношении Коммуны, участники пленума напомнили о том, что «карелы коммунисты, прочитав декрет об образовании КТК, поддержали политическую линию Наркоминдела на 1 Карельском съезде 1 июля 1920 г. и будут поддерживать в других случаях ее до тех пор, пока это нужно Наркоминделу»<sup>290</sup>. В том же случае, если ЦК сделает естественный шаг и даст разрешение, то коммунисты отказались бы от линии на поддержку Коммуны, которую они вели «только в силу партийного долга», и в «любой момент, на любом карельском съезде... могут провести отказ карел от данного им «права на самоопределение»\* и КТК»<sup>291</sup>.

Пленум предложил завершить затянувшуюся дипломатическую игру, смысла в которой, «в связи с заключением русско-финского мира», не было, и присоединить к Коммуне по возможности всю Олонецкую губернию, оставив, если нужно, название КТК, так как «вывеска не меняет существа дела». Целесообразно было бы и слияние советских аппаратов Олонецкого и Карельского исполкомов<sup>292</sup>. На практике это предложение означало ликвидацию КТК.

\* Закавычено в тексте.

Пленум посчитал необходимым «с сожалением» отметить, что «работающие в коммуне финские товарищи «всерьез»\* думают о «самоопределении» карел, внося в свою работу душок финского национализма и не учитывая желаний и настроений ни карельского населения, ни руководства — карел»<sup>293</sup>.

В Москве, однако, придерживались другого мнения, учитывая в первую очередь то обстоятельство, что карельский вопрос к этому времени, благодаря усилиям финляндского правительства, получил международное звучание, и в октябре 1921 г. по настоянию Финляндии члены финляндской части Центральной смешанной комиссии получили право сделать запрос об экономическом и политическом состоянии Карелии<sup>294</sup>.

На какое-то время, как казалось, было достигнуто равновесие сил. 28 февраля 1921 г. ЦКК РКП(б) постановила оставить в силе решение ВЦИК о «выселении» Олонецкого губисполкома, отсрочив его до открытия навигации, а «существующие сейчас границы КТК считать окончательными границами». Одновременно были сделаны уступки противникам «красных» финнов: до фактического выселения губисполкома сохранялся Объединенный Карельско-Олонецкий комитет, которому подчинили Карельско-Мурманский отдел центрального бюро финской организации РКП(б).

Поскольку власти Олонецкой губернии и на этот раз не стали спешить с переездом в Лодейное Поле, Президиум ВЦИК принял 25 августа 1921 г., когда минули все сроки перевода учреждений, решение о предании суду Верховного трибунала всех членов Президиума Олонецкого губисполкома<sup>295</sup>. После того как в дело вмешался секретарь ЦК В. М. Молотов, разрешивший отложить мероприятие до 1 апреля 1922 г.<sup>296</sup>, ВЦИК отменил свое решение о передаче дела в суд<sup>297</sup>. 12 сентября оргбюро ЦК РКП(б) еще раз постановило разделить объединенный губком, подтвердив дату переезда учреждений Олонецкой губернии<sup>298</sup>.

Имевшие поддержку в Москве власти Олонецкой губернии и после этого решения не считали свое дело проигранным, что вынудило наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина обратиться в политбюро с просьбой «ввиду серьезной международной роли Карелии и обостренного отношения Финляндии ко всему, что ее касается», оставить в силе решение ВЦИК<sup>299</sup>.

Положение КТК весной 1921 г. было весьма непрочным не только по причине сложной внутривластной ситуации в автономной области. Свои планы в отношении Карелии, в основном экономического порядка, вынашивали и власти соседних регионов. После образования в марте 1921 г. Севзапэкосо планы экономического подчинения Карелии стали разрабатывать в Петрограде. Петроградские большевики, кроме того, вынашивали планы создания Северо-Западной области, которая включала бы в свой состав также Кольский полуостров и Карелию. НКВД, однако, «следил за тем, чтобы не было посягательств на автономию Карелии», и настоял на том, чтобы КТК «осталась обособленной областью»<sup>300</sup>.

В октябре 1921 г. свои претензии к КТК выдвинули власти Мурманской губернии, претендовавшие на передачу им населенных преимущественно русскими приморских волостей Кемского уезда<sup>301</sup>. НКВД и на этот раз немедленно выступил

\* Закавычено в тексте.

в поддержку «красных» финнов, высказавшись «решительно... против обсуждения теперь этого вопроса» из-за той отрицательной роли, которую «отрыв части территории от КТК может сыграть в наших отношениях с Финляндией»<sup>302</sup>.

Политический узел, образовавшийся в Карелии, в скором времени был развязан, но не усилиями участников конфликта и не благодаря позиции, которую занимал проявлявший колебания центр. В Карелии вновь заговорило оружие.

#### 1.4. «КАРАВАНТЮРА» ИЛИ КАРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ?

14 октября 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор, который помимо прочего определял новую границу между Финляндией и Россией. Формальная передача полномочий от Финляндии к РСФСР в Ребольской и Поросозерской волостях была осуществлена через четыре месяца после подписания договора, 14 февраля 1921 г.

Вскоре после подписания мирного договора между правительствами России и Финляндии началась длительная дискуссия по вопросу о толковании отдельных статей договора и выполнении большевиками обязательств, касавшихся Восточной Карелии. В конце 1921 г. отношения между двумя странами резко обострились в связи с началом событий, которые в советской историографии было принято называть карельской авантюрой, а в Финляндии — народным восстанием карелов<sup>303</sup>.

Последняя попытка решить карельский вопрос силой была предпринята в ноябре 1921 — феврале 1922 г., когда государственную границу пересекли отряды, составленные из бежавших в Финляндию карелов и добровольцев-финнов. К концу декабря Ребольский батальон, Беломорский полк и Полк лесных партизан\* вышли на линию Коккосалми—Тунгуда—Ругозеро—Паданы—Поросозеро<sup>304</sup>, заняв почти половину территории Карелии<sup>305</sup>.

Основную силу восставших составляли приблизительно 2500 местных карелов-беженцев, проживавших в российской Карелии и вынужденных покинуть родные места, в основном после подписания Тартуского договора. Кроме того, в «освободительном походе» приняли участие около полутысячи добровольцев из числа граждан Финляндии<sup>306</sup>, а также 28 егерей, получивших военную подготовку в Германии в годы первой мировой войны. После овладения Ребольской и Поросозерской волостями силы восставших возглавил командир Ребольского батальона майор-егерь Пааво Талвела<sup>307</sup>. Замысел руководителей восстания заключался в том, чтобы, указав на невыполнение советской стороной условий Тартуского договора, обратиться в Лигу Наций, используя в качестве посредника правительство Финляндии. С просьбой о помощи восставшие обратились к общественности Финляндии и Дании, а также к правительству Эстонии<sup>308</sup>.

По данным, собранным Карельским областным отделом ГПУ после завершения операции по оттеснению восставших в Финляндию, наиболее боеспособным фор-

\* В документах Карельского областного отдела ГПУ эти формирования назывались соответственно южная группа, Архангельский полк белокарел и Карельский лесной партизанский отряд.

мированием противника был Полк лесных партизан, действовавший в южной части Кемской Карелии, в районе деревни Березнаволоцкой, и продвинувшийся почти до линии железной дороги Петроград—Мурманск. Этот полк, состоявший «почти исключительно... из карел, с сравнительно небольшой примесью финнов-добровольцев», «фактически поднял знамя восстания в 1921 г.»<sup>309</sup>.

Меньший по численности Беломорский полк, действовавший через Тихозеро и Олонгу в Кестеньгском направлении, был организован позднее Полка лесных партизан и, по агентурным данным, состоял почти на 20% из добровольцев-финнов<sup>310</sup>.

Южная группировка, или Ребольский батальон, данные о составе которой были неполными, наступала через Реболы в направлении деревни Поросозеро. В нее входило сравнительно немного карелов, а численно преобладали, по агентурным данным, собранным после завершения восстания, финны-добровольцы<sup>311</sup>.

Восставшие действовали под общим руководством Карельского временного правительства и его лозунгом «Карелия — карелам», вместе с тем «финские офицеры и вообще финны не играли большой роли как главари движения, за исключением Таккинена»\*, а «самыми видными руководителями бандитизма были местные карелы»<sup>312</sup>.

Причины, побудившие карелов выступить с оружием в руках против новой власти, заключались в первую очередь в катастрофической экономической ситуации, сложившейся в КТК в 1921 г. вследствие проводившейся в РСФСР политики «военного коммунизма» и наследия, оставленного гражданской войной. С особенной силой этот кризис поразил северные волости Карелии, в экономическом отношении тяготевшие к Финляндии, из которой в эти районы еще до 1917 г. поставлялся основной вид продовольствия — российский хлеб — по причине отсутствия дорог, ведущих от железнодорожной магистрали Петроград—Мурманск к границе. Вследствие неурожая 1921 г. в хлебородных районах страны подвоз продуктов питания в северные районы почти прекратился<sup>313</sup>.

Еще в марте 1921 г. власти КТК обратились в центральные органы власти советской России со срочной телеграммой, сообщив о «катастрофическом» положении с продовольствием в автономной области. Заявив о том, что «если Москва хочет проводить свою политику (в) коммуне, (то) необходимо» срочно отправить в край 120 000 пудов хлеба. Подписавшие телеграмму В. Т. Гурьев и В. М. Куджиев довели до сведения НКВД, Наркомата по делам национальностей, Наркомата продовольствия и СТО то, что «политическое состояние (КТК. — Ю. К.) можно улучшить лишь снабжением, агитация бессильна»<sup>314</sup>.

В начале апреля 1921 г. Г. В. Чичерин, сообщив в НКВД о «страшной голодовке в Карелии» и необходимости в связи с этим закупки хлеба в Финляндии, высказал мнение, что «голод в Карелии может иметь роковые последствия для Советской власти в этой местности, между тем как нам необходим проход на север по Мурманской дороге. Значение Карелии для нас, поэтому, очень велико»<sup>315</sup>.

\* Военный руководитель восстания на первом этапе Ялмари Таккинен, действовавший под псевдонимом «Илмаринен» (один из героев эпоса «Калевала»): *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 319.

В июне 1921 г., пытаясь ускорить выделение средств на закупку продовольствия для Карелии, НКВД обратился в Малый СНК с письмом, в котором в концентрированном виде была изложена позиция внешнеполитического ведомства в отношении карельского вопроса. В соответствии с «основными интересами России... жизненной необходимостью обладания северными гаванями», связанными с центром страны «узким коридором... где живет карельский народ», дружественные отношения с ним «составляют... для Советской России один из важных интересов»<sup>316</sup>. Сохранению «прекрасных отношений с карельскими массами на почве предоставления им автономии» серьезно препятствовал недостаток продовольствия в КТК. НКВД предложил выделить 500 000 руб. золотом для снабжения Карелии продовольствием, указав на то, что «мы в действительности выиграем гораздо больше, так как этим морально закрепляем за собой этот край и тем самым закрепляем в Мурманске побережье»<sup>317</sup>. 11 августа Г. В. Чичерин обратил внимание В. И. Ленина на политические последствия голода в Карелии, представлявшей собой «коридор на север к Мурманскому окну в Европу»<sup>318</sup>.

В докладе о карельском восстании, составленном Карельским областным отделом ГПУ в 1922 г. после завершения боевых действий, содержалось довольно объективное объяснение причин, приведших в итоге к вооруженному выступлению. В основном, по мнению чекистов, они были местного происхождения и отнюдь не вызывались влиянием Финляндии. Предвозвестниками будущего восстания стали волнения весной 1921 г. в некоторых северных волостях КТК, главным образом в районе Тунгуды, где население отказывалось работать на сплаве леса<sup>319</sup>. Власти коммуны применили военную силу, выслав на подавление беспорядков подразделения 379-го полка, охранявшего государственную границу<sup>320</sup>.

Несколько иной точки зрения придерживались в Москве. По мнению иностранного отдела (ИНО) ВЧК, события в Карелии представляли собой «самое серьезное и самое отчаянное восстание в истории карельского освободительного движения». К «местным» причинам, приведшим к восстанию, московские чекисты отнесли хозяйственную разруху и продовольственный кризис, а также внутреннюю политику карельских властей, на чьей совести была значительная доля ответственности «за действия данной минуты»<sup>321</sup>. По мнению ИНО ВЧК, «сознательное стремление к национальной и политической свободе играет очень незначительную роль среди местных причин восстания», а решающее значение имела внешняя причина — ланфинская идея освобождения Карелии и присоединения ее к Финляндии<sup>322</sup>.

Противоположное мнение высказал на состоявшейся в марте 1922 г., после подавления восстания, первой Карельской областной конференции Я. Мяки, который, признав «ошибки в КТК», способствовавшие развитию «финских белогвардейских влияний», заявил, что «этим мы сами начали подготовку для бандитизма»<sup>323</sup>. Свою роль в том, что восстание приняло столь серьезный характер, как полагал Я. Мяки, сыграло и решение об объявлении амнистии бежавшим ранее в Финляндию карелам Кемского уезда<sup>324</sup>.

Осенью 1921 г., когда в КТК начались лесозаготовки и сбор продналога с населения, имевшего запасы продовольствия в среднем лишь на 3-5 месяцев, волнения на севере Коммуны стали «уже более ощутимыми» и представители Ухтинского правительств приступили к непосредственной организации восстания в Тунгуде,

Летнеконечкой, Юшкозерской, Маслозерской, Кимасозерской и Ругозерской волостях<sup>325</sup>. В деревнях начались открытые собрания жителей, на которых выносились резолюции о восстании против советской власти. Северные волости не послали своих делегатов на 2-й съезд Советов Карелии, создав свой съезд, избравший карельское (Ухтинское) правительство<sup>326</sup>.

Свою долю ответственности за случившееся, по мнению чекистов, несли и местные власти, прежде всего советские учреждения КТК, в которых царили «преступная халатность, злостный пассивный или вредительский саботаж, пьянство, разгильдяйство и непроглядная спячка»<sup>327</sup>. По данным, имевшимся в распоряжении ГПУ, в Карелии «целой чередой тянутся факты произволов и насилий над местными жителями»<sup>328</sup>, чинимых властями. Впрочем, аппараты советской власти в центре КТК и на местах были «крайне слабы», а на севере, в Ухтинском районе\*, «просто ничего не было»<sup>329</sup>, как не было «фактически» и органов ЧК<sup>330</sup>.

Следует отметить, что ГПУ имело лучше поставленную агентурную сеть в Финляндии, чем в КТК и в особенности в ее северных волостях, что негативно сказалось на способности органов и местных властей прогнозировать развитие событий.

Причины, побудившие население северных волостей Карелии взять в руки оружие, следует искать во внутренних условиях КТК, власти которой не могли обеспечить элементарных потребностей людей в продовольствии, поставив их тем самым на грань голодной смерти<sup>331</sup> и отнимая продналогами последнее накануне суровой зимы.

Поводом же к началу вооруженного выступления, как полагали в Карельском областном отделе ГПУ, стали результаты 2-го съезда Советов Карелии, избравшего в исполком КТК коммунистов, но на котором «отнюдь нигде не поднимался во весь рост животрепещущий национальный вопрос»<sup>332</sup>. Об этом же со всей определенностью заявил «красный» финн В. Форстен в марте 1922 г. на подводившей итоги восстанию 1-й Карельской областной партийной конференции. По его мнению, «бандитизм» развился не только из-за экономических затруднений, «он нашел себе почву отчасти благодаря той политике, которая не удовлетворяла национальных потребностей населения»<sup>333</sup>. Этому же мнению придерживался и Э. Гюлинг, считавший КТК «обычной русской губернией»<sup>334</sup>.

Ошибочную позицию накануне восстания занял и НКИД, который не смог оценить важности решения национального вопроса в КТК, преследуя свои сиюминутные интересы. Еще в начале августа 1921 г. полпред РСФСР в Финляндии А. С. Черных и председатель российской делегации Центральной смешанной российско-финляндской комиссии Ю. Мархлевский предложили созвать 2-й Всекарельский съезд, который должен был стать «громоотводом» для настроений в Финляндии и еще раз отвергнуть притязания финнов на роль в решении проблем, касавшихся Карелии<sup>335</sup>.

Съезд, в соответствии с предложениями НКИД, должен был, прежде всего, высказаться против «политики вмешательства финляндского правительства во

\* В данном случае имеется в виду не административная единица, а географическое понятие, которое приблизительно соответствовало территории так называемой Беломорской (Северной) Карелии.



внутренние дела Карелии»<sup>336</sup> и «заклеймить карельских эмигрантов»<sup>337</sup>. В составленном Ю. Мархлевским<sup>338</sup> проекте резолюции съезда не содержалось предложений о решении национального вопроса в КТК, хотя это первоначально и предусматривалось<sup>339</sup>. Так, Э. Гюллинг в беседе в НКВД выразил уверенность в том, что «ему удастся на съезде провести те положения об автономии, которые мы (НКВД. — Ю. К.) найдем целесообразными»<sup>340</sup>, однако в Москве в тот момент не очень четко представляли цели своей политики в Карелии и не решились расширить ее автономные права.

Восстание застало Москву врасплох. Солидная по размерам агентурная сеть в Финляндии не смогла заблаговременно предоставить сведения о намечавшейся военной операции, что, возможно, не в последнюю очередь объяснялось недостаточной координацией деятельности трех военных разведок — округа, флота и разведывательного управления (РУ) РККА в Москве. Разведуправление Петроградского военного округа (ПВО) о боевых действиях в Карелии впервые узнало из оперативной сводки штаба ПВО 4 ноября 1921 г.<sup>341</sup>

Поначалу масштаб и значение этих событий остались неясными: еще 15 ноября разведка ПВО полагала, что сформированные в Финляндии «особые отряды» из карелов будут использованы для охраны границы на Карельском перешейке. Сыграла свою роль и недостоверная, как оказалось позже, информация, полученная округом из РУ РККА 25 ноября о 4 тыс. ингерманландцев, собиравшихся в ближайшее время вторгнуться из района Рауту в пределы России<sup>342</sup>. По всей видимости, в штабе ПВО наиболее угрожаемым направлением представлялся Карельский перешеек, где противник мог кратчайшим путем подойти к Петрограду, а не отдаленная Карелия.

По данным разведуправления Петроградского военного округа на 20 декабря 1921 г., численность восставших составляла приблизительно 7,5 тыс. человек, возрастая за счет добровольцев, вербуемых как среди карельских беженцев, так и среди финского населения, в первую очередь из Северной Финляндии. В разведсводке ПВО за период с 5 по 20 декабря содержались агентурные сведения о том, что из 6—7 тыс. беженцев-карелов, находившихся в Финляндии, почти половина была завербована и отправлена в Карелию<sup>343</sup> (довольно точная оценка. — Ю. К.)\*. Всего, по оценке разведуправления ПВО, из Финляндии в Карелию для участия в восстании могло прибыть до 10 тыс. человек — финнов и карелов<sup>344</sup>.

В январе — начале февраля 1922 г., когда масштабы происходившего в Карелии определились, командование ПВО попыталось составить собственное представление о характере событий и возможных перспективах, учитывая внешнеполитические факторы и внутривнутриполитическую ситуацию в Финляндии. На этот раз военные, наученные горьким опытом, были склонны преувеличивать значение карельских событий, не исключая того, что они были частью далеко идущего плана войны против советской России, которая могла начаться спустя некоторое время.

\* По данным Карельского областного отдела ГПУ, первоначально отряды восставших почти исключительно состояли из добровольцев, а к первой половине января в них появилось много мобилизованных. Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 г. Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 101.

В циркуляре начальника политического управления ПВО Володина от 1 февраля было высказано мнение о возможности войны к весне с западными соседями России, в первую очередь с Польшей и Румынией, либо по инициативе Франции, либо в случае разрыва с Англией на переговорах в Генуе. Именно ожидание скорой войны с западными соседями России, по мнению автора циркуляра, объясняло то, что «Румыния и Финляндия ведут себя весьма нагло»<sup>345</sup>.

Командование ПВО стало готовиться к худшему, не исключая возможности участия в боевых действиях частей регулярной армии Финляндии и захвата Петрозаводска. В соответствии с приказом войскам ПВО от 20 декабря 1921 г., было запланировано проведение маневров в районе Петрозаводска—Олонца, «тесно соприкасавшихся с действительными военными операциями крупного масштаба на территории Карелии».

Армия синих численностью до 10—12 тыс. бойцов, находившаяся в пределах Финляндии, предположительно имела целью поднять восстание среди местного карельского населения, захватить Мурманскую железную дорогу, очистить Карелию от войск красных и овладеть краем. Силы синих могли составить три бригады, центр управления которыми размещался в Сердоболе (Сортавале): 26 декабря одна из финских бригад, по замыслу составителей плана маневров, захватила бы Петрозаводск, имея цель — выход к реке Свири, после чего началось контрнаступление частей Красной Армии, использующих в качестве базы Лодейное Поле<sup>346</sup>.

Агентурные сведения, полученные разведкой ПВО, убеждали командование округа в вероятности развития событий по такому сценарию: в соответствии с перехваченным секретным приказом по 2-й дивизии финляндской армии от 2 января 1922 г. № 8 в Карелию командировались несколько военнослужащих, в том числе офицеры; по инициативе главкома армии Финляндии Военное министерство должно было отменить отпуска на три месяца всем офицерам в чине выше капитана<sup>347</sup>. Финские коммунисты, действовавшие в финляндской армии, сообщили о приказе быть в полной боевой готовности, полученном 1-й дивизией 28 декабря 1921 г.<sup>348</sup>

В то же время внутривнутриполитическая ситуация в Финляндии, расклад политических сил, по всей видимости, исключали вмешательство армии этой страны в боевые действия, которые велись в Карелии. В докладе о «карельском восстании № 2» (термин «каравантюра» стали широко использовать позже. — Ю. К.) военные констатировали, что «при теперешнем составе сейма ни одно правительство Финляндии не было бы в состоянии осуществить... план некоторых финских (не шведских) военных кругов». Этот план, по имевшимся сведениям, включал предъявление ультиматума советскому правительству о немедленном выполнении постановлений Тартуского мирного договора относительно Карелии, проведение мобилизации и начало войны в союзе с Эстонией в случае получения неудовлетворительного ответа<sup>349</sup>.

В Москве считали возможным такой поворот событий. НКВД был крайне встревожен ситуацией в Карелии и с середины ноября предпринимал все возможные меры для того, чтобы заставить армию как можно скорее ликвидировать восстание. 21 ноября Г. В. Чичерин направил председателю РВСР Л. Д. Троцкому

письмо, в котором обратил его «серьезнейшее внимание на карельские банды». Г. В. Чичерин призвал Л. Д. Троцкого ликвидировать их «очень скоро», так как в противном случае финляндское правительство могло «оказаться в невозможности соблюдать нейтралитет и невмешательство»<sup>350</sup>.

В этот же день главком С. С. Каменев дал директиву штабу «немедленно разработать план подавления» восстания совместно с особыми отделами и ВЧК и указал на его «серьезность». По сведениям, имевшимся у С. С. Каменева, «настроение крестьян» было «на стороне бандитов» и на «молниеносные действия» в Карелии армии «рассчитывать не приходится»<sup>351</sup>.

26 ноября Г. В. Чичерин отправил Л. Д. Троцкому еще одно письмо с просьбой обратить «самое серьезное внимание на карельское восстание», предложив «предпринять какое-либо агитационное выступление, чтобы пугать Веннолу (премьер-министра Финляндии. — Ю.К.) не одними только нотами»<sup>352</sup>. Это предложение приобрело более конкретные очертания в середине декабря. По мнению Г. В. Чичерина, к этому времени собранные в Карелии «ничтожные» силы и подавление «мятежа» медленными темпами привели к тому, что «Финляндия смеется над нами, наши угрозы считают блефом, настроение все больше поднимается». Нарком иностранных дел предложил Л. Д. Троцкому провести «военную демонстрацию, т. е. продвинуть несколько броневиков и полк к границе»<sup>353</sup>.

В своем ответе Г. В. Чичерину Л. Д. Троцкий пошел гораздо дальше, чем предлагал глава НКВД. Проинформировав Г. В. Чичерина о концентрации «значительных сил в Карелии и вдоль финской границы», председатель РВСР предположил, что «финны прощупывают нашу упругость, чтобы создать для себя оперативный план действий к весне, на случай наступления на нас Польши и Румынии»<sup>354</sup>.

Отдавая отчет в том, что речь не шла о точной «календарной» программе, Л. Д. Троцкий все же считал, что «поляки не раз спрашивали Финляндию, каково будет ее поведение в случае весеннего конфликта с нами», и предложил на этом основании дать «финнам... своевременный урок». Финляндии следовало предъявить ультиматум о «прекращении поддержки банд», и в случае его невыполнения в срок прервать «все торговые и дипломатические сношения». «Если они хотят прощупать нас, то нам надо прощупать их. У нас для этого во всяком случае больше возможностей»<sup>355</sup>.

Это предложение, означавшее на практике готовность к началу войны с Финляндией, соответствовало и настроению Э. Гюллинга, выразившего мнение, что решение конфликта «надо искать в пределах Финляндии, а не в карельских лесах»<sup>356</sup>.

17 декабря Г. В. Чичерин выступил еще раз, обратившись одновременно к заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту и Л. Д. Троцкому. Первый был поставлен в известность о том, что в Карелии «необходимы самые энергичные, быстрые и безжалостные действия», так как «проявление слабости... может разочевотить всех других наших соседей»<sup>357</sup>. Л. Д. Троцкому же Г. В. Чичерин сообщил, что «в случае войны с Финляндией Эстония и Латвия, вероятно, пойдут с Финляндией»<sup>358</sup>.

28 декабря А. С. Черных сообщил министру иностранных дел Финляндии Р. Холсти не только о переброске частей Красной Армии в Карелию, но и о со-

средоточении войск на Карельском перешейке<sup>359</sup>. К этому времени, впрочем, правительство Финляндии уже было осведомлено о демонстративной переброске к границе на Карельском перешейке четырех дивизий, что вызвало в Хельсинки панику: рассматривалась возможность проведения мобилизации, а также началось нежелательное для Кремля сближение Финляндии со странами-лимитрофами. У стран Антанты была запрошена помощь на случай войны<sup>360</sup>.

Эти опасения имели под собой определенные основания. В конце декабря 1921 г. РВСР обратился в НКИД с требованием о предъявлении ультиматума Финляндии «(обеспечить) наши войска от нападения», заявив, что в случае неисполнения этого условия командование Красной Армии «будет вынуждено выдвинуть свои части на Финскую территорию»<sup>361</sup>. Коллегия НКИД заняла более умеренную позицию, чем военные, предложив ограничиться «достаточными заслонами на нашей территории»<sup>362</sup>.

В наркомате иностранных дел России учитывалось то очень опасное для политического режима обстоятельство, что разрастание конфликта объективно подталкивало правительство Финляндии в сторону заключения оборонительного союза с окраинными государствами, в первую очередь с Польшей, Эстонией и Латвией<sup>363</sup>. По мнению руководства НКИД, развития событий по этому сценарию следовало избежать любой ценой, подавив для начала, как можно скорее, восстание.

Помимо обстоятельств внешнеполитического характера, на стремление решить проблему силой в самое короткое время повлияла позиция, занятая внешнеторговым ведомством РСФСР. По свидетельству наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, главной причиной, которая заставила НКИД торопиться с ликвидацией конфликта, было давление со стороны Внешнеторга, нуждавшегося в бумаге (в первую очередь газетной) и в финляндских портах для транспортировки хлеба<sup>364</sup>.

Зависимость печатных изданий в России от финляндской бумаги была в это время столь велика, что предложение об отзыве политической и торговой делегаций советской России в период конфликта и, соответственно, о фактической приостановке дипломатических отношений, несколько раз обсуждавшееся на заседаниях коллегии НКИД, так и не было принято. Возможности методами дипломатии решить проблему, повлияв на правительство Финляндии, у НКИД не имелось, и, по свидетельству члена коллегии наркомата Я. С. Ганецкого, пришлось, «к сожалению», отказаться от этого решительного шага.

Политическое руководство советской России на первых порах не исключало и более действенной меры — разрыва дипломатических отношений с Финляндией, в соответствии с предложением Л. Д. Троцкого, внесенным на рассмотрение политбюро ЦК ВКП(б), обсудившего этот вопрос на заседании 3 декабря 1921 г. Политбюро отложило принятие ответственного решения до 5 декабря, а затем отказалось от этого шага<sup>365</sup>, учитывая зависимость большевистской печати от поставок бумаги из Финляндии и внешнеполитические последствия.

9 февраля 1922 г. в письме полпреду России в Финляндии А. С. Черных Я. С. Ганецкий сообщил об «отчаянии», в котором пребывал Внешторг, лишенный во время конфликта возможности закупить в Финляндии бумагу, в результате чего возникла угроза закрытия газет в стране<sup>366</sup>. Через три года это положение

сохранилось и член коллегии НКВД В. Л. Копп сообщил А. С. Черных о том, что «наша зависимость от финляндской бумаги носит почти абсолютный характер. Малейшая задержка в получении бумаги из Финляндии действительно грозит приостановкой издания наших крупнейших газет»<sup>367</sup>. (Во второй половине 1920-х гг., исправляя ситуацию, НКВД перешел к закупкам бумаги в других странах, прежде всего в Германии.)

Помимо этого ожидалась поставка крупных партий хлеба из США в рамках программы, осуществлявшейся АРА (American Relief Administration) с целью оказания помощи пораженной голодом России. (АРА сумела собрать около 66 млн. долларов, главным образом за счет частных пожертвований, что помогло спасти, по американским оценкам, жизни 10,5 млн. человек<sup>368</sup>.) В условиях разрушенного мировой и гражданской войнами транспорта советской России для массовых поставок продовольствия из США было необходимо использовать порты Финляндии. Эти соображения также заставили политическое руководство страны искать возможности для скорейшего завершения конфликта.

По мнению А. С. Черных, которое он довел до сведения Г. В. Чичерина, опасаться военного выступления финнов не было оснований, так как правительство Финляндии «старается избежать того решительного столкновения с нами, которого добиваются правые финские круги»<sup>369</sup>. Этот вывод соответствовал настроению, преобладавшим в парламенте Финляндии. В начале февраля 1922 г. в Эстерботнии состоялось собрание, которое отправило делегацию для встреч с фракциями буржуазных партий парламента по проблеме Восточной Карелии. Типичной была реакция фракции аграрной партии, на поддержку которой особенно рассчитывали делегаты. С. Алкио, выразив мнение аграриев, что Финляндия не будет свободной до тех пор, пока Карелия не «сбросит кандалы», все же исключил военный способ решения проблемы. Похожими были и ответы представителей других фракций, ограничившихся заверениями в сочувствии по отношению к Восточной Карелии<sup>370</sup>.

Официальная позиция правительства Финляндии заключалась в политике невмешательства в конфликт, бушевавший по ту сторону границы, в попытках заручиться дипломатической поддержкой стран-лимитрофов и одновременном обращении в Лигу Наций<sup>371</sup>, что особенно беспокоило Москву<sup>372</sup>. Поскольку правительство РСФСР возражало против вмешательства третьей стороны в конфликт в качестве посредника, а Лига Наций могла стать таковым лишь при условии согласия на это обеих сторон, обращение Финляндии в эту международную организацию осталось без последствий<sup>373</sup>.

Стратегия подавления восстания, с учетом внешнеполитических факторов и необходимости сохранить Карелию в составе РСФСР, была предложена в окончательной форме Л. Д. Троцким и одобрена 3 января 1922 г. в постановлении политбюро ЦК ВКП(б). Помимо военных мероприятий — срочной переброски войск в Карелию и начала наступления — предусматривалось осуществить и ряд других шагов.

Во-первых, следовало начать информационную войну и «немедленно же по горячим следам провести в Карелии кампанию протестов против набега финляндской буржуазии на трудящиеся карельские массы»<sup>374</sup>. По указанию политбюро «протесты должны исходить от волостей и сел за подписью местных властей и предста-

вителей власти, а где возможно, и граждан. В этом смысле дать директиву РВС округа, ЦК, НК Финской партии и Исполкому Карелии. Потребовать энергичных и быстрых действий и немедленной публикации всех протестов»<sup>375</sup>.

Во-вторых, с целью давления на Финляндию политбюро обязало НКИД потребовать от правительства этой страны создания при участии представителей РСФСР особой комиссии по разоружению «перешедших границу банд» и выдать все оружие «банд». Тем самым финны оказались бы перед дилеммой: либо признать, что они снабжали оружием отряды восставших, либо передать военным властям России вооружение<sup>376</sup>.

В-третьих, для ускорения дела было дано указание «нашей печати открыть и продолжить бешеную кампанию против Финляндии, требуя ее бойкота, приводя все новые и новые факты участия финляндской буржуазии в карельской авантюре». Подбирать эти факты, на основании которых НКИД должен был обратиться к правительству Финляндии с рядом нот\*, политбюро обязало военное ведомство и руководителей КТК<sup>377</sup>. Пропагандистскую кампанию и предъявление нот в условиях, когда еще неясно было, в какие сроки завершится военная операция в Карелии, было предписано «по возможности тянуть и поэтому писать короткие ноты по отдельным частным вопросам, с отдельными требованиями»<sup>378</sup>.

В-четвертых, в том случае, если бы правительство Финляндии оказалось невосприимчивым к дипломатическим мерам и пропаганде, предполагалось усилить давление на него, предъявив финнам требование о возмещении убытков, понесенных КТК, и расходов РСФСР на проведение военной операции в Карелии. Исполком КТК должен был «обратиться официально» во ВЦИК с ходатайством о возмещении убытков, указав при этом их размер<sup>379</sup>.

Ставки были высоки, и уже 15 декабря председатель РВСР Л. Д. Троцкий, который координировал военно-политические мероприятия по разгрому восстания, дал указание Петроградскому военному округу «раздавить опасность, которая давно разрастается в международный вопрос»<sup>380</sup>. О важности событий в Карелии говорило и то, что В. И. Ленин лично следил за ходом боевых действий и запросы командования немедленно удовлетворялись по его указанию<sup>381</sup>.

17 декабря 1921 г. член РВС Петроградского военного округа Наумов направил командующему войсками Карельского укрепленного района А. И. Седякину телеграмму, в которой, указав на «международное значение» событий в Карелии, потребовал «беспоощадно и стремительно уничтожить эту занозу»<sup>382</sup>.

Замысел операции, которой командовал А. И. Седякин, заключался в решительном наступлении по трем направлениям, из которых южное было основным<sup>383</sup>, так

\* Список «Разрушений, произведенных в КТК», составленный Карельским областным отделом ГПУ в октябре 1922 г., был коротким: на реке Онде во время восстания был сожжен мост и разгрому подвергся Сеговецкий завод. Кроме того, в д. Реболы было «расхищено» 300 пудов хлеба и предпринята попытка взрыва моста через реку Свирь. Письмо врид. начальника КОО ГПУ Тарасюка председателю Карельского исполнительного комитета Э. Гюллингу 14. 10. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 24. (Убытки, понесенные гражданскими учреждениями Карелии в ходе восстания, по данным Карревкома, составили 5 610 000 довоенных рублей. АВПРФ, ф. 0149, оп. 1, п. 2, д. 6, л. 16.)

как командование ПВО опасалось захвата Петрозаводска «подвижной и сильной частью» противника, действовавшей на Ребольском направлении<sup>384</sup>. Для предотвращения этой угрозы здесь была сконцентрирована самая сильная группировка Красной Армии из трех действовавших в Карелии: 5375 бойцов, 75 пулеметов, 10 орудий<sup>385</sup>.

Важную роль в ходе операции сыграл поход отряда Т. Антикайна от населенного пункта Масельская до Кимасозера, где располагался штаб южной группы повстанцев. Приказ о начале похода был отдан А. И. Седякиным 7 января<sup>386</sup>, а 20 января гарнизон и штаб противника в д. Кимасозеро были разгромлены неожиданным ударом<sup>387</sup>.

Противостоящая отрядам повстанцев группировка Красной Армии насчитывала к завершению боевых действий в феврале 1922 г. более 30 тыс. человек. В боевых действиях принимали участие учебно-кадровые бригады 56-й и 11-й дивизий, московская бригада курсантов, 29-я и 30-я стрелковые бригады трехполкового состава, 379-й полк, отдельные батальоны, дивизионные школы 11-й и 56-й дивизий, Интернациональная военная школа и ряд мелких частей, а также 2 бронепоезда, артиллерия, авиация.

Вполне боеспособные в центральной и южной России, эти войска, не имевшие лыжной подготовки и в условиях бездорожья лишенные возможности маневра, оказались малопригодными для Карелии. (Войскам требовалось 12 000 пар лыж, однако со всех складов Красной Армии с большим трудом удалось собрать и доставить в Карелию лишь 7200 пар<sup>388</sup>.) Это не только затянуло проведение операции, но и стало дополнительным бременем для населения Карелии и Олонецкой губернии<sup>389</sup>.

Почти десятикратное превосходство в живой силе все же решило исход войсковой операции: 14 января был занят населенный пункт Реболы, 5 февраля — Тихозеро и 7 февраля — Ухта<sup>390</sup>. В середине февраля 1922 г. теснимые Красной Армией повстанцы отступили на территорию Финляндии. Потери красных в ходе операции, по данным штаба РККА, были сравнительно невелики, учитывая масштабы кампании: 152 — убитых, 512 — раненых, 257 — обмороженных, 200 — пропавших без вести, 273 — эвакуированных (больных), всего 1394 человека<sup>391</sup>.

Через много лет после завершения событий в Карелии командовавший военной операцией А. И. Седякин, военная карьера которого в последующем не сложилась\*, таким образом описывал в письме К. Е. Ворошилову свою роль в подавлении восстания: «Это была настоящая Абиссиния, только приполярная. В этой операции я вел себя опять как диктатор. Шел напролом через все препятствия и победил»<sup>392</sup>. В середине 1930-х гг. А. И. Седякин обратился к Л. М. Кагановичу в связи с аннулированием РВС СССР боевого жетона «Участника подавления

\* А. И. Седякин возглавлял разгром Кронштадтского восстания, обладая правами диктатора, а в декабре 1921 г. на торжественном заседании Петроградского Совета был отправлен в качестве командующего группировкой Красной Армии в Карелию. В 1930 г. он достиг пика своей военной карьеры, став инспектором пехоты РККА, однако чувствовал себя обделенным и требовал послать его учиться для продолжения карьеры. Письмо А. И. Седякина К. Е. Ворошилову 10. 11. 1930. РЦХИДНИ, ф. 74, оп. 2, д. 104, л. 117.

восстания в Карелии», что, по мнению А. И. Седякина, «для меня и ветеранов Карельского полярного похода ... было незаслуженной и оскорбительной обидой»<sup>393</sup>.

В марте 1922 г. приграничные районы Северной Карелии представляли собой пустыню, большая часть населения (свыше 11 тыс. человек) бежала в Финляндию<sup>394</sup>. Эти данные, содержащиеся в монографии Т. Нюгорда, в основном соответствуют тем оценкам, которые были сделаны современниками и участниками событий.

По сведениям Карельского областного отдела ГПУ, после ликвидации «авантюры 1921—22 гг.» в Финляндию бежали 10—12 тыс. карелов\* в дополнение к приблизительно 3 тыс. беженцев, перебравшихся за границу в 1919 г., в основном из Олонецкой Карелии. В целом чекисты оценивали количество беженцев в 15 тыс. человек, что составляло около 11% от общей численности населения КТК и около 37% от населения северной части Коммуны. В некоторых пограничных волостях, таких как Титозерская и Тунгудская, за границу бежало до 80—90% населения, а остались лишь «старые калеки и дети»<sup>395</sup>.

Карельские чекисты были весьма низкого мнения об эффективности проведенной силами Красной Армии операции против отрядов карельских повстанцев, полагая, что проводившаяся военным способом, «наводящая страх за существование у местного населения» ликвидация стала основной причиной массового ухода местного населения в Финляндию из опасения перед «быстрой военной расправой». Карельский отдел ГПУ полагал, что широкомасштабная военная операция вынудила уйти за границу около 8 тыс. человек, «принимавших сравнительно пассивное участие в бандитизме»<sup>396</sup>.

В другом документе, составленном ГПУ, военная операция, проведенная в Карелии, была охарактеризована как «основная ошибка», повлекшая за собой массовый уход населения в Финляндию. Военные результаты операции, по мнению чекистов, также были неудовлетворительны, поскольку части Красной Армии, не обладавшие маневренностью и не умевшие действовать зимой в условиях сложной местности, вместо ликвидации сил восставших ограничились их вытеснением в пределы Финляндии<sup>397</sup>.

Карельский областной отдел ГПУ был сторонником другого варианта подавления восстания — с использованием специальных методов, которые были апробированы ЧК—ГПУ, в частности, во время Тамбовского восстания: активизации осведомительной работы, внедрения в отряды повстанцев агентуры, формирования так называемых бандгрупп из сотрудников ГПУ, местных жителей и красноармейцев, а также применения института ответчиков (заложников. — Ю. К.). Впрочем, принимая во внимание особенности Северной Карелии, прежде всего национальный состав населения, на лояльность которого в тот период рассчитывать не приходилось, а также слабость органов ЧК в КТК в начале 1920-х гг., возможность ликвидации восстания «чекистскими методами» осталась теоретической, хотя попытки осуществления ее предпринимались.

\* В феврале 1922 г., по данным финляндского государственного центра помощи беженцам, в Финляндии насчитывалось 11 239 беженцев из Восточной Карелии. *Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922. S. 72.* См. также: XV лет Советской Карелии: Тезисы и материалы для докладчиков. Петрозаводск, 1935. С. 5.



К 1 января 1922 г. в КТК действовали многочисленные подразделения чекистов, объединенных под общим руководством особого уполномоченного полномочного представительства ГПУ в Петроградском военном округе «товарища Даубе», а впоследствии «товарища Каширина», — группы сотрудников Карельского ЧК, Мурманского губчека, 1-го и 2-го особых отделений. В некоторых операциях участвовали представители Олонецкого губчека<sup>398</sup>.

К 1 января в районах, охваченных восстанием, действовали четыре группы «агент-бандразведки»\*, в которых числилось 48 чекистов и красноармейцев, в основном не знавших местных условий, языка, вследствие чего эффективность их деятельности оказалась намного ниже ожидаемой и не оправдала затраченных средств.

С середины января органы приступили к вербовке агентов из числа местных жителей, в том числе арестованных\*\*. Результаты этой специфической работы также оказались близки к нулю — из 16 завербованных осведомителей к концу 1922 г. лишь трое «сыграли некоторую роль», тогда как один перешел на сторону противника и раскрыл известных ему сотрудников органов, а остальные «не оправдали надежд»<sup>399</sup>.

Неудачей завершились попытки чекистов внедрить свою агентуру непосредственно в отряды восставших, и Карчека «почти не удавалось обнаруживать связи, пособников бандитов, укрывателей». Не был осуществлен план внедрения агентов в среду повстанцев, за несколькими исключениями, и после завершения военных операций<sup>400</sup>. Впоследствии это осложнило работу ИНО ГПУ по сбору информации о намерениях бежавших за границу повстанцев, наличии в приграничной полосе вооруженных формирований.

В свете последовавших в 1930-е гг. репрессий, жертвами которых во многих случаях становились участники «каравантюры», представляет интерес оценка Карельского отдела ГПУ степени активности карельского населения в восстании. В августе 1922 г., вскоре после завершения событий в Карелии, чекисты довольно объективно оценили ситуацию. Из общей численности беженцев примерно в 15 тыс. человек\*\*\*, по их мнению, 8 тыс. человек участвовали в восстании «сравнительно пассивно», около 5 тыс. человек, «совершенно не сочувствующих бандитизму», было уведено за рубеж насильно и лишь «максимум 10—12% общего числа ушедших и 4—5% всей численности населения Северного района КТК ушло в Финляндию по собственной инициативе, как активно проявивший себя элемент»<sup>401</sup>.

По расчетам Карельского областного отдела ГПУ в родные места должна была вернуться основная масса бежавших — более 10 тыс. человек. Предполагалось, что в Финляндии останется лишь около 2,5 тыс. беженцев, преимущественно из числа участников событий 1919 г., успевших устроиться на новом месте, найти работу, а также наиболее активные «элементы» — участники восстания зимой 1921—1922 гг.<sup>402</sup>

\* Специальный термин, использовавшийся сотрудниками ЧК—ГПУ для обозначения особых формирований, состоявших в основном из чекистов (или возглавлявшихся ими) и действовавших под видом банд в районах, охваченных восстанием, с целью уничтожения участников вооруженных выступлений и создания агентурных сетей.

\*\* В Карелии широко применялся институт заложников.

\*\*\* В эту цифру включали и участников событий 1919 г.

Эти расчеты, однако, оказались ошибочными. К 1934 г. в Финляндии оставалось, по не совсем точным сведениям, около 5 тыс. беженцев из Восточной Карелии. С июля 1922 г. до конца 1923 г., по официальным данным, вернулось около 1000 человек\*, в 1924 г. — 1100, 1925 г. — 1000 и в 1926 г. — около 200 человек, после чего возвращались лишь единицы<sup>403</sup>. По имеющимся в настоящее время данным, можно предположить, что в Восточную Карелию вернулось в итоге более половины беженцев из числа участников восстания 1921—1922 гг.

Политическое руководство СССР извлекло уроки из карельского восстания практически сразу после завершения боевых действий на севере КТК. В марте 1922 г. в Москве была определена новая политическая линия в отношении Финляндии, имевшая своей целью ослабить позиции сторонников польско-французской ориентации в этой стране и избежать тем самым формирования единой коалиции, противостоявшей России. По мнению А. С. Черных, «этим решительным поворотом» к миру колеблющимся элементам в Финляндии было доказано, что Россия не желала дальнейшей эскалации конфликта. Непосредственным результатом новой политической линии, как полагали в НКВД, был отказ финляндского сейма ратифицировать Варшавское соглашение об оборонном союзе между Польшей и Финляндией<sup>404</sup>.

Восстание имело не только внешнеполитические последствия, что важно с точки зрения рассматриваемой темы, оно заставило Москву активизировать свою карельскую политику и определить, наконец, свое отношение к Карельской Трудовой Коммуне, которая в скором времени была преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Уроки из восстания были извлечены и в Карелии. Быстрее неповоротливого советского аппарата КТК, раздираемого внутренними противоречиями и оппозицией, урок был усвоен Карельским областным отделом ГПУ, получившим дополнительные штаты и финансирование.

Решение о коренном улучшении работы органов в Карелии было принято на самом высоком уровне — постановлением политбюро ЦК ВКП(б) еще в январе 1922 г. Выполняя поручение ЦК «обеспечить в Восточной Карелии более солидную службу внутреннего осведомления»<sup>405</sup>, к августу 1922 г. в приграничной полосе КТК\*\* ГПУ создало сеть из 26 резидентов и 111 осведомителей; в тыловом районе, где действовали отряды восставших, было завербовано 78 осведомителей; в районе деревень Паданы и Княжья Губа, а также в Петрозаводском уезде — 4 резидента и 201 осведомитель<sup>406</sup>.

\* Эта цифра значительно отличается от имевшихся в распоряжении Карельского областного отдела ГПУ данных, в соответствии с которыми уже к началу августа число вернувшихся достигло 1900 человек. ГПУ к этому времени имело в Карелии широкую осведомительную сеть, учитывавшую не только вернувшихся через официальные пропускные пункты, но и тех, кто возвращался в родные места, нелегально переходя не охраняемую в то время границу. Письмо начальника Карельского областного отдела ГПУ Домбровского в полномочное представительство ГПУ по контрразведывательному отделу 5. 8. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 3.

\*\* В документе не уточняется, о какой именно пограничной полосе идет речь. В разное время пограничная полоса составляла 0,5 км, 15, 22, 40 и 100 км. Можно предположить, что имелась в виду 40-километровая полоса.

Основной целью этой широкомасштабной кампании было предотвращение возможного повторения восстания, вероятность которого оценивалась в начале осени 1922 г. как весьма высокая. Плотная осведомительная сеть, расходы на которую были несравнимо ниже, чем финансирование крупных войсковых операций и содержание пограничной стражи\*, должна была стать источником достоверной информации о настроениях местного населения.

Помимо этого, осведомители выполняли рутинную работу по выявлению «активистов и полуактивистов» среди вернувшихся беженцев. По оценке ГПУ, из 1900 возвратившихся к началу августа 1922 г. беженцев около 10% принадлежали к этой категории. За ними велось «зоркое наблюдение», однако местным «органам» было дано распоряжение не производить арестов, чтобы не затормозить массовое возвращение беженцев. Из вернувшихся к августу 1922 г. арестовали лишь 56 активистов, большую часть которых передали в Ревтрибунал и осудили<sup>407</sup>.

Беженцы, возвращавшиеся через официальные пропускные пункты, проходили «фильтрацию», то есть подвергались допросу и брались на учет ГПУ. Кроме того, у населения изымалось оружие (к августу 1922 г. — 280 винтовок, 8 револьверов, 41 тыс. патронов), а количество выявленного оружия, подлежащего изъятию, составляло около 200 винтовок и 9 револьверов<sup>408</sup>.

В общей сложности в ходе восстания ГПУ арестовало в КТК за «бандитизм и шпионаж» 801 человека (в это число входили и заложники) и с марта по 12 октября 1922 г. — 364 человека, всего — 1165 человек. К середине октября 1922 г. из этого числа 762 человека были освобождены, в Ревтрибунал и нарсуд передали дела 373 арестованных, 27 — содержались под арестом и 3 — умерли в тюрьме. В праве на амнистию ГПУ отказало лишь 397 участникам восстания: совершившим убийства, организаторам выступлений, добровольцам, активистам, а также подозревавшимся в шпионаже<sup>409</sup>.

В конце лета — начале осени 1922 г. тревожная обстановка в северных волостях КТК сохранялась и Карельский областной отдел ГПУ не исключал возможности повторения восстания еще больших масштабов. Этому могли способствовать как «действительно крайне тяжелое» экономическое положение в КТК, так и вторжение отрядов повстанцев из Финляндии «в тот момент, когда этому будет благоприятствовать политическая обстановка», прежде всего в Карелии<sup>410</sup>.

Обстановка менялась очень быстро, и вместе с ней — оценки перспектив нового восстания. В начале августа 1922 г. в ГПУ пришли к оптимистичному выводу о малой вероятности нового массового вооруженного выступления в КТК, так как «население и возвратившиеся беженцы относятся к Каравантюре враждебно». Вместе с тем, как полагали чекисты, «можно ожидать, и это безусловно будет, частичные неорганизованные выступления на почве тяжелого экономического положения». Кроме того, в КТК могли действовать проникавшие из Финляндии «группировки бандитов»<sup>411</sup>.

К середине сентября ситуация резко обострилась в связи с проникновением в северные волости КТК трех вооруженных групп из Финляндии. Первая, состояв-

\* Государственную границу с Финляндией протяженностью 1000 верст в Карелии в 1922 г. охраняли 508 бойцов пограничной стражи, из которых лишь 324 непосредственно несли охрану. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 3.

шая из 60 человек, находилась в районе деревень Чиркокемская, Юшкозеро, Березнаволоок, вторая — из 18 человек — в районе Тунгуда—Машезеро и третья, самая малочисленная, насчитывавшая 8 человек, — недалеко от Сороки (Беломорска). По оценке Карельского областного отдела ГПУ, целью этих групп было создание в районе Березнаволоок—Чиркокемская базы, опираясь на которую можно было вести агитацию среди местного населения и «начать открытое выступление, приблизительно к концу ноября»\*.

Кроме того, по сведениям, добытым заграничной агентурой, действовавшей в Финляндии, было установлено, что в Рованиеми и Кухмониеми находились вооруженные отряды по 60 человек, которые должны были в ближайшее время перейти границу с «целью повторения каравантюры» или, если это не удастся, для совершения террористических актов. Признаком близящегося восстания, по мнению ГПУ, было также прекращение притока беженцев в районе Ухты<sup>412</sup>.

На основании имевшихся сведений временно исполнявший должность начальника Карельского областного отдела ГПУ Тарасюк, автор «Внеочередного срочного доклада», приходил к выводу о том, что «мы стоим перед неизбежным явлением — каравантюры 1922—23 гг. избежать которой можно только настойчивыми дипломатическими, ультимативными требованиями к Финляндии». Поскольку новая «каравантюра» могла быть «более организованной и тяжелой», чем в 1921—1922 гг., Тарасюк предложил свой вариант решения проблемы: РСФСР должна была «по политическим соображениям — лучше официально воевать» с Финляндией, «нежели иметь дело с новой авантюрой»<sup>413</sup>.

В конце сентября 1922 г., по мнению КОО ГПУ, обстановка в КТК несколько разрядилась и перспектива нового восстания уже казалась маловероятной вследствие дипломатических демаршей, предпринятых посольством РСФСР в Финляндии, «несочувственного и враждебного» в целом отношения местного населения к «бандитизму», за исключением 90—100 человек, половину из которых было дано распоряжение «изъять». При условии увеличения штатов КОО ГПУ и средств на почтово-телеграфные расходы, усиления охраны железной дороги и внедрения института ответчиков (заложников) чекисты гарантировали, что «каравантюра» зимой 1922—1923 гг. не повторится\*\*.

Возможность повторения карельского восстания рассматривалась командованием ПВО—ЛВО как вполне вероятная до начала 1925 г. Получив, как оказалось впоследствии, неверные агентурные сведения о подготовке карельскими беженцами восстания, штаб РККА 14 января 1925 г. отдал распоряжение о проведении ряда контрмероприятий. Они заключались в тщательном наблюдении за «состоянием бандитизма в Карелии», изучении театра военных действий и проведении рекогносцировок, разработке детального плана действий, принятии мер «обеспечения Мурманской железной дороги», усилении лыжной подготовки в воинских частях.

\* Внеочередной срочный доклад временно исполняющего должность начальника КОО ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ в ПВО товарищу Кауль 14. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 9.

\*\* Окончательный ответ на вопрос о возможности каравантюры врид. начальника КОО ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ в ПВО товарищу Кауль 14. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 21—22.

Ожидание начала восстания достигло кульминации во второй половине февраля. 16 февраля 1925 г. начальник штаба РККА С. С. Каменев доложил зам. председателю РВС СССР И. С. Уншлихту идею оперативного плана ЛВО. Предлагалось отрезать повстанцев от государственной границы, исключив возможность поддержки со стороны Финляндии, и не дать восстанию распространиться на север, «где его ликвидация уже потребует много времени и усилий». Один полк 11-й с.д., предназначенной для подавления восстания, следовало разместить в Петрозаводске (1-й батальон 31-го с.п. 11-й с.д. к этому времени уже находился в столице АКССР), один — в Олонце и один стрелковый полк — на станциях Сорокская, Кемь, Кандалакша.

Зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода сообщил 24 февраля наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину о сосредоточении карелов-беженцев в районе Суоярви и о наиболее вероятном направлении их действий, на междуозерном перешейке в районе озер Сямозеро, Шотозеро, Ведлозеро. В этот же день штаб РККА приказал сформировать два головных ремонтных поезда на станциях Званка и Петрозаводск, а также «два санпоезда с кадрами для эвакуации больных и раненых». По распоряжению И. С. Уншлихта в Витебске для переброски в ЛВО был подготовлен дивизион легких бронепоездов. Кроме того, ввиду возросшей опасности штаб РККА издал приказ о срочном проведении рекогносцировки в Карелии составом 11-й с.д.

В начале марта в распоряжении РВС СССР оказались более достоверные сведения о настроениях карельских беженцев, среди которых идея повторения выступления 1921—1922 гг. была непопулярна, и мероприятия по противодействию восстанию были отменены. 3 марта последовал приказ С. С. Каменева о возвращении из Карелии отправленных туда частей. В итоговом докладе начальника РУ РККА Я. А. Берзина отмечалось, что «опасности похода в ближайшее время нет», так как общественное мнение в Финляндии не было в достаточной мере подготовлено к такому выступлению, а международная обстановка не благоприятствовала выступлению. По мнению Я. А. Берзина, «финское правительство временно отказалось от подобного вооруженного захвата Карелии».

Карельское восстание стало тем уроком, который не был забыт руководством РСФСР—СССР через много лет. Власти в Москве и, что, может быть, важнее, в Петрограде относились к карелам после его подавления как к ненадежному, негодному советской власти народу, потенциальной «пятой колонне» в случае возникновения войны на западных границах СССР. Вплоть до начала второй мировой войны областной отдел ГПУ—НКВД Карелии и районные комитеты партии при составлении военно-экономических описаний районов КАССР\*, прежде всего населенных преимущественно карелами, указывали количество участников «каравантюры», от чего зависела общая оценка благонадежности населения конкретного района<sup>414</sup>.

До начала второй мировой войны власти СССР не забывали и о не вернувшихся в Карелию после объявления амнистии беженцах, которые, как считалось, могли при определенных обстоятельствах повторить попытку поднять восстание. Необ-

\* До середины 1930-х гг. чаще использовали другой вариант официального названия республики — АКССР.

ходимость учитывать этот фактор заставляла Москву сохранять особые бюджетные права КАССР с целью подъема жизненного уровня населения республики и устранения причин недовольства советской властью.

В Финляндии же после подавления карельского восстания активисты и правительство, а также местные власти проводили среди беженцев широкую работу, которая включала оказание материальной и медицинской помощи, содействие в устройстве на работу, организацию обучения, прежде всего детей, религиозную деятельность.

Часть беженцев из Беломорской Карелии была размещена в специальном лагере, расположенном недалеко от Выборга — в Туркинсаари, где в разное время держали беженцев из России и участников Кронштадтского восстания. В апреле 1922 г. здесь насчитывалось 577 карелов-беженцев<sup>415</sup>. Летом 1922 г. оставшиеся беженцы были переведены в казармы, находившиеся в Кюминлинне, которые были превращены в центр помощи.

23 февраля 1922 г. в городе Оулу был образован административный орган (huolto-toimikunta), призванный оказывать помощь беженцам, которых в этой части Северной Финляндии в марте 1922 г. насчитывалось около 3400 человек. Крупнейший центр помощи, в котором к ноябрю 1923 г. было 1600 человек (некоторые регистрировались дважды), располагался в казармах на берегу реки Оулуёки<sup>416</sup>. Организация таких центров позволила оказать самую необходимую помощь беженцам, которые на первых порах не могли самостоятельно обосноваться в Финляндии.

Поскольку среди беженцев было много детей, которым необходимо было дать образование, по инициативе министра образования Финляндии в начале 1922 г. был образован совещательный комитет (neuvottelukunta) во главе с доктором О. Мантере, призванный разработать меры по организации обучения и просветительской деятельности среди беженцев-карелов. Комитет предложил уделить особое внимание детям от 7 до 15 лет, считая целесообразным также проводить просветительскую работу среди молодежи и взрослых. До 1924 г. этой работой руководил отдел по делам беженцев при Управлении по делам образования (kouluhallitus) Финляндии, после чего ею стал заниматься Государственный центр помощи беженцам. В начале 1920-х гг. были образованы специальные школы для детей беженцев<sup>417</sup>. В 1920—1921 гг. во всех типах школ, включая школы коммун, обучалось около 570 детей, в 1926 г. — приблизительно 730 человек<sup>418</sup>. В Майккуле и Кюминлинне так называемые домашние школы (koulukodit), учрежденные для детей беженцев, действовали до 1940 г.

Всеми остальными, помимо народной школы, формами обучения были охвачены в 1923 г. 433 беженца из Восточной Карелии, из них большинство (237 человек) обучались в народных училищах. В 1940 г. общая численность учащихся снизилась до 40 человек. Несколько карелов учились в университетах Финляндии (в 1925 г. — 5 человек<sup>419</sup>).

Помощь беженцам оказывали негосударственные организации, в первую очередь Карельское просветительское общество, образовавшее к 1926 г. десять «карельских кружков», проводивших культурные мероприятия для беженцев и способствовавших продолжению обучения их детей. Возвращавшихся в Карелию беженцев кружки подготавливали «духовно». В 1927 г. кружки были объединены в Центральный союз карельских кружков<sup>420</sup>.

22 февраля 1922 г. студентами-добровольцами, воевавшими в Восточной Карелии, Элиасом Симелиусом, Эрки Ряйккёненом и Рейно Вяяхкаллио было решено основать Карельское академическое общество (КАО), учредительный съезд которого состоялся 5 марта 1922 г. в Эстерботнии. Полувоенная организация, в которой сильны были антирусские настроения, действовала по четырем основным направлениям: осуществляла среди беженцев просветительскую работу, военную подготовку, пропагандистскую деятельность и оказывала помощь в предоставлении им жилья<sup>421</sup>. Программа КАО предусматривала, помимо прочего, включение в состав Финляндии Восточной Карелии и Ингерманландии. За 22 года в КАО вступили 3 тыс. человек<sup>422</sup>.

В 1927 г. в Финляндии была образована Центральная комиссия соплеменных организаций, в которую кроме перечисленных вошли Союз финноманов (Suomalaisuuden Liitto), Академический клуб соплеменников (Akateeminen heimoklubi) и три организации ингерманландцев. Активная пропагандистская работа членов объединения вплоть до начала второй мировой войны не позволяла забыть финнам о существовании «карельского вопроса» и включении Восточной Карелии в состав Финляндии при благоприятных условиях. Официальные власти Финляндии, за несколькими исключениями, вплоть до начала зимней войны дистанцировались от активистского движения, которое было источником внешнеполитических проблем.

## 1.5. СЛОВО ПЕРЕХОДИТ К ДИПЛОМАТАМ

После подавления восстания в Северной Карелии к середине февраля 1922 г. карельский вопрос в отношениях между Финляндией и Россией перешел в новую фазу. Между дипломатами двух стран началась длительная полемика о сути проблемы, причем обе стороны основные аргументы черпали из материалов переговоров в Тарту и текста мирного договора. Финляндское правительство и общественность страны придерживались той точки зрения, что Россия не выполняла своих обязательств по Тартускому мирному договору в отношении Восточной Карелии, не дав карелам возможности осуществить свое право на самоопределение. Вскоре выяснилось, что делегация России на переговорах в Тарту дипломатически переиграла своих партнеров, в чем финнам и пришлось с горечью убедиться.

После возобновления деятельности советско-финляндской Центральной смешанной комиссии, в компетенцию которой входило решение спорных проблем, члены финляндской части комиссии в сентябре 1922 г. представили своим партнерам список, по их мнению, спорных и нерешенных вопросов, касавшихся управления Восточной Карелией. В октябре этого года состоялся второй раунд обмена мнениями по этой проблеме, после чего на какое-то время она была исключена из повестки дня<sup>423</sup>.

В первой половине 1923 г., заручившись мнением специалистов по международному праву, правительство Финляндии предприняло последнюю решительную попытку повлиять на карельскую политику РСФСР: по инициативе представительства Финляндии в Лиге Наций Совет Лиги Наций обратился в Международный постоянный суд с запросом об обязательности исполнения для СССР положений

статей 10 и 11 Тартуского мирного договора и гарантий, содержащихся в протоколах переговоров в Тарту<sup>424</sup>.

Этот шаг правительства Финляндии вызвал ответную реакцию НКИД, который в своей ноте от 27 февраля 1923 г. заявил решительный протест против «новой попытки Финляндского Правительства поставить перед так называемой лигой Наций вопрос о положении в Восточной Карелии»<sup>425</sup>. Эта позиция была подтверждена 11 июня 1923 г. письмом НКИД РСФСР «Постоянной палате международного правосудия в Гааге», в котором было заявлено о безусловном отказе российского правительства от «всякого участия» в разбирательстве карельского вопроса в Лиге Наций и Международном постоянном суде<sup>426</sup>.

В письме члена коллегии НКИД В. Л. Коппа полпреду А. С. Черных от 23 июня 1923 г. было заявлено, что ответ на две финские ноты от 16 и 19 июня будет коротким и окончательным. «Мы просто заявим... что считаем этот вопрос исчерпанным и все обращения со стороны Лиги Наций оставим без всякого внимания»<sup>427</sup>.

Основные разногласия касались различных толкований сторонами понятия «национальное самоопределение», а также вопроса об обязательности для России выполнения положений, зафиксированных в прилагавшихся к тексту мирного договора актах. В своей ноте от 16 июня 1923 г. МИД Финляндии заявил, что права, которыми будет обладать население Восточной Карелии, были оговорены в заявлении, сделанном российской делегацией при подписании мирного договора в Тарту<sup>428</sup>. По мнению финляндской стороны, эта декларация имела такой же договорный, а вследствие этого и обязательный международный характер, как и статьи текста договора. Для решения спорного вопроса правительство Финляндии предложило еще 23 марта 1922 г. передать его на рассмотрение беспристрастного трибунала.

Вкратце позиция правительства Финляндии сводилась к тому, что декларации и объяснения, приложенные к акту международного характера, имели такую же обязательную силу, как и сам договор. В беседе с полпредом А. С. Черных 19 июня 1923 г., министр иностранных дел Финляндии Ю. Х. Веннола, один из участников переговоров в Тарту, заявил, что право на самоопределение означало, по его мнению, предоставление карелам возможности свободно, без всякого давления, путем, например, референдума высказать свои пожелания по всем вопросам, касающимся Восточной Карелии, в том числе относительно внешней ориентации, внутривнутриполитической и экономической системы республики<sup>429</sup>.

А. С. Черных легко парировал это заявление указанием на то, что на переговорах в Тарту референдум был отвергнут, а вопрос о принадлежности Карелии к РСФСР решен в окончательной форме. По мнению Ю. Х. Веннола, который «приходил всякий раз в отчаяние» при обсуждении этой темы, в Тарту была допущена «величайшая историческая ошибка», заключающаяся в том, что Карелию оставили в РСФСР, а карельскому населению не дали возможности хотя бы путем референдума высказать свое мнение. В то же время правительство Финляндии не могло отрицать, что в организации КТК «имеются все признаки автономии»<sup>430</sup>.

Позиция правительства РСФСР, изложенная в ответе НКИД 7 июля 1923 г. на ноты министерства иностранных дел Финляндии от 16 и 19 июня 1923 г., заключалась в том, что документы, приложенные к какому-либо договорному акту, считались, по мнению составителей ответа, таковыми лишь в том случае, если в тексте



этого акта содержалось упоминание о них. Поскольку в тексте Тартуского договора таких упоминаний не было, за исключением списка обмениваемых судов, российская сторона «решительным образом отводила попытку финляндского правительства односторонне расширить объем договорных отношений между Россией и Финляндией»<sup>431</sup>.

Следует отметить, что глава советской делегации на переговорах в Тарту Я. А. Берзин еще в апреле 1921 г., находясь в Хельсинки, испытывал известные сомнения относительно безупречности позиции, занятой НКВД по проблеме декларации, которую он зачитал 14 октября 1920 г. По мнению Я. А. Берзина, необходимо было «попытаться удержаться на этой точке зрения», хотя «мы, несомненно, грешим несколько против истины», трактуя «мои заявления на последнем пленуме мирной конференции как «чисто информационные»<sup>432</sup>.

Перевод протокола пленарного заседания в Тарту, состоявшегося 14 октября 1920 г., на французский язык, сделанный в одностороннем порядке финляндской стороной и посланный ею на рассмотрение Лиги Наций, позволил авторам российской ноты заявить о его неаутентичности. МИД Финляндии вместо настоящего и прошедшего времени использовал глагольные формы будущего времени, что меняло многое. В частности, факт основания Карельской Трудовой Коммуны накануне переговоров в Тарту при использовании будущего времени мог восприниматься Финляндией и третьими странами как некое временное мероприятие, за которым должны были последовать изменения<sup>433</sup>.

Кроме того, российская сторона отказывалась обсуждать проблему заявлений, сделанных во время переговоров в Тарту, поскольку в тексте мирного договора не содержалось указаний о том, что заявления составляют его неотъемлемую часть<sup>434</sup>. С формально-юридической точки зрения эта позиция была безупречной, в чем скоро смогли убедиться оппоненты, обратившись к независимым экспертам.

Лингвистические изыскания, которые с успехом проделали дипломаты России, были, однако, в этом конкретном случае обоюдоострым оружием. Еще 28 сентября 1922 г. А. С. Черных сообщил Я. С. Ганецкому о том, что финны «хотят отыгаться на ошибках французского текста мирного договора», который был подписан в Москве без его проверки (!)<sup>435</sup>.

В результате текст договора и спорные статьи (10-я, о реинкорпорации Ребольской и Поросозерской волостей в состав РСФСР, и 11-я, о правах населения этих волостей) на французском языке были составлены в будущем времени. А. С. Черных пообещал выйти из деликатного положения, указав на текст договора на русском, финском и шведском языках, в которых использовалось настоящее время. Тем самым текст договора на французском языке становился неаутентичным, а финляндская сторона теряла основания для своих претензий<sup>436</sup>.

В ответ на обращение правительства Финляндии к видному специалисту по международному праву шведу Л. С. фон Халштейну последовало достаточно разочаровывающее заключение, опубликованное в апреле 1923 г. в газете «*Uusi Suomi*». В разрываемой на части сепаратистами послевоенной Европе право свободного самоопределения было не самой популярной идеей и, по мнению Л. С. фон Халштейна, не содержало права отделения на основании народного голосования<sup>437</sup>.

Апелляции правительства Финляндии к Лиге Наций по проблеме Восточной Карелии держали НКВД в напряжении, несмотря на непризнание советской Россией этой международной организации. 14 января 1922 г. Совет Лиги Наций заявил о готовности рассмотреть спорный вопрос при наличии согласия обеих заинтересованных сторон, однако эта инициатива не получила отклика от представителей России.

23 апреля 1923 г. Совет Лиги Наций уклонился от передачи Международному Постоянному суду вопроса о Карелии, и через три дня полпред А. С. Черных в письме Я. С. Ганецкому с удовлетворением заметил, что карельский вопрос в Лиге Наций не продвигался с особой быстротой<sup>438</sup>.

В июне 1923 г. внимательно следивший за продвижением карельского вопроса в Лиге Наций Л. Д. Троцкий предложил для нейтрализации попыток финляндского правительства, пытавшегося вынести карельский вопрос на рассмотрение Лиги Наций, использовать новые отношения, установившиеся между СССР и Великобританией. По мнению Л. Д. Троцкого, «Англия через своих представителей» могла бы заявить, что это «есть вмешательство во внутренние дела России»<sup>439</sup>.

Наконец, 24 сентября 1923 г. Генеральная Ассамблея Лиги Наций приняла резолюцию о признании важности вопроса о Восточной Карелии, которому следовало найти удовлетворительное решение, когда это позволят сделать дальнейшие обстоятельства\*. Никого и ни к чему не обязывающая резолюция осталась, как и многие другие решения этой международной организации, на бумаге. С формальной же точки зрения резолюция констатировала наличие проблемы и оставляла за правительством Финляндии возможность вернуться к ее рассмотрению после вступления СССР в Лигу Наций<sup>440</sup>.

Для руководства СССР (в тот период государства-парии) такая перспектива в первой половине 1920-х гг. казалась маловероятной, и резолюция Лиги Наций, которая не носила обязательного характера для страны, не входившей в эту организацию, казалось, поставила точку в решении проблемы. В декабре 1923 г. А. С. Черных подвел итог, заявив, что решение Лиги Наций означало для Финляндии, по существу, «крушение всех ее надежд и планов». «Лига Наций не пожелала иметь конфликт с СССР из-за карельского вопроса», и Финляндия осталась «с глазу на глаз с СССР без надежды на чью-либо помощь»<sup>441</sup>.

---

\* В переводе текст решения Генеральной Ассамблеи Лиги Наций гласил: «Признавая важность вопроса о Восточной Карелии, Генеральная Ассамблея принимает во внимание разъяснение делегации Финляндии, что правительство Финляндии считает себя вправе рассматривать положения Гартуского мирного договора и заявления, относящиеся к нему, которые касаются положения Восточной Карелии, в качестве международных обязательств, поскольку не существует решения или резолюции Международного Постоянного суда о противном, и просит Совет впредь собирать все необходимые сведения по этому вопросу для его удовлетворительного решения в последующем при наличии позволяющих это сделать обстоятельств». Churchill S. Op. cit. S. 192—193.

## 1.6. ОТ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ К КАССР

Карельское восстание и последовавший обмен нотами о статусе Карелии между Финляндией и РСФСР окончательно закрепили за «красными» финнами-эмигрантами их руководящие позиции в КТК—КАССР<sup>442</sup>. Политические уроки, извлеченные Москвой из карельского восстания, заключались, прежде всего, в том, что в КТК необходимо было найти такой вариант решения национального вопроса, который бы исключал возможность повторения драматических событий\*. Единственным выходом из ситуации было предоставление дополнительных прав финнам-эмигрантам, находившимся в Карелии с 1920 г., и подавление оппозиции финнизации КТК в среде руководителей различного уровня — карелов и русских<sup>443</sup>.

Решение о начале политики финнизации\*\* в Карелии было принято на заседании оргбюро ЦК РКП(б), состоявшемся 6 марта 1922 г., вскоре после подавления восстания<sup>444</sup>. Заседание под председательством И. В. Сталина и В. М. Молотова приняло предложения Э. Гюллинга, который выступил с докладом по карельскому вопросу<sup>445</sup>. Вскоре в КТК были осуществлены кадровые перестановки и главный оппонент «красных» финнов — руководитель партийной организации КТК В. М. Куджиев, активно противодействовавший усилению роли финнов в Карелии, в начале апреля был освобожден от должности<sup>446</sup> и отправлен на работу в Сибирь<sup>447</sup>, а его место занял «красный» финн И. А. Ярвисало<sup>448</sup>. На Дальний Восток был переведен второй крупный представитель оппозиции — П. Ф. Анохин<sup>449</sup>. На пост секретаря Севзапбюро вместо поддерживавшего оппозицию И. Смирнова был назначен Б. П. Позерн. На заседании 6 марта обсуждался, но был отложен вопрос о преобразовании КТК в автономную республику<sup>450</sup>.

Намек на истинную причину отказа высшей партийной инстанции повысить статус Коммуны весной 1922 г. обнаруживается в докладе В. М. Куджиева, который являлся также представителем наркомата по делам национальностей РСФСР в Карелии. После начала восстания Карисполком разработал проект образования Карельской республики, которая устанавливала бы договорные отношения с РСФСР. Этот проект встретил решительные возражения областного комитета РКП(б) на заседании в Петрозаводске, так как, по мнению большинства, он давал «много возможностей для карелов к легальному отделению от РСФСР... в случае провала нашей Советской Политики». Республику было нецелесообразно создавать и потому, что «это могло быть понято как последствие бандитского давления» (подчеркнуто мною. — Ю. К.)<sup>451</sup>.

\* По мнению И. В. Сталина, Коммуна не имела «правильного политического характера», не соответствуя существу автономии. *Фалинов Ю. Н.* Становление Карельской Трудовой Коммуны как начальной формы национальной государственности карельского народа // Ученые записки ПГУ. Петрозаводск, 1966. Т. XIII. Вып. 4. С. 43.

\*\* Термин, использовавшийся в 1920—30-е гг. в официальных документах и отражавший политику, осуществлявшуюся возглавлявшими КТК финнами-эмигрантами: придание финскому языку статуса государственного, перевод национальных, карельских, школ на финский язык обучения, осуществление культурной работы среди карельского населения на финском языке и т. д.

Позднее член Севзапбюро ЦК ВКП(б) А. Тайми утверждал, что И. В. Сталин склонился к поддержке националистических взглядов Э. Гюллинга на основе имевшейся у него «неверной информации». А. Тайми обвинил Э. Гюллинга в том, что он представлял те силы, которые стремились создать «Великую красную Финляндию», включив в ее состав Карелию<sup>452</sup>. На деле же, по авторитетному свидетельству секретаря Северо-Западного бюро РКП(б) Б. П. Позерна, ситуация была прямо противоположная — И. В. Сталин придерживался еще более радикальной точки зрения о размахе мероприятий по финнизации Карелии, чем «красные» финны. Выступая на 2-й областной партийной конференции осенью 1922 г., Б. П. Позерн заявил, что «...товарищ Гюллинг... не проводил в жизнь много того, что предлагал ему товарищ Сталин. Был момент, когда думали, что Карелия должна быть Красной Финской Карелией, хотя бы в ущерб интересам русских, чтобы (в Карелии. — Ю. К.) был Финский культурный центр»<sup>453</sup>.

Благодаря карельскому восстанию, «красные» финны добились в Москве реализации большинства своих требований: предоставления реальной хозяйственной автономии в дополнение к административной самостоятельности, формально данной КТК еще в августе 1921 г., в рамках новой экономической политики; придания финскому языку статуса официального языка администрации и обучения, наряду с русским, в районах, населенных карелами. Средства на проведение культурной работы на финском языке должны были составлять треть всех расходов, выделявшихся на образование<sup>454</sup>. (Этот пункт вызвал наибольшие трения в отношениях между финскими коммунистами, с одной стороны, карелами и русскими — с другой.) Наконец, в августе 1922 г. было принято решение о ликвидации, или «раскассировании», Олонецкой губернии, руководители которой неизменно враждебно относились к «красным» финнам и их политике в Карелии\*. КТК были переданы населенные русскими Повенецкий и большая часть Пудожского уезда, в экономическом, географическом и административном отношении тяготевшие к Карелии. Эти территории передавались КТК временно, так как они экономически тяготели к Мурманской железной дороге и Петрозаводску<sup>455</sup>. (Впоследствии, однако, это решение, против которого выступали и «красные» финны<sup>456</sup>, и наркомат по делам национальностей РСФСР, не было пересмотрено\*\*.)

Финнизацию Карелии считали единственным возможным выходом из тупика национальной политики, проводившейся до начала карельского восстания, не только руководители государства в Москве и «красные» финны, но и профессионалы-практики, в своем большинстве — русские сотрудники, работавшие в КОО ГПУ, которые не понаслышке были знакомы с ситуацией в КТК.

«Когда был учтен практический опыт каравантюры 1921—22 гг., центром окончательно был разрешен местный национальный вопрос, и разрешен, безусловно,

\* Незадолго до приезда комиссии ВЦИК для пересмотра границ между Олонецкой губернией и КТК губернская административная комиссия решила «определенно поставить вопрос об исключении из состава Коммуны г. Петрозаводска и 6 волостей, населенных преимущественно русскими». Столицу КТК предложили перенести в г. Кемь. Справка «О национальном составе по волостям КТК». Май 1922 г. НА РК, ф. 28, оп. 1, д. 44/410, л. 179.

\*\* С конца 1924 по 1938 г. территория КАССР составляла 146 312 кв. км. Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955. С. 65.

правильно, как единственный выход, финнизация края, так как никакого иного противоялия Финляндии, как Советское (коммунистическое) финское — найти нельзя»<sup>457</sup>.

Оппозиция внутри КТК, противостоявшая финнизации края, и после принятых Москвой решений не сложила оружие, намереваясь дать бой «красным» финнам на 2-й партконференции и съезде Советов, которые должны были состояться осенью 1922 г.

Карельский областной отдел ГПУ, сотрудники которого по долгу службы хорошо ориентировались в этой сложной ситуации, считал ее чрезвычайно опасной, способной привести к провалу директивы ЦК РКП(б) и победе оппозиции. Это, в свою очередь, могло стать козырем в руках Финляндии и Карельского временного правительства и повлечь за собой малопредсказуемые последствия: усиление проникновения в КТК «бандгруппировок», а в перспективе — дать сигнал к вооруженному восстанию<sup>458</sup>.

В середине сентября 1922 г. КОО ГПУ довел до сведения полномочного представительства ГПУ в Петрограде свои опасения в связи с событиями, которые могли произойти на партконференции и съезде Советов. «И конференция и съезд должны быть неминуемо бурными, а может быть и скандальными, даже по одному этому вопросу (финнизации Карелии. — Ю. К.), директива центра, наверно, должна будет сорваться (а национальный вопрос на конференции и съезде во всю ширь поднимется впервые), и если последнее случится, так получится политический скандал, который вызовет неизбежное ускорение и без того назревающей каравантюры»<sup>459</sup>.

Оппозиция в КТК линии Москвы на финнизацию Карелии не была однородной и прочной, представляя собой «не организованное, но, пожалуй, самое опасное, оппозиционство, основанное на шовинистических мелочах»<sup>460</sup>. Ответственные партийные и советские работники четырех уездов КТК — Кемского, Олонецкого, а также Повенецкого и Пудожского — выступали резко против финнизации Карелии, деятельно готовясь вступить в схватку с «красными» финнами. Представители Кемской партийной организации и ответственные работники этого уезда даже угрожали «красным бандитизмом» в случае реализации программы финнизации в КТК, в результате чего в уезд выезжала специальная комиссия во главе с Э. Гюллингом<sup>461</sup>.

13 сентября 1922 г. КОО ГПУ получил от своего уполномоченного сведения о собрании ответственных работников Олонецкого уезда, принявшем решение послать на партконференцию делегатов, которым было поручено «проводить мнение, оппозиционное финнизации края». Делегацию должен был возглавить председатель Олонецкого уездного исполкома, карел И. А. Никитин. Предсказуемой была, по мнению представителя ГПУ, и позиция делегатов от Повенецкого и Пудожского уездов, «учитывая лишь один факт, что они пропитаны до мозга костей олончанским духом, не только против финнизации, но и против КТК вообще»<sup>462</sup>.

Незадолго до созыва 2-й партийной конференции оппозиционеры отправили в Москву письмо, намеренно составленное в резких тонах<sup>463</sup>, в котором содержались обвинения в адрес «красных» финнов в национализме, «единоначалии управления» Э. Гюллинга, изгнании с работы карелов и замены их финнами и т. д.

По мнению Б. П. Позерна, выступившего на конференции, это был «важный документ», за содержание которого должны были ответить все подписавшие письмо — 5 партийных работников во главе с И. А. Никитиным<sup>464</sup>.

Возможный политический конфликт в КТК обретал черты национального, поскольку оппозиция финнизации была в основном представлена русскими руководителями работниками и карелами. Незадолго до ликвидации Олонецкой губернии, осуществленной в августе 1922 г., подробный анализ состава трех соперничавших между собой национальных группировок, их программных установок и устремлений был дан в «Докладе товарища Каширина» — руководителя объединенной группировки чекистов, действовавшей в Карелии во время восстания.

«Финские работники», лидер которых Э. Гюлинг прибыл в Карелию в июне 1920 г., выступали за образование Карельской республики с Центральным исполнительным комитетом, Советом Народных Комиссаров и установление договорных отношений с РСФСР. «Красные» финны, говорилось в документе, «тяготеют к Финляндии... не буржуазной, а будущей пролетарской Финляндии и для них Карелия мост, по которому им нужно, и чем скорее — тем лучше, перейти в родную Финляндию. Будущую «Карельскую республику»\* они представляют себе как действительный «таран», которым можно пробить широкие ворота в будущую Финляндию. Эту задачу можно выполнить только через головы карельского народа, — а тут, как раз, и препятствие — из доклада карела Куджиева... видно, что потребность края толкает карел... под крыло РСФСР, а не в сторону Финляндии»<sup>465</sup>. Возглавляемая «красными» финнами КТК с собственным правительством, Советом Народных Комиссаров, должна была стать «политическим буфером» между РСФСР, с одной стороны, и «белой» Финляндией — с другой. Одновременно карельский народ обретал бы больше прав на «свое национальное самоопределение, а значит, и на культурное, экономическое возрождение края»<sup>466</sup>.

Группа ответственных работников-карелов, которую возглавлял секретарь партийной организации КТК В. М. Куджиев, наименьшая по численности, ставила своей целью сохранение КТК с исполкомом и введение в Карелии СНК; при этом в ведении РСФСР, на которую в культурном и во всех остальных отношениях должна была ориентироваться КТК, оставались внешняя политика и торговля, оборона, ЧК, почта и телеграф, пути сообщения и железная дорога, финансы<sup>467</sup>.

В наиболее многочисленную группировку входили русские работники бывшей Олонецкой губернии, программа которых была радикальной и допускала возможность пересмотра, совместно с Финляндией, вопроса о самоопределении Карелии и передачу соседнему государству Поросозерской, Ребольской и других западных волостей КТК. На востоке границу Карелии, в соответствии с этими представлениями, следовало провести, точно придерживаясь национального признака, исключив из ее состава русское население. После перехода западной части КТК к Финляндии на оставшейся территории Карелии следовало создать автономную область, «федерированную» с советской Россией, население которой «будет не на словах, а на деле тяготеть к последней»<sup>468</sup>.

Русские работники Олонецкой губернии, по мнению Каширина, «просто издевательски смеются над самым карельским вопросом», предлагая «расскассировать ог-

\* Закавычено в тексте.

ромную часть Карелии» с тем, чтобы центр мог «сам догадаться» и присоединить «будущую автономную область Карелии» к Олонецкой губернии<sup>469</sup>.

Подготовительная работа к началу 2-й партийной конференции, на которой должно было состояться последнее сражение, проходила в напряженной обстановке. Переведенный на работу в Сибирь В. М. Куджиев до своего отъезда трижды пытался провалить кандидатуру Э. Гюллинга на выборах в Карельский обком. Успех этого предприятия означал бы, что впоследствии кандидатура Э. Гюллинга не прошла на пост председателя областного исполкома<sup>470</sup>.

За несколько дней до созыва конференции сложилось «до крайности серьезное положение»<sup>471</sup>, оппозиция, знаменем которой снова стал уже находившийся в Сибири В. М. Куджиев, готовилась выступить с «открытым забралом».

Карельский областной отдел ГПУ разработал свой вариант решения проблемы, который с небольшими поправками и был использован. Чекисты предложили пригласить на конференцию «2—3 сильных ответственных авторитетных центральных работников», чтобы местные партийные руководители «ничего не смогли сделать»; назначить «обязательно русского ответственного секретаря» обкома партии<sup>472</sup> и «кое-кого убрать из КТК... дабы впредь не было вредной политической склоки и волнений внутри КТК»<sup>473</sup>.

Из Петрограда на конференцию прибыл «авторитетный центральный работник», секретарь Севзапбюро Б. П. Позерн, который и подвел итог затянувшемуся конфликту. Он выступил с большим докладом, разъяснив политику центральных органов власти в карельском вопросе. Образование КТК должно было «утолить национальный голод» прежде «угнетаемого... финского населения»<sup>474</sup>. Б. П. Позерн указал на международное значение КТК — ее пример призван был показать рабочему движению в Финляндии, «что дает Советская власть самоопределяющимся национальным меньшинствам и что никакой русификации она там не проводит»<sup>475</sup>.

Выразив понимание причин «недовольства и национальной вражды со стороны русских товарищей» к занявшим руководящие посты в КТК пришлым финнам, Б. П. Позерн объяснил, что благодаря «красным» финнам «угнетаемые рабочие массы» Финляндии знают, что рядом есть КТК, «где свободно живут их братья финны\*, имеют свои учреждения, организации, школы и т. п., свои руководящие органы, во главе которых стоят опять-таки сами финны, и работа у которых во всех отношениях процветает». В 1922 г. эти слова, конечно же, не имели отношения к суровой действительности, но следует помнить, что секретарь Севзапбюро говорил о перспективах, а не о реалиях начала 1920-х гг.

КТК призвана была побуждать рабочих в Финляндии на борьбу с угнетателями, что имело «колоссальное значение даже в мировом масштабе». Э. Гюллинг же был незаменим уже потому, что трудящиеся в Финляндии знали его как «премьер-министра» Карелии. К этому и «сводилась национальная политика нашей власти в отношении КТК». Логика докладчика была парадоксальной, и в соответствии

\* Б. П. Позерн имел в виду карелов. В начале 1920-х гг. незнакомые с этническими особенностями Карелии руководители из Москвы и Петрограда часто называли финнами все карельское население КТК—КАССР.

с ней Э. Гюллинг был обязан своим прочным положением «белофиннам», которые могли использовать его смещение для «противосоветской агитации»<sup>476</sup>.

Сообщив делегатам о том, что в наиболее трудные моменты взаимоотношений с Финляндией И. В. Сталин предлагал провести в короткий срок самую радикальную финнизацию КТК, Б. П. Позерн заявил об изменении ЦК РКП(б) взгляда и тактики относительно национальной политики в КТК вследствие изменения характера отношений с Финляндией. В свете последовавших на рубеже десятилетий, а затем в 1930-е гг. событий особый интерес представляло заявление Б. П. Позерна о готовности центра менять тактику в этом вопросе, реагируя на внешнеполитическую конъюнктуру\* и характер отношений с Финляндией<sup>477</sup>.

Конференция завершилась по сценарию ГПУ: противники финнизации Карелии были подавлены выступлением Б. П. Позерна, о чем откровенно заявил один из них — Ф. И. Егоров, подготовивший так и не произнесенную речь о необходимости «убрать ее (верхушку)\*\*, как несоответствующую»<sup>478</sup>. Несмотря на провал плана оппозиции, выступивший на конференции ее лидер И. А. Никитин все же повторил обвинения в адрес Э. Гюллинга, содержащиеся в письме, направленном противниками «красных» финнов в ЦК и Севзапбюро РКП(б).

И. А. Никитин обозначил проблему, которая долгие годы омрачала взаимоотношения между финскими и русскими руководителями КТК—КАССР, вплоть до окончательного удаления первых из Карелии в 1935 г.\*\*\* Предоставление финнам руководящих постов, как считал лидер оппозиции, означало, что «самое выборное право русских в Карелии будет уничтожено»<sup>479</sup>. Как бы то ни было, после конференции с оппозицией в Карелии было, наконец, покончено.

«Красные» финны окончательно закрепили свои позиции в Карелии после преобразования Карельской Трудовой Коммуны в КАССР летом 1923 г. Это мероприятие, демонстрировавшее готовность Москвы менять тактику в карельском вопросе, было результатом влияния как внешнеполитических, так и внутренних факторов. Длительное, более года, прохождение вопроса о Восточной Карелии в Лиге Наций и возможность принятия этой организацией невыгодного для большевиков решения заставили политическое руководство России предпринимать контрмеры.

Одним из мероприятий в этом направлении было повышение статуса КТК, которая 25 июля 1923 г. была преобразована в КАССР<sup>4\*</sup>, и тем самым, в формально-лингвистическом смысле, было выполнено обязательство, налагаемое Тартуским договором, о создании «Восточно-Карельской автономной области»<sup>5\*</sup>.

\* Это ясно из контекста.

\*\* То есть «красных» финнов.

\*\*\* По данным ГПУ КАССР, относящимся к 1929 г., 87,5% всех случаев недовольства на национальной почве в республике вызывались выдвижением на руководящие должности финнов. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997.

4\* Совет Лиги Наций принял резолюцию об изучении карельского вопроса 14 января 1922 г., а решение было принято 24 сентября 1923 г.: *Keuhäs W. Itä-Karjalan asia ja pakolaissuomus vu. 1922—1925*. Helsinki, 1926. S. 5.

5\* Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 25. 7. 1923 устанавливалась равноправность карело-финского и карельского языков на территории КАССР. Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 61.



Вопрос о переименовании КТК в республику поставили побывавшие в мае 1923 г. на приеме у Г. В. Чичерина Э. Гюллинг, П. А. Шотман и другие представители Коммуны, просившие поддержку НКВД в этом вопросе. По итогам встречи Г. В. Чичерин поставил в известность заместителя наркома по делам национальностей Г. И. Бройдо о том, что внешнеполитическое ведомство не усматривало «больших препятствий» в положительном решении этой проблемы. Нарком иностранных дел напомнил Г. И. Бройдо о том, что «мы, собственно, могли с самого начала назвать Карелию республикой», чему помешало сопротивление Олонецкого губисполкома<sup>480</sup>.

Вопрос о преобразовании автономных областей с правами губернских исполкомов в автономные республики был поднят 10 апреля в связи с объявлением дискуссии по национальному вопросу в ходе подготовки к XII съезду РКП(б) представителями нескольких автономий, обратившихся в малую коллегию наркомата по делам национальностей с соответствующей инициативой\*. В обращении указывалось на то, что «институт автономных областей с правами губисполкомов изжил свое время и в настоящее время совершенно не отвечает интересам представляемых нами национальностей»<sup>481</sup>.

Преобразование приграничной Карельской Трудовой Коммуны в автономную республику имело определенную специфику, так как руководство РСФСР вынуждено было учитывать отношения к этой проблеме соседней Финляндии. Разногласий в руководстве страны по вопросу о преобразовании КТК в АКССР не было, и принципиальное решение было принято 1 июля 1923 г.<sup>482</sup>, однако они появились в отношении ее территории и этнического состава населения. Особую позицию по этому вопросу занял НКВД, руководители которого предвидели затруднения в том случае, если в КАССР будут включены районы с преобладанием русского населения, а карелы станут меньшинством.

Еще до принятия решения об изменении статуса КТК нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в письме, направленном Г. И. Бройдо, высказался за переименование КТК в автономную республику, выступив, однако, против расширения ее территории за счет районов с преобладанием русского населения, включая всю Олонецкую губернию и Мурманский край. Г. В. Чичерин придерживался мнения о том, что «совершенно нецелесообразно соединять в одной автономной республике территории с различным населением», так как «или эта республика перестанет быть Карелией, или в ней будет некарельское меньшинство, которого интересы будут приноситься в жертву»<sup>483</sup>.

Незадолго до принятия окончательного решения Г. В. Чичерин обратился к И. В. Сталину по проблеме переименования КТК, указав на недопустимость включения в Карельскую автономную республику Мурманского края, так как такое расширение могло оказаться «вредным». Г. В. Чичерин напомнил И. В. Сталину, что «с самого начала имелось в виду ограничить Карелию территорией, действительно населенной карельским племенем»<sup>484</sup>. Расширение территории Карелии, по мнению главы внешнеполитического ведомства, могло «обострить тот больной международный вопрос», который «дошел даже до Гаагского трибу-

\* Среди подписавших этот документ лиц не было представителя КТК.

нала»\*, и дать основания «финляндским националистам» обвинить руководство СССР в стремлении русифицировать карелов<sup>485</sup>.

На предостережения НКИД Г. И. Бройдо отреагировал отрицательно, направив И. В. Сталину письмо, в котором поддержал инициативу «карелов»<sup>486</sup> по включению в республику Мурманской губернии и выводу из состава карельской автономии населенного на 95% русскими Пудожского уезда и Римской волости Повецкогского уезда. Опираясь цифрами этнического состава населения Мурманской губернии, которое в то время на 50% состояло из финнов и карелов (что превышало на 5% их удельный вес в КТК), Г. И. Бройдо довел до сведения И. В. Сталина, что «новый проект улучшает национальный состав в сторону, желательную т. Чичерину, а не наоборот»<sup>487</sup>. Г. И. Бройдо полагал, что включение Кольского полуострова в АКССР было бы «финским националистам... по душе», принимая во внимание их проект «Великой Финляндии», и не обострило бы «международный вопрос»<sup>488</sup>.

22 июня 1923 г. коллегия НКИД единогласно постановила, что формальных препятствий для «переименования КТК в Карельскую республику» не имелось, отнесясь в то же время отрицательно к расширению территории Карелии<sup>489</sup>, что сыграло свою роль, — Кольский полуостров не был включен в состав КАССР.

В беседе А. С. Черных с Э. Гюллингом о преобразовании Коммуны в автономную республику, состоявшейся 5 июня 1923 г., полпред предостерег руководителя КТК от подчеркивания того политического эффекта, который указанное преобразование могло получить в Финляндии, прозорливо заявив, что «превращение КТК в республику не послужит смягчению активистских тенденций и общей линии в карельском вопросе. Буржуазной Финляндии почти безразлично какие права предоставлены Советской Карелии, автономной области или республики»<sup>490</sup>.

Первая реакция в Финляндии на образование КАССР, как и предвидели в НКИД, была отрицательной. 2 августа 1923 г. в газете «*Xelsingin Sanomat*» была опубликована статья, автором которой, по мнению А. С. Черных, был министр иностранных дел Финляндии Ю. Х. Веннола. В статье говорилось, что превращение КТК в КАССР «является прежде всего переименованием названия. Таким простым приемом, однако, не обманут Финляндию. Мы ждем для Карелии... действительную автономию»<sup>491</sup>.

В беседе А. С. Черных с Ю. Х. Веннола последний не признал, что образованием в Карелии республики СССР выполнил свои обязательства по Тартускому договору, однако полпред с удовлетворением отметил, что «теперь финляндское правительство имеет тенденцию к «признанию» Карельской республики»<sup>492</sup>.

Близость Финляндии и вынесение ее правительством вопроса о Восточной Карелии в Лигу Наций определили выбор Москвой как времени преобразования КТК в КАССР — до вынесения решения Генеральной Ассамблеей, так и формы — автономной республики, что подразумевалось положениями Тартуского договора. После образования КАССР в Москве считали карельский вопрос как вопрос международного характера снятым с повестки дня.

\* Решение Гаагского трибунала о невозможности рассмотрения им карельского вопроса было принято 23 июля 1923 г. За это решение высказались 7 судей, против — 4. См.: *Kaukoranta T. Itä-Karjalan kysymyksen kehitys kansainväliseksi asiaksi. Helsinki, 1941. S. 16.*

Образование КАССР, несмотря на всю важность внешнеполитических обстоятельств, повлиявших на это решение Москвы, все же не объяснялось исключительно ими. В 1922—1923 гг. в советском руководстве шел активный поиск приемлемых для многонационального государства форм административного устройства, в первую очередь на окраинах. В момент экономической и внутривнутриполитической слабости новой власти основную опасность, грозившую непрочному равновесию, в Москве видели в великорусском шовинизме (национализме)<sup>493</sup>.

XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., в качестве основной линии национальной политики определил борьбу против великорусского шовинизма и положил начало политике «коренизации»\*. Следует отметить, что И. В. Сталин выступал за включение в резолюцию съезда по национальному вопросу тезисов о необходимости борьбы как с великорусским шовинизмом, так и с шовинизмом местным, представлявших собой, по его мнению, две стороны одного явления<sup>494</sup>.

Несмотря на то, что в предложенной генсеком ЦК РКП(б) формулировке эти тезисы в текст резолюции съезда включены не были<sup>495</sup>, уже в июне 1923 г. на совещании ЦК РКП(б) с работниками национальных республик и областей был обозначен поворот к утверждению сталинских подходов к осуществлению национальной политики партии с учетом опасности местного национализма<sup>496</sup>.

Намерения «красных» финнов, возглавивших КТК—КАССР, принципиально расходились с линией Москвы на последующую интеграцию всех национальных окраин в виде «единой государственной целостности» под эгидой России\*\* как наиболее развитой в экономическом, политическом и культурном отношении\*\*\*.

«Красные» финны связывали будущее Карелии не с Востоком, а с Западом, первоначально намереваясь включить ее в «красную» Скандинавию, а с угасанием надежд на «мировую революцию» — в «Великую красную Финляндию». Для Э. Гюллинга будущее Карелии находилось на Западе, а объединение Финляндии и Карелии означало государственное отделение последней от России<sup>44</sup>. В своих представлениях о будущем Карелии Э. Гюллинг был последователен и не менял их с течением времени, несмотря на оппозицию в рядах ФКП. (Основным оппонентом представлявшего национально-патриотическую линию Э. Гюллинга в рядах ФКП был Ю. Сирола, считавший будущее присоединение Карелии к Финляндии шагом к их объединению с СССР<sup>497</sup>.) Впоследствии эти взгляды Э. Гюллинга стали одной из причин удаления его с поста председателя СНК КАССР, а затем и гибели.

\* Термин, обозначающий комплекс политических, социально-экономических и культурных мероприятий, осуществлявшихся в нерусских районах СССР в основном в 1920 — начале 30-х гг., нацеленных на воспитание местных национальных кадров, развитие культуры на национальных языках.

\*\* Имеются в виду населенные преимущественно русскими районы РСФСР, исключая национальные образования различного уровня, входившие в РСФСР административно.

\*\*\* И. В. Сталин считал, что «политической основой пролетарской диктатуры являются не окраины, которые представляют крестьянские страны, а центральные районы, промышленные». Заключительное слово по национальному вопросу И. В. Сталина на XII съезде РКП(б) 24. 5. 1923. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 650, 691—697.

<sup>44</sup> Это мнение было высказано Э. Гюллингом еще до образования КТК. *Hodgson J. H. Op. cit. S. 92.*

Карельская АССР имела протяженную границу с враждебной, как считали в начале 1920-х гг. в Москве, капиталистической страной — Финляндией. Это определило ряд особенностей ее социально-экономического и политического развития, а также национальной и культурной политики.

Решение о предоставлении Карелии автономного статуса было принято властями РСФСР в мае — июне 1920 г. под влиянием как внутривластных, так и внешнеполитических факторов. В связи с революционными событиями в России среди части населения Карелии еще до октября 1917 г. получила распространение идея о предоставлении краю автономного статуса. В период гражданской войны в Беломорской Карелии сформировалось как значительная политическая сила национальное движение карелов, что было связано как с деятельностью активистов, так и с политикой, проводившейся командованием союзнических войск, нуждавшимся в поддержке местного населения.

Экономическая неразвитость и малонаселенность края, необразованность подавляющей части карельского населения, отсутствие влиятельной политической элиты и условия гражданской войны обусловили, однако, невозможность формирования единого национального движения. Кроме того, с весны 1918 г. и до весны 1919 г. национальное движение в Беломорской Карелии было расколото на два враждебных друг другу лагеря: сторонников «белой» Финляндии и присоединения к ней Карелии и сил, поддерживавших идею о государственной независимости Карелии, центр которых сформировался в Карельском легионе, находившемся под командованием союзников.

Создание автономной области — Карельской Трудовой Коммуны — позволяло решить две взаимосвязанные задачи: стабилизировать внутривластическую ситуацию в Карелии, удовлетворив требование карельского национального движения о предоставлении краю автономного статуса, и лишить Финляндию предлога для постановки вопроса о Восточной Карелии на предстоявших переговорах о заключении мирного договора, а также воспрепятствовать сближению этой страны с Польшей. Решение этих задач было возможно лишь с помощью финнов-эмигрантов, поскольку в крае сложилась влиятельная оппозиция, выступавшая против предоставления Карелии автономии, куда входила местная партийная организация, состоявшая из русских большевиков, а также карелов — в основном выходцев из Южной Карелии. Интересы «красных» финнов и властей РСФСР на какое-то время совпали.

Перспективные планы финнов-эмигрантов, возглавивших приграничную автономию, и центральных властей, однако, принципиально расходились. Э. Гюллинг относился к Карелии как к плацдарму мировой революции в Скандинавии и Финляндии, выступая за ее ориентирование в культурном отношении на Запад и включение в последующем в Великую «красную» Финляндию. В Москве же видели в «красных» финнах в первую очередь незаменимое средство умиротворения карельского населения, прежде всего в Беломорской Карелии, где позиции большевиков были исключительно слабы. Затем, после решения неотложных задач по подъему экономики отсталого края и привлечения на свою сторону симпатий местного населения, следовало создать условия для прочной интеграции автономии в едином государстве, занимавшей важное геополитическое положение.

Положение возглавивших КТК финнов-эмигрантов окончательно упрочилось лишь после карельского восстания зимой 1921—1922 гг., которое заставило центр пересмотреть свою политику в приграничной автономной области. Коммуне были предоставлены реальные экономические права, подавлена оппозиция, началось осуществление финнизации. В июле 1923 г. автономная область была преобразована в автономную республику, что было связано как с воздействием финляндской дипломатии, настаивавшей на выполнении условий Тартуского договора и поставившей карельский вопрос в Лиге Наций, так и с новыми подходами к решению национальных проблем, которые были выработаны центральными властями.

---

<sup>1</sup> Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 62—160.

<sup>2</sup> Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849—1911. М., 1991. С. 301—304.

<sup>3</sup> Juntunen A. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. Maailmansotaan. Helsinki, 1997. S. 46.

<sup>4</sup> Никулина Т. В. Лесоэкспорт на севере России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера (далее — ВИЕС). Петрозаводск, 1987. С. 120—131.

<sup>5</sup> Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 39. См. также: Дубровская Е. Ю. Противоборство панфеннизма и русского великодержавия в Карелии // ВИЕС. Петрозаводск, 1991. С. 55—64.

<sup>6</sup> Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 года // ВИЕС. Петрозаводск, 1974. С. 102.

<sup>7</sup> Hämynen T. Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 55—75.

<sup>8</sup> Ibid. S. 73.

<sup>9</sup> Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX — начале XX в. // ВИЕС. Петрозаводск, 1993. С. 44; Joustela K. E. Suomen Venäjän kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65. Helsinki, 1963. S. 281.

<sup>10</sup> Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. S. 22.

<sup>11</sup> Bazegski D. Vienan karjalaisten laukkukauppa // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 79.

<sup>12</sup> Laine A. Suomalaisten yhteydet Neuvostoliiton Pohjois-Karjalaan 1900-luvulla toisen maailmansodan loppuun asti // Maaseutuväkeä, hengen ja ruumiin kulttuuria. Historian tutkimuksia. Joensuu, 1991. № 8. S. 98.

<sup>13</sup> Hämynen T. Op. cit. S. 73.

<sup>14</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 26.

<sup>15</sup> Ibid. S. 27.

- 16 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 27.
- 17 Ibid. S. 40.
- 18 Ibid. S. 44—45; *Vahtola J.* Östkarelen i finländsk politik 1917—1945. P. 1.
- 19 Цит. по: *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 45.
- 20 *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 22.
- 21 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 48.
- 22 Ibid. S. 50.
- 23 Ibid. S. 53.
- 24 *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. S. 24.
- 25 Ibid. S. 25. Об этом см. также: *Дубровская Е. Ю.* Противоборство панфеннизма и русского великодержавия в Карелии // ВИЕС. Петрозаводск, 1991. С. 62.
- 26 Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 154.
- 27 *Churchill S.* Op. cit. S. 25—26.
- 28 Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 155.
- 29 *Ranta R.* Vienan karjalaisten liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906—1922. Tampere, 1997. S. 49.
- 30 *Ranta R.* Op. cit. S. 73.
- 31 *Дубровская Е. Ю.* Противоборство... С. 59—60.
- 32 *Churchill S.* Op. cit. S. 27.
- 33 *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880—1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 83—84.
- 34 Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 359.
- 35 *Churchill S.* Op. cit. S. 27.
- 36 Ibid. S. 28.
- 37 *Иванов П. В.* Из истории русской школы в Карелии // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Петрозаводск, 1960. Т. X. С. 101.
- 38 *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии... С. 109.
- 39 *Ошеров Е. Б., Суни Л. В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX—XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 40—46.
- 40 Там же. С. 58.
- 41 *Facta 2001.* Vol. 1. Porvoo, 1983. S. 244.
- 42 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 55.
- 43 *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 51.
- 44 См. подробную историю егерского движения: *Lauerma M.* Jääkäripataljoona 27. Porvoo, 1966.
- 45 *Turtola M.* Erik Heinrichs — Mannerheimin ja Paasikiven kenraali. Keuruu, 1988. S. 37.
- 46 Ibid.
- 47 *Churchill S.* Op. cit. S. 32.
- 48 Ibid. S. 33.
- 49 Ibid. S. 34.
- 50 Ibid.
- 51 Ibid. S. 46.
- 52 Ibid.
- 53 Ibid. S. 46—47.

- <sup>54</sup> Ibid. S. 46; *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 51.
- <sup>55</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 47—48.
- <sup>56</sup> Ibid. S. 49.
- <sup>57</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 70.
- <sup>58</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 52.
- <sup>59</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 82; *Машеэзерский В. И.* Из истории борьбы трудящихся Карелии за самоопределение // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 18—19.
- <sup>60</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 52—53.
- <sup>61</sup> *Чистиков А. Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // *Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др.* Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 170.
- <sup>62</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 80.
- <sup>63</sup> Ibid. S. 81.
- <sup>64</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 54.
- <sup>65</sup> *Vahtola J.* «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». S. 29—30.
- <sup>66</sup> Политическая история Финляндии 1809—1995. М., 1998. С. 127.
- <sup>67</sup> *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 56.
- <sup>68</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 87.
- <sup>69</sup> *Vahtola J.* Itä-Karjala Suomen politiikassa 1918—1922 // *Terra.* 1993. Vol. 105. № 4. S. 283.
- <sup>70</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 87.
- <sup>71</sup> Аунуксен retken muistojulkaisu. Helsinki, 1930. S. 7.
- <sup>72</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 88—89.
- <sup>73</sup> Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 59; *Балагуров Я. А.* Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1958. С. 54.
- <sup>74</sup> *Vahtola J.* «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». S. 108.
- <sup>75</sup> Ibid. S. 111.
- <sup>76</sup> *Jalava A.* Kansallisuus kadoksissa: Neuvosto-Karjalan suomenkielisen epiikan kehitys. Helsinki, 1990. S. 17.
- <sup>77</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 97.
- <sup>78</sup> Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 58; *Машеэзерский В. И.* Установление Советской власти в Карелии 1917—1918. С. 125.
- <sup>79</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 98.
- <sup>80</sup> Ibid.
- <sup>81</sup> Ibid. S. 98—99.
- <sup>82</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 55.
- <sup>83</sup> *Neuvakivi J.* Muurmännin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918—1919. Helsinki, 1970. S. 17—18.
- <sup>84</sup> Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 62.
- <sup>85</sup> *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975. С. 26.
- <sup>86</sup> *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 102.
- <sup>87</sup> *A History of England and the Empire-Commonwealth.* Boston, 1961. P. 585.
- <sup>88</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 95—96.
- <sup>89</sup> Ibid. S. 96—97.

- <sup>90</sup> Sundbäck E. Britannian Suomea koskevat sotilaalliset suunnitelmat vuosina 1918—1919 // Sotahistoriallinen aikakauslehti. 1991. № 10. S. 48.
- <sup>91</sup> Зашихин А. Н. Интервенция на Севере Советской России: проблемы изучения // Сквозь бури гражданской войны. Архангельск, 1990. С. 94.
- <sup>92</sup> Там же.
- <sup>93</sup> Churchill S. Op. cit. S. 98.
- <sup>94</sup> Егоров Ф. И. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952. С. 20.
- <sup>95</sup> Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 129.
- <sup>96</sup> Churchill S. Op. cit. S. 98—99.
- <sup>97</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 125.
- <sup>98</sup> Мусаев В. И. Белофинская авантюра в Карелии весной—летом 1919 г. и ее ликвидация // Европейский Север. История и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1990. С. 48.
- <sup>99</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 110.
- <sup>100</sup> Ibid. S. 113.
- <sup>101</sup> Холодковский В. М. Указ. соч. С. 44.
- <sup>102</sup> Там же. С. 47.
- <sup>103</sup> Там же.
- <sup>104</sup> Там же. С. 53.
- <sup>105</sup> Там же. С. 55.
- <sup>106</sup> Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948. С. 42.
- <sup>107</sup> Холодковский В. М. Указ. соч. С. 47.
- <sup>108</sup> Протокол 1-го заседания политическо-правовой комиссии 5 августа 1918 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 138.
- <sup>109</sup> Чистиков А. Н. Территориально-политические проблемы отношений России с Финляндией и Германией // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 185.
- <sup>110</sup> Протокол 1-го заседания политическо-правовой комиссии 5 августа 1918 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 138.
- <sup>111</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 173.
- <sup>112</sup> Vahtola J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». S. 398.
- <sup>113</sup> Ibid. S. 401.
- <sup>114</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 174.
- <sup>115</sup> Ibid. S. 175.
- <sup>116</sup> Ibid. S. 181—182.
- <sup>117</sup> Ibid. S. 182.
- <sup>118</sup> Kosonen M. Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla. Studia Carelica Humanistica 5. Tampere, 1994. S. 163.
- <sup>119</sup> Ibid.
- <sup>120</sup> Ibid. S. 183.
- <sup>121</sup> Шишкин В. А. Блокада Северо-Запада Советской России // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 269.
- <sup>122</sup> Jääskeläinen M. Op. cit. S. 187.



- 123 *Нукулина Т. В.* Указ. соч. С. 125—126.
- 124 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 190.
- 125 Ibid. S. 191.
- 126 *Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 90—91.*
- 127 *Sundbäck E.* Op. cit. S. 58.
- 128 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 194.
- 129 Ibid. S. 195.
- 130 Ibid. S. 196.
- 131 Ibid. S. 102—103.
- 132 *Churchill S.* Op. cit. S. 108.
- 133 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 198.
- 134 О Е. И. Лежоеве см.: *Яровой А.* «Президент» из Вокнаволока // Север. 1991. № 1. С. 114—126.
- 135 *Churchill S.* Op. cit. S. 108.
- 136 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 198.
- 137 *Tokoi O.* Maanpakolaisen muistelmia. Helsinki, 1959. S. 288.
- 138 *Churchill S.* Op. cit. S. 108.
- 139 Ibid. S. 108—110.
- 140 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 198.
- 141 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 206—207.
- 142 Ibid. S. 208.
- 143 *Ranta R.* Op. cit. S. 158.
- 144 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 210.
- 145 Ibid. S. 212.
- 146 *Lauerma M.* Op. cit. S. 924.
- 147 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 213—214.
- 148 Ibid. S. 231.
- 149 Ibid.
- 150 *История Карелии. Т. 2. С. 94.*
- 151 *Churchill S.* Op. cit. S. 116—117; *Невалайнен П.* Карелия после 1917 г. // *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 251.
- 152 *Lauerma M.* Op. cit. S. 928.
- 153 *Машезерский В. И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 61.
- 154 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 222.
- 155 Ibid. S. 219.
- 156 *Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 96.*
- 157 *Churchill S.* Op. cit. S. 117.
- 158 *Aunuksen retken muistojulkaisu. S. 111.* (Воспоминания П. Талвела.)
- 159 *Churchill S.* Op. cit. S. 119.
- 160 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 219—220.
- 161 *Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 104.*
- 162 *Aunuksen retken muistojulkaisu. S. 113.* (Воспоминания П. Талвела.)
- 163 *Морозов К. А.* Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Петрозаводск, 1961. С. 45—46.

- 164 В боях за Советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932. С. 85.
- 165 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 106.
- 166 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 232.
- 167 Ibid. S. 220.
- 168 *Churchill S.* Op. cit. S. 120.
- 169 *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 224.
- 170 Ibid. S. 223.
- 171 Ibid. S. 249, 251.
- 172 *Шишкин В. А.* Выход Советской России из блокады // *Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др.* Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 368.
- 173 *Churchill S.* Op. cit. S. 114.
- 174 Ibid. S. 126.
- 175 *Churchill S.* Op. cit. S. 122—123.
- 176 Ibid. S. 125.
- 177 Воспоминания американца об интервенции на Севере // Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 5.
- 178 *Churchill S.* Op. cit. S. 136.
- 179 Ibid. S. 137.
- 180 Ibid. S. 137—138.
- 181 Ibid. S. 139—140.
- 182 Ibid. S. 140—141.
- 183 Ibid. S. 141.
- 184 Письмо Г. В. Чичерина в политбюро ЦК РКП(б) 9. 2. 1920. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 105, л. 2.
- 185 Там же.
- 186 *Голдин В. И.* Агония белого режима на Европейском Севере // ВИЕС. Петрозаводск, 1994. С. 24.
- 187 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 130—131.
- 188 Там же. С. 131.
- 189 *Машеэзерский В. И.* Победа... С. 75. О съезде см. также: *Dubrovskaja J.* Karjalan volostien valtuutettujen Uhtuan edustajakokouksen v. 1920 historiaa // Kainuussa ja Vienassa. *Studia Carelica Humanistica* 10. Joensuu, 1997. S. 115—125.
- 190 *Churchill S.* Op. cit. S. 157—158.
- 191 Ibid. S. 139—140.
- 192 Очерки Карелии. Т. 2. С. 135—136.
- 193 *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918—1920. Helsinki, 1961; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo, 1970.
- 194 *Churchill S.* Op. cit. S. 160—161.
- 195 Ibid. S. 171.
- 196 *Афанасьева А. И.* Начало. Образование Карельской Трудовой Коммуны и интернациональная помощь зарубежного пролетариата (1920—1921 гг.) // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 5.
- 197 *Churchill S.* Op. cit. S. 170.
- 198 Ibid. S. 171.

- <sup>199</sup> Дневниковые записи Э. Гюллинга о будущем Карелии были опубликованы в 1974 г. *Hodgson J. H. Edvard Gylling ja Otto. W. Kuusinen asiakirjojen valossa 1918—1920. Helsinki, 1974.*
- <sup>200</sup> Письмо Э. Гюллинга. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 2, д. 54, л. 20—21. (Перевод с финского.) Об этом письме см. также: *Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920—1935 гг.): Препринт доклада. Петрозаводск, 1992. С. 4.*
- <sup>201</sup> Там же, л. 20.
- <sup>202</sup> Там же.
- <sup>203</sup> Там же.
- <sup>204</sup> Там же.
- <sup>205</sup> Там же.
- <sup>206</sup> Там же.
- <sup>207</sup> Там же, л. 21.
- <sup>208</sup> *Jääskeläinen M. Op. cit. S. 276.*
- <sup>209</sup> *Шувалов В. И. Первый Всекарельский съезд Советов // Вопросы истории: Сб. статей, посвященный 50-летию образования СССР. Петрозаводск, 1973. С. 92.*
- <sup>210</sup> *Churchill S. Op. cit. S. 163.*
- <sup>211</sup> Доклад Главкому по вопросу об установлении нейтральной зоны и демаркационной линии с Финляндией начальника полевого штаба РВСР 30. 3. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 1.
- <sup>212</sup> Там же.
- <sup>213</sup> За начальника Полевого штаба РВСР 4. 4. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 8.
- <sup>214</sup> За начальника Полевого штаба РВСР 4. 4. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 8.
- <sup>215</sup> Разговор главкома С. С. Каменева с М. М. Лашевичем по телеграфу. Копия. 24. 4. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 37.
- <sup>216</sup> Перевод заявления финляндской делегации. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 42.
- <sup>217</sup> Э. Гюлинг выехал из Стокгольма 17 апреля 1920 г. Из норвежского порта Вардо он прибыл в Мурманск, проследовав затем в Москву. См.: *Yläräkkö A. Edvard Gylling. S. 168.*
- <sup>218</sup> *Churchill S. Op. cit. S. 163.*
- <sup>219</sup> *Кангаспуро М. Взлет и падение красных финнов. С. 115.*
- <sup>220</sup> *Левкоев А. А. Финская коммунистическая эмиграция... С. 35.*
- <sup>221</sup> Выступление Я. Мяки на съезде ФКП в августе 1920 г. РЦХИДНИ, ф. 516, оп. 2, д. 4, л. 307. См. также: *Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 35.*
- <sup>222</sup> Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 132.
- <sup>223</sup> *Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 35. См. также: За Советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 316.*
- <sup>224</sup> *Churchill S. Op. cit. S. 180.*
- <sup>225</sup> *Ibid. S. 181.*
- <sup>226</sup> Доклад о создании КТК. Апрель 1920 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 24, л. 7—8.
- <sup>227</sup> Письмо Г. В. Чичерина В. И. Ленину 10. 5. 1920. Копия. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 77, л. 5.
- <sup>228</sup> Там же.
- <sup>229</sup> Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 143.

- <sup>230</sup> Письмо Г. В. Чичерина зам. председателя РВСР Э. М. Склянскому 24. 5. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 28, л. 2.
- <sup>231</sup> Там же.
- <sup>232</sup> АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 28, л. 2.
- <sup>233</sup> Письмо Г. В. Чичерина М. Ф. Владимирскому 25. 5. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 28, л. 3.
- <sup>234</sup> Письмо Г. В. Чичерина М. Ф. Владимирскому 27. 5. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 28, л. 4; письмо М. Ф. Владимирского Г. В. Чичерину 27. 5. 1920. Там же, л. 5.
- <sup>235</sup> Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 143.
- <sup>236</sup> Протокол № 17 заседания политбюро РКП(б) 1. 6. 1920. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 85, л. 1.
- <sup>237</sup> Там же. С. 145.
- <sup>238</sup> Там же. С. 146.
- <sup>239</sup> Там же.
- <sup>240</sup> Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 140.
- <sup>241</sup> Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 4. 8. 1920. НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 1/15, л. 172.
- <sup>242</sup> Протокол заседания междуправительственной комиссии при НКВД 30. 8. 1920. НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 1/15, л. 181.
- <sup>243</sup> Письмо ревкома КТК в Президиум ВЦИК 14. 7. 1920. НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 1/15, л. 115.
- <sup>244</sup> Принятые съездом резолюции еще до его созыва были отправлены советской делегации в Тарту: «Доклад на мирную конференцию в Дерпте (Тарту) т. Берзину». НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 1/15, л. 53.
- <sup>245</sup> Там же. С. 138—139. См.: Резолюция съезда Карелии в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920: Сб. документов и материалов / Под ред. Я. А. Балагурова и В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964. С. 546—548.
- <sup>246</sup> Куджиев В. М. Карельская Трудовая Коммуна. С. 55.
- <sup>247</sup> Там же. С. 57. Как было показано выше, это утверждение В. М. Куджиева не соответствовало действительности, резолюции съезда были посланы в Тарту еще до его созыва.
- <sup>248</sup> Куджиев В. Рождение Карельской Трудовой Коммуны // На рубеже. 1960. № 3. С. 103.
- <sup>249</sup> Замечание военного эксперта В. Егорова на проект границ Печенгского района, представленный финляндской делегацией. Юрьев. 19. 6. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 50.
- <sup>250</sup> Там же, л. 52.
- <sup>251</sup> Там же.
- <sup>252</sup> Там же.
- <sup>253</sup> Там же.
- <sup>254</sup> Там же.
- <sup>255</sup> Начальник полевого штаба РВСР Г. В. Чичерину 26. 8. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 2, л. 64.
- <sup>256</sup> Письмо Г. В. Чичерина в политбюро ЦК РКП(б) 6. 9. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 9, л. 1.
- <sup>257</sup> Там же.
- <sup>258</sup> Протокол № 41 заседания политбюро РКП(б) 6. 9. 1920. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 107, л. 1.

- 259 Телеграмма Г. В. Чичерина Я. А. Берзину 9. 9. 1920. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 28, л. 12. Включение этих мероприятий в воззвание было вызвано необходимостью проведения контрпропаганды против агитации, которую вели в Беломорской Карелии активисты. См., например: Vienan Karjalan väliaikainen Toimikunta. Kiertokirje n:o 378. Uhtua, 24. 1. 1920. НА РК, ф. 549, оп. 1, д. 1/3, л. 11.
- 260 Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 74.
- 261 Левкоев А. А. Финская коммунистическая эмиграция... С. 46.
- 262 История национально-государственного строительства в СССР. Т. 1. М., 1972. С. 244—245.
- 263 Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 734, 738.
- 264 Там же. С. 741.
- 265 Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 265—280.
- 266 Там же. С. 281.
- 267 Письмо И. А. Данилова в ЦК РКП(б) 19. 2. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 5.
- 268 Там же.
- 269 Постановление ВЦИК об образовании КТК 7. 6. 1920. Копия. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 6, д. 23, л. 2.
- 270 Письмо Е. А. Преображенского 25. 1. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 3.
- 271 Стенограмма 5-й Карельско-Олонецкой конференции 2—5. 1. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 7, оп. 1, д. 13, л. 36. В. М. Куджиев, по всей видимости, имел в виду то, что у карелов в то время не было письменности и литературного языка, а не культуры в широком смысле слова.
- 272 Там же, л. 37.
- 273 Там же.
- 274 Там же.
- 275 Карельская организация КПСС в цифрах 1921—1984. Петрозаводск, 1985. С. 27.
- 276 VKP Suomalaisien Järjestöjen Kesku-Toimiston Karjalan-Muurnannin Osaston (nykyinen VKP Karjalan Aluekomitean Suomenkielinen Osasto toiminnasta). Jaakko Mäki. 31. 12. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 7.
- 277 Карельская организация КПСС в цифрах 1921—1984. С. 72.
- 278 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 180.
- 279 Карельская организация КПСС в цифрах 1921—1984. С. 72.
- 280 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 180.
- 281 Протокол Карельско-Олонецкой конференции. 2—5. 1. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 7, оп. 1, д. 12, л. 26—27.
- 282 Объединенный Карельско-Олонецкий комитет был создан 2 сентября 1920 г. по постановлению оргбюро ЦК РКП(б). См.: Карельская организация КПСС. Хроника 1895—1987. Петрозаводск, 1988. С. 67.
- 283 Письмо Э. Гюлинга и Я. Мяки в ЦК РКП(б) 17. 1. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 1.
- 284 Выписка из протокола № 90 заседания оргбюро от 22. 1. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 2.
- 285 Решение о разделе. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 69.
- 286 Протокол № 2 фракции РКП 8-го Олонецкого губернского съезда советов. 5. 2. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 19.
- 287 Там же, л. 20.
- 288 Там же.

- 289 Материалы пленума 19. 2. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 22.
- 290 Там же.
- 291 Материалы пленума 19. 2. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 23.
- 292 Левкоев А. А. Национально-языковая политика... С. 6.
- 293 Материалы пленума 19. 2. 1921. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 23.
- 294 Churchill S. Op. cit. S. 190—191.
- 295 Выписка из протокола № 55 заседания Президиума ВЦИК. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 41.
- 296 Там же, л. 46.
- 297 Там же, л. 48.
- 298 Выписка из протокола заседания Оргбюро от 12. 9. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 65.
- 299 Письмо Г. В. Чичерина в политбюро ЦК РКП(б) 17. 9. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 60.
- 300 Письмо Г. В. Чичерина Я. А. Берзину 18. 4. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 5, л. 19.
- 301 Письмо представительства КТК при Наркомате по национальным делам РСФСР 18. 11. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 67.
- 302 Письмо помощника заведующего отделом Запада НКВД в административную комиссию ВЦИК. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 69.
- 303 *Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 87.*
- 304 *Itä-Karjala. Toimittanut Akateeminen Karjala Seura. Helsinki, 1934. S. 74.*
- 305 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 год Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 101.
- 306 *Hovi O., Joutsamo T. Suomalaiset heimosoturit Viron vapaussodassa ja Itä-Karjalan heimosodassa vuosina 1918—1922. Taik. 1971. XXIV. S. 118.*
- 307 *Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 87.*
- 308 *Jääskeläinen M. Op. cit. S. 320.*
- 309 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 год Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 101—102.
- 310 Там же, л. 103.
- 311 Там же, л. 102—103.
- 312 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом..., л. 102—103.
- 313 Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 158.
- 314 Телеграмма из Петрозаводска 25. 3. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53399, л. 4.
- 315 Письмо Г. В. Чичерина в НКВД 9. 4. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 26, л. 2.
- 316 Письмо НКВД председателю малого СНК т. Киселеву 21. 6. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 26, л. 41.
- 317 Там же, л. 41—42.
- 318 Гусев К. В. Указ. соч. С. 73.
- 319 Копия телеграммы из Сороки от члена чрезвычайной пятерки Вазараева 15. 5. 1921. НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 1/7, л. 234. См. также: Сообщение Тунгудского волисполкома в Кемский уездный исполком 24. 4. 1921. НА РК, ф. 351, оп. 1, д. 6/93, л. 21.
- 320 Доклад товарища Каширина № 4. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 6.
- 321 Доклад ИНО ВЧК о карельских событиях (октябрь 1921—февраль 1922 г.). АВПРФ, ф. 0149, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 75.

- <sup>322</sup> Там же.
- <sup>323</sup> Протокол заседания 1-й Карельской областной партийной конференции 15—20. 2. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 34—35.
- <sup>324</sup> Там же.
- <sup>325</sup> Там же.
- <sup>326</sup> Доклад товарища Каширина № 8. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 7.
- <sup>327</sup> Доклад товарища Каширина № 4. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 5.
- <sup>328</sup> Там же.
- <sup>329</sup> Об отсутствии советов на Севере Карелии см.: *Фалинов Ю. Н.* Восстановление Советской власти в северо-западных волостях Карелии во второй половине 1920 — начале 1921 г. // Вопросы истории КПСС: Сб. ст. Петрозаводск, 1967. С. 13.
- <sup>330</sup> Доклад товарища Каширина № 8. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 7.
- <sup>331</sup> *Nygård T.* Itä-Karjalan rakolaiset. S. 66.
- <sup>332</sup> Письмо временно исполняющего должность начальника Карельского отдела ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ по ПВО Мессингу 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 14.
- <sup>333</sup> Протокол заседания 1-й Карельской областной партконференции 15—20. 3. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 36.
- <sup>334</sup> *Levkojev A.* Vienan Karjalan kapinän v. 1921—1922 vaikutus Karjalan autonomian kehitysprosessiin // *Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica* 10. Joensuu, 1997. S. 130; *Idem.* Vienankarjalaisten kansannousu talvella 1921—1922. Lisiä teemaan «Gylling ja Itä-Karjala» // *Karjalan heimo.* 1994. S. 7—8.
- <sup>335</sup> Письмо А. С. Черных Г. В. Чичерину 9. 8. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 3, л. 56.
- <sup>336</sup> Резолюция 2-го Всекарельского съезда Советов по поводу нот Финляндии об автономии Карелии 2—10. 10. 1921. Красная Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1925. С. 30.
- <sup>337</sup> Письмо № 12 А. С. Черных Г. В. Чичерину 3. 9. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 3, л. 98.
- <sup>338</sup> Письмо А. С. Черных Г. В. Чичерину 6. 9. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 3, л. 99.
- <sup>339</sup> Еще на 1-м Всекарельском съезде Советов в феврале 1921 г. отмечалось, что национальный вопрос в Карелии «не имеет практической остроты в настоящее время». НА РК, ф. 549, оп. 1, д. 5/51, л. 3.
- <sup>340</sup> Письмо из НКВД А. С. Черных 17. 8. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 1, л. 32.
- <sup>341</sup> Доклад о событиях в Восточной Карелии. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 97, л. 8.
- <sup>342</sup> Там же.
- <sup>343</sup> Доклад о событиях в Карелии за период 5—20 декабря. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 97, л. 3.
- <sup>344</sup> Доклад о событиях в Карелии за период 5—20 декабря. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 97, л. 3.
- <sup>345</sup> Копия циркуляра начальника политического управления ПВО Володина 1 февраля 1922 г. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 103, л. 3.
- <sup>346</sup> Приказ войскам ПВО 20 декабря 1921 г. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 105, л. 41—44.
- <sup>347</sup> Агентурная сводка № 5 от 6 января 1922 г. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 105, л. 104.
- <sup>348</sup> Агентурная сводка № 6 от 8 января 1922 г. Там же, л. 105.
- <sup>349</sup> Доклад о карельском восстании № 2. Копия копии. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 97, л. 4—5.

- <sup>350</sup> Письмо Г. В. Чичерина Л. Д. Троцкому 21. 11. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 29.
- <sup>351</sup> Доклад главкома С. Каменева 22. 11. 1921. Копия. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 32.
- <sup>352</sup> Письмо Г. В. Чичерина Л. Д. Троцкому 26. 11. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 45. 16 ноября 1921 г. правительство РСФСР направило правительству Финляндии первую ноту протеста, а всего до конца года — пять нот. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 509, 511—512, 534—537, 558—559, 574—578. В январе—феврале 1922 г. последовали еще три ноты. Там же. Т. 5. С. 51—53, 68—70, 78—79.
- <sup>353</sup> Письмо Г. В. Чичерина Л. Д. Троцкому 12. 12. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 71.
- <sup>354</sup> Письмо Л. Д. Троцкого Г. В. Чичерину 16. 12. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 78.
- <sup>355</sup> Там же.
- <sup>356</sup> Письмо Э. Гюлинга С. М. Франкфурту 12. 11. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 76.
- <sup>357</sup> Письмо Г. В. Чичерина И. С. Уншлихту 17. 12. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 83.
- <sup>358</sup> Письмо Г. В. Чичерина Л. Д. Троцкому 17. 12. 1921. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 250, д. 53397, л. 84.
- <sup>359</sup> *Korhonen K.* Op. cit. S. 59.
- <sup>360</sup> *Ibid.*
- <sup>361</sup> Письмо из НКВД А. С. Черных 1. 2. 1922. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 106, д. 9, л. 7.
- <sup>362</sup> Там же.
- <sup>363</sup> Письмо А. С. Черных Г. В. Чичерину 12. 2. 1922. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 106, д. 1, л. 48.
- <sup>364</sup> Там же.
- <sup>365</sup> Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) 3. 12. 1921. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 240, л. 1.
- <sup>366</sup> Письмо Я. С. Ганецкого А. С. Черных 14. 1. 1922. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, оп. 106, д. 5, л. 1.
- <sup>367</sup> Письмо В. Л. Коппа А. С. Черных 17. 2. 1925. АВПРФ, ф. 0135, оп. 8, п. 113, д. 5, л. 15.
- <sup>368</sup> *Davids J.* *America and the World of Our Time. United States Diplomacy in the Twentieth Century.* N. Y., 1970. P. 116—117.
- <sup>369</sup> Письмо А. С. Черных Г. В. Чичерину 13. 11. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 3, л. 131.
- <sup>370</sup> *Nygård T.* *Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen.* S. 91—92.
- <sup>371</sup> См.: Нота члена коллегии НКВД посланнику Эстонии в РСФСР Варесу 2. 2. 1922//Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 78—79. В Лигу Наций Финляндия обратилась 21. 11. 1921. См.: *Korhonen K.* *Naapurit vastoin tahtoon. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan I 1920—1930.* Helsinki, 1966. S. 55.
- <sup>372</sup> Письмо Г. В. Чичерина в политбюро ЦК РКП(б) 2. 12. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 4, п. 104, д. 5, л. 36.
- <sup>373</sup> *Churchill S.* Op. cit. S. 191—192.
- <sup>374</sup> РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 248, л. 1.
- <sup>375</sup> Там же.



- 376 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 248, л. 2.
- 377 Там же.
- 378 Там же.
- 379 Там же.
- 380 Телеграмма Л. Д. Троцкого, направленная в ПВО 16 декабря 1921 г. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 105, л. 1.
- 381 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 161.
- 382 Телеграмма Наумова 17 декабря 1921 г. РГВА, ф. 25888, оп. 1, д. 104, л. 54.
- 383 *Седякин А.* Ликвидация белофинской авантюры в Карелии // Карело-Мурманский край. 1932. № 3—4. С. 2.
- 384 *Соколов-Страхов К. И.* Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Л., 1927. С. 54.
- 385 Там же. С. 104. Эти опасения разделяли власти Олонецкой губернии и КТК, принявшие меры по формированию отрядов лыжников. Протокол заседания Олонецкого уездного ВРК 4. 1. 1922. НА РК, ф. 317, оп. 3, д. 1/6, л. 14.
- 386 *Тойкка Э. В.* Сквозь грозные годы. Петрозаводск, 1980. С. 59.
- 387 *Петров И. (Т. Вякя).* Красные финны. Воспоминания. Петрозаводск, 1973. С. 99.
- 388 *Хесин С. С.* Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. М., 1949. С. 99.
- 389 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 г. Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 110—111.
- 390 *Гардин Е. С.* Разгром белофинской авантюры (1921—1922 гг.). Петрозаводск, 1947. С. 24—27; Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22: Сб. документов. Б. м., 1944. С. 163.
- 391 Письмо начальника оперативного управления РККА Л. Д. Троцкому 17. 2. 1922. АВПРФ, ф. 0149, оп. 1, п. 2, д. 6, л. 7. Имеются и другие данные о потерях: 145 убитых, 471 раненый, 257 обмороженных и 273 больных, в общей сложности 1146 человек. *Соколов-Страхов К. И.* Указ. соч. С. 108.
- 392 Письмо А. И. Седякина Л. М. Кагановичу. Датируется 1935—1936 гг. РЦХИДНИ, ф. 74, оп. 2, д. 104, л. 143—144.
- 393 Там же.
- 394 *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922. Jyväskylä, 1980. S. 65.
- 395 Письмо начальника Карельского областного отдела ГПУ Домбровского в полномочное представительство ГПУ 5. 8. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 1.
- 396 Там же.
- 397 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 г. Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 108—109.
- 398 Там же.
- 399 Доклад-отчет о работе по борьбе с бандитизмом за 1922 г. Карельского областного отдела ГПУ. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 110.
- 400 Там же, л. 108, 114.
- 401 Письмо начальника Карельского областного отдела ГПУ Домбровского в полномочное представительство ГПУ 5. 8. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 1—2.
- 402 Письмо начальника Карельского областного отдела ГПУ Домбровского в полномочное представительство ГПУ по контрразведывательному отделу 5. 8. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 3.
- 403 *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922. S. 73.

- 404 Письмо А. С. Черных Я. С. Ганецкому 16 мая 1922 г. АВПРФ, ф. 0135, д. 2, п. 106, оп. 5, л. 45.
- 405 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 248, л. 1.
- 406 Письмо начальника Карельского областного отдела ГПУ Домбровского в полномочное представительство ГПУ по контрразведывательному отделу 5. 8. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 5.
- 407 Там же, л. 5.
- 408 Там же, л. 6.
- 409 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка председателю Карельского исполнительного комитета Э. Гюллингу 14. 10. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 25. В этом документе содержится список из 395 человек, которые входили в категорию лиц, не подлежащих амнистии. Там же, л. 30—42.
- 410 Там же, л. 5.
- 411 Там же.
- 412 Там же, л. 10.
- 413 Там же, л. 11.
- 414 См., например: Политическая характеристика Лоухского района. Утверждена решением членов бюро РК ВКП(б) 8 мая 1939 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 282, л. 11—27.
- 415 *Nygård T. Itä-Karjalan rakolaiset 1917—1922. S. 97.*
- 416 *Ibid. S. 99.*
- 417 *Ibid. S. 103—105.*
- 418 *Ibid. S. 106.*
- 419 *Ibid. S. 110.*
- 420 *Nygård T. Suur-Suomi... S. 118.*
- 421 *Ibid. S. 126.*
- 422 Политическая история Финляндии. С. 153.
- 423 *Churchill S. Op. cit. S. 192.*
- 424 *Ibid.*
- 425 Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 209.
- 426 Там же. С. 345.
- 427 Письмо В. Л. Коппа А. С. Черных 23. 6. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 9, л. 7.
- 428 Заявление о самоуправлении Восточной Карелии 14 октября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 281.
- 429 Информация А. С. Черных В. Л. Коппу о разговоре с Ю. Х. Веннола 19. 6. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 2, л. 39.
- 430 Там же.
- 431 Нота НКВД РСФСР Посланнику Финляндии в РСФСР Хакселю // Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 367—368.
- 432 Письмо Я. А. Берзина Г. В. Чичерину 8. 4. 1921. АВПРФ, ф. 0135, оп. 3, п. 103, д. 3, л. 54.
- 433 Нота НКВД РСФСР Посланнику Финляндии в РСФСР Хакселю // Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 368.
- 434 Там же. С. 367.
- 435 Письмо А. С. Черных Я. С. Ганецкому 28. 9. 1922. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 106, д. 3, л. 134.

<sup>436</sup> Там же. См. также информацию А. С. Черных В. Л. Коппу о разговоре с Ю. Х. Веннола 19. 6. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 2, л. 36—37.

<sup>437</sup> Заключение было опубликовано также отдельным изданием. *Huomiotäherättävä ruotsalaisen asiatuntijalausunto Itä-Karjalan asiassa. Tohtori varaaherra Lage Staële von Holsteinin lausunto huhtikuun 10 p:ltä 1923.* Helsinki, 1923.

<sup>438</sup> Письмо А. С. Черных Я. С. Ганецкому 26. 4. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 7, л. 12.

<sup>439</sup> Письмо Л. Д. Троцкого Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову 22. 6. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53441, л. 115.

<sup>440</sup> Разговор А. С. Черных с Ю. Х. Веннола 17. 12. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53443, л. 132.

<sup>441</sup> Письмо А. С. Черных В. Л. Коппу 18. 12. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53443, л. 134.

<sup>442</sup> Об этом см.: *Kangaspuro M. Nationalities Policy and Power in the 1920s and 1930s // Communism National and International / Ed. by Tauno Saarela and Kimmo Rentola. Helsinki, 1998. P. 119—124.*

<sup>443</sup> *Levkojev A. Vienan Karjalan kapinan... S. 133.*

<sup>444</sup> Протокол № 150 заседания оргбюро ЦК РКП(б) 6. 3. 1922. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 296, л. 8.

<sup>445</sup> *Kangaspuro M. Взлет и падение красных финнов. С. 117.*

<sup>446</sup> *Levkojev A. Neuvostoliiton Kommunistisen puolueen keskuskomitean Luoteisbyroo ja Karjalan autonomia vuosina 1921—1927 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 43.*

<sup>447</sup> Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в контрразведывательный отдел ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 16.

<sup>448</sup> *Kangaspuro M. Взлет и падение красных финнов. С. 117.*

<sup>449</sup> *Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 533.*

<sup>450</sup> *Levkojev A. Neuvostoliiton Kommunistisen... S. 43.*

<sup>451</sup> Доклад № 5 В. М. Куджиева 15. 12. 1921. АВПРФ, ф. 0149, оп. 1, п. 2, д. 6, л. 42.

<sup>452</sup> *Kangaspuro M. Взлет и падение красных финнов. С. 117.*

<sup>453</sup> Материалы 2-й Карельской областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 100. Часть этого выступления цитировалась ранее: *Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии. С. 9.*

<sup>454</sup> *Kangaspuro M. Взлет и падение красных финнов. С. 116—117.*

<sup>455</sup> *Общий обзор развития АКССР за 1926 г. НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 7/52, л. 2.*

<sup>456</sup> *An Outline of the East Carelia Question. Published by the Carelian delegation. Helsinki, 1935. S. 9.*

<sup>457</sup> Письмо временно исполняющего должность начальника Карельского отдела ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ по ПВО т. Мессингу 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 14.

<sup>458</sup> Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в контрразведывательный отдел ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 16.

<sup>459</sup> Письмо временно исполняющего должность начальника Карельского отдела ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ по ПВО т. Мессингу 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 15.

<sup>460</sup> Там же. л. 14.

- 461 Там же.
- 462 Там же, л. 15.
- 463 Заявление одного из авторов, И. Г. Власова // Материалы 2-й областной партийной конференции. 28. 9—2. 10. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 100.
- 464 Там же, л. 89.
- 465 Доклад товарища Каширина № 1. 1922 г. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 4—5.
- 466 Там же, л. 5.
- 467 Там же, л. 4—5.
- 468 Там же, л. 5.
- 469 Там же.
- 470 Из выступления Б. П. Позерна // Материалы 2-й областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 88. После отъезда из Карелии в Сибирь В. М. Куджиев признался в докладе, направленном им в ЦК и Севзапбюро, в том, что им овладели «националистические чувства». Там же.
- 471 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 16.
- 472 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 15.
- 473 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 29. 9. 1922. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, п. 2, л. 19.
- 474 В данном случае — карелов.
- 475 Из выступления Б. П. Позерна // Материалы 2-й областной партийной конференции. 28. 9—2. 10. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 85—86.
- 476 Там же, л. 87.
- 477 Там же, л. 101.
- 478 Там же, л. 92.
- 479 Материалы 2-й областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 1, д. 48, л. 96.
- 480 Письмо Г. В. Чичерина Г. И. Бройдо 26. 5. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53441, л. 69.
- 481 Обращение представителей автономных областей в малую коллегию наркомнаца 10. 4. 1923. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 20, л. 163.
- 482 Протокол № 19 заседания малой коллегии наркомата по делам национальностей РСФСР 1. 6. 1923. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 20, л. 230.
- 483 Письмо Г. В. Чичерина Г. И. Бройдо 31. 5. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 8, л. 64.
- 484 Письмо Г. В. Чичерина И. В. Сталину 4. 6. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53441, л. 81.
- 485 Там же, л. 81.
- 486 Г. И. Бройдо имел в виду «красных» финнов, возглавлявших КТК.
- 487 Письмо Г. И. Бройдо В. И. Сталину 13. 6. 1923. Копия. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53441, л. 91.
- 488 Там же. Об этом см. также: Письмо Г. И. Бройдо Г. В. Чичерину 2. 6. 1923. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 258, л. 14.
- 489 Письмо НКВД в секретариат ЦК РКП(б) 18. 6. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53441, л. 93.

<sup>490</sup> Письмо А. С. Черных Я. С. Ганецкому 5. 6. 1923. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 7, л. 103.

<sup>491</sup> Письмо А. С. Черных В. Л. Коппу 16. 12. 1923. АВПРФ, ф. 04, оп. 41, п. 252а, д. 53443, л. 110.

<sup>492</sup> Там же, л. 111—112.

<sup>493</sup> Доклад И. В. Сталина 23. 4. 1923 на XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 494.

<sup>494</sup> Заключительное слово Сталина 25. 4. 1923. На XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 652.

<sup>495</sup> Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу // Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 691—697.

<sup>496</sup> Власть и реформы. От самодержавия к советской России. С. 752.

<sup>497</sup> *Кангаспуо М.* Взлет и падение красных финнов. С. 118.

## *Глава 2*

# **ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАССР В 1920—1930-е гг.: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

## **2.1. СТРАТЕГИЯ И ЭКОНОМИКА: ДВА ВАРИАНТА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАССР**

Западные рубежи РСФСР после завершения гражданской войны и до начала 1930-х гг. в Москве считали наиболее уязвимыми в случае вооруженного конфликта с соседними государствами, учитывая опыт польской кампании РККА и занятие Польшей территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Самой серьезной опасностью представлялась перспектива формирования единого блока государств-лимитрофов, имевших общую границу с СССР: Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии.

В начале 1920-х гг., до поражения Гамбургского восстания в октябре 1923 г., военно-политическое руководство советского государства стремилось к возвращению довоенного стратегического статус-кво на Балтике военными средствами, учитывая, что перспектив развития «мировой революции» здесь не имелось. В дальнейшем это могло привести к ликвидации независимости молодых прибалтийских государств, в первую очередь Эстонии и Латвии, которые, как полагали в Москве, препятствовали свободному товарообмену России с западными государствами. Экономическая разруха и непрочное внутривнутриполитическое положение РСФСР в начале 1920-х гг., впрочем, заставляли большевиков относить решение балтийского вопроса на отдаленное будущее, что, однако, не препятствовало разработке планов войны.

Возможный сценарий будущей войны на западном направлении, действовавший в основных чертах с 1920 г. до 1934—1935 гг., выглядел следующим образом. Основным противником СССР командование армии и флота, а также политическое руководство страны считали Польшу, союзниками которой выступали Румыния, Эстония, Латвия и, с некоторыми оговорками, Финляндия. Эта враждебная коалиция\* опиралась на финансовую и политическую поддержку главного противника советской России — Великобритании, а также Франции. Возможным ини-

---

\* Все перечисленные государства формально не входили в один военно-политический блок, однако в Москве их воспринимали как участников единой коалиции, враждебной СССР.

циатором войны могла стать Польша, после чего к ней присоединились бы остальные члены коалиции<sup>1</sup>.

К. Е. Ворошилов, председатель РВС СССР, а затем нарком обороны, в 1927 г. следующим образом обрисовал контуры стратегической ситуации, в которой находился СССР к середине 1920-х гг.: «Центр нашего внимания сосредоточен на западной границе. Начиная с 1925 года... создан фактически единый военный фронт от Черного моря до Финского залива. Армии блока (Румыния, Польша, Латвия, Эстония и Финляндия)... огромная сила. У наших соседей надежный и богатый тыл — Англия — Франция»<sup>2</sup>.

Целью финляндской политики Москвы после окончания гражданской войны в России было воспрепятствовать формальному вступлению этой страны в польско-прибалтийский военно-политический блок, в чем большевики и преуспели, учтя уроки карельского восстания и пересмотрев свою политику в отношении Финляндии. До осени 1923 г. этот пересмотр, однако, не был окончательным, в связи с расчетами на победу пролетарской революции в Германии, перспектива которой в октябре 1923 г. была «настолько определена, настолько ясна, что ни у кого не возникало сомнений на тот счет, что мы находимся накануне решающих событий»<sup>3</sup>.

До 1924 г. Финляндия учитывалась в оперативных планах командования армии и флота как безусловный противник и участник враждебной СССР коалиции. Еще в марте 1920 г., до заключения мирного договора в Тарту, РВС Балтийского флота было поручено разработать план операции в случае нападения Финляндии на «Советскую Республику»<sup>4</sup>.

7 октября 1921 г. РВС Балтийского флота представил «предварительные соображения о возможных боевых операциях Балтийского флота на Финском заливе и Ладожском озере, в развитие основной стратегической задачи, утвержденной РВС республики»<sup>5</sup>.

Основная же стратегическая задача Балтфлота содержалась в оперативной директиве РВСР от 24 сентября 1921 г., согласно которой необходимо было после завершения кратковременного оборонительного периода и «в случае удачного развития наступления наших армий вглубь Финляндии и Эстонии предусматривать возможность развития действий флота на направлениях Биоркэ—Выборг и Нарва—Ревель»<sup>6</sup>. При этом «финский» и «прибалтийский» вопросы предполагалось решать одновременно, следуя военной целесообразности, — для того, чтобы избежать опасности фланговых ударов по Красной Армии, которая бы наступала на запад.

7 февраля 1924 г. в РВС Морских сил Балтийского моря поступила директива, в которой предписывалось разработать планы первых операций войны, каждая из которых получила теперь свой номер<sup>7</sup>. Наиболее важной задачей первого этапа войны командование Балтийского флота считало захват принадлежавших Финляндии островов в восточной части Финского залива для расширения оперативного плацдарма.

Директива от 7 февраля 1924 г., ставившая флоту в основном оборонительные задачи, была разработана в период, когда в Москве пересматривали основы внешней политики СССР. Результатом этого пересмотра, необходимость которого стала очевидной после угасания надежд на победу германской революции, стало,

помимо прочего, отнесение Финляндии к категории нейтральных государств. Приблизительно с начала 1924 г. и до лета 1930 г. в оперативных планах ЛВО Финляндия рассматривалась в качестве нейтрального государства в случае войны на западных границах СССР. Основными причинами такого подхода было то, что эта страна не представляла угрозы жизненно важному для СССР транзиту товаров по Балтийскому морю и находилась на второстепенном в стратегическом отношении направлении, не имея общей сухопутной границы с государствами, входившими в польско-прибалтийский блок.

Командование Балтийского флота, который после обретения независимости Финляндией, Эстонией и Латвией лишился своих баз, не верило в нейтралитет Финляндии и после 1924 г., разрабатывая на всякий случай силами специалистов военно-морской академии планы операций по овладению важными стратегическими пунктами на южном побережье Финляндии. Сухопутные же войска ЛВО до 1930 г. имели задачи по прикрытию границы на Карельском перешейке и одновременному разгрому армий Эстонии и Латвии<sup>8</sup>.

Задача «слабой группировки» войск 7-й отдельной армии на Карельском перешейке (7 полков), как отмечалось в рапорте командующего войсками ЛВО В. М. Гиттиса, направленном председателю РВС СССР К. Е. Ворошилову 18. 3. 1925, заключалась в удержании оборонительного рубежа по линии Оселки—Агалатово—Медный Завод—Мертуть—Сестрорецк. Лишь при наличии особо благоприятных обстоятельств на Карельском перешейке предусматривалось овладение рубежом по линии Хумалийоки, ст. Голицыно, северный берег водной системы Вуоксенвирта для надежного обеспечения безопасности Ленинграда. Одновременно 88-я с.д., наступая на участке Ладва—Кондуши, выходила бы на линию Лоймола—Койриноя, прикрывая Петрозаводское направление. Как будет показано ниже, планы активных наступательных действий ЛВО в середине 1920-х гг., имевшие ограниченный характер, были невыполнимы, так как они составлялись без учета намерений командования финляндской армии, а выделяемые силы значительно уступали потенциальному противнику.

Стратегические расчеты, обрисованные в общих чертах выше, имели самое непосредственное отношение к Карелии, которая рассматривалась командованием РККА как ближний тыл в случае начала войны на западе и вступления в нее Финляндии, в особенности до начала 1924 г. Это понимали не только военные, но и дипломаты.

17 июля 1923 г. полпред СССР в Финляндии А. С. Черных подготовил большое аналитическое письмо в адрес члена коллегии НКВД В. Л. Коппа, в котором определил основные направления политики внешнеполитического ведомства в отношении карельского вопроса. По мнению полпреда, карельский вопрос должен был занимать то или иное место в отношениях между двумя странами «до момента радикальных изменений во внутренней жизни Финляндии».

Лучше своих коллег в центральном аппарате НКВД информированный о состоянии карельского вопроса, А. С. Черных полагал, что финляндская буржуазия добивалась для Карелии приблизительно такого правового положения, какое занимало в царской России Великое княжество Финляндское, что было неприемлемо для большевиков.



А. С. Черных предложил осуществить ряд мероприятий, которые должны были положить конец притязаниям активистов на Восточную Карелию. Среди них были быстрое возвращение карельских беженцев и их обустройство, укрепление пограничной охраны и строительство сети дорог, так как «финский активизм в отношении Карелии зиждится на отсутствии в пограничной Карелии хороших дорог, соединяющих границу с Мурманской железной дорогой и обеспечивающих быстрый подвоз наших подкреплений». Кроме того, дороги, по мнению А. С. Черных, были необходимы с точки зрения «нашего возможного (вообще говоря) военного столкновения с Финляндией. И для наступления и для оборонительных операций дороги эти нам необходимы»<sup>9</sup>.

Точка зрения А. С. Черных совпала в этом пункте с предложениями военных. Столкнувшись с почти полным отсутствием дорог в приграничной Карелии в период конфликта зимы 1921—1922 гг., командование РККА выступило с инициативой срочного строительства ширококолейной железной дороги от станции Сорока (Беломорск) до населенного пункта Тикша, в обход Тунгудского озера, протяженностью в 155 верст. В Карелию прибыл 15-й железнодорожный полк, который должен был приступить к строительству дороги и завершить его в течение зимы, т. е. за 2—3 месяца<sup>10</sup>. В начале января 1922 г. власти Олонецкой губернии, согласившись выделить для стройки 250 лошадей, потребовали все же санкции СТО РСФСР.

Предложение военных, в котором учитывалось и политическое значение этой дороги для края, пройдя последовательно через РВС, Совет Труда и Оборона, Межведомственное совещание при Госплане РСФСР, угасло в Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ), которая 25 января 1922 г. вынесла решение о недостаточной обоснованности проекта и отсутствии средств на его реализацию<sup>11</sup>.

Начальник штаба РККА в записке «О дорожном строительстве в Карелии» в 1923 г. подчеркивал «крайнюю необходимость» постройки шоссейных и грунтовых дорог в Карелии для нужд военного ведомства. В течение четырех лет, в соответствии с предложениями военных, необходимо было построить 1210 верст новых дорог\* и реконструировать дороги протяженностью в 200 верст. Постройка железнодорожной линии в Карелии от Мурманской железной дороги к границе с Финляндией должна была быть «осуществлена в первую очередь». Военные планировали строительство, как минимум, двух железных дорог, ведущих к государственной границе: Медвежья Гора—Поросозеро и Лодейное Поле—Видлица (или ст. Свирь—Видлица)<sup>12</sup>.

14 мая 1923 г. Э. Гюллинг направил в Москву план строительства железных и шоссейных дорог в Карелии. В первую очередь, еще в 1923 г., следовало построить железные дороги Лодейное Поле—Видлица и Медвежья Гора—Поросозеро с вариантом на Кивач (Кондопога). Помимо этого Э. Гюллинг просил выделить средства на изыскания стратегических шоссейных дорог Кемь—Ухта, Лоухи—Кестеньга—Ухта и Сорока—Тикша, а также на ремонт уже существовавших стратегических дорог<sup>13</sup>.

На секретном заседании строительной секции Госплана 8 июня 1923 г. было принято постановление о выделении средств на изыскательские работы по строитель-

\* Примерно в 2 раза больше, чем было построено в КАССР до ноября 1939 г.

ству некоторых железных и шоссейных дорог, перечисленных в письме Э. Гюллинга, учитывая «первоклассное стратегическое значение района КТК». В список были включены железные дороги Свирь—Видлица (220 верст) и Медвежья Гора—Поросозеро (111 верст), а также шоссейные дороги Кемь—Ухта и Сорока—Тикша<sup>14</sup>. Ровно через два месяца, 8 августа 1923 г., Совет Труда и Обороня принял решение об отмене постановления Госплана<sup>15</sup>. Неприятности, пережитые руководством страны во время карельского восстания, постепенно забывались, а средства в разоренной гражданской войной стране можно было использовать на другие цели.

На отмену планов осуществления большой программы дорожного строительства на Северо-Западе в целом, и в Карелии в частности, помимо экономических трудностей, переживаемых советской Россией, и перехода к НЭПу, заставившему считать деньги, повлиял и пересмотр большевиками перспектив мировой революции. За неудавшимся восстанием в Гамбурге в октябре 1923 г. последовала смена стратегических приоритетов. Финляндию перестали относить к категории безусловных противников СССР, и изъятые у ЛВО средства были направлены на усиление Белорусского и Украинского военных округов, противостоявших наиболее сильным в военном отношении противникам — Польше и Румынии.

Кроме того, следует учитывать, что со второй половины 1923 г. карельский вопрос во взаимоотношениях между Финляндией и СССР на долгое время, до начала войны — 30 ноября 1939 г., отошел на второй план\*. То, что события будут развиваться в этом направлении, Я. С. Ганецкий предвидел еще в декабре 1922 г., констатируя, что «стадия авантюристического подхода к делу отторжения Карелии от Советской России, по-видимому, проходит». Причиной этого, по мнению Я. С. Ганецкого, была позиция, занятая правительством Финляндии, которое не хотело теперь рисковать своим существованием ради успеха «великофинских затей».

Я. С. Ганецкий высоко оценил новую тактику активистов, которые стали использовать испытанный способ большевиков — пропаганду, подходя к своему делу «глубже и умнее». Успеху пропаганды, результаты которой могли оказаться сопряженными с большими неприятностями в будущем, способствовали экономические условия в КТК, в первую очередь голод и разруха, как полагал член коллегии НКВД<sup>16</sup>. Из понимания этих обстоятельств впоследствии вышли особые, в первую очередь бюджетные, права КАССР, которые должны были обеспечить быстрый экономический подъем автономии.

Кроме этого, в первую очередь надо было решить проблему беженцев, которые представляли потенциальную опасность. По мнению Я. С. Ганецкого, правительство Финляндии не «спешило с эвакуацией... чтобы карельские активисты имели достаточно времени как следует обработать беженцев»<sup>17</sup>. Карельский областной отдел ГПУ, внимательно наблюдавший за карелами, оставшимися в Финляндии после завершения карельского восстания, имел сведения, точность которых, правда, вызывала сомнения, о ряде военных школ для беженцев. В частности, в соот-

\* В начале 1930-х гг. карельский вопрос активно обсуждался в Финляндии, однако он не достиг той степени остроты, которой были отмечены отношения между двумя соседними государствами в 1920—1923 гг.

ветствии с агентурными данными, в селе Лапуа находилась военная школа в составе двух рот, в районе Кухмониemi, Лиекса и Хюрюнсальми несколько сот карелов обучались «военному строю», а в кадетской школе в Хельсинки числилось 50 карелов-беженцев<sup>18</sup>.

Эти сведения передавались в полпредство РСФСР в Финляндии, однако их достоверность вызывала сомнение у сообщавшего о них в Москву А. С. Черных<sup>19</sup>. Несмотря на это, полпред РСФСР в Финляндии все же обратился с нотой протеста к министру иностранных дел Финляндии Ю. Х. Веннола против существования школы в Лапуа, указав на достоверные сведения, имевшиеся в распоряжении НКВД<sup>20</sup>. 16 сентября 1922 г. А. С. Черных направил Я. С. Ганецкому письмо, в котором указал на «крайнюю желательность» возвратить на прежние места жительства карелов-беженцев, находившихся на территории Финляндии, учитывая опасность, которая вызывалась пропагандой активистов. Поскольку проблема амнистии «карбеженцев» была увязана Москвой с аналогичным актом в отношении «красных» финнов и переговоры затянулись, постановление ВЦИК по этому вопросу было принято лишь 30 апреля 1923 г.<sup>21</sup> Впоследствии годичный срок амнистии несколько раз продлевался.

Поворот в отношении проблемы «карбеженцев» произошел в начале 1926 г., когда в Москве отказались от очередного продления срока амнистии, предложив всем желающим возвращаться на общих основаниях<sup>22</sup>. Через год в письме члена коллегии НКВД Б. С. Стомонякова новому полпреду СССР в Финляндии И. Л. Лоренцу отмечалось, что после того как в КАССР наметились ощутимые хозяйственные достижения, пребывание карелов в Финляндии стало для СССР политически выгодно. Безработица и конкуренция на рынке труда в Финляндии должны были способствовать отходу беженцев от активистов<sup>23</sup>.

В 1926 г. изменилось не только отношение центральных властей к возвращению беженцев, этот год стал поворотным в подходах Москвы к решению карельского вопроса, который, начиная с этого времени, перестал быть проблемой советско-финляндских отношений в прежней форме. Новые подходы центра в отношении Карелии были выработаны в результате изменения общеполитической ситуации, укрепления власти большевиков, а также пересмотра стратегических приоритетов: отнесения Финляндии к нейтральным государствам в случае войны против СССР на западных границах. На советско-финляндской границе ситуация нормализовалась<sup>24</sup>, и в 1926 г. был продлен срок действия приграничного соглашения. Кроме того, не вызывали опасений экономическая и внутривнутриполитическая ситуация в АКССР. Учет всех этих обстоятельств вскоре привел к изменению политики Москвы в отношении автономной республики.

В 1926 г. была ликвидирована референтура НКВД по Карелии, а местные пограничные контрольные комиссии передавались ОГПУ<sup>25</sup>. Внешнеполитическое ведомство перестало выполнять функции куратора в решении проблем, касавшихся Карелии. Власти СССР достигли основной своей цели в АКССР — стабильности и предсказуемости ситуации в приграничной республике. Сложившееся положение в основном сохранялось до начала 1930-х гг., однако уже с 1926 г. началось наступление на автономные права Карелии и были подготовлены предложения о подчинении карельской экономики Ленинграду<sup>26</sup>.

Положение в Карелии стало коренным образом изменяться во второй половине 1920-х гг. в связи с разработкой плана первой пятилетки, началом реализации программы форсированной индустриализации и пересмотром руководством СССР сценария будущей войны. В ходе разработки первого пятилетнего плана появились два варианта экономического развития Карело-Мурманского края (КМК) — гражданский и военный. Первый вариант разрабатывался без учета военной угрозы со стороны Финляндии и потребностей обороны.

Особую роль в экономическом освоении Карелии и Кольского полуострова играла Мурманская железная дорога (МЖД). Еще в октябре 1922 г. вопрос о колонизации КМК, необходимость которой стала особенно очевидной после карельского восстания, по инициативе правления Мурманской железной дороги был поставлен в Москве Северо-Западным экономическим совещанием<sup>27</sup>.

Несмотря на крайне отрицательное отношение руководства КТК, опасавшегося потери части доходов Коммуны<sup>28</sup>, к передаче МЖД земельной полосы и нескольких лесных дач, администрация железной дороги и Севзапэкономсо<sup>29</sup> сумели настоять на своем. Решением Совета Труда и Оборона Мурманской железной дороге отвели 3 млн. десятин леса, доход от которого шел на колонизацию Карелии и Мурманска<sup>30</sup>. (Отношения же между властями АКССР и колонизационным отделом МЖД оставались неприязненными вплоть до досрочного прекращения этим отделом своей деятельности в 1930 г.)\*

Отметив положительную роль, которую сыграла МЖД в освобождении русской Карелии от «сильной экономической зависимости от Финляндии», авторы «Пятилетнего перспективного плана переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг.» пришли к выводу, что дорога стала «распределителем хлеба» и к ней «устремилось карельское население, прежде вынуждаемое экономически тяготеть к Финляндии»<sup>31</sup>. (Майор-егерь Пааво Талвела, участник нескольких походов в Восточную Карелию, еще осенью 1920 г. считал наиважнейшей задачей «самое основательное разрушение» Мурманской железной дороги — основы «как русского, так и большевистского влияния в Карелии»<sup>32</sup>.)

Было очевидно, что для дальнейшего уменьшения влияния Финляндии в Карелии «ни с экономической, ни с политической точки зрения нельзя было оставить безлюдным район железнодорожной магистрали». 18 января 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР Карело-Мурманский район был признан имеющим общесоюзное значение в колонизационном отношении, в соответствии с чем на мероприятия по его заселению должны были выделяться общесоюзные средства<sup>33</sup>.

В качестве ориентиров при выборе модели экономического развития Карелии и Кольского полуострова были предложены уже существовавшие в Финляндии, Швеции и Норвегии хозяйственные системы, опыт которых следовало заимствовать. В первую очередь лесное хозяйство предполагалось «поставить по образцу и масштабу хотя бы наших западных соседей». Так, Швеция во второй половине 1920-х гг. получала от эксплуатации лесов доход в размере 142 млн. руб., а Каре-

\* По мнению администрации МЖД, власти КАССР, стремившиеся к «изъятию» у дороги комбината Желлеса и колонизационного отдела, хотели превратить МЖД «из основного нерва и активного возбудителя хозяйственной жизни (КМК) в пассивного грузовоза». Объяснительная записка НКПС в СТО СССР. 1929 г. НА РК, ф. 682, оп. 1, д. 10/126, л. 8.

ло-Мурманский край в 1926—1927 гг. — лишь 17 млн. руб. По плану, при соответствующих капиталовложениях, КМК мог продавать древесину в обработанном виде на 124,3 млн. руб., не считая стоимости древесной массы и бумаги<sup>34</sup>.

Для освоения лесных богатств Карелии намечалось построить три железнодорожные линии, ведущие от Мурманской магистрали к границе с Финляндией, — от населенного пункта Кемь к Ухте, в направлении д. Реболы и от станции южнее Петрозаводска, а также грунтовые тракты на Ухту, Паданы, Реболы. Вдоль этих транспортных магистралей планировали строительство целлюлозных, бумажно-массных заводов, организацию производств по выработке искусственного волокна. Эти железнодорожные линии представлялись настолько выгодными, что правление МЖД высказало мнение о возможности их сооружения без ассигнования целевых средств<sup>35</sup>. (В 1928/29 финансовом году доход дороги составил 26,7 млн. руб.<sup>36</sup>)

Экспорту древесины и продуктов деревообработки из районов северо-запада России способствовало бы сооружение железной дороги Сорока (Беломорск)—Котлас, на трассе которой в то время велись изыскательские работы\*. Это давало выход через Мурманский порт продукции заводов по переработке древесины, строительство которых намечалось в Архангельской губернии. В дальнейшем дорогу планировали продолжить на восток — по Западной Сибири — с целью экономического развития этого края.

Кроме того, гражданский вариант развития экономики Карело-Мурманского края предполагал комбинированную эксплуатацию рудных и лесных богатств, использование дешевой водной энергии, организацию производства строительных материалов и удобрений, добычу рыбы\*\*. Производство высокосортового чугуна из местного сырья можно было довести до 2 млн. тонн. Северо-западный край должен был сыграть решающую роль в уменьшении зависимости СССР от дорогостоящего импорта целлюлозы и бумаги, производство которых в стране не покрывало минимальных потребностей книгопечатания и издания газет. В соответствии с расчетами тонна целлюлозы, произведенная в КМК, стоила бы 90 руб., в то время как ввезенная из-за границы — 150 руб.<sup>37</sup>

Для снабжения продовольствием увеличивающегося населения края было предложено использовать опыт Финляндии, которая «весь свой дефицит по зерну покрывала вывозом масла»<sup>38</sup>. По примеру финнов намечалось начать мелиорацию болот для обеспечения кормовой базы животноводства, развитие которого становилось приоритетным.

По образцу Норвегии и Финляндии были рассчитаны и нормы плотности заселения Карело-Мурманского края, которые должны были быть достигнуты в результате переселения из других районов страны, прежде всего карелов из Тверской губернии. Средняя плотность населения Финляндии в то время составляла 9,8 чел.

\* План строительства этой дороги был предложен еще в 1916 г. *Juntunen A. Valta ja gautatiet. Luoteis-Venäjäan rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan.* Helsinki, 1997. S. 106. См. также: Записка «Дорога Сорока—Котлас как соединяющий участок Мурманско-Сибирского пути». 1926 г. НА РК, ф. 794, оп. 2, д. 6/45, л. 1—20.

\*\* Еще в начале 1918 г. возглавлявший экспедицию Центроснабарма на Мурмане И. И. Подвойский оценивал перспективы ежегодного вылова рыбы в 3 млн. пудов. *Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России.* Петрозаводск, 1973. С. 243.

на кв. км, в КАССР — 1,5, на Кольском полуострове — 0,2 чел. на кв. км. Для достижения показателей плотности населения Финляндии в КМК потребовалось бы переселить 2,5 млн. человек, что было нереально. В качестве ориентира было предложено руководствоваться соответствующими показателями населенности районов Финляндии и Норвегии, расположенных к северо-западу от КМК, что снижало цифру переселяемых до приемлемого уровня — 800 тыс. человек<sup>39</sup>.

К аналогичным выводам пришли и во Всесоюзном переселенческом комитете при ЦИК СССР в 1928 г. Указывая на то, что «ближайшее поколение будет зависеть главным образом от древесины нашего Союза и тропических стран», автор документа предложил переселить в Карело-Мурманский край в ближайшее время 75 тыс. человек. Полное же освоение лесных богатств края становилось возможным лишь при увеличении численности населения на 638 тыс. человек<sup>40</sup>.

Одновременно отмечалась негативная тенденция, определившаяся в отношении этой проблемы в Москве, — стремление РКИ сократить количество районов общесоюзного значения, в результате чего КМК грозила «опасность быть вычеркнутым из числа районов, заселяемых на общесоюзные средства»<sup>41</sup>.

Вскоре эта опасность материализовалась. На фактическую отмену первоначальных планов колонизации Карелии повлияли несколько факторов. Одним из них было стремление «красных» финнов, возглавивших автономию, обеспечить преобладание среди переселенцев «национального» населения<sup>42</sup>, что, естественно, ограничивало масштабы мероприятий. С другой стороны, это вполне совпадало с позицией, занятой РКИ: более важным представлялось с точки зрения интересов безопасности государства массовое переселение людей из европейской части страны на Дальний Восток, где начинался новый этап противостояния между Японией и Россией (в то время как Финляндия в 1927—1928 гг. еще не рассматривалась в качестве безусловного военного противника СССР)\*. Кроме того, на колонизацию Карелии, которая должна была стать образцом переселенческого дела в СССР<sup>43</sup>, выделялись недостаточные средства. Колонизационный комитет МЖД смог обеспечить ссудами с 1923 по 1926 г. лишь 1300 семей из 2658 подавших заявления<sup>44</sup>.

В 1930 г. в связи с нарастанием финансовых трудностей организация переселенческого дела в СССР была коренным образом пересмотрена, и колонизация стала осуществляться не за счет государственного бюджета, а на средства заинтересованных хозяйственных органов, в первую очередь союзных наркоматов. Это положение было закреплено в выступлении И. В. Сталина на совещании хозяйственников в июне 1931 г., в котором содержалось положение том, что вербовка и устройство рабочих кадров становились прямой обязанностью самих заинтересованных хозяйственных органов<sup>45</sup>. Союзные наркоматы, один из центров складывавшейся в СССР системы власти, в свою очередь, не выделяли достаточных средств для колонизации Карелии, требовавшей в сравнении с другими районами страны затрат больших средств для обустройства переселенцев.

\* Выделение средств из государственного бюджета на проведение мероприятий по колонизации Карелии прекратилось в 1929 г. «вследствие изменения целевых установок в центре»: *Пеллинен С.* О колонизационной работе в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 3. С. 8.

Такое положение дел повлекло за собой ряд далеко идущих последствий: скудный государственный бюджет и недостаточность средств, выделяемых союзными наркоматами, не позволяли финансировать одновременно и намеченные мероприятия по заселению северо-запада и севера СССР. Эти районы стали интересовать Москву лишь с точки зрения развития здесь экспортных отраслей, в первую очередь лесной, для финансирования форсированной индустриализации.

Недостаток средств для обустройства обычных переселенцев в суровых природно-климатических условиях края оставлял только один выбор — использование труда заключенных, которых вскоре в большом количестве поставляла насильственная коллективизация. Кроме того, наконец, была найдена возможность и для использования труда обычного «криминального элемента».

6 июня 1929 г. правительство СССР поручило ОГПУ организовать в районе Олонца—Ухты концлагерь для «изоляции особо-социально-опасных элементов (воров-рецидивистов, уголовников, конокрадов и т. д.)». Численность лагерного населения должна была составить поначалу 10 тыс. человек, а впоследствии ее следовало довести до 50 тыс. заключенных «с использованием этого контингента для разработки природных богатств северных окраин и колонизации этого края»<sup>46</sup>. Вскоре силами заключенных началось строительство Беломорско-Балтийского канала. Тем самым было найдено универсальное решение проблемы освоения северных окраин СССР.

Лесозаготовки в Карелии силами заключенных начались зимой 1929—1930 гг. в соответствии с постановлением Экосо РСФСР от 10 октября 1929 г. По условиям договора между трестом «Кареллес» и Главным управлением мест заключения 5000 заключенных заготовили с 1 декабря 1929 г. по 1 декабря 1930 г. 1 млн. 700 тыс. фестметров древесины, положив начало массовому использованию принудительного труда в Карелии<sup>47</sup>.

В начале 1931 г., в связи с проводимой за рубежом широкой кампанией против советского демпинга на мировых рынках лесопродукции и использования принудительного труда, заключенные всех категорий, занятые на лесозаготовках, лесопогрузке и лесозаводах, после получения шифротелеграммы от С. М. Кирова были в течение одних суток сняты с работ. 9 марта 1931 г. второй секретарь Карельского обкома ВКП(б) А. М. Аполоник доложил С. М. Кирову о том, что в Карелии «к настоящему времени все следы прежней работы заключенных внешне скрыты»<sup>48</sup>. Образовавшийся после этого «зияющий прорыв»<sup>49</sup> на лесозаготовках стал основной причиной систематического невыполнения планов лесной отрасли Карелии.

Гражданский вариант развития КМК, в общих чертах рассмотренный выше, не был осуществлен. Основной причиной этого стали новые подходы к проблеме, постепенно вызревавшие в центре. Руководство СССР, все помыслы которого были направлены на подготовку к будущей войне, в конце 1920-х гг. отнюдь не рассчитывало на легкую и скорую победу в ней, предвидя возможность оккупации части приграничной территории СССР на западе вероятными противниками. Кроме того, учитывалась и новая роль авиации в будущей войне, которая могла наносить удары по приграничным территориям СССР.

Постановлением Распорядительного Заседания (РЗ) Совета Труда и Оборона от 20 августа 1927 г. Сектору Оборона Госплана, РВС и ВСНХ было дано задание определить приграничные районы, в которых запрещалось строить промышленные предприятия союзного значения.

В первоначальном варианте постановления РЗ СТО от 6 февраля 1928 г. содержалось положение об ограничении строительства промышленных предприятий, имеющих важное государственное значение, в западной приграничной полосе. КАССР наряду с Ленинградом и прилегающей областью, Белорусской ССР, Правобережной Украиной и Крымской АССР была отнесена к категории особо угрожаемых в военном отношении приграничных районов. На этих территориях было запрещено строительство новых предприятий военного назначения, крупных металлургических заводов, предприятий электротехнической, химической, кожевенной, текстильной отраслей союзного значения, эвакуация которых в случае войны была бы затруднена.

Возможный нейтралитет Финляндии (в 1928 г.) в случае войны на западе повлиял на формулировку окончательного варианта постановления РЗ СТО от 30 апреля 1928 г.: КАССР была изъята из перечня особо угрожаемых территорий, однако ненадолго\*. Вместе с тем еще в 1927—1928 гг. при разработке концепции первой пятилетки КАССР была включена в полосу «Западных районов» — северо-запад и запад РСФСР, БССР, Правобережье УССР, которые следовало «всемерно экономически укреплять на основе развития там промышленности, главным образом местного значения». При этом ставилась задача на пятилетие: «...дать мощный толчок развитию этих, до сих пор «захудалых» в подлинном смысле слова, районов». На эти цели Госплан выделил специальный резерв в 100 млн. руб., подлежащих распределению среди западных районов. (Для сравнения: на специальное военное строительство в масштабах всей страны Госплан предложил выделить 450—500 млн. руб.)

Ситуация несколько изменилась через два года. В постановлении РЗ СТО от 2 сентября 1930 г. была определена задача преимущественного экономического и социально-культурного развития приграничной полосы (на различных направлениях ее ширина колебалась от 25—40 до 100—150 км) в интересах подготовки к будущей войне. Здесь надо было «насаждать и развивать» промышленные производства местного значения: лесопильные, деревообрабатывающие, бумажные, сельское хозяйство, торфоразработки. На этот раз, в связи с пересмотром позиции Финляндии в будущей войне, в особо угрожаемую зону были включены приграничные районы Карелии<sup>50</sup>. Всего в особую зону было включено 9 районов КАССР<sup>51</sup>. В 1935 г. в списке осталось 8 районов группы «А»\*\*: Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ругозерский, Ребольский, Кестеньгский, Кандалакшский и район Калевалы<sup>52</sup>. Остальные были отнесены к категории угрожаемых, или тыловых.

В особой и угрожаемой зонах все мероприятия, выполняемые по заявкам военного ведомства и имевшие характер специальной подготовки приграничной полосы как

\* Политбюро, исходя из того, что военная опасность угрожала СССР «главным образом со стороны Польши», утвердило проект РЗ СТО 19. 4. 1928. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 6, л. 63.

\*\* Другое название особо угрожаемой зоны, использовавшееся в 1930-х гг.



будущего театра военных действий, включая строительство стратегических и тактических дорог, торговое строительство и многое другое, выделялись в особые, совершенно секретные приложения к общим хозяйственным планам. Эти мероприятия, которые утверждались по заявкам военных вновь создаваемыми органами — суженными заседаниями СНК союзных и автономных республик и облисполкома-ми<sup>53</sup>, входили в общие планы лишь в зашифрованном суммарном виде.

Со второй пятилетки процедура составления планов экономического развития в автономной республике была почти полностью милитаризована и Госплан КАССР действовал как филиал штаба ЛВО, распределяя полученные от военных задания по союзным наркоматам и ведомствам местного подчинения. На первый взгляд, эта схема должна была действовать безотказно, однако вскоре выяснилась ее неэффективность.

Как на практике осуществлялся особый порядок планирования на территории КАССР в предвоенные годы, видно из следующего примера. В мае 1937 г. штаб ЛВО направил в адрес СНК КАССР заявки на строительство и достройку четырех посадочных площадок для нужд ВВС, четырех авторемонтных мастерских и заводов, задания по производству товарной продукции сельского хозяйства, развитию коневодства, на строительство бензоколонок, гаражей, складов, овощехранилищ, хлебозаводов, больниц, детских яслей, роддомов и многого другого<sup>54</sup>. Эти заявки были включены в план третьей пятилетки КАССР. Кроме того, штаб ЛВО готовил ежегодные задания по оборонному строительству.

Принятие правительством СССР решения о запрете на строительство крупных предприятий союзного значения в особо угрожаемой зоне означало введение ограничений на индустриализацию КАССР. Ленинград с его мощной партийной номенклатурой и возможностью лоббировать свои интересы сумел обойти эти решения, которые, как и в КАССР, запрещали строить в этом городе предприятия союзного значения, в первую очередь военные, а также расширять уже существовавшие. У руководителей малонаселенной Карелии таких возможностей не было\*.

Начиная с рубежа 1929—1930 гг. к Финляндии стали относиться как к безусловному противнику СССР в случае войны на западных границах с коалицией, в которую, по мнению военных и политиков, входили Польша, Румыния, Эстония, Латвия и Финляндия\*\*. Решающим аргументом, повлиявшим на пересмотр отношений с Финляндией, стала внутривосточная ситуация в этой стране — подъем праворадикальных сил и угроза правого переворота<sup>55</sup>. (Начало активизации лапуаского движения в Финляндии относят к ноябрю 1929 г. Значительного же влияния во внутренней политике лапуасцы добились после состоявшегося в начале июля 1930 г. «крестьянского марша» на Хельсинки<sup>56</sup>.) Финские коммунисты<sup>57</sup>, руководство Коминтерна<sup>58</sup>, а также многие военные и дипломаты СССР воспринимали марш на Хельсинки и последовавшие за этим изменения во внут-

\* О борьбе партийных организаций регионов СССР за финансирование строительства в них промышленных предприятий см.: Fitzpatrick S. The Russian Revolution 1917—1932. Oxford, 1984. P. 122.

\*\* Операция по овладению г. Хельсинки впервые прорабатывалась в марте 1930 г. в ходе совместной военной игры начальствующего состава ЛВО и морских сил Балтийского моря: Приказ РВС МСБМ 11. 3. 1930. РГА ВМФ, ф. 92, оп. 2, д. 142, л. 52.

ренной политике Финляндии как состоявшийся фашистский переворот. Вскоре финские коммунисты-эмигранты, находившиеся в СССР, получили срочное задание подготовить информационные материалы о Финляндии, чтобы «получить максимально точные сведения о противнике»<sup>59</sup>.

Полпред СССР в Финляндии И. М. Майский направил в июне 1931 г. письмо в НКВД, в котором заявил, «что в случае интервенции Финляндия не останется в положении нейтрального государства. Правильнее... исходить из той перспективы, что Финляндия с первого же дня будет участвовать в военных действиях»<sup>60</sup>. Мятеж в местечке Мянтселя в начале 1932 г. стал тем событием, которое окончательно заставило советское руководство отказаться от тезиса о нейтралитете Финляндии в случае войны против СССР. (Это не исключало, однако, того, что при разработке оперативных планов до 1939 г. командование ЛВО предусматривало возможность нейтралитета Финляндии.)

В то же время северо-западный театр военных действий в начале 1930-х гг. по-прежнему рассматривался как второстепенный: судьба будущей войны должна была решаться, по мнению военно-политического руководства страны, на западном и юго-западном направлениях, что соответствовало и представлениям царского Генштаба. Страна стала готовиться к масштабной сухопутной войне с массированным применением танков и авиации на западном театре военных действий.

С появлением Германии в качестве основного противника на рубеже 1934—1935 гг. в военно-политических расчетах руководителей СССР северное и северо-западное направления вплоть до 1938—1939 гг. ушли на второй план. Считалось естественным, что слабые в военном отношении страны Прибалтики и Финляндия не смогут оказать серьезного сопротивления РККА в случае войны.

Для Карелии пересмотр стратегических приоритетов означал значительное сокращение средств, выделявшихся на развитие военно-гражданской инфраструктуры республики. Это обстоятельство, однако, осталось незамеченным некоторыми финляндскими исследователями, склонными преувеличивать масштабы военных приготовлений в КАССР. Так, в 1975 г. в одной из военно-исторических работ утверждалось, что в 1930-х гг. на севере СССР получило значительное развитие железнодорожное и аэродромное строительство<sup>61</sup>, что не соответствовало действительности.

По мнению П. Ниеминена, в Карелии в период с 1933 по 1939 г. на всем протяжении государственной границы был создан надежный оперативный тыл для действий частей РККА: сеть железных и шоссейных дорог, аэродромы, казармы, больницы и хлебопекарни, способные обеспечить всем необходимым войска, которые действовали бы против Финляндии<sup>62</sup>. Характерное для большинства финляндских исследований, это представление, несмотря на его привлекательность, ничего общего не имело с гораздо более прозаичной действительностью.

## 2.2. ВОСТОЧНАЯ КАРЕЛИЯ В ВОЕННЫХ ПЛАНАХ КОМАНДОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ АРМИИ В 1930-е гг.

Отнесение приграничных районов КАССР к особо угрожаемой зоне имело под собой определенные основания. Планы военных операций на случай вооруженного конфликта с СССР разрабатывались Генеральным штабом финляндской армии еще в 1920-е гг.<sup>63</sup> При этом «восточный сосед» рассматривался военными и политиками как основной противник Финляндии, угрожавший независимости молодого государства<sup>64</sup>.

Основная идея разработчиков оперативных планов заключалась в создании достаточного оборонительного потенциала, который позволил бы нанести существенный урон агрессору. Финляндия при этом рассматривалась как обороняющаяся сторона. Предполагалось, что СССР выступит одновременно против всех или нескольких государств-лимитрофов на своей западной границе, в первую очередь Польши, Эстонии и Латвии, и, возможно, Румынии.

План ведения войны против СССР после нападения его на Финляндию заключался в обеспечении надежной обороны на Карельском перешейке и осуществлении активных операций в Восточной Карелии. При этом военные в Финляндии исходили из предположения о невозможности наступления РККА на этом фронте крупными силами из-за недостаточной оперативной емкости\* этого театра военных действий (ТВД), географических и климатических особенностей территории.

До 1926 г. финляндская армия действовала в соответствии с оперативными планами, разработанными под руководством начальника Генерального штаба генерал-майора Энкеля. После вынужденного ухода О. Энкеля с этого поста в 1924 г. эти оперативные планы, в которых, по мнению егерей, преобладал оборонительный акцент, были пересмотрены<sup>65</sup>. Генеральный штаб финляндской армии, который возглавил 32-летний К. Валлениус; разработал носивший более наступательный характер оперативный план VK 27 (Venäjän keskitys 1927), окончательно утвержденный в 1930 г.<sup>66</sup> В этом плане предусматривалась возможность осуществления наступательных операций одновременно на Карельском перешейке и в Карелии<sup>67</sup>. Составители плана VK 27, действовавшего с 1927 по 1934 г., исходили из предположения, что финляндская армия сможет опередить противника в сроках проведения мобилизации и сосредоточения благодаря развитой системе коммуникаций и разбить части прикрытия Красной Армии, заняв более выгодные позиции<sup>68</sup>.

В рамках этого плана командующий вооруженными силами Финляндии ветеран Олонецкого похода генерал Сихво утвердил 29 октября 1930 г.\*\* директивы войскам, действовавшим на Карельском перешейке, в Северном Приладожье и к северу от Ладоги до Баренцева моря. Задачи, поставленные 3-му армейскому

\* Емкость ТВД определяется его размерами (шириной и глубиной), географическим положением, условиями местности, ее доступностью для действий объединений (соединений) различных видов вооруженных сил, развитием и состоянием путей сообщения, аэродромной сети, портов ВМБ. Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 252.

\*\* План был утвержден в момент, когда правые силы в Финляндии были на подъеме.

корпусу (АК), действовавшему в Северном Приладожье, предусматривали сосредоточение главных сил для продвижения с началом войны в направлении Ведлозеро—Сямозеро<sup>69</sup>.

По расчетам финляндского Генштаба, противник мог иметь на этом направлении к началу войны стрелковую и кавалерийскую дивизии половинного состава, резервы же — три стрелковые дивизии — стали бы прибывать к линии фронта лишь начиная с 13—14-го дня после начала мобилизации. Переброска последней, третьей, дивизии могла завершиться при благоприятных условиях только на 20-й день<sup>70</sup>.

Возникшую паузу финляндская армия должна была использовать для разгрома слабых сил противника и овладения важного в стратегическом отношении района озер Святозеро—Сямозеро—Ведлозеро—Шотозеро. После этого, в зависимости от ситуации, 3-й АК должен был по отдельности разбить наступавшие от Петрозаводска или Олонца—Лодейного Поля части Красной Армии<sup>71</sup>.

В плане предусматривалась возможность переброски 13-й пехотной дивизии (п.д.) на Карельский перешеек. В этом случае 8-я п.д. 3-го АК выдвинулась бы на выгодный оборонительный рубеж Вешкелицы—Суурмяки—Ведлозеро, а 24-й пехотный полк (п.п.), наступая из района Суоярви, занял бы перешеек между озерами Сямозеро и Шотозеро. Под давлением превосходящих сил противника 3-му АК «в любом случае» следовало сохранить плацдарм на восточном берегу реки Янисьёки для последующей концентрации здесь резервов<sup>72</sup>.

На севере части, подчиненные 13-й п.д., во взаимодействии с отдельным батальоном, дислоцированным в Иломантси, продвигались бы к озерам Поросозеро и Мунозеро. 10-й п.п. с приданными частями овладевал бы на первом этапе населенными пунктами Реболы и Лендеры, направив после этого диверсионные отряды на Кировскую железную дорогу. Действовавшая на левом фланге 3-го корпуса группа «Кайну» продвигалась бы от Соткамо на территорию противника, выслав отряды на железную дорогу Ленинград—Мурманск<sup>73</sup>.

Группа «Карелия» в соответствии с планом прикрывала сосредоточение полевой армии на линии Питкяранта—Уома—Суоярви. Группа должна была приступить к выполнению задачи «посредством ограниченного наступления», «максимально быстро» после объявления войны<sup>74</sup>. Для прикрытия района концентрации основных сил 3-го АК группа «Карелия» овладевала бы д. Вешкелица и д. Чалки, а при наличии здесь значительных сил противника «в любом случае» следовало «неожиданно овладеть Тулемаярви и держать его в руках»<sup>75</sup>.

Задачей группы «Северная Карелия», штаб которой находился в населенном пункте Лиекса, были наступление в направлении Реболы—Лендеры, а также действия диверсионных отрядов против Кировской железной дороги, которую планировали, «по крайней мере, перерезать временно»<sup>76</sup>. По расчетам Генштаба финляндской армии, резервы Красной Армии могли прибыть в район боевых действий по причине недостаточной пропускной способности железной дороги и плохого состояния путей сообщения лишь на 23-й день после начала мобилизации<sup>77</sup>.

Предполагаемую слабость частей РККА на этом направлении можно было использовать с выгодой для себя, продвинувшись «настолько далеко вглубь Беломорской Карелии», что это обезопасило бы Финляндию с этой стороны и одновре-

менно отвело бы угрозу от железной дороги, идущей вдоль южного берега озера Пиелисьярви<sup>78</sup>.

В дальнейшем в районе Поросозеро—Лендеры—Реболы предполагалось создать опорный пункт, опираясь на который можно было бы продолжать операции. После установления связи с группой «Кайну», которая должна была наступать в направлении Ухты на севере, и с отдельным батальоном, целью которого было овладение Поросозером, группа «Северная Карелия» продолжила бы наступление с выходом на линию Люття—Андропова Гора—Нуоккиярви. Независимо от операций главных сил особые отряды должны были «стремиться нарушать коммуникации противника и, в особенности, перерезать Мурманскую (железную.— Ю. К.) дорогу»<sup>79</sup>.

Сходное положение, по расчетам финляндских военных, существовало и в районе действий группы «Северная Финляндия». Красная Армия, по данным разведки, была представлена здесь батальоном неполного состава, дислоцированным в Ухте. Подкрепление могло прибыть лишь на 27-й день после начала мобилизации в ЛВО: один полк — в район Ухты и на 26-27-й день — еще один полк<sup>80</sup>. С учетом этих условий были сформулированы задачи группы «Северная Финляндия». Сосредоточенные в Суомуссалми войска должны были обеспечить левый фланг наступающей на Реболы группы «Северная Карелия». Передовые отряды группы «Кайну» продвинулись бы к линии Лувозеро—Контокки—Латваярви. В районе Рованиеми и Каяни оставались силы, которые были включены в стратегический резерв ставки финляндской армии. Находившаяся в пос. Салла 55-я рота сразу после начала боевых действий должна была пересечь границу и перерезать железную дорогу между Кемью и Кандалакшей. В дальнейшем рота действовала бы на коммуникациях РККА в этом районе, затрудняя концентрацию войск<sup>81</sup>.

Окончательную форму планы, в которых в качестве основного противника учитывался СССР, приобрели в конце февраля 1934 г. в связи с переходом финляндской армии к территориальной системе<sup>82</sup>. В дальнейшем эти планы претерпевали незначительные изменения.

Доведенные до сведения командиров дивизий в конце марта 1934 г. планы VK 1\* (наступательный вариант) и VK 2 (оборонительный) заменили охарактеризованный выше план VK 27. В Ладужской Карелии в течение двух лет, до начала 1936 г.\*\*, действовал лишь наступательный вариант — план VK 1<sup>83</sup>.

Конечной задачей, которую решал 4-й АК, действовавший в Северном Приладожье, было «ограничение операций русских... перешейком между Ладужским и Онежским озерами»<sup>84</sup>, т. е. корпус должен был выйти к реке Свири. Для этого поначалу требовалось овладеть, ведя наступление из Суоярви и Уома, районом озер Сямозеро—Святозеро—Ведлозеро—Шотозеро. Затем предполагалось наступать либо в направлении Петрозаводска, либо на Олонец с целью «разгрома сконцентрированных в Южной Карелии войск противника»<sup>85</sup>.

\* Venäjän keskitys 1 («Российское сосредоточение 1») — план, предусматривавший возможность войны с СССР.

\*\* Это было связано как с общим ростом военной мощи СССР, так и с размещением в Карелии осенью 1935 г. 18-й с.д.

Целью операции группы «Северная Финляндия» и подчиненной ей группы «Северная Карелия» была в соответствии с планом 1934 г. «активная деятельность, распространяющаяся на территорию России» в случае войны с ней. В первую очередь группа «Северная Карелия» овладевала расположенной недалеко от границы д. Реболы, наступая из района Лиексы и Кухмо<sup>86</sup>.

Последующие задачи групп зависели от обстановки в Южной Карелии. После овладения д. Реболы при благоприятных условиях группа «Северная Карелия» должна была подготовиться к дальнейшему наступлению «вглубь Карелии»<sup>87</sup>. На севере Финляндии вплоть до 1939 г. военные руководствовались оперативным планом ВК 1 наступательного характера, оборона здесь даже не предусматривалась<sup>88</sup>.

Основной задачей группы «Северная Финляндия» было отвлечь на себя как можно более крупные силы противника, чтобы облегчить положение частей финляндской армии, обороняющихся на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. По мнению военных, эта цель была достижима лишь в случае создания угрозы Кировской железной дороге. По расчетам Генштаба финляндской армии, РККА требовалось не менее двух недель для переброски в Северную Карелию крупных воинских формирований<sup>89</sup>.

Эту паузу предполагалось использовать для продвижения вперед. 15-й егерский батальон овладевал бы Вокнаволоком и Костомукшей, наступая из района Суомуссалми, а впоследствии распространял бы деятельность диверсионных и разведывательных групп вглубь Карелии<sup>90</sup>. 16-й егерский батальон, наступая из района Куусамо, должен был разбить противника в приграничных боях, продвигаясь затем в направлении Ухты<sup>91</sup>. Выдвинувшись к госгранице из района Салла, 17-й егерский батальон, нанеся поражение частям Красной Армии, дислоцированным на этом направлении, должен был отправить сильное подразделение или несколько отрядов для проведения диверсий на железной дороге Ленинград—Мурманск<sup>92</sup>.

В июне 1936 г. был утвержден второй вариант плана действий 4-го АК в случае войны с СССР. Теперь задачей корпуса было не допустить продвижение противника западнее линии Янисъёки—Янисъярви—Корписелья—Иломанси—Уймахарью<sup>93</sup>. После завершения оборонительного периода предполагалось перейти в наступление с целью разгрома южной группировки противника<sup>94</sup>.

Предвоенные оперативные планы финляндской армии, действовавшие на фронте от Ладожского озера до Баренцева моря, в отличие от аналогов, составленных для Карельского перешейка, предполагали весьма активные действия, в первую очередь на территории Восточной Карелии, сразу после начала войны между СССР и Финляндией. С военной точки зрения это давало значительные преимущества, позволяя уменьшить угрозу со стороны Красной Армии на северном направлении и избежать выхода частей РККА в тыл группировке финляндской армии, оборонявшей Карельский перешеек.

Следует отметить, что на концепцию разработки оперативных планов финляндской армии самое непосредственное влияние оказали идеи активизма и опыт военных экспедиций в Восточную Карелию, осуществлявшихся в 1918—1919 гг. Военные, составлявшие эти планы, как правило, либо сами в прошлом были активистами, либо сочувственно относились к идеям активизма.

Почва, благоприятная для разработки оперативных планов, впрочем, создавалась не только усилиями активистов, но и начиная с 1930 г. неразумной национальной и экономической политикой центральных властей в Карелии. Это обстоятельство также учитывалось военными в Финляндии, вплоть до надежд на восстание части карельского населения в случае войны и «освободительный поход» в Восточную Карелию. К выводу о возможности такого восстания военные в Финляндии могли прийти, проанализировав собранные агентурой данные\*, а также сведения из открытой печати. Его побудительной причиной могло стать недовольство большей части населения Карелии коллективизацией и низким уровнем жизни. 10 апреля 1933 г. Центральная сыскная полиция Финляндии в докладе о политической и экономической ситуации в Карелии, направленном в МИД страны, оценивала количество противников советской власти в этой республике в 75% от всего населения<sup>95</sup>.

С начала 1936 г. стало возрастать стратегическое значение Севера и Северо-Запада СССР, что в первую очередь было связано с планами создания мощного военно-морского флота, крупной военно-морской базы (ВМБ) на Кольском полуострове и строительства в районе Архангельска большого судостроительного завода. Осенью 1935 г. в Карелию из Ярославской области была переведена 18-я дивизия, что значительно увеличило военные силы, дислоцированные в республике. Усиление группировки РККА в Карелии не привело, однако, к пересмотру охарактеризованных выше оперативных планов групп «Северная Карелия» и «Северная Финляндия».

Составляя довоенные оперативные планы, командование финляндской армии существенно преувеличивало роль и значение своей страны как противника СССР, исходя из неверных представлений о том, какое место занимала Финляндия в сценарии войны, которую бы вела Красная Армия на западе. Отнесение Финляндии к безусловным противникам в 1930—1931 гг. не сразу привело к пересмотру оперативных планов Северо-Западного фронта (СЗФ), войска которого должны были действовать против Эстонии, Латвии и Финляндии. Исход военной кампании на этом направлении до 1935 г.\*\*; по мнению командования Красной Армии, решался на южном побережье Балтийского моря. В соответствии с оперативным планом 1932 г. из 20 стрелковых дивизий СЗФ против Эстонии и Латвии должны были действовать 15 дивизий, а против Финляндии — лишь 4, в том числе 3 — на Карельском перешейке. В Карелии задачи по прикрытию границы выполняли одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада<sup>96</sup>.

По оперативному плану СЗФ 1936 г. силы были распределены почти поровну: из 15 стрелковых дивизий, имевшихся в распоряжении фронта, 8 действовали бы против Эстонии и Латвии и 7 — против Финляндии, в том числе 2 — в Карелии. Лишь в 1937 г. в оперативный план СЗФ были внесены важные изменения: на этот раз против Финляндии были сосредоточены основные силы фронта —

\* По оценке Генштаба финляндской армии, сделанной в 1930 г.: «вряд ли возможно», что сведения о концентрации частей РККА в Приладожье «не проникнут в Финляндию». YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 144/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Karjalan ryhmälle operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1.

\*\* Это было связано с пересмотром в 1935 г. роли Германии, которую с этого года стали считать основным противником СССР на западе.

11 из 16 стрелковых дивизий. Перед относительно слабой группировкой РККА в Карелии (две стрелковые и одна горнострелковая дивизия) в 1937 г. была поставлена задача по овладению частью территории Финляндии — городами Каляни, Нурмес, Сортавала<sup>97</sup>.

Группировка Красной Армии, которая развертывалась в Карелии в случае войны, была относительно слаба не по причине недостаточности сведений о намерениях командования финляндской армии\*, а потому что до начала второй мировой войны это направление рассматривалось штабом РККА как второстепенное, несмотря на то, что по крайней мере с начала 1930-х гг. военная разведка СССР имела довольно точные данные об оперативных планах финляндской армии, которые были охарактеризованы выше\*\*. Это заставляет по-новому взглянуть на многие процессы, происходившие в Карелии до начала второй мировой войны.

Военно-экономическая слабость советского государства на Европейском Севере в целом и, в частности, в Карелии, несостоятельная экономическая политика и, как следствие, низкий уровень жизни населения приграничной автономной республики предопределяли характер действий центральных властей. Недовольные советской властью «элементы» — потенциальная «пятая колонна» в случае войны — подлежали депортации, а затем во все возрастающих масштабах и физическому уничтожению. Специфика и интенсивность этих процессов в Карелии в 1930—1938 гг. объяснялись в первую очередь приграничным положением республики и необходимостью во что бы то ни стало обеспечить стратегические интересы СССР, но не путем осуществления дорогостоящих военно-экономических проектов, а за счет не требовавших больших затрат политических мероприятий\*\*\*.

### 2.3. БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИИ

Составляя предвоенные оперативные планы, важной частью которых было овладение значительной частью территории Восточной Карелии, командование финляндской армии оказалось не в состоянии оценить стратегические расчеты, составившиеся в Москве еще в первой половине 1920-х гг. в отношении северного и северо-западного регионов страны. На рубеже 1920—1930-х гг. эти расчеты приобрели глобальный характер, что было связано с нарастанием военной угрозы СССР со стороны Японии на Дальнем Востоке. Беломорско-Балтийский водный путь (ББВП), часть которого проходила по территории Карелии, должен был обеспечить прямое морское сообщение между Европейской частью СССР и Дальним Востоком, став дополнительной транспортной магистралью, имевшей военно-стратегическое значение.

\* О деятельности военной разведки СССР в Финляндии см.: *Tigerstedt O. Vastavakoilu iskee. Helsinki, 1943.*

\*\* См., например: Записка начальника РО ЛВО комбрига Евстигнеева «План обороны восточной границы Финляндии», основанная на информации «источника» за 1937 г. РГВА. ф. 34980, оп. 1, д. 103, л. 5—7.

\*\*\* См.: Выступление начальника Карельского управления НКВД С. Т. Матузенко (июнь 1938 г.). ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 6, л. 36—41.



Самым крупным проектом, осуществленным на территории Карелии до войны, стало строительство Беломорско-Балтийского канала — части грандиозного водного пути, начинавшегося в устье Невы и завершавшегося в Сороке (Беломорске). Первый известный проект строительства этого водного пути датирован 1824 г., после чего последовали многочисленные предложения о его реализации, как частных лиц, так и государственных органов Российской империи. Идея могла быть осуществлена уже в 1870-е гг., когда Общество частных капиталистов изыскало для этого средства\*, однако царская бюрократия не утвердила Устав Общества, и проект был положен под сукно<sup>98</sup>.

После Октябрьского переворота 1917 г. проект строительства ББВП был сразу же одобрен большевиками и руководством морского ведомства, по инициативе которого 10 июля 1919 г. начала работу комиссия по изучению и военно-географическому описанию будущего водного пути. В 1922 г. комиссия под руководством инженера Никольского завершила исследования, представив два возможных варианта строительства — западный и восточный<sup>99</sup>.

Поначалу, в 1918—1919 гг., проект получил новое, военное, звучание. Выдвигая идею его осуществления, большевистское руководство страны исходило из того, что появление на политической карте Европы новых независимых государств, в первую очередь Польши, Эстонии, Латвии и Финляндии, и установление в них «капиталистического строя» с военно-стратегической точки зрения сводило на нет успехи России на Балтике, достигнутые за несколько столетий.

Кроме того, в отношении Латвии и Эстонии у большевиков были и претензии экономического порядка: эти страны мешали, по их мнению, свободному движению экспортных и импортных товаропотоков между странами Запада и Россией. Возможность исправить это положение уже в начале 1920-х гг. рассматривалась исключительно в военной сфере. Впрочем, внутри- и внешнеполитическое положение режима в 1920-е гг. было столь непрочным, что о немедленном возвращении к довоенному статус-кво на Балтике нельзя было и думать. В этих условиях военно-политическое руководство страны вспомнило о «запасном окне» в Европу, которым так долго пренебрегала царская Россия.

В сентябре—декабре 1920 г. на Кольский полуостров была направлена особая комиссия по обследованию Мурманского побережья и созданию в Кольском заливе военно-морской базы. Катастрофическое состояние финансов России заставило комиссию отказаться от предлагавшегося ею размещения здесь «большого флота» и предложить вместо этого дислоцировать на Кольском полуострове флотилию в составе крейсера «Светлана», 12 эсминцев типа «Новик», 1 дивизиона сторожевых кораблей (8 единиц), 10 тральщиков, 8 подводных лодок и авиаматки «Орлица». Однако и этот план выполнен не был по причине недостаточности средств<sup>100</sup>.

К фактическому началу строительства ББВП в его южной части, на реке Свири, в условиях «военного коммунизма» приступили в конце 1917 — начале 1918 г. Работы, проводившиеся на Свири, имели «военно-стратегический характер» и должны были вскоре создать сплошной фарватер от Кронштадта до Онежского озера

\* Стоимость реализации проекта 1870 г. оценивали в 12 млн. руб.: Чухин И. И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990. С. 9.

для судов с 14-футовой осадкой. С переходом к НЭПу от дорогостоящего проекта пришлось отказаться.

В разработке первого пятилетнего плана самое активное участие приняли представители военного и морского ведомств, по настоянию которых было решено включить в план пятилетки мероприятия по строительству военно-гражданской инфраструктуры, в первую очередь дорог и объектов водного хозяйства. Несколько позже, 3 июня 1930 г., Совет Труда и Оборона принял постановление о строительстве Беломорско-Балтийского канала. В документе был определен основной параметр канала: «работы вести с расчетом прорытия канала, допускающего прохождение судов с осадкой в 18 футов»<sup>101</sup>.

В соответствии с планом строительство южной части водного пути, от Ленинграда до Онежского озера, следовало начать с 1 октября 1930 г. и окончить в течение двух лет. Затраты ограничивались 60 млн. руб., в то время как, по оценке профессора В. Е. Тимонова, требовалось не менее 97 млн. руб., в том числе на реке Неве и Ладожском озере — 20 млн. руб., на Свири — 75 млн. руб. и на Онежском озере — 2 млн. руб.<sup>102</sup>

В постановлении СТО говорилось и о строительстве северной части ББВП. Объемы финансирования работ официально определены не были, указывалось лишь на необходимость «при определении стоимости работ по сооружению северной части канала учесть возможность привлечения уголовного труда к этим работам»<sup>103</sup>.

Рассматривались два варианта строительства канала, соединяющего Онежское озеро и Белое море, — восточный и западный. Восточный, который в итоге и был осуществлен, имел протяженность 242 км, высота его водораздельного участка над Онежским озером составляла 72,4 м, а над Белым морем — 105,4 м. Общая стоимость работ была оценена рабочей комиссией по строительству ББВП в 240 млн. руб. Итоговая же стоимость всего водного пути (восточный вариант) была исчислена в 348 млн. руб. (западного варианта — в 382 млн. руб.)<sup>104</sup>.

С точки зрения командования военно-морских сил РККА, наиболее важными параметрами будущего водного пути, и в первую очередь шлюзов, были их глубина, длина и ширина, определявшие стратегическую ценность канала для страны, лишенной в тот период безопасных выходов в Мировой океан. Военные моряки, в условиях значительного сокращения финансирования строительства новых боевых кораблей во второй половине 1920-х гг., стремились обеспечить будущие потребности военно-морского флота. ББВП, по замыслу командования флота СССР, должен был обеспечить переброску боевых кораблей, включая тяжелые крейсера водоизмещением до 10 000 тонн.

В направленном начальнику «Беломорстроя» 16 июля 1930 г. письме начальник ВМС РККА Р. А. Муклевич назвал вполне приемлемым «запроектирование основных сооружений на 28 футов (8,5 м)», что значительно превышало требования ВМС, которые в тот момент ограничивались 18 футами (5,5 м) с соответствующим запасом под килем. Минимальные длина и ширина искусственных сооружений должны были составить соответственно 200 и 21 м<sup>105</sup>.

Управление ВМС РККА в октябре 1930 г. конкретизировало требования военных, направив начальнику «Беломорстроя» письмо, в котором содержалось поже-

ление, чтобы глубина шлюзов и канала были не менее 21 фута, а длина и ширина шлюзов должны были обеспечить проход кораблей с наибольшими размерами по длине 195,3 м, по ширине — 20,8 м<sup>106</sup>.

Новые требования были определены, исходя из дополнительных заданий штаба РККА обеспечить по ширине и длине проход крейсеров водоизмещением в 10 000 тонн типа «Лондон» или «Бельцано»<sup>107</sup>. (РККФ таких кораблей в то время не имел). На практике это означало, что при условии выполнения проекта из Балтийского моря в Белое море при необходимости могла быть переведена большая часть боевого состава КБФ, за исключением линейных кораблей.

15 октября 1930 г. длившаяся почти десятилетие вражда между командованием сухопутных войск и флота, причиной которой была конкуренция за финансирование, завершилась широкомасштабными репрессиями против военных моряков: начались массовые аресты командного состава, преподавателей военно-морских учебных заведений, что фактически обезглавило ВМС страны<sup>108</sup>.

Лишившись своего главного защитника, проект ББВП был немедленно скорректирован в сторону ухудшения его основных параметров, а ОГПУ смогло тем самым выполнить этот вариант к назначенному сроку — началу навигации 1933 г.

Правительство страны проявило непоследовательность, фактически отказавшись от осуществления первоначального плана уже в январе 1932 г., когда работы на ББК шли полным ходом: СНК СССР принял постановление, в котором содержалось указание «обеспечить к началу навигации 1933 г. проход судов с осадкой до 10 футов»<sup>109</sup>.

Председатель СНК СССР В. М. Молотов подписал это постановление, по существу, практически сводившее к нулю стратегическую ценность водного пути в условиях цейтнота: строительство искусственных сооружений требуемой проектом глубины при наличных силах и средствах ГУЛАГа завершить, как это предусматривалось, к весенней навигации 1933 г. было невозможно\*.

Протесты командования ВМС, просившего увеличить проектную глубину хотя бы до 12 футов (тогда как 18 октября 1930 г. была согласована глубина 23 фута), остались без ответа. В заключении, составленном УВМС РККА, указывалось на последствия, которые влекло за собой отступление от первоначального проекта. По мнению специалистов, «использование канала будет весьма незначительным и таким образом с точки зрения военного использования не окупит тех колоссальных затрат, которые уже произведены и намечены в 1932 г.»<sup>110</sup>.

По настоянию командования военного флота председатель РВС СССР и наркомвоенмор К. Е. Ворошилов обратился с письмом к В. М. Молотову, в котором заявил, что «ББК, который позволит в 1933 году проходить судам с осадкой до 10 футов, не удовлетворяет оборонным задачам Союза ССР», и высказал мнение о необходимости пересмотра постановления правительства СССР с тем, чтобы по всей системе могли проходить суда с осадкой не менее 12 футов<sup>111</sup>.

---

\* Об ограниченных средствах на строительство канала см.: Протокол заседания особого комитета по сооружению ББВП. ГУЛАГ в Карелии: Сб. материалов и документов 1930—1941. Петрозаводск, 1992. С. 11.

18 мая 1933 г. из Кронштадта в Мурманск отбыл первый отряд кораблей, из которых была сформирована Северная военная флотилия. Экспедиция особого назначения (ЭОН-1) перевела на север эскадренные миноносцы «Урицкий» и «Рыков», подводные лодки «Народоволец» и «Декабрист», сторожевые корабли «Смерч» и «Ураган». Для уменьшения осадки пришлось снимать с кораблей значительную часть оборудования, а также все артиллерийское вооружение. В ту же навигацию, в августе—сентябре, ЭОН-2 перевела на север эсминец «Карл Либкнехт», подводную лодку № 23 и сторожевой корабль «Гроза»<sup>112</sup>.

На проводку весной эсминцев и подлодок в среднем уходило 22 дня (их переводили в специальных доках, уменьшавших осадку), на сторожевые корабли — 17 дней. Осенью срок удлинялся соответственно до 27—30 и 17—20 дней. Одновременно можно было переводить не более трех кораблей<sup>113</sup>.

Впоследствии боевые корабли еще несколько раз переводили с Балтийского моря в Мурманск и обратно. Так, в мае—июне 1937 г. был передислоцирован на север 16-й дивизион подводных лодок в составе 4 единиц («Цука» 401—404)<sup>114</sup>.

Ограниченные возможности ББВП, которые в результате отхода от первоначального проекта позволяли проводить лишь небольшие надводные корабли и подлодки, были очевидны еще до завершения строительства. В 1931 г. началась война Японии в Маньчжурии, особые интересы СССР в этом регионе оказались ущемленными, а противопоставить мощному военно-морскому флоту Японии на Тихом океане в то время было нечего. Вызывали тревогу и дальнейшие намерения японцев, которые лишь в 1922 г. под давлением США, опасавшихся усиления своего основного конкурента в Азии, вывели войска из российской Сибири<sup>115</sup>.

Кроме того, пути сообщения — единственная железная дорога, связывавшая Дальний Восток с центром страны, — явно не обеспечивала надежного снабжения войск в случае войны. Стало ясно, что необходима еще одна транспортная артерия.

17 декабря 1932 г. перед Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП) была поставлена задача «проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути»<sup>116</sup>.

Уже летом 1933 г. стало очевидно, что в строительстве ББВП была допущена серьезная ошибка. Грузы, направлявшиеся из европейской части России на Тихий океан, не могли быть перевозимы по только что отстроенному водному пути из-за недостаточной глубины канала. 17 августа 1933 г. правительство СССР поставило перед ОГПУ задачу «разработать проблему сооружения второй линии шлюзов на ББК и углубления и расширения его»<sup>117</sup>.

5 марта 1934 г. основной виновник срыва первоначального проекта ББВП — Главное управление лагерями и трудовыми поселениями при ОГПУ направило начальнику ВМС РККА извещение о том, что «в настоящее время Белбалткомбинат во исполнение постановления СНК СССР от 17.VIII. 1933 г. приступает к проектированию второй нитки Беломорско-Балтийского канала...». Морякам было предложено «срочно установить размеры сооружений»<sup>118</sup>.

28 июля 1934 г. военные моряки отправили исполнителю проект задания. В документе указывалось, что «размеры шлюзов на второй нитке ББВП... должны

удовлетворять требованиям для прохода крейсера длиной до 240 метров, шириной 21,5 метра и осадкой в разгруженном состоянии 5,7 метра»<sup>119</sup>. (В это время в СССР проектировался новый тип крейсера длиной 190 м, шириной 17 м и осадкой 5,3 м).

14 сентября 1934 г. в Госплане СССР состоялось совещание, на котором было решено на реке Свири строить шлюзы длиной 290 м, шириной 30 м и глубиной 7,4 м. Ставилась задача — глубину всего пути на реке Свири иметь 6,4 м, с возможностью доведения ее впоследствии до 7,4 м. На второй нитке ББК шлюзы должны были иметь следующие габариты: длина 245—250 м, ширина 24 м и глубина не менее 7,4 м<sup>120</sup>.

К 4 июля 1934 г. ОГПУ составило две рабочие гипотезы, исходя из габаритов шлюзов ББК в 200 x 21,5 x 6,4 м и 290 x 30 x 6,4 м. По первому варианту стоимость всех работ исчислялась в 1 млрд. 218 млн. руб. Предполагалось только на земляных работах вынуть 47,2 млн. куб. м грунта, построить около 3 тыс. куб. м бетонных и железобетонных сооружений. Стоимость и объемы работ по второму варианту были на 40% выше первого. Работы следовало завершить через 3—4 года<sup>121</sup>.

На этом дело и остановилось. Попытки приступить к осуществлению проекта не привели к желаемому результату. 22 августа 1939 г. в ходе подготовки к войне с Финляндией первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов в ответ на просьбу А. А. Жданова сообщил свои предложения по строительству 2-й нитки ББК. «Специалисты утверждают, что дешевле, скорей и целесообразнее строить второй канал параллельно действующему, на расстоянии около километра восточнее действующего»<sup>122</sup>. Г. Н. Куприянов предложил всю рабочую силу ББК, примерно 70 тыс. человек, перебросить на это строительство с 1 января 1940 г. «с расчетом открыть движение по новому каналу с началом навигации 1941 г.»<sup>123</sup>.

Начало войны с Финляндией и последовавшая вскоре большая война заставили отказаться от осуществления этого проекта. ББК остался дорогостоящим памятником бесхозяйственности советской системы: значение канала для экономического развития края, как это вскоре выяснилось, было невелико. В стратегическом же отношении значение водного пути было ничтожным. Фактически в 1930—1933 гг. был построен канал каботажного плавания\*, проект которого был предложен еще в XIX в.

Несмотря на провал реализации первоначального проекта строительства Беломорско-Балтийского канала, он, по мнению руководства страны, а также командования армии и флота, существенно увеличивал значение Карелии в обеспечении долгосрочных военно-стратегических интересов советского государства, что, в свою очередь, стало одним из факторов, повлиявших на пересмотр Москвой своей карельской политики в середине 1930-х гг.

---

\* Для плавания судов между портами одного и того же государства.

## 2.4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАРЕЛИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Программа экономического развития Карелии вскоре после основания КТК была разработана норвежским инженером Х. Лангсетом, прибывшим в Петрозаводск по приглашению Совета народного хозяйства Коммуны в ноябре 1920 г.<sup>124</sup> В концептуальном отношении программа, весьма реалистичная и при определенных условиях выполнимая, намного опередила время. В некоторых отношениях ориентиры, обозначенные в ней, не достигнуты в Карелии и в конце XX в.

Общая идея стратегии экономического развития Карелии была изложена в рассмотренном выше письме Э. Гюллинга Ю. Сирола в конце марта 1920 г. до образования КТК. Находясь еще в Стокгольме, Э. Гюллинг полагал, что Карелия в условиях послевоенной реконструкции в Европе «имеет особенно хорошие экономические предпосылки, чтобы во время нынешнего большого спроса на лесные товары стать большим «лесным предприятием»», которое позволило бы не только финансировать экономическое развитие края, но и «при хорошей организации дела... принесло бы и России очень большую пользу в экономическом отношении»<sup>125</sup>.

Конкретные очертания эта идея обрела благодаря «первоклассному специалисту», как его охарактеризовал Э. Гюллинг, члену правления норвежской социал-демократической партии, участнику второго конгресса 3-го Интернационала инженеру Х. Лангсету.

Прибыв осенью 1920 г. в КТК, Х. Лангсет составил проект развития экономики, и в первую очередь лесного хозяйства Карелии, согласно которому к концу 1923 г. предлагалось увеличить количество лесопильных рам с 40 до 113, доведя к этому времени выработку пиломатериалов до 400 тыс. стандартов. Кроме того, к концу 1923 г. следовало построить 3 «строгательных» и 3 деревообрабатывающих завода, а также 2 крупные бумажные фабрики с целлюлозными и корообдирочными заводами в Кондопоге и на реке Кеми, каждая мощностью по 50 тыс. т бумаги в год. В Олонецком уезде, на берегу Ладожского озера, планировалось возвести целлюлозную фабрику с годовой производительностью 20 тыс. т<sup>126</sup>.

Для снабжения электроэнергией новых производств и электрификации к 1924 г. Мурманской железной дороги было предложено построить 4 крупные и 3 небольшие гидроэлектростанции общей мощностью 187,5 тыс. л. с., или 138 тыс. квт\*.

Для реализации плана требовалось около 203 млн. шведских крон в течение трех лет, однако при использовании прибыли лесопильных заводов имелась возможность уже со второго года перевести осуществление проектов на самофинансирование. Для начала требовалась сравнительно небольшая ссуда от властей РСФСР в размере 33 млн. шведских крон, срок возвращения которой составлял всего два года<sup>127</sup>.

Совет народного хозяйства (СНХ) КТК, ознакомившись с проектом Х. Лангсета, единодушно принял его, указав на то, что «в кратчайший срок производство годного к вывозу лесного товара достигает таких размеров, что путем вывоза легко

\* Почти в три раза больше, чем мощность всех электростанций КАССР в 1939 г.

будет достигнута необходимая для постройки и оборудования бумажных фабрик и заводов бумажной промышленности и крупных электростанций иностранная валюта»<sup>128</sup>.

Имевшие к этому времени негативный опыт общения с центральными хозяйственными органами РСФСР, власти КТК предложили ВСНХ принять план Х. Лангсета с условием, чтобы СНХ КТК имел «полную свободу в рамках плана без права каким бы ни было органам вмешиваться в них». Вся валюта от продажи лесных материалов должна была оставаться в распоряжении КТК. (В апреле 1921 г. решением СТО РСФСР КТК предоставлялись доходы от продажи 25% экспортного фонда леса<sup>129</sup>, намного меньше, чем рассчитывали «красные» финны.)

Снабжение Мурманской железной дороги топливом и лесными материалами от упраздняемого Мурманского желескома\* переходило бы к КТК, и одновременно СНХ КТК предоставлялось бы «в известной степени влияние в правлении Мурманской железной дороги». Главлеском РСФСР передавал бы КТК лесопильные заводы, находящиеся на территории автономии<sup>130</sup>.

Помимо этого, СНХ КТК предложил передать в его ведение Онежский металлургический завод и построить в Петрозаводске в течение трех лет судостроительную верфь с целью строительства «флотилии для перевозки бумаги и других грузов», а также пустить в 1921 г. Сеговецкий чугуноплавильный завод. Предлагалось также для жилищного строительства расширить в Карелии известняковое и кирпичное производства. Двухлетняя программа дорожного строительства включала шесть шоссейных дорог общей протяженностью 423 версты, или 451,25 км\*\*, а также железнодорожную ветку от ст. Масельская до озера Сегозеро<sup>131</sup>.

В области сельского хозяйства в Карелии предполагалось развивать прежде всего животноводство, используя осушенные болота, чем должны были заниматься 200 крупных советских хозяйств, которые планировали организовать уже в 1921 г.<sup>132</sup>

Проблему дефицита рабочей силы СНХ КТК предложил решить за счет ввоза в Карелию 28 105 человек в 1921 г. и 51 300 человек в 1923 г. «Главное внимание при наборе рабочей силы должно быть обращено к Финляндии», — полагали «красные» финны, а кроме этого, в Карелию могло перебраться «некоторое количество шведских и норвежских рабочих». В таком случае могло получить «массовый характер» и переселение финнов-рабочих из Канады и США, о чем их представитель уже вел к этому времени переговоры с Карельским ревкомом. Прежде всего, из Северной Америки планировали привлечь строителей и рабочих-металлистов<sup>133</sup>.

Переселение в Карелию иностранных рабочих, по мнению «красных» финнов, имело бы большое значение, так как переселенцы подверглись бы революционной агитации и «отчасти получили бы и военную подготовку». Становление же в КТК мощной деревообрабатывающей промышленности могло бы, в соответствии с их замыслом, «нанести финскому капитализму значительный ущерб»<sup>134</sup>.

СНХ КТК предложил ВСНХ утвердить план к началу 1921 г. и назначить Х. Лангсета руководителем карельской лесной промышленности, а также ответст-

\* Железнодорожный лесной комитет.

\*\* Немногим меньше, чем было построено в Карелии с 1923 по 1939 г.

венным за осуществление разработанного им плана развития народного хозяйства КТК<sup>135</sup>. 26 апреля 1921 г. правительство РСФСР приняло соответствующее решение, основные положения которого были заимствованы из плана Х. Лангсета, однако со значительными сокращениями: предусматривалось строительство Кондопожского промышленного узла, целлюлозной фабрики на берегу Ладожского озера\*, увеличение лесозаготовок, а также изучение природных богатств края<sup>136</sup>.

Тяжелое внутреннее положение РСФСР в 1920—1921 гг. и последовавшее карельское восстание, а также сопротивление центральных экономических органов на время отодвинули реализацию плана, обрисованного в общих чертах выше. Кроме того, имевшиеся у КТК автономные права были недостаточными и нечетко определенными, на что, в частности, указало закрытое чрезвычайное собрание Петрозаводского финского коллектива РКП(б) в феврале 1922 г. В решении собрания говорилось, что «предусмотренные автономией необходимые для возрождения экономической жизни права не осуществлялись, а предоставлялась возможность свободно вмешиваться в Карельские дела всяким разноименным главкам и центральным органам»<sup>137</sup>.

Образование в июле 1923 г. КАССР и предоставление республике особых бюджетных прав\*\* на первый взгляд соответствовало предложениям, высказанным СНХ КТК во второй половине 1920 г., однако по ключевым проблемам подходы центра и властей Коммуны принципиально расходились. В Карелии развитие экономики изначально было подчинено Севзапэко, которое осуществляло в автономии экономическую политику Москвы<sup>138</sup>. (Все экономические наркоматы РСФСР имели право контроля за деятельностью Экоко КТК<sup>139</sup>.) «Красные» финны же исходили из возможности быстрого развития хозяйства республики за счет внутренних ресурсов, без субсидий из центра<sup>140</sup>.

До 1 октября 1923 г. Карелия официально не принимала участия в общесоюзных расходах\*\*\*, а ее бюджет не включался в бюджет РСФСР<sup>141</sup>. Несмотря на изъятие части доходов (в частности, Наркомата путей сообщения) с 1924 г., Карелия, не получая дотаций из центра до 1926 г.<sup>4\*</sup>, не только выделяла крупные средства на народное образование и здравоохранение, но и вела дорожное строительство за счет своих доходов. Весной 1926 г. ситуация стала меняться в худшую сторону<sup>5\*</sup>.

\* Этот проект не осуществлен до настоящего времени.

\*\* СНХ РСФСР 26. 4. 1926 постановил обращать на нужды Карелии все государственные доходы, поступающие на ее территории. Право же распоряжаться 25% доходов от продажи леса на экспорт, которое было предоставлено КТК, правительство автономии не использовало в целях повышения своего политического авторитета. Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929. С. 4.

\*\*\* В политических целях, для «увеличения авторитета» правительства Карелии внутри страны, а также в Финляндии, власти КТК уже с 1922 г. добровольно финансировали содержание общесоюзных государственных органов (за исключением ГПУ, военного ведомства, НКПС и Главсанупра), а кредиты из Москвы, выделение которых прекратилось со второй половины 1923 г., возвращались. Письмо СНХ АКССР в СНХ РСФСР 29. 3. 1924. НА РК, ф. 682, оп. 1, д. 2/28, л. 30—38.

<sup>4\*</sup> Ссуды, получаемые из центра, своевременно возвращались. Там же, л. 5.

<sup>5\*</sup> См. раздел «Стратегия и экономика: два варианта хозяйственного развития КАССР».



Наркомат финансов РСФСР, полагая, что «политические и экономические соображения, на основании которых Карелия в 1921 г. получила особые бюджетные права, в настоящее время в значительной мере потеряли свою остроту», предложил их «урезать»<sup>142</sup>. Власти КАССР немедленно обратились к союзному руководству с просьбой продлить еще на пять лет срок действия особых бюджетных прав, командировав Э. Гюллинга в Москву<sup>143</sup>. Председатель Карцика А. Нуортева обратился в НКВД с просьбой подготовить заключение для обсуждения в СНК СССР, указав на то, что «политически этот вопрос все еще имеет большое значение», а сокращение бюджетных прав республики «даст новую пищу белофинской агитации по карельскому вопросу, и даст повод кривотолкам среди карел, которые за последнее время изживают былые свои сомнения о реальности основ карельской автономии»<sup>144</sup>.

Благодаря мерам, предпринятым «красными» финнами, особые бюджетные права КАССР были сохранены, однако власти РСФСР продолжили попытки ликвидации особых бюджетных прав автономной республики де-факто. Так, в 1929 г. СНК РСФСР распорядился изъять из бюджета Карелии 4,25 млн. руб. из 28,7 млн. руб., что «фактически в значительной степени аннулировало бюджетные права» КАССР и не давало возможности завершить строительство Кондопожского бумажного комбината<sup>145</sup>, которое велось на долевой основе.

Обращения руководителей КАССР в органы власти СССР с указанием на приграничное положение республики позволяло до начала 1930-х гг. держать ситуацию под контролем, однако в 1931 г. в связи с проведением налоговой реформы в стране первоначальные особые бюджетные права Карелии были упразднены. За этим, впрочем, не последовало сокращения бюджета, в который были включены доходы от налога с оборота всех предприятий, в том числе союзного значения, действовавших на территории КАССР, а также некоторые виды таможенных пошлин<sup>146</sup>. Основной причиной определившегося в годы первой пятилетки отставания темпов роста экономики республики от плановых\* была не недостаточность собственных бюджетных средств\*\*, как можно было бы предположить, так как до отмены особых бюджетных прав республика не могла самостоятельно финансировать строительство крупных предприятий.

В соответствии со сложившейся в СССР практикой большая часть капиталовложений распределялась централизованно через общесоюзные наркоматы, которые распоряжались средствами по собственному усмотрению в пределах выделенных им лимитов. Жесткая система лимитирования капитальных затрат, в соответствии с которой власти РСФСР и СССР налагали ограничения на использование собственных бюджетных средств КАССР для реализации проектов экономического развития автономии, приводила к оттоку средств из республики. Только в 1934 г. Карелия не получила полагавшихся ей доходов на сумму около 34 млн. руб.<sup>147</sup>

\* В 1925 г. был взят курс на ускоренное развитие экономики национальных районов СССР. См.: Бочкова Л. М. Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926—1932) // История СССР. 1989. № 6. С. 145.

\*\* С 1930—1931 гг. бюджетные средства Карелии, по выражению П. Неваляйна, «потекли в московскую казну». Nevalainen P. Karjala 1900-luvulla // Terra. 1993. Vol. 105. № 4. S. 292.

Основные тенденции развития экономики Карелии определились в процессе реализации первого и второго пятилетних планов. Общесоюзные наркоматы не были заинтересованы в экономическом развитии северной республики, требовавшем повышенных капитальных затрат. За годы первой пятилетки на территории республики не было построено ни одного нового предприятия по механической обработке и химической переработке древесины, хотя утвержденным планом предусматривалась постройка 5 новых лесопильных заводов на 28 рам, 5 новых целлюлозно-бумажных заводов (200 тыс. т бумаги), 4 лесохимических предприятия<sup>148</sup>.

Если план первой пятилетки был выполнен хотя бы в отношении объемов заготовки леса\*, то вторая пятилетка потерпела фиаско во всех отношениях. В соответствии с планом второй пятилетки (1933—1937 гг.) лесозаготовки в Карелии должны были возрасти с 9,8 млн. куб. м в 1932 г. до 24,5 млн. куб. м\*\* в 1937 г.<sup>149</sup> К этому же году получала значительное развитие деревообрабатывающая отрасль. Количество лесопильных рам увеличивалось с 81 до 124; в строй предполагалось ввести 3 мебельные фабрики, 9 цехов стандартного домостроения, а удельный вес облагороженной (обработанной) древесины, вывозимой из Карелии, достигал бы 100%, в том числе 30% составляли готовые изделия<sup>150</sup>.

Предусматривалось быстрое развитие целлюлозно-бумажной промышленности. К 1937 г. в республике должны были действовать сульфатно-целлюлозные заводы в населенных пунктах Кемь, Княжая Губа, Сегозеро и Шала. Кроме того, в населенных пунктах Ильинское, Ладва, Верхний Выг и Нюхча планировалось построить картонные фабрики. Еще в августе 1930 г. был заложен Заонежский лесопильно-целлюлозно-бумажный комбинат — первое в СССР и третье в мире предприятие такого рода<sup>151</sup>. Существовал проект строительства в районе д. Реболы лесопильно-химического и целлюлозно-бумажного комбинатов<sup>152</sup>. К концу второй пятилетки годовое производство газетной бумаги в КАССР увеличивалось бы до 66 тыс. т, целлюлозы — до 140 тыс. т и картона — до 70 тыс. т\*\*\* Из 140 тыс. т целлюлозы планировалось экспортировать 105 тыс. т, оставляя 35 тыс. т для внутреннего потребления<sup>153</sup>. Весьма значительны были и планы развития в Карелии металлургии. Во второй пятилетке планировалось строительство 3 заводов по производству алюминия, общая производительность которых составляла 30 тыс. т этого остродефицитного в то время металла. Кроме того, предполагалось

\* Этому способствовало введение СНК КАССР в 1927 г. твердых расценок на лесозаготовительные работы, на 60% выше, чем в 1913 г.: Рыбак Е. Д. Обеспечение лесозаготовительной промышленности Карелии рабочей силой в начальные годы индустриализации (1926—1928) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 117—118.

\*\* Вариант, предложенный Госпланом СССР и Наркомлесом СССР, предусматривал доведение объемов лесозаготовок до 35,5 млн. феметров в год. Основные директивы по составлению установок по развитию промышленности АКССР в пятилетку 1933—1937. НА РК, ф. 970, оп. 1, д. 2/13, л. 96.

\*\*\* К 1939 г. в Карелии действовало единственное предприятие отрасли — Кондопожский ЦБК, а также заканчивалось строительство силами ГУЛАГа Сегежского ЦБК. См. также: Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118—125; Он же. Карелия в плане ГОЭЛРО. Образование Кондопожского промышленного района: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1963.

вести в строй 4 предприятия черной металлургии: Туломозерский завод, который производил бы 21 тыс. т высококачественного чугуна; Сеговецкий чугуноплавильный завод (10 тыс. т.); на базе Повенецкого титаново-магнетитового месторождения действовало бы крупное предприятие производительностью в 70 тыс. т чугуна в год; в третьей пятилетке предполагалось завершить строительство еще одного большого предприятия отрасли — чугунолитейного завода на базе Пудожгорского железорудного месторождения с производительностью 100 тыс. т чугуна в год<sup>154</sup>.

Для обеспечения электроэнергией быстро растущей промышленности планировалось к 1937 г. довести установленную мощность всех электростанций до 562,4 тыс. квт\*. Обладая значительными гидроресурсами, Карелия должна была экспортировать дешевую электроэнергию, которую вырабатывали бы намечавшиеся к постройке 11 крупных ГЭС, в Мурманский округ и Ленинградскую область<sup>155</sup>. (Кроме того, существовала программа строительства в приграничных районах мелких ГЭС, которая не была реализована вследствие невыполнения промышленностью Ленинграда заказов на изготовление турбин<sup>156</sup>.)

В 1936 г. изучавшая перспективы экономического развития КАССР и Мурманского округа Ленинградской области бригада АН СССР во главе с профессором С. Г. Струмилиным еще раз акцентировала внимание на важности и выгоды использования гидроресурсов Карелии, которые были определены в 1 млн. 44,9 тыс. квт. Столь благоприятного местоположения ГЭС относительно потребителей электроэнергии, по мнению составителей доклада, не было не только в СССР, но и за границей<sup>157</sup>.

Во второй пятилетке Карелия в соответствии с планом становилась бы крупным центром по производству стройматериалов. Здесь намечалось построить 12 новых кирпичных заводов\*\*, что увеличивало бы производство кирпичей с 8,9 млн. штук в 1931 г. до 190—200 млн. штук в 1937 г. Кроме того, в республике планировалось строительство ряда фибролитовых, ксилолитовых, торфолитовых заводов и завода теплобетонных камней. Общее производство фибролита, ксилолита и торфолита к 1937 г. составило бы не менее 1,3—1,5 млн. кв. м<sup>158</sup>. Мощная строительная промышленность, которую предстояло создать, была ориентирована прежде всего на жилищное строительство внутри республики для удовлетворения потребностей в жилье прибывающих переселенцев\*\*\*.

Намеченное быстрое развитие производительных сил КАССР было бы невозможно без значительного прироста трудовых ресурсов республики. В соответствии с планом население Карелии должно было увеличиться с 339,4 тыс. человек в 1933 г.<sup>160</sup> до 765 тыс. человек к 1937 г., или в 2,25 раза. (В 1970 г. население Карелии составляло 713,5 тыс. человек<sup>161</sup>.)

Для снабжения жителей республики продуктами питания следовало увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Помимо прочего, посевные площади к 1937 г. предполагалось довести до 210 тыс. га против 75 тыс. га

\* В 1939 г. установленная мощность всех (105) электростанций Карелии составила 40,9 тыс. квт. Военно-экономическая справка КАССР. НА РК, ф. 1951, оп. 1, д. 4/20, л. 253.

\*\* В 1939 г. в Карелии было 3 кирпичных завода. См.: Основные итоги работы предприятий промнаркоматов за 1939 г. НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 44/613, л. 11.

\*\*\* Во второй пятилетке в Карелии предполагалось построить 51 крупное предприятие<sup>159</sup>.

в 1923 г.<sup>162</sup> (К 1939 г. площадь пашни в Карелии составила 66, 9 тыс. га<sup>163</sup>, меньше, чем в 1923 г. Сельское хозяйство Карелии до начала второй мировой войны оставалось самой отсталой отраслью экономики республики<sup>164</sup>.)

Одной из основных причин, обусловивших невозможность выполнить охарактеризованные выше планы, был провал реализации программ железнодорожного и шоссейного строительства. Осуществление нового промышленного строительства в КАССР зависело от предусмотренного в плане второй пятилетки значительного развития транспортной инфраструктуры\*. Особенно важные последствия для развития народного хозяйства республики имел отказ НКПС от строительства новых железных дорог в соответствии с установками второго пятилетнего плана.

В КАССР во второй пятилетке было запланировано строительство нескольких железных дорог: Петрозаводск—Туломозеро, Медвежья Гора (или Сегежа)—Реболы, Медвежья Гора—Пудож—Суда—Весьегонск. Железную дорогу Сорока—Плесецкая предполагалось завершить не позднее 1935 г.<sup>165</sup> Кроме того, предусматривалась возможность строительства железных дорог Сорока—Юшкозеро и Чупа—Оланга. Все эти проекты не были осуществлены к началу второй мировой войны. (В 1930-х гг. планировалось построить в Карелии 915—1015 км новых железнодорожных путей<sup>166</sup>, однако к 1939 г. не были завершены даже первые очереди Ругозерской и Кестеньгской ширококолейных железных дорог — единственных новостроек в КАССР за весь межвоенный период<sup>167</sup>.)

Объяснялось это в первую очередь тем, что средства на развитие железнодорожной сети начиная с 1928 г. в основном выделялись Украине и Белоруссии с целью обеспечить при необходимости проведение мобилизации и успешных военных кампаний против Польши и Румынии. Еще в декабре 1927 г. военное ведомство, учитывая сокращение средств, отпускаемых на железнодорожное строительство, с 474 млн. руб. до 207 млн. руб., предложило перенести центр тяжести на усиление пропускной способности имевшихся железных дорог, включив в план нового строительства лишь две дороги — в БССР и УССР<sup>168</sup>.

В первой половине 1930-х гг. значительное развитие получило и железнодорожное строительство на Дальнем Востоке. Карелии выделялись лишь ограниченные рельсовые лимиты<sup>169</sup>, поскольку северо-западный театр военных действий считался второстепенным<sup>170</sup>, так как Финляндию наряду с Эстонией и Латвией относили к слабым в военном отношении государствам-противникам СССР.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении строительства в Карелии шоссейных дорог. В 1920 г. протяженность гужевых дорог в Карелии составляла приблизительно 6000 км. В 1928 г., к началу осуществления программы строительства стратегических дорог в Карелии, протяженность дорог, включенных в статистические данные, в республике составляла 7045,5 км<sup>171</sup>. При этом в итоговую цифру включались тропы и полутропы, используемые лишь в течение короткого периода летом и зимой для гужевого транспорта. Из общей протяженности дорог 2867,5 км (40,7%) относились к трем высшим категориям: союзного, республиканского (РСФСР) и карельского республиканского значения. 4178 км входили в так называемую низовую сеть (районные и сельские дороги)<sup>172</sup>.

\* Почти все новые крупные промышленные предприятия, которые должны были быть построены в годы второй пятилетки, располагались вдоль железных дорог.

В годы первой пятилетки в Карелии приступили к строительству нескольких стратегических дорог: Лоухи—Кестеньга протяженностью 65 км (эту дорогу планировали полностью покрыть булыжником для прохода тяжелой военной техники), Кемь—Шомба—Ухта (178 км), Парандово—Ругозеро—Реболы (220 км). Уроки карельского восстания были еще свежи в памяти военных и карельского руководства, поэтому 94% всего увеличения дорожной сети в первой пятилетке пришлось на Северную Карелию (248 км из 264 км): в Лоухском районе было построено 20 км дорог первых трех классов, в Кестеньгском — 45,6, Кемском — 75, Ухтинском — 107,4 км. (В 1928 г. в этих четырех районах не было ни одного километра дорог первых трех классов.)<sup>173</sup>

Во второй пятилетке строительство стратегических дорог осуществлялось в основном в Южной Карелии: Петрозаводском, Пряжинском, Петровском и Кондопожском районах. В общей сложности за первые два года второй пятилетки в Карелии было построено 264 км стратегических дорог (в Сегозерском, а также частично в Кондопожском, Петровском и Ругозерском районах перевели в первые три класса ряд уже существовавших дорог районного значения, что несколько снижает объемы нового дорожного строительства).

В 1933 г. было завершено строительство новых дорог Петрозаводск—Бесовец—Сямозеро, ст. Кивач—Гирвас (соответственно 60,4 и 51,4 км). Основательной реконструкции подверглись к 1934 г. дороги Пряжа—Палалахта, Шуя—Кондопога и Ругозеро—Тикшезеро (всего 250 км)<sup>174</sup>. В общей сложности за период с 1927 по 1936 г. в Карелии было построено лишь около 600 км стратегических дорог. По мнению командования Ленинградского военного округа, это не покрывало даже минимальные потребности Красной Армии в случае войны<sup>175</sup>.

Строительство новых стратегических автодорог в Карелии было почти полностью остановлено после 1935 г., в связи с необходимостью концентрации сил и средств, отпускаемых на эти цели, в Киевском и Белорусском военных округах, а также на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Монголии. (Комитет обороны при СНК СССР решил «произвести передвижку стратегического дорожного строительства к югу» еще 8 мая 1931 г.<sup>176</sup>) Имелось лишь одно исключение. По личному распоряжению В. М. Молотова, узнавшего в 1935 г., что завоз продовольственных товаров в бывшую Ребольскую волость по-прежнему осуществлялся транзитом через Финляндию, к 1939 г. было, наконец, завершено силами ГУЛАГа<sup>177</sup> строительство дороги Парандово—Реболы — единственной стратегической дороги Карелии, введенной в строй в годы третьей пятилетки<sup>178</sup>.

До начала советско-финляндской войны практически ничего не было сделано для реализации самого крупного проекта дорожного строительства в КАССР — Транскарельской меридиональной автомагистрали протяженностью 1105 км и стоимостью 33 млн. руб. Строительство этой дороги, которая, начинаясь в Лодейном Поле, проходила бы через Олонек, Сямозеро, Поросозеро, Пенингу, Ледозеро, Ухту, Олангу, Ковдозеро, Иону, планировали начать в 1938 г. и завершить в 1942 г.<sup>179</sup> Кроме того, предполагалось построить ответвления от этой дороги — 700 км. Как отмечалось в документе, реализация этого плана неузнаваемо меняла бы картину дорожной сети Карелии, территория которой разбивалась на «правильные квадраты», обслуживаемые автомобильным транспортом<sup>180</sup>.

Существовал и восточный вариант Транскарельской магистрали, предложенный «красными» финнами в начале 1930-х гг., — так называемый Мурманский тракт протяженностью 581 км. Начинаясь в с. Сямозеро, дорога проходила бы через населенные пункты Гирвас, Юстозеро, Паданы, Андропова Гора (несколько восточнее), Юшкозеро, Карелакша с выходом на дорогу Лоухи—Кестеньга. В 1935 г. были уже завершены изыскательские работы на трассе будущей дороги и определена стоимость строительства (35—43 тыс. руб. за 1 км). Общая же стоимость дорожных работ на период с 1936 по 1943 г. составила бы 64 млн. руб., в том числе 51 млн. руб. приходилось на новое строительство<sup>181</sup>. К осуществлению ни одного из вариантов сооружения Транскарельской автомагистрали так и не приступили до начала второй мировой войны.

По показателю плотности дорожной сети на 100 кв. км Карелия в 1935 г. занимала одно из последних мест в СССР, опережая только Дальневосточный, Восточно-Сибирский, Северный края, Якутию, Казахстан и Киргизию<sup>182</sup>, а также территории Кольского полуострова. На 100 кв. км в КАССР приходилось 5,7 км дорог, в то время как в Чувашской АССР — 71 км, в Горьковском крае — 35 км. На севере Карелии этот показатель был гораздо ниже — 0,9 км на 100 кв. км, в средней части — 4,4 км и в Южной Карелии — 15,2 км. (Соответственно показатели плотности дорог первых трех классов были 0,4 км, 2,8 и 4,9 км.)<sup>183</sup>

Выступая после окончания войны с Финляндией, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов признал, что «нами уделялось недостаточно внимания дорожному строительству — этому первому и главнейшему делу в подготовке всякой войны. Если в этом отношении было кое-что сделано на Карельском перешейке, то почти ничего не было сделано в Карелии»<sup>184</sup>.

Отчасти провал программы строительства железных и шоссейных дорог в первой половине 1930-х гг. в КАССР был связан и с тем, что даже в первом квартале 1935 г., через два года после начала второй пятилетки, в республике не имелось единого планового документа, регламентирующего новое промышленное строительство и реконструкцию существующих предприятий<sup>185</sup>.

Существовали четыре варианта плана второй пятилетки, которые были составлены Карпланом, Госпланом СССР, ББК и Ленинградским облпланом. Два последних предлагали лишь «структурный профиль» развития народного хозяйства республики, не определяя объемы необходимых капиталовложений<sup>186</sup>. Беломорско-Балтийский комбинат разработал пятилетний план для той части Карелии, которая была отведена ему для хозяйственной деятельности. Одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что КАССР после того, как в ней прочно обосновался ГУЛАГ, не представляла собой единое экономическое пространство.

Значительные расхождения имелись и между вариантами пятилетнего плана, составленными в Москве и Петрозаводске. Так, по линии наркомата тяжелой промышленности (НКТП) капиталовложения в развитие предприятий этой отрасли в Карелии были определены Карпланом в 337,5 млн. руб., а Госпланом СССР — в 113,1 млн. руб., т. е. почти в три раза меньше<sup>187</sup>.

Авторы «Материалов по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии» совершенно справедливо отмечали в начале 1935 г., незадолго до изгнания «красных» финнов из Карелии, что наличие четырех вариантов плана второй пя-

тилетки, ни один из которых не был утвержден, «свидетельствовало самым определенным образом об отсутствии плана, который имел бы всеобщее признание»<sup>188</sup>.

Следует признать, что начиная с 1932 г. в Карелии завершился кратковременный период попыток планового развития экономики республики и вплоть до 1939 г. ее народное хозяйство развивалось в значительной мере стихийно, в зависимости от тех лимитов и финансовых средств, которые выделялись союзными наркоматами на развитие подчиненных им отраслей\*. Ключевое значение в этом отношении имела позиция Наркомлеса СССР, в состав которого входил трест «Кареллес» — самое крупное промышленное объединение автономной республики.

Лесная отрасль Карелии к 1935 г. находилась в состоянии кризиса, который назревал еще во второй половине 1920-х гг. и был вызван, прежде всего, недостаточностью трудовых ресурсов. В свою очередь это во многом объяснялось политикой Наркомлеса СССР, выделявшего ограниченные средства на жилищное строительство\*\*, что препятствовало созданию постоянных рабочих кадров и переходу от сезонной к круглогодичной заготовке и вывозке древесины. К концу второй пятилетки жилой фонд трестов «Южкареллес» и «Севкареллес» составлял лишь 110 тыс. кв. м, не удовлетворяя потребности в жилье имевшихся 11 600 постоянных рабочих. (Для круглогодичной работы трестов требовалось 38 тыс. кадровых рабочих.)<sup>189</sup>

Крайне неблагоприятно на развитии лесозаготовок в Карелии сказался общий кризис сельского хозяйства в СССР в первой половине 1930-х гг. и, в первую очередь, острый недостаток хлеба. До 1930 г. карельский крестьянин за день зарабатывал зимой на лесозаготовках до трех килограммов хлеба, восполняя недостаток собственного хлеба (на севере Карелии самообеспеченность этим видом продовольствия составляла 3—4 месяца, на юге — 5 месяцев)\*\*\*. В 1934 г. при увеличении вдвое норм выработки лесоруб зарабатывал не более полутора килограммов хлеба в день, что стало одной из причин ухода карельского населения из деревни за пределы КАССР<sup>190</sup>.

Кроме того, нарастанию кризисных тенденций способствовали слабое развитие механизации производственных процессов и недостаток подготовленных к рубке леса площадей. Возможности эксплуатации лесных богатств Карелии к западу от Кировской железной дороги ограничивались отсутствием здесь развитой сети путей сообщения, в первую очередь железных дорог, как ширококолейных, так и узкоколейных. Как было показано, недостатка в планах строительства этих дорог с начала 1920-х гг. не было, однако Наркомат путей сообщения СССР не приступил к их реализации. Не выделял необходимых средств на строительство лесовозных дорог и Наркомлес СССР.

\* Например, по вине союзного треста «Главнемет» трест «Союзкарелгранит» не имел «ни одного утвержденного планового задания на новостройку или расширение и реконструкцию действующих предприятий». Третий пятилетний план треста «Союзкарелгранит. Первый вариант. НА РК, ф. 46, оп. 1, д. 36/393, л. 33.

\*\* Это была общая для всех союзных наркоматов, позднее министерств, стратегия, которая просуществовала до начала 1990-х гг.

\*\*\* Это был «сильнейший стимул» для участия карелов в лесозаготовках: Письмо СНК КАССР И. В. Сталину и В. М. Молотову 13. 12. 1934. НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 71/628, л. 17.

Это не оставляло иного выбора, кроме сверхэксплуатации ограниченных лесных ресурсов Южной Карелии, в которой ежегодные вырубki значительно превышали расчетную лесосеку\*, а их выборочный характер и стремление лесозаготовительных предприятий брать лишь деловую древесину (наиболее ценную, пригодную для лесопиления) к 1935 г. окончательно истощили лесные богатства этой части республики. (В августе 1935 г. отмечалось, что «мы в русских районах, около железной дороги вырубали все... (а) экономику национальных районов не подняли»<sup>191</sup>.) В свою очередь это привело к кризису работавшей на экспорт лесопильной отрасли. В 1928 г. она произвела 818,3 тыс. куб. м пиломатериалов, в 1932 г. — 1136,1 (наивысший показатель до начала второй мировой войны)<sup>192</sup>, в 1937 г. — 866,6 (с Беломорско-Балтийским комбинатом — 1517,2) и в 1938 г. — 798,2 тыс. куб. м<sup>193</sup>.

С начала 1930-х гг. крайне неустойчиво работали предприятия «Кареллес», ежегодно не выполнявшие планы лесозаготовок и вывозки деловой древесины и дров. В 1936 г. «Кареллес» заготовил 6 млн. 484,4 тыс. куб. м этой продукции, в 1937 г. — 5 млн. 678,7 тыс., в 1938 г. — менее 5 млн. куб. м<sup>194</sup>. Крайним напряжением сил и средств в 1939 г. этот показатель достиг 6 млн. 88,1 тыс. куб. м, причем рост был достигнут за счет гужевой вывозки при значительном сокращении механизированной<sup>195</sup>.

С 1937 г. Наркомлес СССР еще более сократил свои затраты на развитие лесной отрасли Карелии: с этого года и до начала войны с Финляндией в республике не строились и не вводились в эксплуатацию новые механизированные предприятия и базы. При этом значительная часть из них, действовавших в Южной Карелии, в 1940—1941 гг. полностью выбирала свой лесосечный фонд<sup>196</sup>. Союзный наркомат, как отмечалось в «Обзоре», в третьей пятилетке «практически не осуществлял освоения крупных лесных массивов железными дорогами», что ограничивало возможности эксплуатации более отдаленных районов<sup>197</sup>.

К началу второй мировой войны лесная отрасль Карелии находилась в состоянии кризиса без видимых перспектив выхода из него. Глубина этого кризиса в конце 1930-х гг. становится еще более наглядной, если учесть, что уже в 1938 г. объемы лесозаготовок силами заключенных ББК составили половину от всей заготовленной и вывезенной древесины (5 млн. 200 тыс. куб. м из 10 млн. 400 тыс. куб. м). В 1939 г. ГУЛАГ заготовил в Карелии 6 млн. 570 тыс. куб. м древесины, в то время как предприятия Наркомлеса — 6 млн. 88,1 тыс. куб. м<sup>198</sup>.

Такое соотношение объемов лесозаготовок между ГУЛАГом и предприятиями Наркомлеса СССР не было предусмотрено третьим пятилетним планом и вызывалось кризисным состоянием лесной отрасли Карелии. В соответствии с планом третьей пятилетки в 1939 г. предприятия Наркомлеса должны были вывезти 12 млн. 450 тыс. куб. м (факт — 6 млн. 88,1 тыс. куб. м, или 49% от плана). а ББК — 3 млн. 900 тыс. куб. м (факт — 6 млн. 570 тыс. куб. м, или 168,5%)<sup>199</sup>.

Если отвлечься от того, какими средствами достигал поставленных перед ним целей ГУЛАГ, то приходится признать, что он внес значительный вклад в развитие

\* В южных районах Карелии в конце 1920-х гг. леса вырубалось на 32,3% больше, чем позволяла расчетная лесосека, а в одном из северных районов заготавливали лишь 3,7% от возможного количества. Записка треста «Кареллес», 1929 г. НА РК, ф. 286, оп. 1, д. 12/96, л. 126



производительных сил Карелии. Наибольший экономический эффект принесла организация Беломорско-Балтийского комбината, для работы на котором была привлечена рабочая сила, оставшаяся после завершения строительства канала. Комбинат в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 августа 1934 г. фактически превращался в государство в государстве, действовавшее независимо от властей КАССР и подчинявшееся непосредственно Москве. Организация ББК в момент, когда очертания экономического кризиса в Карелии вполне определились, не была ничем иным, как признанием со стороны центральных властей несостоятельности хозяйственной политики, проводившейся ими в республике.

К 1 апреля 1938 г. комбинат достиг пика предвоенной численности лагнаселения, в его состав входили 139 лагерных пунктов и отдельных трудовых колонн, насчитывалось 83 810 заключенных и 3737 вольнонаемных<sup>200</sup>. Основной вклад ББК внес в лесозаготовки, проводившиеся на территории КАССР.

В политическом смысле создание ББК означало сужение подвластной руководителям КАССР территории и разделение автономии надвое приблизительно по линии железной дороги Ленинград—Мурманск. Энергичная деятельность ББК, который помимо лесозаготовок строил электростанции, Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, занимался сельским хозяйством, ловлей рыбы и многим другим, создавала невыгодный контраст со скромными успехами карельской автономии к западу от железной дороги Ленинград—Мурманск.

Во многом кризисное состояние экономики\* Карелии накануне второй мировой войны объяснялось ее монокультурным характером: преобладанием в структуре промышленности лесозаготовок и отказом от строительства лесоперерабатывающих предприятий, сооружение которых было включено в пятилетние планы. В свою очередь, эта ситуация сложилась вследствие того, что в годы первых пятилеток в СССР приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности, созданию военных производств. На развитие других отраслей, в частности лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной, средства выделялись в недостаточных объемах<sup>201</sup>.

## 2.5. ПЕРВАЯ ФИННИЗАЦИЯ КАРЕЛИИ

С 1920 г. до осени 1935 г. у власти в Карелии находились «красные» финны, которым (прежде всего Э. Гюллингу) и принадлежала идея создания в непосредственной близости от Финляндии советской автономии. Восстание зимой 1921—1922 гг. и давление финляндской дипломатии поставили Москву перед необходимостью приступить к политике финнизации Карелии, в которой в тот период видели единственный способ умиротворения местного населения и удовлетворения требований Финляндии.

Финнизация включала в себя придание финскому языку статуса государственного, перевод национальных (карельских) школ на финский язык преподавания,

\* Следует отметить, что на развитие народного хозяйства Карелии выделялись довольно крупные средства — с 1928 по 1940 г. более 2,5 млрд. руб. См.: Андриайнен А. И. Советская Карелия в годы третьей пятилетки (1938 — июнь 1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1956. С. 20. Использовались эти средства, однако, крайне неэффективно.

формирование на территории КАССР особой воинской части из местного населения, развитие финноязычной культуры.

Осуществление этих мероприятий было возможно лишь при условии сохранения и увеличения в Карелии численности национального (карелы, финны, вепсы) населения. Этой цели служила миграционная политика «красных» финнов, в которой можно выделить несколько этапов. Летом 1920 г. из 143 тыс. человек населения КТК карелы составляли 85,5 тыс. человек (59,8%), русские — 54,7 тыс. человек (38,3%), финны — 919 человек (0,6%)<sup>202</sup>. После передачи в сентябре 1922 г. населенной русскими территории Олонецкой губернии национальный состав автономии значительно изменился. К концу 1924 г. из примерно 233 тыс. населения КТК около 54% составляли русские, 40,6% — карелы, 3,8% — вепсы, 0,5% — финны<sup>203</sup>.

Первые попытки «красных» финнов, возглавивших КТК, обеспечить приток в Карелию финнов из Канады и США имели место в 1921—1922 гг., чему благоприятствовали послевоенная безработица в Северной Америке, преследование левых, а также ужесточение правил рыбной ловли, ущемившее права финнов-иммигрантов<sup>204</sup>. В апреле 1921 г. в КТК из США и Швеции прибыли около 30 рабочих-металлистов<sup>205</sup>. В конце мая 1922 г. в Карелию из США прибыла группа из 8 человек, организовавших акционерное строительное общество<sup>206</sup>.

В декабре 1921 г. финские рыбаки, проживавшие в г. Астория на Тихоокеанском побережье США, образовали «Карельский рыболовный кооператив» («The Karelian Fishing Cooperative») <sup>207</sup> и летом 1922 г. первая группа из 60 человек прибыла в Карелию, обосновавшись в населенном пункте Княжая Губа. Уже весной 1923 г. как по причинам противодействия местной бюрократии, бойкота администрации Мурманской железной дороги и треста «Северолес», так и из-за отсутствия в этом районе Белого моря лососевых деятельность акционерного общества была свернута<sup>208</sup>.

Импульс финнизации Карелии был дан в августе 1929 г. Объединенным пленумом Каробкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии, на котором с докладом выступил Г. Ровио<sup>209</sup>. Пленум принял программу карелизации\* (финнизации), включавшую в себя увеличение доли национального рабочего класса, расширение возможностей получения образования для националов (квоты), увеличение доли националов среди членов партии, а также их представительства в органах власти, преобразование национальных школ в финские, значительное расширение издательской деятельности на финском языке\*\*, открытие в Петрозаводске национального театра и дома просвещения, преимущественное развитие приграничных районов, предоставление места жительства переселенцам в соответствии с национальностью\*\*\*.

\* Формально эти мероприятия именовались карелизацией, однако на деле они означали финнизацию.

\*\* О периодических изданиях на финском языке см.: *Aalto E. Suomenkielisen aikakauslehdistön synty Neuvostoliitossa // Punalippu. 1987. № 4. S. 101—109.*

\*\*\* *Кангаспуро М. Финская эпоха... С. 136. Пленум постановил заселять национальные районы преимущественно тверскими карелами и ингерманландцами «во избежание затруднений при обслуживании школьных и других нужд». Рабочий класс Карелии в период построения*

Органической частью программы финнизации была организация финской эмиграции из США и Канады в Карелию, к осуществлению которой приступили в начале 1930-х гг. Причинами, вызвавшими массовое переселение в СССР квалифицированных рабочих, были, с одной стороны, влияние Великой депрессии и массовой безработицы в Новом Свете, с другой — потребность переживавшей период индустриализации экономики СССР в использовании передового технического опыта и достижений капиталистических государств. Кроме того, привлекая иностранную рабочую силу, руководство КАССР надеялось на хотя бы частичное решение проблемы дефицита рабочих кадров в лесной промышленности\*.

В январе 1930 г. был заключен договор между трестом «Кареллес» и канадским профсоюзом лесных рабочих о посылке в Карелию 50—70 опытных рабочих из Канады и, возможно, США<sup>210</sup>. Вербовка же в больших масштабах началась после принятия постановления политбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1931 г.\*\*, разрешавшего ввоз в КАССР 2000 лесорубов и 785 строителей из США и Канады<sup>211</sup>. 1 мая 1931 г. в Нью-Йорке было учреждено агентство «Карельской технической помощи» («The Karelian Technical Aid»)<sup>212</sup>, а 5 августа того же года первая группа переселенцев отплыла из США в СССР<sup>213</sup>.

К 1 октября 1932 г. в Карелии насчитывалось 4399 американских финнов<sup>214</sup>. Все же с 1931 по 1935 г., после чего переселение в КАССР было прекращено, по данным Переселенческого управления, прибыло 5496 рабочих и членов их семей из США и Канады<sup>215</sup>. К 1935 г. численность этой категории иммигрантов была меньше указанной цифры, так как имелась довольно значительная по масштабам реэмиграция. К 1 октября 1932 г. в Северную Америку вернулось 227 человек<sup>216</sup>, а всего из 4681 человека, прибывшего из США и Канады за пять лет, в Карелии осталось 3713 человек. (За тот же период в пределах СССР было завербовано лишь 3833 человека<sup>217</sup>.)

С самого начала попытки «красных» финнов осуществить масштабное переселение «национального» населения из Северной Америки\*\*\* натолкнулись на сопротивление ОГПУ. В январе 1932 г. Г. Ровио, первый секретарь Каробкома ВКП(б), получил от С. М. Кирова пакет, содержащий составленный ОГПУ перечень районов, в которых не следовало расселять прибывавших эмигрантов<sup>218</sup>. Весной 1932 г. ИНО ОГПУ, который выдавал американским финнам разрешения на

социализма в СССР 1926 г. — июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1984. С. 6.

\* Э. Гюллинг в декабре 1929 г., возможно, впервые предложил везти в Карелию рабочих из Северной и Средней Финляндии, а также из Канады для создания постоянных кадров рабочих в лесной промышленности. См.: Лаврушина Н. В. Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докладов. М., 1992. С. 177. См. также: Autio S. Transition of Soviet Karelian forest economy from 1926 to 1932 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 265.

\*\* Это было связано с отмеченным выше решением о запрете использования в Карелии труда заключенных в начале 1931 г., в результате чего возникла неразрешимая проблема дефицита рабочих кадров, прежде всего на лесозаготовках.

\*\*\* В дополнение к 2 тыс. лесных рабочих власти КАССР планировали везти из США и Канады еще 10 тыс. человек. Takala I. Eldoradoa etsimässä. S. 14.

въезд в СССР, указав на то, что правительство Карелии полностью использовало разрешение СНК, прекратил выдачу разрешений<sup>219</sup>. К этому времени в США было завербовано 3734 рабочих (с членами семей — 6925), а завезено в Карелию лишь 63% от разрешенного количества<sup>220</sup>. Обращение Г. Ровио в политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского к И. В. Сталину, а также необходимость обеспечить выполнение плана лесозаготовок в КАССР позволили решить эту проблему, и въезд финнов в СССР был возобновлен. (Наибольший вклад американские финны внесли в совершенствование технологии лесозаготовительных работ. Дневная выработка одного лесоруба-финна превышала средние по Карелии нормы в 3—4 раза<sup>221</sup>.)

Относительно большое количество финнов прибыло в Карелию в конце 1920 — начале 1930-х гг. как в результате тяжелого экономического кризиса, поразившего экономику Финляндии в тот период\*, так и вследствие политических преследований\*\*. (Только с 1 мая по 15 сентября 1930 г. члены правого, лапуаского, движения незаконно вывезли из Финляндии в СССР 213 человек<sup>222</sup>.) Из эмигрировавших в СССР с 1930 по 1934 г. 12—15 тыс. человек в Карелии находились не более 2—3 тыс. человек<sup>223</sup>. К середине 1930-х гг. общая численность финнов, проживавших в КАССР, достигла примерно 15 тыс. человек<sup>224</sup>.

Стремясь сохранить национальный характер автономии, СНК КАССР в начале 1930-х гг. потребовал от треста «Кареллес» и других предприятий республики, чтобы не менее 75% завербованных за пределами автономии рабочих были национальными кадрами<sup>225</sup> — тверскими карелами и ингерманландцами. План промышленного переселения только на 1932 г. предусматривал завоз в Карелию 10 439 рабочих-националов, из которых прибыли в республику лишь 766 человек<sup>226</sup>. В 1935 г. определился провал планов значительного увеличения «национального» населения Карелии за счет ввоза тверских карелов и ингерманландцев\*\*\*. (Ленинградский и Московский обкомы партии приняли решения о завозе в Карелию ингерманландцев и карелов. Только в 14 районах Тверской Карелии было завербовано около 40 тыс. человек, но они не переселились в КАССР главным образом вследствие отсутствия жилья<sup>227</sup>.)

«Красные» финны предполагали использовать прибывавших в Карелию карелов и финнов в первую очередь для развития лесозаготовок в национальных районах

\* Безработица в Финляндии в разгар кризиса приблизилась к 100 тыс. человек. *Lackman M. Oliko Neuvosto-Karjala 1930-luvun pula-ajan El Dorado?: suomalaisten siirtolaisten kokemuksia ja näkemyksiä // Historioitsija — taaksepäin katsova profeetta: Mauno Jokipiille omistettu juhlaKirja. Studia historica Jyväskyläänsä. 30. Jyväskylä, 1984. S. 217.*

\*\* По данным пограничной стражи и Центральной сысской полиции Финляндии, в 1929—1934 гг. границу в Карелии перешли 2360 (2560) человек, из них в 1929 г. — 80 человек, в 1932 г. — 900 человек. *Hämynen T. Suomen unohdettu pakolaisongelma — loikkari liikenne Raja-Karjalasta Neuvosto-Karjalaan // Studia Carelica Humanistica 1. Joensuu, 1989. S. 29.*

\*\*\* Тверских карелов предполагали расселять в основном в Петровском, Сегозерском, Рутозерском и Тунгудском районах. Не в последнюю очередь это объяснялось близостью карельского языка переселенцев и местного населения. Постановление СНК КАССР 15. 8. 1931 «О ходе промышленного переселения в 1931 г.». НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 43/342, л. 8. Ингерманландцы должны были расселяться преимущественно в Северной (Беломорской) Карелии, а также в Петровском и Пряжинском районах. Там же.

республики\*, к западу от Мурманской железной дороги, однако уже к 1933 г. выяснилось, что осуществление этого плана встретило непреодолимые препятствия: недостаточное выделение средств союзными наркоматами на развитие соответствующих отраслей, прежде всего лесной, и на строительство жилья для рабочих\*\*. К 1935 г. стало окончательно ясно, что план создания в КАССР постоянных национальных рабочих кадров потерпел неудачу.

Наиболее значительными из осуществленных в 1922—1935 гг. мероприятий по финнизации Карелии были нововведения в сфере народного образования. В 1927—1928 гг. в связи с административно-территориальным переустройством КАССР и выделением национальных районов начался массовый перевод карельских школ на финский язык обучения<sup>228</sup>. В 1925 г. в 63 карельских школах (30,7%) преподавание осуществлялось на финском языке, в 1929 г. — в 180 (72%), а в 1931 г. все 278 начальных и семилетних карельских школ были финнизированы<sup>229</sup>.

Финнизация карельских школ сопровождалась известными перегибами, основным из которых было отсутствие добровольности при выборе языка обучения, что было особенно актуально для населения Южной Карелии\*\*\*. Недостаток подготовленных педагогических кадров обуславливал низкий уровень преподавания<sup>230</sup>, что затрудняло формирование кадров национальной интеллигенции. Кроме того, грамотность на финском языке<sup>44</sup> препятствовала в дальнейшем обучению карельской молодежи в средних и высших учебных заведениях за пределами КАССР.

Финское руководство Карелии, указывая на приграничное положение республики, не допустило перевода карельских школ на карельский язык обучения в начале 1930-х гг., когда была разработана и введена карельская письменность для тверских карелов. Рекомендация Президиума Совета Национальностей от 25 апреля 1931 г. о создании карельского литературного языка была отвергнута совещанием партийного актива КАССР 12 мая 1931 г., а в феврале 1933 г. Президиум ВЦИК признал нецелесообразным переход в Карелии с финского на карельский язык обучения<sup>231</sup>.

Одним из разделов программы финнизации было формирование военной части из местного населения. Эта идея появилась сразу после завершения карельского восстания, однако лишь в октябре 1925 г. в рамках общегосударственной программы создания национальных воинских формирований в Карелии был проведен первый призыв в отдельный Карельский егерский батальон, развернутый в 1930—1931 гг.

\* В 1926 г. карельское население составляло большинство в 14 районах КАССР из 26. Клементьев Е. И. Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 года // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 47.

\*\* На начало 1929 г. в промышленности, транспорте, советских учреждениях было занято 76,5% русских, 16% карелов и 3,1% финнов: Ровио Г. К задачам национальной политики в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 8—9. С. 2.

\*\*\* В Олонецком районе из числа грамотных 60% было грамотно на русском языке, на финском и русском — 22%, в Пряжинском — соответственно 56 и 24%. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928—1940. Петрозаводск, 1989. С. 50.

<sup>44</sup> В середине 1930-х гг. в Ухтинском районе из числа грамотных было грамотно на финском языке 80% населения, в Кестеньгском — 81%. Там же. С. 50.

в Карельскую егерскую бригаду<sup>232</sup>. В качестве обоснования необходимости развёртывания батальона в бригаду Карельский обком указал «агрессивную враждебность политики Финляндии по отношению к СССР», а также наличие в республике большого количества заключённых<sup>233</sup>. В мирное время бригада состояла из двух батальонов, артиллерийского дивизиона, роты связи, саперной роты. В период войны предполагалось сформировать дополнительно Заонежский и Вепсский стрелковые батальоны<sup>234</sup>. До осени 1935 г. Карельская егерская бригада являлась единственным войсковым соединением на территории Карелии и, в соответствии с оперативным планом ЛВО, должна была в случае войны прикрывать Петрозаводск от наступления финнов\*. Кроме того, предусматривалась переброска бригады в район Мурманска для уничтожения английских десантов<sup>235</sup>.

К 1935 г. программа финнизации, за исключением перевода школ на финский язык обучения и известных успехов в развитии культуры, осталась невыполненной, что не в последнюю очередь было связано с малочисленностью собственно финского населения в Карелии.

В Финляндии между тем внимательно наблюдали за развитием событий по другую сторону границы. В ноябре 1934 г. в связи со вступлением СССР в Лигу Наций, по мнению посланника Финляндии в Женеве Р. Холсти, пришло время напомнить о карельском вопросе. Хотя, как полагал Р. Холсти, «больших надежд» на получение удовлетворительных результатов не было, постановка в Лиге Наций вопроса о Восточной Карелии тем не менее вызвала бы «исключительно большое удовлетворение» как у населения края, десять лет подвергавшегося «разрушению и русификации», так и у общественности Финляндии<sup>236</sup>.

Учитывая неизбежное сопротивление СССР, Р. Холсти считал возможным обсуждение карельского вопроса в Совете Лиги Наций лишь в том случае, если Финляндии удалось бы заручиться поддержкой возможно большего количества членов Совета, чем и следовало заняться. В ближайшем же будущем, по мнению посланника, шансов на успешное продвижение дела в Лиге Наций не было<sup>237</sup>.

До весны 1936 г., когда авторитет Лиги Наций в связи с завершением итало-эфиопской войны был подорван, в Финляндии предпринимались шаги к возможному обсуждению проблемы Восточной Карелии в этой международной организации. В апреле 1935 г. министр иностранных дел Финляндии А. Хакцель сообщил начальнику Центральной сысской полиции Э. Риекки об учреждении полуофициального комитета, задача которого состояла в изучении проблемы Ингерманландии и Восточной Карелии и разработке предложений о возможных мероприятиях Финляндии в международном масштабе<sup>238</sup>.

В состав комитета вошли видные деятели активизма — Ялмари Кастрен, директор банка Маури Хонкаюури, полковник Пааво Талвела. Секретарем был назначен Рейно Кастрен. Комитет должен был действовать в сотрудничестве с Генеральным штабом, МИДом и Центральной сысской полицией Финляндии. В Женеву намеревались отправить представителя, который бы мог в частном порядке ознакомиться с современным состоянием карельского вопроса<sup>239</sup>.

\* Последним рубежом обороны были Сулажгорские высоты. Приказ командиру бригады 19. 9. 1934. Архив УФСБ по РК, ф. КРО, оп. 1, п. 1, л. 135.

В ноябре 1934 г. свое мнение о положении карельского населения в КАССР, отличное от точки зрения Р. Холсти, высказало посольство Финляндии в Москве. Как полагали дипломаты, «неопровержимым фактом» было то, что в сравнении с дореволюционной Россией положение «финноязычного» населения Восточной Карелии в отношении развития языка и просвещения при советской власти «значительно улучшилось»<sup>240</sup>.

Менее чем через год, однако, в Карелии произошли события, которые положили конец политике финнизации и коренным образом изменили ситуацию в этой автономной республике.

## 2.6. КОНЕЦ ЭПОХИ «КРАСНЫХ» ФИННОВ

В первой половине 1930-х гг. окрепший политический режим в СССР перестал нуждаться в существовании носителей идеи «мировой революции», которые нашли пристанище в стране социализма. Надежды на «мировую революцию» к этому времени окончательно уступили место более конкретной и насущной проблеме: подготовке к мировой войне, очертания которой стали определяться в 1934—1935 гг. В приграничных районах страны это означало по общему правилу их очищение от тех групп населения, которые ОГПУ относило к категории нелояльных к советской власти.

Сигналом к началу проведения кампании послужило направленное против «местного национализма» выступление И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б), инициировавшее широкомасштабные мероприятия. Как представляется, причиной, побудившей центр начать в многонациональной стране потенциально опасную для политического режима кампанию, стало стремление насильственным образом консолидировать разнородное в этническом отношении население страны ввиду опасности приближавшейся войны.

Пересмотр политики центральных властей в Карелии начался, впрочем, задолго до выступления И. В. Сталина и был связан как с изменением общей стратегической ситуации к худшему, в связи с начавшейся войной Японии в Маньчжурии<sup>241</sup>, так и с новой оценкой роли Финляндии и отнесением ее к безусловным противникам в 1930 г.<sup>242</sup>

В ноябре 1930 г. бюро Карельского обкома под председательством второго секретаря А. М. Аполоника заслушало доклад Карельского отдела ГПУ о контрреволюционных проявлениях в приграничных районах и националистической пропаганде, которую, как считали в ГПУ, вели засылаемые в КАССР из Финляндии агенты. Весной 1931 г. органы арестовали группу финских «красных» офицеров карельского егерского батальона и приступили к чистке приграничных районов от национального (карельского) населения<sup>243</sup>.

В соответствии с замыслом Москвы пограничную полосу следовало не только «освободить» от элементов, отнесенных к противникам советской власти, — одновременно необходимо было предпринимать меры для ее политического и военно-экономического укрепления. С этой целью 15 апреля 1931 г. комиссия обороны СНК РСФСР утвердила план организации красноармейских колхозов в приграничных местностях России, в том числе в Карелии. План 1931 г. предусматривал

создание 5 этих «опорных пунктов хозяйственно-политического укрепления пограничных районов»<sup>244</sup>. Наркомзем РСФСР предложил типовой образец красноармейского колхоза, в котором должно было состоять 100 семейств, в том числе 50 красноармейских. Площадь сельхозугодий составляла 600 га, луговой фонд — 300 га, а общественное стадо коров — 125 голов<sup>245</sup>. (К 1935 г. эта инициатива властей РСФСР завершилась в Карелии неудачей<sup>246</sup>, что отчасти объяснялось принятым еще в апреле 1930 г. решением о финансировании строительства красноармейских колхозов не из общесоюзного бюджета, а на средства республик.)

В 1932—1933 гг. в Карелии и в населенных ингерманландцами районах Ленинградской области ОГПУ осуществило крупномасштабную операцию, сфабриковав дело о «Заговоре финского генштаба». Аресты начались осенью 1932 г. и к маю 1933 г. были задержаны в общей сложности 866 человек, из которых 727 были подвергнуты суду троек<sup>247</sup>. Острые репрессий было направлено против карелов — участников восстания 1921—1922 гг. Из 727 арестованных 77,2% составляли карелы (561 человек), обвиненные в национал-уклонизме. Из них 508 человек были участниками «каравантюры»<sup>248</sup>. В мае 1933 г. по делу о «Заговоре финского генштаба» было расстреляно 76 человек, к 10 годам концлагерей осуждено 213, к 5 годам — 103, к 3 — 93 человека. Высылке подверглись 168 человек и 47 были лишены права проживания в КАССР<sup>249</sup>.

Одновременно ГПУ была осуществлена операция против командования Карельской егерской бригады, аресты в которой, прежде всего в Олонцеком батальоне, начались осенью 1932 г. В 1933 г. около 20 человек из состава бригады были расстреляны<sup>250</sup>. Итоги операциям ОГПУ в Карелии подвело бюро Карельского обкома 21 июня 1933 г., предложив оформить представление одного из руководителей кампании, заместителя полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожца к награждению орденом «Красного Знамени»<sup>251</sup>.

На этом кампания не завершилась. В декабре 1933 г. Карельский областной отдел ГПУ осуществил ликвидацию ряда «контрреволюционных групп, насажденных финскими разведывательными органами»<sup>252</sup>. На этот раз Карельский обком посчитал необходимым указать на «быструю фашизацию Финляндии», в связи с чем «самой главной опасностью в Карелии является местный национализм». ГПУ КАССР было поручено переселить из погранполосы в Пудожский район дополнительно 100—150 семей<sup>253</sup>.

Тезис о «фашизации» Финляндии появился не случайно и был связан с приходом к власти А. Гитлера в Германии в январе 1933 г., что вкупе с японской угрозой на Дальнем Востоке создавало для СССР новую стратегическую ситуацию, чреватую в перспективе войной на два фронта. Географическое положение Финляндии и известные руководству СССР планы командования финляндской армии по осуществлению совместных с военно-морскими силами Эстонии и Латвии операций в восточной части Балтийского моря против КБФ\* заставляли советскую дипломатию и военных ужесточать подходы к решению финского вопроса.

\* Эта тема подробно освещена в недавно опубликованной докторской диссертации: *Leskinen J. Vaiettu Suomen silta. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta: Neuvostoliiton varalta vuosina 1930—1939.* Helsinki, 1997.



Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков 5 декабря 1934 г. отмечал, что «среди всех наших западных соседей Финляндия в настоящее время является, несомненно, наиболее враждебным нам государством»<sup>254</sup>. По мнению Б. С. Стомонякова, в Финляндии «усиливающиеся активистские и фашистские круги... ставят ставку либо на войну на Дальнем Востоке, либо все еще на внутреннюю контрреволюцию у нас»<sup>255</sup>. О связи финляндских фашистов и германских нацистов, впрочем, НКВД был информирован еще до прихода Гитлера к власти<sup>256</sup>. Кроме того, внешнеполитическое ведомство СССР не сомневалось в том, что в Финляндии с 1931 г. происходила «мирная фашизация», возглавлявшаяся президентом республики П. Свинхувудом<sup>257</sup>. На настроения в Москве не в последнюю очередь влияла и агитация активистов в Финляндии за присоединение Восточной Карелии, сводки прессы которых регулярно составлялись полпредством СССР в этой стране.

Окончательное устранение «красных» финнов от власти в Карелии после операций, проведенных ОГПУ, стало вопросом выбора подходящего момента. Летом 1935 г. руководство НКВД, по настоянию которого еще осенью 1934 г. были прекращены в одностороннем порядке закупки в Финляндии, было крайне раздражено пропагандистской кампанией, направленной против СССР, и уверено в том, что «мы на деле имеем более ясную, чем когда бы то ни было, ориентацию Финляндии на Германию»<sup>258</sup>. (Финляндские правительственные круги относились к усилению Германии положительно, полагая, что тем самым будет создан противовес СССР — единственной стране, угрожавшей, по их мнению, независимости Финляндии<sup>259</sup>.)

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Москвы, стало подписание в июне 1935 г. англо-германского морского соглашения, фактически давшего Германии карт-бланш на гонку морских вооружений, прежде всего на Балтике<sup>260</sup>. Правая финская пресса высказывала «неприкрытую радость по поводу усиления Германии на Балтийском море»<sup>261</sup>, а в Москве срочно разрабатывали план усиления собственных ВМС, значительно уступавших противнику.

На 1 января 1936 г. в состав КБФ входили 2 дореволюционной постройки линейных корабля («Марат» и «Октябрьская Революция»), 9 эсминцев и 28 подводных лодок<sup>262</sup>. Обосновывая необходимость усиления КБФ после заключения англо-германского договора, морской отдел штаба РККА указывал на превосходство ВМС Германии, в состав которых входили 7 линкоров (в том числе 3 новых), 8 крейсеров (6 новых), 12 новых эсминцев, 12 подводных лодок и 12 старых миноносцев. В докладе инспектора морских сил РККА П. Смирнова, направленном наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову 10 сентября 1935 г., констатировалось: «мы сильно отстали на Балтике и можем отстать еще больше, так как судостроительные возможности у немцев больше». По расчетам штаба РККФ, военноморские силы Германии на Балтике к концу 1938 г. могли включать 13 линкоров, 2 авианосца, 5 тяжелых и 11 легких крейсеров, 61 эсминец, 72 подводных лодки\*. Положение усугублялось тем, что техническое состояние боевых кораблей КБФ даже к 1940 г. было неудовлетворительным<sup>263</sup>.

\* Вероятный состав иностранных флотов к концу 1938 г. Справка о составе МС РККА на 1. 1. 1936. РГА ВМФ, ф. р-2041, оп. 1, д. 72, л. 7.

В первой половине 1935 г. в Москве был завершён пересмотр сценария будущей войны\*, и место прежнего противника № 1 — Великобритании — заняла Германия. Это повлекло за собой необходимость дальнейшей подготовки западной пограничной полосы<sup>264</sup>, в том числе и Карелии, к будущей войне, включавшей в себя также политические мероприятия.

Суженное заседание СНК КАССР в декабре 1934 г., отметив, что вероятность стать театром военных действий для Карелии — «выгодного театра партизанских действий» и «национально-политической приманки для фашистской Финляндии» — увеличивается, предложило осуществить ряд мероприятий по укреплению обороноспособности республики<sup>265</sup>. В марте 1935 г. было принято решение об открытии маршрутов для беженцев из приграничных районов КАССР («беженских трактов») на случай войны\*\*. Количество беженцев было определено в 3660 человек<sup>266</sup>.

25 марта 1935 г. ленинградское управление НКВД получило указание о проведении операции по очистке погранзоны Ленинградской области и КАССР от кулаков и антисоветских элементов, на подготовку которой была отведена неделя<sup>267</sup>. 1 апреля 1935 г. Карельский обком ВКП(б) принял «к точному руководству и неуклонному исполнению» решение бюро Ленинградского обкома о порядке проведения операции по очистке 22-километровой приграничной полосы КАССР от «кулацкого и антисоветского элемента»<sup>268</sup>. Операцией руководила прибывшая из города на Неве специальная комиссия. По составленным заранее спискам выселению из приграничных районов подлежали 308 семей (1618 человек). Фактически же в Западную Сибирь в двух эшелонах отправили 296 семей (1546 человек)<sup>269</sup>. (Из Ленинградской области в 1935—1936 гг. были высланы 26—27 тыс. ингерманландцев<sup>270</sup>.) Специальная операция стала последним звонком для возглавлявших Карелию почти 15 лет «красных» финнов.

Формальным же поводом для их удаления из Карелии стало обвинение в неудовлетворительных темпах развития экономики края и неверной переселенческой политике. С точки зрения ленинградского партийного руководства, которому было поручено изгнать «красных» финнов из Карелии, последние представляли собой весьма уязвимый объект для критики и организационных выводов. 14 августа 1935 г. на совещании у А. А. Жданова уничижительной критике была подвергнута переселенческая политика Карельского обкома. По мнению ленинградского партийного руководителя, обком ВКП(б) допустил грубую ошибку, сделав ставку на «импорт канадских финнов и тверских карелов», что было «очевидно всем, кроме Карелии»<sup>271</sup>.

А. А. Жданов посоветовал «карелам» брать пример с Мурманской области, все крупнейшие объекты которой возводились силами ГУЛАГа, и разрешить массовое переселение заключённых в КАССР после завершения строек в Мурманской

\* Начало пересмотра Москвой отношений с гитлеровской Германией относится к лету 1934 г. *Allard S. Stalin ja Hitler. Tutkielma Neuvostoliiton ulkopoliitikasta vuosina 1930—1941. Porvoo, 1972. S. 54—55.*

\*\* Первый ориентировочный оперативный план организации беженского движения на территории КАССР был утверждён в январе 1934 г. Постановление СУЗ СНК КАССР 9. 1. 1934. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 1/4, л. 6.

области. А. А. Жданов высказался совершенно ясно: «Карелия в поисках абсолютно честных, абсолютно коммунистически настроенных, абсолютно советских карел из Канады и Твери отпихивается от использования заключенных... (которые. — Ю. К.) могут быть основой для расселения»<sup>272</sup>.

Итог кампании был подведен А. А. Ждановым 28 августа 1935 г. на бюро Ленинградского обкома ВКП(б). В своем выступлении А. А. Жданов сформулировал претензии как к снятому со своего поста первому секретарю Карельского обкома Г. Ровио, так и к остальным «красным» финнам, возглавлявшим КАССР. Указав на то, что у карельских товарищей «денег было невпроворот», А. А. Жданов заявил, что они не смогли ими воспользоваться: в республике не выполнялись планы капитального строительства, недавно построенный Беломорско-Балтийский канал использовался лишь на 20%\*, темпы роста экономики были неприемлемо низкими. Между тем, по мнению А. А. Жданова, «культурный и хозяйственный уровень» Карелии имел «решающее значение и в теперешнем нашем отношении с финнами... отъявленными врагами советской власти», которые были «связаны, несомненно, с немецкими фашистами»<sup>273</sup>.

Причинами такого положения дел, как полагал докладчик, были и местный национализм, и социал-демократические пережитки, проистекавшие из неправильного взгляда «красных» финнов на Советский Союз и на национальную политику. В свою очередь, этот взгляд исходил из того, что «красные» финны считали себя руководителями будущей советской Финляндии, стремясь как можно больше заимствовать из финской буржуазной культуры и оградить Карелию от советского влияния. Эта попытка «сесть между двумя государствами» была потенциально опасна тем, что население Карелии могло в случае военной опасности отказаться защищать советскую страну, так выглядела логика докладчика<sup>274</sup>.

Особое неприятие у А. А. Жданова вызывала кадровая политика партийного руководства КАССР, которое стремилось «всячески внедрять финнов и их культуру», тем самым оттесняя карельские кадры от руководства. К ошибкам «красных» финнов были отнесены также языковая политика и их противодействие распространению в республике партийной печати на русском языке. Последнее обстоятельство мешало «воспитывать людей в духе ненависти к буржуазной Финляндии, в духе преданности к Советскому Союзу»<sup>275</sup>.

Реакция в Финляндии на снятие Г. Ровио и Э. Гюллинга\*\* со своих постов лишний раз убедила НКВД в верности этого шага. Антисоветская кампания, в которой приняли участие газеты всех направлений, акцентировала внимание на том, что

\* В 1935 г. по ББК было перевезено 910,5 тыс. т грузов. Народное хозяйство Карелии. 1926 — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 127. В соответствии с планом второй пятилетки к 1937 г. грузооборот ББВП должен был составить 6 млн. т. См.: Записка Госплана КАССР «К пятилетнему плану развития тяжелой, легкой, кустарной (кооперативной) промышленности и наркомснаба КАССР в 1933—1937 гг.». НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 162/1129, л. 36.

\*\* Э. Гюллинг был арестован 17. 7. 1937 и расстрелян 14. 6. 1938. Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине». К 110-летию Эдварда Гюллинга // Север. 1991. № 11. С. 140.

под руководством Э. Гюллинга Карелия добилась больших успехов\*, особенно в смысле сохранения финского национального начала. По мнению полпреда СССР в Финляндии Э. А. Асмуса, это, «конечно, только доказывает, что наши удары и мероприятия попадают в цель и своевременны»<sup>276</sup>.

Осенью 1935 г. с разрешения НКВД и по согласованию с А. А. Ждановым Э. А. Асмус посетил Карелию для ознакомления с ситуацией в автономной республике. По итогам поездки полпред составил подробный доклад<sup>277</sup>, проливающий свет на то, какое место занимал карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в середине 1930-х гг., и на способы его решения, предлагавшиеся НКВД.

С точки зрения внешнеполитического ведомства СССР, принятие срочных и радикальных мер в Карелии объяснялось, прежде всего, необходимостью дать отпор попыткам финляндского правительства вмешиваться «в наши карельские дела дипломатическим путем» в связи с мероприятиями по очистке погранполосы от «ненадежных элементов». О роли, которую играла карельская автономия в советско-финляндских отношениях, свидетельствовало уже то обстоятельство, что «70—80% всей антисоветской пропаганды и агитации в Финляндии» основывалось на «злостной клевете и сенсациях по Карельскому вопросу»<sup>278</sup>.

Необходимость смены руководства КАССР, по мнению Э. А. Асмуса, вызывалась в первую очередь тем, что советская Карелия, которая «должна быть идеалом рабочих и крестьян Финляндии с огромным интересом наблюдающих за происходящим в нашей Карелии», к 1935 г. таким идеалом не стала. Напротив, «успехи Советской Карелии не идут в сравнение с успехами других частей Союза»<sup>279</sup>. Основной причиной замедленного экономического развития КАССР, как полагал Э. А. Асмус, был дефицит трудовых ресурсов в республике, возникший вследствие «неправильной и опасной переселенческой политики карельских властей»<sup>280</sup>. Вслед за А. А. Ждановым полпред предложил решить проблему дефицита рабочих кадров в Карелии за счет использования труда заключенных и подверг критике «красных» финнов за их нежелание перенимать опыт ББК. Отметив, что «карельские товарищи считают ББК чужим и чужеродным» явлением вместо того, чтобы «гордиться ББК и всячески использовать его опыт», Э. А. Асмус заявил, что «они все находились под одним психозом, вытекающим из своеобразного понимания ими национальной политики» — стремления обеспечить преобладание карелов, финнов и вепсов в балансе рабочей силы КАССР<sup>281</sup>.

Выразив свое восхищение успехами ГУЛАГа в развитии экономики Карелии и Кольского полуострова, Э. А. Асмус предложил прекратить оглядываться на отношение соседней Финляндии к способам решения национального вопроса в Карелии и осуществить «строительство социализма» в автономной республике «всеми теми средствами, какие имеются у любой советской республики, правильно проводящей национальную политику»<sup>282</sup>. Основным средством достижения этой цели в Карелии, как следует из содержания документа, было использование труда заключенных. Полпред с удовлетворением отметил результативность работы по очистке приграничной полосы, проведенной наркоматами обороны и внутренних дел СССР в Карелии в первой половине 1930-х гг. Эти мероприятия, по мнению

\* Эта тема рассмотрена автором из Финляндии. *Yläraakkola A. Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Keuruu, 1976.*

Э. А. Асмуса, «несомненно, обеспечат возможность мирной работы в Советской Карелии и дадут хороший отпор всякого рода финским авантюристам еще недавно надеявшимся получить опору и операционную базу в Советской Карелии»<sup>283</sup>.

Э. А. Асмус, однако, не считал, что на достигнутом следовало остановиться, так как «долголетняя финская работа по подготовке диверсий и нападений требует еще много мероприятий в этой области». Продолжение специальных мероприятий в Карелии диктовалось «всей обстановкой» в Финляндии, ее антисоветской политикой, связью с Германией, усилением армии, воспитанием населения в антисоветском духе и т. д.<sup>284</sup> В заключение Э. А. Асмус высказал убеждение, что для коренного улучшения дел в Карелии и доведения ее экономики до уровня передовых республик СССР требуется 2—3 года работы нового руководства. При этом необходимо было обратить особое внимание на хозяйственное укрепление погранполосы и дорожное строительство\*. Кроме того, для «освещения достижений КАССР» за границей следовало издать 1—2 книги об этой республике на русском, английском, финском и шведском языках\*\*.

Руководство НКВД, включая М. М. Литвинова и Б. С. Стомонякова, не только внимательно ознакомилось с докладом Э. А. Асмуса, но и разослало его для ознакомления И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и А. А. Жданову<sup>285</sup>. Заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков в своем ответе Э. А. Асмусу, заявив, что доклад «впервые... с точки зрения НКВД проливает свет на положение в Карелии», полностью солидаризировался с его основным тезисом о том, что «превращение Карелии более ускоренными, нежели до сих пор, темпами, в передовую республику Союза выбивает почву из-под ног финских националистов и делает невозможной работу их контрреволюционной агентуры в нашей Карелии». Б. С. Стомоняков сообщил автору доклада, что «такое же было всегда мнение НКВД», которое он высказывал в прошлые годы на заседаниях «наших высших органов»<sup>286</sup>. В отчете полпредства СССР в Финляндии был подведен своего рода итог осуществленных в Карелии в 1935 г. мероприятий: в Финляндии «до последнего года играла большую роль надежда на успех интервенции в Карелии при поддержке местного населения. Сейчас, вероятно, эта мысль оставлена»<sup>287</sup>.

События лета—осени 1935 г. в Карелии объяснялись не только возрастанием военной угрозы для СССР на Балтике и необходимостью предпринимать превентивные шаги военного и политического характера. Как явствует из переписки между полпредством СССР в Финляндии и НКВД в 1935 г. — начале 1936 г., они

\* Э. А. Асмус, путешествовавший по Карелии на легковом автомобиле, вынес не только впечатление о крайней запущенности дорожного хозяйства КАССР, но и предложил построить две стратегические шоссейные дороги в меридиональном направлении (о которых говорилось выше): в непосредственной близости от государственной границы и соединяющую Петрозаводск с Мурманском. Там же, л. 73—74.

\*\* Это вызывалось необходимостью проведения контрпропаганды и было реакцией на издание КАО в 1934 г. книги о Восточной Карелии на английском и финском языках. (Itä-Karjala. Esitys Itä-Karjalan maasta ja kansasta, sen vapausliikkeen tähänastisista vaiheista, nykyisistä taloudellisista, sivistyksellisistä ja valtiollisista oloista sekä Karjalan kysymyksestä. Toimitannut Akateeminen Karjala Seura. Helsinki, 1934.)

были частью общего плана дипломатического наступления советского государства, целью которого была попытка повлиять на внешнеполитический курс Финляндии в благоприятном для СССР направлении. Летом 1935 г. Э. А. Асмус впервые заявил премьер-министру Финляндии Т. Кивимяки, что в случае развития кризисной ситуации в Европе Красная Армия может оказаться вынужденной занять часть территории Финляндии для защиты интересов СССР<sup>288</sup>.

«Серьезность положения», используя выражение Э. А. Асмуса, «должна была бы дойти до сознания» политиков в Финляндии, однако, судя по опубликованному финляндским правительством ответу на письмо Э. Гюллинга\*, этого не произошло<sup>289</sup>. Предпринятая Москвой дипломатическая кампания, подкрепленная мерами военного характера, не оказалась все же безрезультатной. Смещение финского руководства Карелии и дислокация в республике 18-й стрелковой дивизии, вызвавшая «целую бурю в правительственных и военных кругах»<sup>290</sup> Финляндии, свидетельствовали о серьезности намерений Кремля и уже в феврале 1936 г. вызвали крупный сдвиг в отношениях между двумя государствами. На обеде, устроенном промышленниками Финляндии, министр обороны этой страны А. Оксала впервые заверил Э. А. Асмуса, что в случае попыток со стороны Германии путем военных десантов принудить Финляндию выступить против СССР немцы получают отпор со стороны Финляндии<sup>291</sup>. Вскоре были внесены некоторые изменения в стратегические расчеты командования финляндской армии, оперативные планы которой в отношении Восточной Карелии, по крайней мере ее южной части, с 1936 г., как отмечалось выше, стали носить более выраженный оборонительный характер.

Удаление «красных» финнов из Карелии в 1935 г., формальным поводом для которого была их неспособность обеспечить хозяйственное развитие КАССР, не привело к улучшению экономического состояния республики. Не принесло желаемого эффекта и проведение в Карелии мероприятий, намеченных постановлением ЦК ВКП(б) в сентябре 1935 г.: освобождение от сельскохозяйственных поставок колхозов приграничных районов на три года, организация 10 новых МТС, проведение мероприятий по механизации лесозаготовок, повышение зарплаты бюджетникам в среднем на 10%<sup>292</sup>.

Причины неудовлетворительного развития народного хозяйства автономной республики отнюдь не лежали на поверхности, как это представлялось современникам событий. Основные отрасли экономики КАССР находились под полным контролем союзных наркоматов, от которых зависело выделение средств на их развитие. Из намеченных третьим пятилетним планом (1938—1942 гг.) крупных объектов промышленности и транспорта до начала Великой Отечественной войны вступили в строй лишь Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат (с крупными недоделками), сооруженный ГУЛАГом, Надвоицкая мебельная фабрика и крупный мебельный цех на Медвежьегорском лесозаводе<sup>293</sup>.

К реализации большей части проектов даже и не приступали. В их число входили Кумсинская ГЭС мощностью 100 тыс. квт (начало постройки по плану в 1940 г.), Ковдо-Князегубская ГЭС (120 тыс. квт.), металлургический комбинат в Медвежьей Горе на базе Пудожгорского месторождения титано-магнетитов, Лоухский

\* После смещения с поста председателя СНК КАССР Э. Гюллинг опубликовал в некоторых газетах Швеции и Финляндии статью с объяснением причин своей отставки.

целлюлозно-бумажный и Пудожский лесобумажный комбинаты. Как и в годы второй пятилетки, не была реализована программа железнодорожного и автодорожного строительства, в частности, осталась недостроенной Рутозерская ширококолейная лесовозная железная дорога, которую планировали довести до населенного пункта Реболы, а к сооружению магистрали ст. Масельская—Пудож—Весьегонск вдоль восточного побережья Онежского озера даже не приступили<sup>294</sup>.

Во второй половине 1930-х гг. было продолжено осуществление мероприятий по очистке приграничной Карелии от «нелояльных» к советской власти элементов. Весьма активной была деятельность ГПУ—НКВД по выявлению потенциально опасных в случае войны людей: агентов иностранных разведок и подозреваемых в шпионаже, а также относимых к категории контрреволюционеров. К возможной «пятой колонне» были отнесены и финперебежчики. С 1929 по 1936 г. включительно из арестованных органами 1719 человек, относящихся к этим трем категориям, 956 человек, или 75%, были финперебежчиками<sup>295</sup>.

В докладе полпредства СССР в Финляндии за 1936 г. (первую половину 1937 г.) полпред Э. А. Асмус констатировал, что в «деле разоблачения любого прогерманского шага Финляндии большое значение имели многочисленные мероприятия по Советской Карелии, основательно подрывившие возможности работы финляндских шовинистических обществ». Репрессии против финского населения Карелии и смещение финского руководства КАССР, по мнению полпреда, нанесли «тяжелый удар деятельности лапуасцев и их Академическому Карельскому Обществу», в результате чего «возможности его деятельности на территории Союза\* сократились до минимума»<sup>296</sup>.

В рамках широкомасштабной операции, проводившейся по всей стране, начало которой было положено приказом НКВД СССР 30 июля 1937 г., в Карелии с 5 августа началось осуществление массовых репрессий<sup>297</sup>. По мнению И. Р. Такала, к декабрю 1937 г. было получено разрешение на проведение операции, нацеленной против финнов. Из арестованных по обвинению в шпионаже и диверсионной деятельности с 4 по 30 декабря 900 человек финнов насчитывалось 578 человек (64,2%)<sup>298</sup>. Всего же в КАССР с 1 января 1937 г. по 10 августа 1938 г. внесудебными органами были арестованы и осуждены 9536 человек, в том числе 2838 русских (29,8%), 2820 карелов (29,6%), 3189 финнов (33,4%)<sup>299</sup>. Осенью 1938 г. в Карелии по решению Особой тройки при НКВД республики были осуждены 1805 человек (из них 1499 человек, или 83%, — финны). Из общего числа арестованных и осужденных в 1937—1938 гг. финны, численность которых в середине 1930-х гг. немного превышала 3% от населения КАССР, составили 40% всех репрессированных (карелы — 27%, русские — 25%)<sup>300</sup>. В целом количество репрессированных в конце 1930-х гг. финнов оценивается в 3—3,5 тыс.<sup>301</sup>

В 1937—1938 гг. была прекращена политика финнизации в сфере народного образования. С 1937/38 учебного года в национальных районах КАССР первые классы были переведены на карельский язык обучения с последующей коренизацией всех классов начальной школы, а старшие классы — на русский язык<sup>302</sup>. С января 1938 г. в Карелии полностью прекратилось использование финского языка в образовательной, просветительской, издательской деятельности<sup>303</sup>. Поли-

\* Читай — Карелии.

тика финнизации, осуществлявшаяся в Карелии по инициативе центральных властей, должна была быть заменена карелизацией, однако до начала второй мировой войны в этом направлении сделали очень мало.

В январе 1938 г. после заседания, обсуждавшего вопрос о создании единого литературного языка карелов Тверской области и КАССР, был арестован один из основных сторонников карелизации, автор научной грамматики карельского языка Д. В. Бубрих. В феврале 1939 г. ликвидировали Карельский национальный округ Московской области, а литература и учебники, изданные на карельском языке, были уничтожены<sup>304</sup>. На совещании актива наркомпроса КАССР в начале 1939 г. отмечалось, что «нового литературного карельского языка... мы еще не создали»<sup>305</sup>.

Сомнения в политической благонадежности представителей национальностей, проживавших в приграничных районах, к 1938 г. были столь велики, что по решению Главного военного совета (ГВС) РККА в армию прекратили призыв финнов (ингерманландцев), поляков, немцев, латышей, эстонцев, литовцев, болгар, греков и турок (в общей сложности 28 тыс. человек)<sup>306</sup>. Выбор представителей этих национальностей объяснялся в основном действовавшим сценарием войны и составом вероятных противников СССР. На основании постановления ГВС от 26—31 июля 1938 г. призывники-карелы, проживавшие в КАССР, не призывались в армию и были причислены к категории вневоисковиков, что вызвало среди них «нездоровые политические настроения»<sup>307</sup>. Карелы и представители других неблагонадежных, по мнению руководства страны, национальностей были реабилитированы лишь 2 сентября 1939 г., когда было принято постановление СНК СССР об очередном призыве в 1939 г. и был издан соответствующий приказ Наркомата обороны страны. Теперь в армию на общих основаниях призывались карелы, а также немцы — уроженцы Немцев Поволжья АССР. Призывники остальных, перечисленных выше национальностей, включая финнов (ингерманландцев), были взяты на особый учет<sup>308</sup>.

До начала 1930-х гг. содержание экономической политики, проводившейся в Карелии центральными властями, в основном определялось внутривластическими и внешнеполитическими императивами без учета военной опасности со стороны Финляндии. Укрепление советской власти в приграничной автономии было возможно лишь при условии развития экономики и повышения жизненного уровня населения, что, в свою очередь, лишало бы Финляндию предлога для обсуждения карельского вопроса на международном уровне и препятствовало ее сближению с враждебным СССР польско-прибалтийским блоком.

Финны-эмигранты, возглавившие автономную республику, предложили концепцию экономического развития края, суть которой заключалась в быстром и пропорциональном развитии отраслей хозяйства Карелии на основе рационального использования ее богатых лесных ресурсов. В соответствии с замыслом «красных» финнов, на первом этапе средства для осуществления намеченных планов представлялись бы центром в виде ссуд, а впоследствии следовало перейти на самофинансирование, используя значительные экспортные ресурсы республики.

Подходы к проблеме экономического развития Карелии, которые предлагались властями автономии и центром, как вскоре выяснилось, значительно расходились: особые бюджетные права, предоставленные Карелии, носили более ограниченный



характер, чем предлагалось руководством автономии; переход на самофинансирование не был осуществлен; центральные наркоматы имели право контролировать деятельность хозяйственных органов республики; в подчинении центральных властей осталась Мурманская железная дорога, которой вскоре была передана значительная часть территории Карелии для экономического освоения и колонизации. Тем не менее до начала первой пятилетки в Карелии происходил относительно быстрый подъем хозяйства, особенно заметный на фоне исключительно низкого исходного уровня развития экономики края, а попытки властей РСФСР сократить объем бюджетных прав автономной республики нейтрализовались обращениями руководства КАССР к союзным органам власти с указаниями на ее приграничное положение.

С рубежа 1920—1930-х гг. в связи с началом в СССР форсированной индустриализации и необходимостью увеличения валютных поступлений экономическая политика центральных властей в отношении Карелии была пересмотрена. Выгодное географическое положение и значительные лесозаготовительные ресурсы республики, а также недостаток средств для строительства капиталоемких предприятий целлюлозно-бумажной отрасли и гидроэлектростанций, железных и шоссейных дорог, включенных в пятилетние планы, не оставляли иного выбора, кроме увеличения объемов лесозаготовок и экспорта пиломатериалов и необработанной древесины.

Кроме того, с 1930 г. пересмотр роли Финляндии в будущей войне против СССР выдвинул на первый план военно-экономические расчеты, предусматривавшие создание в КАССР тыла для оборонительных и (или) наступательных действий Красной Армии. Выделение средств на развитие инфраструктуры, прежде всего на дорожное строительство, для находившегося на второстепенном ТВД Ленинградского военного округа, однако, уже в 1931 г. было значительно сокращено, что, в свою очередь, стало одной из основных причин невыполнения пятилетних планов и начала экономического кризиса в КАССР. Ситуация усугублялась дефицитом трудовых ресурсов, сложившимся в результате политики союзных наркоматов, выделявших мизерные средства на жилищное строительство, не позволявшие осуществить самую масштабную часть программы финнизации: переселение в Карелию десятков тысяч тверских карелов и ингерманландцев. Трудовой миграции националов препятствовали и ОГПУ—НКВД, считавшие использование труда заключенных в приграничной автономной республике меньшим фактором риска.

Неразвитость экономики КАССР, прежде всего в населенных карелами приграничных районах, и, как следствие, низкий жизненный уровень населения, вызывавший недовольство властью, заставляли центр прибегать к репрессиям, острота которых было направлено против финского и карельского населения. В отличие от внутренних регионов страны основной целью репрессивных мероприятий в Карелии была подготовка театра военных действий в политическом отношении.

К началу войны с Финляндией экономика КАССР находилась в состоянии глубокого кризиса. Большая часть плана создания в республике современной военно-гражданской инфраструктуры, осуществлявшегося с начала 1930-х г., из-за недостаточного финансирования не была реализована, что серьезно ограничивало возможности проведения советским государством силовой политики в отношении Финляндии.

- <sup>1</sup> Материалы окружной военной игры ЛВО в марте 1926 г. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 852, л. 6—7.
- <sup>2</sup> *Ворошилов К. Е.* Черновые записи для доклада. 1927 г. РЦХИДНИ, ф. 74, оп. 2, д. 8, л. 54.
- <sup>3</sup> Доклад К. Е. Ворошилова на Горской областной партийной конференции «Международное и внутреннее положение СССР» 5. 12. 1923. РЦХИДНИ, ф. 74, оп. 2, д. 5, л. 112.
- <sup>4</sup> Письмо представителя РВС БФ товарищу Рахья 27 марта 1920 г. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 405, л. 1.
- <sup>5</sup> Рапорт начальника Морских сил помощнику Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики 7 октября 1921 г. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 489, л. 2.
- <sup>6</sup> Оперативная директива РВСР для РВС морских сил Балтийского моря от 24. 9. 1921. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 489, л. 21.
- <sup>7</sup> Операции первого периода войны 18. 7. 1924. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 2, д. 16, л. 14.
- <sup>8</sup> Письмо штаба ЛВО начальнику штаба РККА о строительстве Карельского укрепленного района 24. 11. 1927. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 147, л. 13.
- <sup>9</sup> Письмо А. С. Черных В. Л. Коппу 17. 7. 1923. АВПРФ, ф. 0135, д. 3, п. 107, оп. 6, л. 60—68.
- <sup>10</sup> Протокол заседания военных и гражданских властей в Петрозаводске 1. 2. 1922. ГАОПДФ РК, ф. 4, оп. 1, д. 275, л. 50.
- <sup>11</sup> РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 1752, л. 2—5.
- <sup>12</sup> Записка «О дорожном строительстве в Карелии». РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 1934, л. 2.
- <sup>13</sup> Письмо Э. Гюллинга в СТО, Госплан, РВС, ВСНХ, НКПС, НКВД РСФСР, Севзапэко 14. 5. 1923. РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 1934, л. 3.
- <sup>14</sup> Протокол секретного заседания строительной секции Госплана 8 июня 1923 г. РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 1752, л. 24.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> Письмо Я. С. Ганецкого А. С. Черных 20 декабря 1922 г. АВПРФ, ф. 0135, д. 6, п. 106, оп. 5, л. 25.
- <sup>17</sup> Там же, л. 26.
- <sup>18</sup> Из доклада т. Домбровского за ноябрь и декабрь 1922 г. Архив УФСБ по РК, ф. СПО, оп. 1, д. 3, л. 51—52.
- <sup>19</sup> Сообщение А. С. Черных в НКВД, ноябрь 1922 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 6, п. 107, д. 4, л. 57—58.
- <sup>20</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 242—244.
- <sup>21</sup> Постановление ВЦИК «Об амнистии карельским беженцам» // Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 52—57.
- <sup>22</sup> Письмо И. Л. Лоренца С. И. Аралову 19. 2. 1926. АВПРФ, ф. 04, п. 256, д. 53504, л. 4.
- <sup>23</sup> Письмо Б. С. Стомонякова И. Л. Лоренцу 2. 1. 1927. АВПРФ, ф. 0135, оп. 10, п. 118, д. 2, л. 11.
- <sup>24</sup> По мнению А. С. Черных, «за последнее время на Карельской границе стало почти совсем спокойно». Инструктивное письмо А. С. Черных И. Л. Лоренцу 2. 2. 1926. АВПРФ, ф. 09, оп. 1, п. 9, д. 98, л. 7.
- <sup>25</sup> Там же, л. 7—8.
- <sup>26</sup> *Кангаспуру М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 128.
- <sup>27</sup> Письмо Правления МЖД наркому путей сообщения 12. 1. 1923. НА РК, ф. 528, оп. 3, д. 19/184, л. 6.
- <sup>28</sup> Там же. См. также: *Сорокин В. В.* К истории разработки постановления СТО об освоении Карело-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4. С. 112.

- <sup>29</sup> Первое заседание Севзапэконо состоялось в середине марта 1918 г. См.: Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР. Л., 1928. С. 105.
- <sup>30</sup> Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карело-Мурманского края. Л., 1925. С. 1.
- <sup>31</sup> Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг. Комитет Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. ГАРФ, ф. 5675, оп. 1, д. 7, л. 93.
- <sup>32</sup> *Vahe J. Kenraali Raavo Talvela. Sodan ja rauhan tehtävissä. Porvoo, 1994. S. 40.*
- <sup>33</sup> Пятилетний перспективный план..., л. 93.
- <sup>34</sup> Там же, л. 94.
- <sup>35</sup> Там же, л. 99.
- <sup>36</sup> Пятилетний перспективный план МЖД. 1932 г. НА РК, ф. 528, оп. 3, д. 55/477, л. 65.
- <sup>37</sup> Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг., л. 97.
- <sup>38</sup> Там же, л. 95.
- <sup>39</sup> Там же, л. 93.
- <sup>40</sup> А. Богдановский. Заключение по работе Г. Ф. Чиркина «Карело-Мурманское лесное хозяйство» 5. 11. 1928. ГАРФ, ф. 5675, оп. 1, д. 12, л. 8—9.
- <sup>41</sup> Там же, л. 7.
- <sup>42</sup> *Kangaspuro M. Взлет и падение красных финнов. С. 118.*
- <sup>43</sup> Докладная записка зам. председателя Колонизационной комиссии МЖД П. Л. Пахомова в Севзапэконо 19. 7. 1926. НА РК, ф. 1465, оп. 1, д. 5/46, л. 113.
- <sup>44</sup> Записка колонизационного отдела МЖД в Наркомзем РСФСР. 1926 г. Там же, л. 124.
- <sup>45</sup> Объяснительная записка к проекту положения о социалистической колонизации Мурманского округа Ленинградской области и северных районов КАССР 29. 2. 1932. НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 49/400, л. 2.
- <sup>46</sup> Постановление СНК СССР 6. 6. 1929. ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 11, л. 25.
- <sup>47</sup> Доклад СНК АКССР, начало 1931 г. НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 16/180, л. 15.
- <sup>48</sup> Личное письмо А. М. Аполоника С. М. Кирову 9. 3. 1931. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 173, л. 9.
- <sup>49</sup> Там же.
- <sup>50</sup> Постановление РЭ СТО 2. 9. 1930. РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 1235, л. 76—77. См. также: Проект постановления РЭ СТО. Там же, л. 72.
- <sup>51</sup> Материалы по военной характеристике КАССР за 1933—36 гг. НА РК, ф. 606, оп. 3, д. 1/7, л. 1.
- <sup>52</sup> Постановление СНК РСФСР. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 2/10, л. 212.
- <sup>53</sup> Первое заседание такого нового органа в Карелии состоялось 14 января 1931 г. См.: Протокол № 1 суженного заседания СНК КАССР. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 1/1, л. 1—12.
- <sup>54</sup> Заявки штаба ЛВО на оборонно-мобилизационные мероприятия для включения в план третьей пятилетки АКССР. НА РК, ф. 606, оп. 3, д. 3/17, л. 1—38.
- <sup>55</sup> См.: *Rintala M. Three Generations: the Extreme Right Wing in Finnish Politics. Bloomington, 1962; Kalela J. Right-Wing Radicalism in Finland During the Interwar Period // Scandinavian Journal of History. 1976. Vol. 1. № 1—2. P. 105—124; Ahti M. Kaappaus?: suojelukuntaselkaus 1921, fascismin aave 1927, Mäntsälän kapina 1932. Helsinki, 1990.*
- <sup>56</sup> *Hyvämäki L. Fasistiset ilmiöt Baltian maissa ja Suomessa 1920-luvun lopussa ja 1930-luvulla // Historiallinen arkisto. 1977. № 72. S. 126—127.*
- <sup>57</sup> СКР:n puoluekonferenssin päätöslausunto, syyskuu 1930. РЦХИДНИ, ф. 516, оп. 2, д. 13, л. 25.
- <sup>58</sup> Ближайшие задачи КПФ. Резолюция политсекретариата ИККИ 16. 7. 1930. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 61, д. 40, л. 64.

- <sup>59</sup> Письмо Ю. Сирола от неизвестного адресата (подпись неразборчива) из Ленинграда 14. 5. 1931. РЦХИДНИ, ф. 525, оп. 1, д. 131, л. 109.
- <sup>60</sup> Письмо И. М. Майского заведующему Первым Западным отделом Н. Я. Райвиду. АВГРФ, ф. 0135, д. 4, п. 129, оп. 14, л. 28.
- <sup>61</sup> *Usva J. K.* Talvisodan sotatoimet Pohjois-Suomessa, operaatioalue ja taistelusuunnitelmat // *Tiede ja ase.* 1975. № 33. S. 168—169.
- <sup>62</sup> *Nieminen P.* Taistelimme talvisodassa 1939—1940. Pieksämäki, 1993. S. 3—4.
- <sup>63</sup> *Arimo R.* Suomen puolustussuunnitelmat. S. 193—322; *Arimo R.* Kenraaliluutnantti Oskar Paul Enkell-yleisesikunnan päällikkö 1919—1924 // *Tiede ja ase.* 1990. № 48. S. 132—136.
- <sup>64</sup> *Selen K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931—1939.* Keuruu, 1980. S. 187; *Visuri P.* Evolution of the Finnish Military Doctrine 1945—1985. Finnish defence studies 1. Helsinki, 1990. P. 16.
- <sup>65</sup> *Saarikoski V.* Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Helsinki, 1997. S. 185.
- <sup>66</sup> Talvisodan historia. Osa 1. S. 79.
- <sup>67</sup> *Turtola M.* Aksel Fredrik Airo. Taipumaton kenraali. Keuruu, 1997. S. 80.
- <sup>68</sup> Talvisodan historia. Osa 1. S. 80—81.
- <sup>69</sup> YSE Os. 3. op. toimisto. № 135 /VK 27/ op. sal. Toimintaohje III AK:lle. Sark. T2861/28. S. 2.
- <sup>70</sup> Ibid.
- <sup>71</sup> Ibid. S. 3.
- <sup>72</sup> Ibid. S. 3—4.
- <sup>73</sup> Ibid. S. 3.
- <sup>74</sup> YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 144/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Karjalan ryhmälle operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1—3.
- <sup>75</sup> Ibid. S. 5.
- <sup>76</sup> YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 149/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Pohjois-Karjalan ryhmälle operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1—2.
- <sup>77</sup> Ibid. S. 1.
- <sup>78</sup> Ibid. S. 2.
- <sup>79</sup> Ibid. S. 3.
- <sup>80</sup> YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 145/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Pohjois-Suomen esikunnan alaisille muodostelmille operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 2.
- <sup>81</sup> Ibid. S. 2—3.
- <sup>82</sup> *Arimo R.* Suomen puolustussuunnitelmat. S. 383.
- <sup>83</sup> Ibid. S. 421.
- <sup>84</sup> Ibid.
- <sup>85</sup> Ibid.
- <sup>86</sup> Ibid. S. 449.
- <sup>87</sup> Ibid.
- <sup>88</sup> *Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1930-luvulla // *Sotilasaikakauslehti.* 1988. № 4. S. 277.
- <sup>89</sup> *Arimo R.* Suomen puolustussuunnitelmat. S. 449.
- <sup>90</sup> Ibid. S. 450—451.
- <sup>91</sup> Ibid. S. 451.
- <sup>92</sup> Ibid.
- <sup>93</sup> Keskityssuunnitelma VK 2. YSE. Os. 3. Operatiivinen toimisto. № 85. Op. Sal. 20. 6. 1936. S. 2. Sark. T. 2866/12.
- <sup>94</sup> Liite 1. Mikkeli. 10. 5. 1937. Sark. T. 2866/12.

- <sup>95</sup> Etsivän Suomen ulkoasiainministeriöön lähettämä informaatio Neuvosto-Karjalasta 10. 4. 1933. Kansallisarkisto. EK-Valpo I. XLI. Kotelo 726. S. 1.
- <sup>96</sup> Тезисы доклада о действиях Красной Армии против белофиннов. 1940 г. РГВА, ф. 37977, оп. 1, д. 722, л. 404.
- <sup>97</sup> Там же, л. 405.
- <sup>98</sup> Историческая справка. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 35.
- <sup>99</sup> Там же.
- <sup>100</sup> Доклад особой комиссии по обследованию Мурманского побережья и созданию в Кольском заливе ВМБ. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 1, д. 318, л. 1—19.
- <sup>101</sup> Постановление СТО СССР от 3 июня 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 71.
- <sup>102</sup> Перечень работ по системе в целом. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 51.
- <sup>103</sup> Постановление СТО СССР от 3 июня 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 71.
- <sup>104</sup> О Беломорско-Балтийском внутреннем водном пути. Материал рабочей комиссии. 2 апреля 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 32—33.
- <sup>105</sup> Письмо Р. А. Муклевича начальнику управления «Беломорстроя». 16 июля 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 73.
- <sup>106</sup> Письмо заместителя начальника УВМС РККА начальнику управления «Беломорстроя». Октябрь 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 82.
- <sup>107</sup> Письмо заместителя начальника УВМС РККА председателю научно-технического комитета УВМС РККА. 23 октября 1930 г. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 3, д. 49с, л. 87.
- <sup>108</sup> Зонин С. А. Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 253.
- <sup>109</sup> Постановление № 47/8с СНК СССР от 19 января 1932 г. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 95, л. 1.
- <sup>110</sup> Заключение УВМС РККА на постановление № 47/8с СНК СССР от 19 января 1932 г. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 95, л. 4.
- <sup>111</sup> Письмо К. Е. Ворошилова В. М. Молотову 31 января 1932 г. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 95, л. 5.
- <sup>112</sup> Приказ РВС морских сил Балтийского моря 31. 7. 1933. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 7с, д. 168, л. 14.
- <sup>113</sup> Отчет начальнику ВМС РККА В. М. Орлову 1. 9. 1933. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 7с, д. 168, л. 231—235.
- <sup>114</sup> Отчет ЭОН-4 14. 8. 1937. РГА ВМФ, ф. р-92, оп. 7с, д. 168, л. 231—235.
- <sup>115</sup> Pratt J. W. A History of United States Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1972. P. 309, 313.
- <sup>116</sup> Постановление СНК СССР «Об организации при СНК СССР ГУ СМП» 17. 12. 1932. Копия. РГА ВМФ, ф. р-1483, оп. 1, д. 173, л. 2.
- <sup>117</sup> Постановление СНК СССР 17. 8. 1933. ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 25, л. 145.
- <sup>118</sup> Письмо ОГПУ начальнику ВМС РККА В. М. Орлову. 5. 3. 1934. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 144, л. 2.
- <sup>119</sup> Письмо начальнику ГУ лагерей НКВД т. Плинер. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 144, л. 33.
- <sup>120</sup> Письмо начальнику ВМС РККА В. М. Орлову от начальника 1-го управления УВМС РККА Горского. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 144, л. 29.
- <sup>121</sup> Справка для начальника ВМС РККА В. М. Орлова. РГА ВМФ, ф. р-914, оп. 1, д. 144, л. 30.
- <sup>122</sup> Письмо Г. Н. Куприянова А. А. Жданову 22. 8. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 273, л. 92.
- <sup>123</sup> Там же, л. 94.
- <sup>124</sup> Афанасьева А. И. Начало... С. 10.

- 125 Письмо Э. Гюллинга Ю. Сирола 24. 3. 1920. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 2, д. 54, л. 21.
- 126 В ВСНХ Производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 77—78. Этот документ имеется также в НА РК, ф. 115, оп. 1, д. 3/26, л. 10—19.
- 127 Направленная в ВСНХ производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 78—79. В декабре 1920 г. Э. Гюлинг представил план Х. Лангсета В. И. Ленину. См.: *Афанасьева А. И.* Начало... С. 10.
- 128 Там же.
- 129 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 153.
- 130 Производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 5, п. 9, д. 21, л. 80—81.
- 131 Там же, л. 82—83.
- 132 Там же, л. 84.
- 133 Там же, л. 85—87.
- 134 Там же, л. 87.
- 135 Там же, л. 81.
- 136 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 153.
- 137 Собрание Петрозаводского финского коллектива РКП(б) 15. 2. 1922. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 296, л. 32.
- 138 *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 127.
- 139 Красная Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1925. С. 27.
- 140 Общий обзор развития АКССР за 1926 г. НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 7/52, л. 8.
- 141 Докладная записка о продлении бюджетных прав КАСССР. Копия. 8. 3. 1926. АВПРФ, ф. 0140, оп. 2, п. 2, д. 1, л. 4.
- 142 Письмо председателя Карцика А. Нуортева М. М. Литвинову 9. 5. 1926. АВПРФ, ф. 0149, оп. 2, п. 2, д. 1, л. 2.
- 143 Выписка из протокола заседания Президиума ЦИКа Советов АКССР 8. 3. 1926. Там же, л. 7.
- 144 Письмо председателя Карцика А. Нуортева и о. наркома М. М. Литвинову 9. 5. 1926. АВПРФ, ф. 0149, оп. 2, п. 2, д. 1, л. 2—3.
- 145 Письмо представителя АКССР при Президиуме ВЦИК А. Кочанова в Президиум ВЦИК 12. 8. 1929. НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 15/153, л. 53.
- 146 Постановление ЦИК и СНК СССР «О республиканском бюджете Карелии». Сборник важнейших правительственных решений по вопросам строительства Карелии (за 1929, 1930 и январь месяц 1931 года). Петрозаводск, 1931. С. 60.
- 147 Письмо СНК КАСССР И. В. Сталину и В. М. Молотову 13. 12. 1934. НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 71/628, л. 18—19.
- 148 Доклад в ЦК ВКП(б) «О необходимости обеспечить Карельской лесной промышленности более быстрые темпы развития». 1935 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 173, л. 47—48.
- 149 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАСССР. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 162/1129, л. 30.
- 150 Второй пятилетний план..., л. 30.
- 151 Экономический обзор МЖД. 1932 г. НА РК, ф. 528, оп. 3, д. 48/424, л. 13.
- 152 Там же.
- 153 Второй пятилетний план..., л. 30.
- 154 Там же, л. 32. Ни одно из этих предприятий так и не было построено.
- 155 Там же, л. 33.

- <sup>156</sup> Письмо Э. Гюллинга председателю Ленинградского облисполкома П. И. Струппе 20. 5. 1935. НА РК, ф. 711, оп. 1, д. 2/7, л. 130.
- <sup>157</sup> Основные линии народнохозяйственного развития КАССР и Мурманского округа Ленинградской области. 1936 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 203/1468, л. 30.
- <sup>158</sup> Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 162/1129, л. 33.
- <sup>159</sup> *Никифоров П.* АКССР. М.; Л., 1932. С. 47—48.
- <sup>160</sup> *Покровская И. П.* Население Карелии. С. 61.
- <sup>161</sup> Там же. С. 61.
- <sup>162</sup> Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 162/1129, л. 35.
- <sup>163</sup> Военно-экономическая справка КАССР. НА РК, ф. 1951, оп. 1, д. 4/20, л. 223.
- <sup>164</sup> См., например: Конъюнктурный обзор выполнения народнохозяйственного плана по сельскому хозяйству за 1938 г. НА РК, ф. 698, оп. 5, д. 100/891, л. 51. Более подробно о состоянии сельского хозяйства Карелии см.: *Никитина О. А.* Роль центральных и местных органов власти Карельской АССР в проведении раскулачивания (1930—1931 гг.) // *Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи.* Петрозаводск, 1995. С. 50—68; Она же. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997.
- <sup>165</sup> Там же, л. 35—36.
- <sup>166</sup> Экономический обзор МЖД. 1932 г. НА РК, ф. 528, оп. 3, д. 48/424, л. 15.
- <sup>167</sup> Краткий конъюнктурный обзор работы лесной и деревообрабатывающей промышленности Карелии. 1939 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 201/1448, л. 120.
- <sup>168</sup> Протокол заседания РВС СССР 2. 12. 1927. РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 562, л. 6.
- <sup>169</sup> Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 162/1129, л. 35.
- <sup>170</sup> Уроки войны с Финляндией. Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 г. // *Новая и новейшая история.* 1993. № 4. С. 109.
- <sup>171</sup> Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 201/1456, л. 3.
- <sup>172</sup> Там же.
- <sup>173</sup> Там же, л. 5.
- <sup>174</sup> Там же, л. 6—7.
- <sup>175</sup> Аналитическая записка штаба ЛВО. Середина 1930-х гг. НА РК, ф. 606, оп. 3, д. 1/7, л. 25.
- <sup>176</sup> См.: Копия постановления Комитета обороны. РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 1224, л. 158.
- <sup>177</sup> Приказ НКВД о строительстве дороги Парандово—Реболы 27. 3. 1936. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 10, л. 21.
- <sup>178</sup> Завоз продовольствия в Ребольский район из Финляндии был запрещен решением ЦК ВКП(б) 27. 9. 1935. Письмо о строительстве дороги Парандово—Реболы 23. 11. 1936. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 4, д. 70, л. 73.
- <sup>179</sup> Сводная таблица дорожных работ в Карелии на 1936—1943 гг. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 197/1426, л. 81—87.
- <sup>180</sup> Там же, л. 95.
- <sup>181</sup> Там же, л. 101—103.
- <sup>182</sup> Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 201/1456, л. 4.
- <sup>183</sup> Там же.
- <sup>184</sup> Уроки войны с Финляндией. Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 г. // *Новая и новейшая история.* 1993. № 4. С. 109.

- 185 Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 201/1456, л. 50.
- 186 Там же.
- 187 Там же, л. 51.
- 188 Там же.
- 189 Объяснительная записка по развитию народного хозяйства КАССР на 1938—1942 гг. 1937 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 208/1502, л. 16
- 190 Там же.
- 191 Стенограмма 4-го пленума Каробкома ВКП(б) 19—20. 8. 1935. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 249, л. 89—90.
- 192 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.). НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 207/1498, л. 121.
- 193 Краткие конъюнктурные обзоры работы лесной и деревообрабатывающей промышленности Карелии. 1936—1939 гг. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 201/1448, л. 1, 102.
- 194 Там же, л. 61, 96. В 1927/28 г. было заготовлено 3 млн. 840 тыс. фустметров древесины: Социалистическая индустриализация Карельской АССР. Л., 1935. С. 59.
- 195 Там же, л. 120.
- 196 Там же.
- 197 Там же.
- 198 Там же, л. 96, 120.
- 199 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.) НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 207/1498, л. 89.
- 200 *Макуров В. Г.* Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 145.
- 201 См.: XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 662.
- 202 *Такала И. Р.* Национальные операции... С. 162.
- 203 Там же. С. 163.
- 204 *Hovi R.-L.* Amerikansuomalaiset osuuskunnat Neuvosto-Karjalassa 1920-luvun alkupuolella amerikansuomalaisten ja neuvostokarjalaisten sanomalehtien valossa. THArk. 1971. № 24. S. 194; *Copeland W. R.* Amerikansuomalaiset 'pyhiinvaeltajat' Neuvosto-Karjalassa // Historiallinen aikauskirja. 1973. № 4. S. 288.
- 205 Во имя общего дела. Интернациональные связи Карелии 1917—1977 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1980. С. 22.
- 206 *Hovi R.-L.* Op. cit. S. 208.
- 207 *Copeland W. R.* Op. cit. S. 290.
- 208 Ibid. S. 295—297.
- 209 *Левкоев А. А.* Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 101.
- 210 *Kero R.* Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki, 1983. S. 28.
- 211 *Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е гг. С. 166. Такое же решение было принято СНК РСФСР 5. 2. 1931. См.: Доклад Переселенческого управления... НА РК, ф. 841, оп. 1, д. 42/447, л. 155.
- 212 *Sevander M.* Of Soviet Bondage. Sequel to «Red Exodus». Duluth, 1996. P. 42.
- 213 *Sevander M.* Red Exodus. Finnish-American Emigration to Russia. Duluth, 1993. P. 7—8.
- 214 *Такала И. Р.* Финское население... С. 166.
- 215 *Takala I.* Venäjän-Karjalan suomalaisten kohtaloita // Historiallinen aikauskirja. 1991. 1. S. 44.



- 216 *Такала И. Р.* Финское население... С. 166.
- 217 Докладная записка. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 286, л. 76. Здесь и выше учитываются лишь взрослые переселенцы.
- 218 Там же.
- 219 Письмо Н. Н. Крестинского И. В. Сталину 21. 5. 1932. АВПРФ, ф. 010, оп. 4, п. 22, д. 78, л. 200.
- 220 Письмо Г. Ровио в ЦК ВКП(б), май 1932. АВПРФ, ф. 010, оп. 4, п. 22, д. 78, л. 191.
- 221 *Филимончик С. Н.* Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 149. См. также: *Бекренев Н.* Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1932.
- 222 *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Jyväskylä, 1982. S. 126.
- 223 *Такала И. Р.* Финское население... С. 158.
- 224 *Такала И. Р.* Репрессивная политика... С. 115.
- 225 *Кангаспуру М.* Финская эпоха... С. 130.
- 226 *Такала И. Р.* Финское население... С. 155.
- 227 Стенограмма 4-го пленума Каробкома ВКП(б) 19—20. 8. 1935. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 249, л. 90.
- 228 *Строгальщикова Э. И.* Языковая политика в Карелии и судьбы коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 11.
- 229 Отчет Наркомпроса КАССР о состоянии и очередных задачах народного образования в республике. 1937 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 23, л. 19.
- 230 *Афанасьева А. И.* Культурные преобразования в Советской Карелии 1928—1940. Петрозаводск, 1989. С. 51.
- 231 Там же. С. 48; *Антикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 212.
- 232 *Salomaa M.* Runausteorit. Juva, 1992. S. 272—278.
- 233 Постановление бюро Каробкома ВКП(б) 20. 11. 1930. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 65, д. 1, л. 2.
- 234 Из протокола бюро Каробкома ВКП(б) 20. 11. 1930. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 1.
- 235 Боевой приказ штаба бригады 22. 3. 1934. Архив УФСБ по РК, ф. КРО, оп. 1, п. 1, л. 32.
- 236 *Genevessa oleva lähetystö.* Raportti № 22. Kauko-Karjalan kysymys Kansanliiton neuvostossa. S. 2. 22. 3. 1934. Sark. T 19935/3.
- 237 Ibid. S. 4.
- 238 Informaatio Karjalan ja Inkerin asiasta Helsingissa. S. 1. 6. 4. 35. Kansallis-arkisto. EK-Valpo I XLI E2. Kotelo 726.
- 239 Ibid.
- 240 Ulkomaanedustuksen tiedotuksia n:o 209. S. 1. 26. 11. 1934. Sark. T 19935/2.
- 241 *Кангаспуру М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 138.
- 242 Приказ РВС морских сил Балтийского моря на проведение совместной военной игры с ЛВО 14—17. 3. 1930. РГА ВМФ, ф. 92, оп. 2, д. 142, л. 52.
- 243 *Кангаспуру М.* Финская эпоха... С. 138.
- 244 Письмо наркомзема РСФСР наркомзему КАССР 17. 4. 1931. НА РК, ф. 698, оп. 1, д. 6/69, л. 1.
- 245 Там же.
- 246 О состоянии красноармейских колхозов. Приложение к протоколу бюро Каробкома ВКП(б) 4. 3. 1935. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 264, л. 11.

- 247 *Репухова О. Ю.* Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 92—93.
- 248 Там же. С. 93—94.
- 249 Там же. С. 98.
- 250 *Кангаспуро М.* Финская эпоха... С. 139—140.
- 251 Протокол № 50 бюро Каробкома ВКП(б) 21. 6. 1933. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 65, д. 4, л. 4.
- 252 Протокол № 60 бюро Каробкома ВКП(б) 21. 12. 1933. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 65, д. 4, л. 8.
- 253 Там же.
- 254 Письмо Б. С. Стомонякова временному поверенному в делах СССР в Финляндии Н. Позднякову 5. 12. 1933. АВПРФ, ф. 09, оп. 8, п. 66, д. 48, л. 36.
- 255 Там же.
- 256 Письмо И. М. Майского Б. С. Стомонякову 8. 6. 1932. АВПРФ, ф. 0135, оп. 15, п. 131, д. 1, л. 87.
- 257 Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому 1. 4. 1932. АВПРФ, ф. 0135, оп. 14, п. 129, д. 9, л. 255.
- 258 Письмо Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Финляндии Э. А. Асмусу. 5. 6. 1935. АВПРФ, ф. 09, оп. 21, п. 86, д. 40748, л. 3.
- 259 *Vehviläinen O.* Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933—1934. Porvoo, 1966. S. 186.
- 260 *Leskinen J.* The Silenced Bridge of Finland. Secret military cooperation between Finland and Estonia against the Soviet Union, 1930—1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 125; *Turtola M.* Kiristytävä maailmantilanne ja Suomi. Turvallisuu- ja sotilaspoliittinen kehitys 1930-luvulla // Suomi kansainvälisessä kriiseissa. Turku, 1981. S. 101.
- 261 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 19. 7. 1935. АВПРФ, ф. 0135, ф. 09, оп. 21, п. 86, д. 40749, л. 66.
- 262 Справка о составе МС РККА на 1. 1. 1936. РГА ВМФ. ф. р-2041, оп. 1, д. 72, л. 9.
- 263 Выступление А. А. Жданова на бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 29. 4. 1940. ЦГАИПД, ф. 25, оп. 2, д. 2612, л. 12.
- 264 *Лаллукка С.* Штрихи к этнической карте северо-запада России (1926—1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 53.
- 265 Постановление СУЗ СНК КАССР 26. 12. 1934. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 1/4, л. 96.
- 266 Постановление СУЗ СНК КАССР 25. 3. 1935. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 2/12, л. 23.
- 267 *Суни Л. В.* Ингерманландские финны // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 73.
- 268 Постановление Карельского обкома ВКП(б) от 1. 4. 1935. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 2/19, л. 1—7.
- 269 Там же, л. 55—57.
- 270 *Суни Л.* Ингерманландские финны. С. 73.
- 271 Протокол совещания. РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 1, д. 489, л. 33.
- 272 Там же.
- 273 Протокол заседания бюро. РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 1, д. 495, л. 19, 21.
- 274 Там же, л. 20.
- 275 Там же.
- 276 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 9. 11. 1935. АВПРФ, ф. 09, оп. 21, п. 86, д. 40749, л. 89—90.

- 277 Доклад полпреда СССР в Финляндии об итогах поездки по Карельской АССР в сентябре 1935 г. наркому иностранных дел М. М. Литвинову. АВПРФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 92, л. 66—75.
- 278 Там же, л. 66.
- 279 Там же, л. 68—69.
- 280 Там же, л. 70.
- 281 Там же, л. 69—70.
- 282 Там же, л. 70.
- 283 Там же, л. 74.
- 284 Там же.
- 285 Письмо Б. С. Стомонякова Э. А. Асмусу 16. 1. 1936. АВПРФ, ф. 0135, оп. 19, п. 139, д. 1, л. 7.
- 286 Там же.
- 287 Годовой отчет полпредства СССР в Финляндии за 1935 г. АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 122, д. 117, л. 26.
- 288 *Raasivirta J.* Finland and Europe. The early years of independence 1917—1939. Helsinki, 1988. P. 462. См. также: *Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939—1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 55.
- 289 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 10. 2. 1936. АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 122, д. 116, л. 10—11.
- 290 Там же, л. 11.
- 291 Сводный дневник т. Асмуса. 18.2 — 12. 3. 1936. АВПРФ, ф. 05, оп. 16, п. 122, д. 116, л. 24—25.
- 292 Доклад М. С. Чудова на пленуме Каробкома ВКП(б) 5. 10. 1935. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 3, д. 253, л. 18.
- 293 Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 316—317.
- 294 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.) НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 207/1498, л. 64—72.
- 295 *Такала И. Р.* Национальные операции... С. 184.
- 296 Доклад полпредства СССР в Финляндии. 8. 7. 1937. АВПРФ, ф. 0135, оп. 20, п. 142, д. 27, л. 12.
- 297 *Такала И. Р.* Национальные операции... С. 186—187.
- 298 Там же: С. 189.
- 299 Там же: С. 196.
- 300 Там же: С. 199.
- 301 *Такала И. Р.* Судьбы финнов в Карелии // ВИЕС. Петрозаводск, 1991. С. 103.
- 302 Докладная записка о языке преподавания. 1937 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 4, д. 67, л. 8.
- 303 *Клементьев Е. И.* Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелия. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 116.
- 304 *Беляков А. А.* Участие Дмитрия Владимировича Бубриха в карелизации // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. СПб., 1992. С. 111.
- 305 Совецание актива наркомпроса КАССР 3. 2. 1939. НА РК, ф. 630, оп. 1, д. 130/1191, л. 48. К созданию литературного карельского языка приступили еще в 1936 г. *Antikoski E.* «Uuven vuuven lahja». Karjalan kirjakieli 1937—1940 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 154.
- 306 Письмо НКО И. В. Сталину, август 1939. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 483, л. 228.
- 307 Там же, л. 229.
- 308 Распоряжение НКО СССР от 2. 9. 1939. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 465, 467.

## *Глава 3*

# **КАРЕЛИЯ В СОВЕТСКО- ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939—1940 гг.**

### **3.1. ПОДГОТОВКА В КАССР К ВОЙНЕ С ФИНЛЯНДИЕЙ**

В период с середины 1920-х гг. до июня 1938 г. военно-политическое руководство СССР обращало сравнительно мало внимания на Ленинградский военный округ, что находило отражение в сокращении программ финансирования здесь работ военного характера. Особенно неохотно выделялись средства на развитие инфраструктуры ЛВО, поскольку с начала 1930-х гг. предусматривалось занятие территорий относительно слабых в военном отношении государств Прибалтики и Финляндии в ходе скоротечной военной кампании, продолжительность которой определялась приблизительно в один месяц. Выделять значительные средства на строительство дорогостоящих военно-морских баз, аэродромов, прокладывать дороги на севере и северо-западе страны казалось нецелесообразно. Кроме того, не позволяло осуществлять уже намеченные планы общее состояние экономики и финансов государства.

В результате ко второй половине 1930-х гг. сложился потенциально весьма опасный разрыв между военно-экономическим развитием входящих в ЛВО территорий и теми важными задачами, которые возлагались на округ в связи с новой геополитической ситуацией. С начала 1936 г., когда была принята в принципе программа строительства большого океанского флота, значительные средства вкладывались в строительство верфей в районе Архангельска, где планировали заложить ряд больших военных кораблей (линкоров и тяжелых крейсеров). В перспективе предусматривалась переброска боевых кораблей с Балтийского моря на Дальний Восток по ББВП, часть которого проходила по территории Карелии. Крупные заказы получила и ленинградская военная промышленность, на долю которой в начале 1930-х гг. приходилось 35—40% всего выпуска военной продукции, производимой в СССР. Европейский Север СССР обеспечивал значительную часть валютных доходов государства за счет экспорта лесных материалов.

К началу второй мировой войны на севере и северо-западе СССР сложилась крайне невыгодная военно-стратегическая ситуация. Театр военных действий не был подготовлен в силу указанных выше причин ни к ведению успешной наступательной операции, ни к обороне.

тельной, ни оборонительной войны. Краснознаменный Балтийский флот значительно уступал ВМС Германии. Безопасность Ленинграда — крупнейшего военно-экономического центра СССР — не была обеспечена. Особенно слабы были позиции советского государства на Крайнем Севере, с которым связывались охарактеризованные выше глобальные расчеты. Ленинградский военный округ, не обладавший полноценной военной инфраструктурой, для строительства которой не оставалось ни времени, ни средств, был не в состоянии защитить жизненные интересы СССР в случае войны с Германией.

Военно-экономическая слабость советского государства на севере и северо-западе определила выбор способа решения проблемы обеспечения безопасности государства на этом направлении. Занятие территории Финляндии и Прибалтийских стран в ходе непродолжительной военной кампании коренным образом улучшало бы стратегическое положение СССР: без затрат значительных средств приобретались развитая военно-гражданская инфраструктура (по данным Генерального штаба РККА, только в Финляндии имелось свыше 60 аэродромов и посадочных площадок, в то время как к северу от Ладожского озера до Баренцева моря в ЛВО не было к 1939 г. ни одного аэродрома), военно-морские базы, стратегическое расположение которых было значительно более выгодным, чем ВМБ, строившейся в Лужской губе Финского залива. СССР приобретал бы чрезвычайно выгодные, с точки зрения обороны, границы, значительно усилив свои позиции на Балтике и на Крайнем Севере. За счет предполагавшейся инкорпорации Финляндии в СССР линия фронта в неизбежной войне с Германией сокращалась бы более чем на 1500 км. (Согласно данным Генерального штаба РККА, содержащимся в довоенных «Материалах к меморандуму о недостаточной безопасности СССР», протяженность всей сухопутной границы страны на западе от Баренцева до Черного моря составляла 3744 км, в том числе с Финляндией — 1554 км, с Латвией и Эстонией — 611 км, с Польшей и Румынией — 1579 км.)

Руководство СССР отчетливо осознавало все выгоды выдвижения на запад границ государства и проводило известные мероприятия для осуществления этого плана, концепция которого в общих чертах была разработана еще в начале 1920-х гг. Следует отметить, что включение в состав СССР Финляндии и Прибалтийских государств было частью более широкого замысла, включавшего помимо этого решение проблемы Восточной Польши и Бессарабии. Предстоявшие в скором времени решающие события вызывали необходимость ускоренного проведения мероприятий по усилению западных военных округов (КОВО, БОВО и ЛВО).

Меры по усилению ЛВО были разработаны вскоре после аншлюса Австрии Германией в марте 1938 г., вслед за которым начало большой войны руководство СССР стало считать вопросом ближайшего будущего. В июне 1938 г. Главный военный совет (ГВС) РККА принял постановление о срочном усилении ЛВО, утвердив помимо прочего большую программу расширения существовавших и строительства новых укрепленных районов (УР). В Карелии было решено построить Видлицкий укрепленный район в составе трех узлов обороны и трех отдельных опорных пунктов в районе озер Сямозеро и Ведлозеро, прикрыв тем самым направление на Петрозаводск\*.

\* Об этом заседании упоминает К. А. Мерецков: *Мерецков К. А. На службе народу.* М., 1968. С. 178.

На заседании ГВС 22 июня 1938 г. был намечен ряд мероприятий по укреплению войсковых частей к северу от Ладоги: формирование 104-й особой стрелковой дивизии (о.с.д.) в районе Мурманска в 1939 г. (в составе четырех стрелковых полков, входивших в две бригады). В мирное время дивизия должна была содержаться по штатам военного времени<sup>1</sup>.

18-ю с.д. планировалось передислоцировать ближе к границе, чтобы она могла быстро занять позиции в Видлицком укрепленном районе в случае войны. Освобожденные дивизией казармы в Петрозаводске предполагалось передать для размещения смешанного авиационного полка, в который были включены две истребительные и четыре бомбардировочные эскадрильи<sup>2</sup>.

Учитывая несоответствие организационной структуры 54-й с.д. условиям театра военных действий, ГВС постановил реорганизовать ее в дивизию двухбригадного состава с размещением четырех полков в Кеми, Кандалакше, Медвежьей Горе и Ухте. Намеченную реорганизацию следовало завершить в 1939 г.<sup>3</sup>

В список мероприятий по усилению ЛВО входил и пункт о формировании в Петрозаводске управления стрелкового корпуса, в который в мирное время включались 104-я о.с.д., 18-я и 54-я с.д.<sup>4</sup>

Особое внимание ГВС уделил необходимости строительства артиллерийских складов в Петрозаводске, Кеми и Мурманске, продовольственных складов в Кеми, госпиталей и войсковых лазаретов. Наркомат обороны СССР должен был представить в Комитет обороны доклад о планах строительства шоссейных дорог и усилении пропускной способности железной дороги<sup>5</sup>.

Вскоре после принятия этого масштабного решения начали раздавать соответствующие задания наркоматам, которые мало что оставили от первоначального плана. Свой вклад в это внесла и наиболее заинтересованная сторона — наркомат обороны СССР: реорганизация дивизий не была осуществлена, Видлицкий УР не был завершен. Причиной этого были как слабость подрядчика, Ленинградского окружного военно-строительного управления, не имевшего достаточно сил и средств для строительства<sup>6</sup>, так и перенос основного внимания командования ЛВО на западное направление — границу с Эстонией и Латвией<sup>7</sup>, учитывая опасность со стороны Германии, которая проявляла активный интерес к Прибалтике.

Следует отметить, что до Мюнхенского соглашения, заключенного в конце сентября 1938 г., меры по усилению ЛВО не носили характера непосредственной подготовки к войне с Финляндией. В конце осени — начале зимы, в связи со значительным изменением к худшему военно-стратегической и политической обстановки на Западе<sup>8</sup>, ситуация изменилась. На подготовку к войне против стран Прибалтики и Финляндии были выделены крупные средства, и началась оперативно-тактическая подготовка штабов к проведению военной кампании. В декабре 1938 г. ЛВО было выделено на проведение оборонительных работ 260 млн. руб.<sup>9</sup> К октябрю, однако, эта сумма была сокращена до 99 млн. руб.<sup>10</sup>, и находившийся на второстепенном направлении военный округ оказался не в состоянии осуществить даже самые необходимые мероприятия по строительству госпиталей, аэродромов, складов, оборонительных линий.

Одновременно с решением о выделении средств для усиления ЛВО в декабре 1938 г. Генеральным штабом РККА командованию округа было дано указани-

о проведении оперативно-тактической подготовки командного состава к предстоящей кампании. 30. 12. 1938 начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников направил Военному совету ЛВО распоряжение о проведении в апреле 1939 г. оперативной игры с участием командования Уральского военного округа (УрВО). В соответствии с условиями игры первая армейская группа (УрВО) наступала в Северном Приладожье с выходом на фронт Каяни, Куопио, Миккели. Вторая армейская группа (ЛВО), овладев Выборгом, выходила на фронт Вильманстранд, Хамина<sup>11</sup>.

(В свете последовавших в ноябре 1939 г. событий обращает на себя внимание «План проведения двухсторонней оперативной игры» ЛВО, назначенной на 26—28 марта 1939 г. Задание к игре начиналось со слов: «На Карперешейке 22—23. 07. 1939 в районе деревни МАЙНИЛА\* имели место ряд крупных пограничных инцидентов с синими...»\*\*.)

К этому времени УрВО уже имел опыт аналогичной игры, которая состоялась 25—28 января в соответствии с директивой НКО СССР № 50077. В отчете штаба УрВО нашли отражение как задачи операции, так и трудности, с которыми соединения РККА столкнулись в ходе зимней войны. Замысел операции заключался в окружении и уничтожении основных сил финляндской армии южнее Миккели силами армий, наступавших на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. На выход к Миккели (месту расположения ставки финляндской армии) войскам северной группировки отводилось 13 дней при среднесуточном темпе продвижения 15 км. Начальник штаба УрВО комбриг А. Марков отметил в отчете выявленные в ходе игры трудности: не были учтены характер местности, группировка противника, который был не уничтожен, а вытеснен. До 300—400 км увеличилась протяженность коммуникации наступавших частей.

Проведенная с 19 по 25 апреля 1939 г. двухсторонняя фронтовая оперативная игра с участием представителей ЛВО, УрВО и КБФ стала последней до начала войны 30 ноября 1939 г. По условиям игры восточные (Красная Армия), «втянутые в войну», ставили своей целью разгром армии западных (финляндская армия) до подхода на помощь к ней экспедиционных войск. В последующем, действуя вдоль побережья Финского залива, части Красной Армии должны были занять наиболее важные порты западных на побережье Ботнического и Финского заливов, предотвратив тем самым «всякую возможность переброски экспедиционных войск на территорию западных»<sup>12</sup>.

Выступая перед участниками оперативной игры после ее завершения, командующий войсками ЛВО К. А. Мерецков в концентрированном виде изложил задачи, поставленные округу военным руководством СССР, и способы, которыми их предстояло решать. Осудив «очень нездоровую теорию», которая предусматривала лишь нанесение контрударов по наступающему противнику, К. А. Мерецков заявил, что, по мнению наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, «мы такими разинями не будем»<sup>13</sup>.

\* В оперативных документах названия населенных пунктов всегда пишутся прописными буквами.

\*\* В районе деревни Майнила 26. 11. 1939 имела место провокация со стороны СССР, ставшая поводом для начала войны с Финляндией. Синие — финляндская армия.

В своем выступлении командующий войсками ЛВО обосновал необходимость нанесения упреждающего удара против Финляндии, указав на исключительно важное значение «опоры нашей страны» г. Ленинграда и Балтийского моря, дающего «выход на океан»<sup>14</sup>. К. А. Мерецков выразил уверенность в том, что «хорошо укомплектованный» округ выполнит задачу по разгрому войск противника, несмотря на «малокультурность» театра военных действий<sup>15</sup>.

Зимой—весной 1939 г. войска Западного и Юго-Западного фронтов руководствовались оперативными планами, в соответствии с которыми они должны были нанести поражение объединенным силам Германии и Польши. Ближайшая задача Западного фронта заключалась в овладении Виленским коридором. В дальнейшем предусматривались «разгром основного ядра германо-польских сил» и развитие наступления на Восточную Пруссию или в направлении Белосток, Варшава. Войска Юго-Западного фронта наносили бы поражение польским силам южнее Полесья «раньше, чем они смогут получить поддержку со стороны Германии или Румынии», и изолировали бы Румынию от Польши и Германии.

Оперативный план Северо-Западного фронта (СЗФ), который был в силе с конца зимы — начала весны 1939 г.<sup>16</sup> до заключения пакта о ненападении между СССР и Германией, ясно свидетельствовал как о стратегических целях СССР на Балтике, так и о способах их достижения. В соответствии с планом Эстония и Финляндия рассматривались как страны, которые, несмотря на первоначальный нейтралитет, могли стать плацдармом для нападения Германии на СССР. (Союзником Германии выступала и Польша.) На этом направлении РККА противостояли бы силы коалиции: 10 пехотных дивизий, одна конная бригада и 200—250 боевых самолетов Финляндии, 10 пехотных бригад, одна конная бригада и 100—120 боевых самолетов Эстонии, и 2—3 дивизии, 1—2 конных полка и 80 самолетов Латвии. Германия могла перебросить в Финляндию 2—3 дивизии и в Эстонию — 1—2 дивизии, усиленные артиллерией и танками<sup>17</sup>.

Задача СЗФ заключалась сразу после начала боевых действий в наступлении одновременно против Эстонии и Финляндии. 14-я армия должна была разгромить финляндскую армию в районе Выборга—Приозерска, продолжая в последующем наступление в направлении Хельсинки. 17-я армия продвигалась бы вдоль северного побережья Ладоги, овладевая г. Сортавала, после чего продолжала наступление на Выборг и Миккели. 54-я дивизия овладевала бы городами Каяни и Нурмес. На Крайнем Севере части 104-й дивизии и морской погранохраны должны были захватить Петсамо, одновременно обороняя район Кандалакши<sup>18</sup>. Этим планом рассечение Финляндии надвое с выходом к Оулу и северной части Ботнического залива не предусматривалось.

До августа 1939 г. возможности проведения успешной военной кампании в целом на Западе и в Прибалтике и Финляндии, в частности, были крайне незначительны, учитывая соотношение сил до заключения пакта с Германией. Получив «свободу рук» в отношении стран Прибалтики и Финляндии, включенных в сферу влияния Советского Союза, руководство СССР приступило к поэтапному решению этих проблем. В стратегическом отношении приобретение плацдармов в Эстонии, Латвии и Литве было намного более важной и неотложной проблемой, чем решение «финского вопроса». И после заключения пакта И. В. Сталин не доверял



А. Гитлеру, что, в частности, нашло отражение в перераспределении средств на строительство оборонительных линий в районе Пскова, за счет сооружения УРов в Карелии. (Кроме того, многие из дивизий, участвовавших в войне с Финляндией, направили от 500 до 1000 отборных бойцов в Латвию для усиления противостоявшей Германии группировки.)

Второстепенное значение северо-западного ТВД в расчетах руководства СССР нашло свое отражение в проводимых в ЛВО мероприятиях. В начале 1939 г. в Карелии начали строительство Бесовецкого аэродрома<sup>19</sup>, подготовительные работы по сооружению Видлицкого УРа<sup>20</sup> и осуществление программы «особых заданий», утвержденной суженным заседанием СНК КАССР. «Особые задания» представляли собой мероприятия, утвержденные ГВС 22 июня 1938 г., к которым добавились задания по строительству госпиталей, организации станций переливания крови, накоплению запасов продовольствия для снабжения войск, увеличению пропускной способности дорог. В большинстве своем эти задания, распределенные по союзным наркоматам и местным ведомствам, как отмечалось выше, остались к началу войны не выполненными<sup>21</sup>, что создало трудности для армии уже на этапе концентрации войск в сентябре—ноябре 1939 г.

Последняя перед войной попытка заставить наркоматы выполнить поставленные перед ними «оборонные задания» была предпринята в конце сентября 1939 г. СНК КАССР отметил, в частности, неудовлетворительный ход строительства «складов, магазинов, лавок и других объектов по системам Наркомторга и Карпотребсоюза», которые из 38 строек, имевших оборонное значение, сдали лишь 12\*. Констатируя, что в Олонецком, Сегозерском и Калевальском районах сооружение оборонных объектов было «совершенно заброшено», СНК КАССР потребовал «закончить и сдать (их) в эксплуатацию к 1 декабря 1939 г.»<sup>22</sup>.

Гораздо более серьезные последствия, чем неуспех проведения описанных выше мероприятий, для РККА имел провал реализации в ЛВО неотложной программы дорожного строительства.

В июне 1938 г. военный совет ЛВО представил в ГВС, а 20 сентября 1938 г. — в Генеральный штаб РККА план дорожного строительства в округе на третью пятилетку. В соответствии с этим планом на территории ЛВО предполагалось построить в 1939 г. 801 км новых стратегических дорог, из них в КАССР — 418,7 км, что было сопоставимо с масштабами всего довоенного строительства. Всего же в третьей пятилетке военные планировали построить в КАССР 2463 км новых дорог для своих нужд<sup>23</sup>. Особенно важной для операций в Северном Приладожье была дорога, соединявшая ст. Свирь с пограничной деревней Погранкондуши. (В сентябре 1939 г. суженное заседание СНК КАССР утвердило проект этой дороги, которая так и не была построена в рассматриваемый период<sup>24</sup>.)

К началу 1939 г., когда командованию ЛВО стало ясно, что НКВД не собирается строить необходимые для предстоящей войны с Финляндией дороги, оно попыталось прибегнуть к помощи А. А. Жданова, направив ему 3 января 1939 г. жалобу на своеволие НКВД. Указав на то, что «территории АКССР, особенно в ее

\* Эти стройки осуществлялись по заданию командования ЛВО. Стенографическая запись распорядительного заседания СНК КАССР 27. 9. 1939. НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 132/1171, л. 20.

северной и средней части остаются до настоящего времени почти абсолютно бездорожными», военные попросили А. А. Жданова «возбудить ходатайство перед правительством СССР» об утверждении плана строительства грунтовых дорог в ЛВО в 1939 г.<sup>25</sup>

Обращение командования ЛВО к А. А. Жданову осталось без последствий. НКВД, отвечавший с 4 марта 1936 г. за строительство, ремонт и эксплуатацию стратегических дорог в СССР<sup>26</sup>, не приступил к осуществлению намеченной дорожной программы округа, что во многом предопределило ход боевых действий на фронте от Ладоги до широты Кандалакши<sup>27</sup>. (В западных исследованиях принято преувеличивать масштабы и эффективность мероприятий, осуществленных в ЛВО в ходе подготовки к войне с Финляндией<sup>28</sup>.)

В Карелии в 1938—1939 гг. Ошосдор НКВД проложил лишь 48 км новых дорог (тракт Кочкома—Реболы). 9 июня 1939 г. начальник производственно-технического отделения Ошосдора НКВД КАССР Зверев составил доклад о состоянии подведомственного ему дорожного хозяйства. К этому времени в Карелии насчитывалось 1496,7 км стратегических дорог, из которых 661,4 км были покрыты гравием, 624,8 км относились к категории грунтовых улучшенных, 29,34 км были покрыты бульжником, 1,02 км — асфальтом. Из общего числа 180,14 км дорог были отнесены к категории грунтовых естественных.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении железных дорог. К началу войны с Финляндией по территории Карелии проходила Кировская железная дорога\* протяженностью 790,4 км. К ней примыкали недостроенные ширококолейные Кестеньгская и Ругозерская лесовозные ветки (соответственно 46 и 42 км)<sup>29</sup>, которые не могли использоваться для переброски войск к границе с Финляндией.

Еще в декабре 1925 г. управление Мурманской железной дороги предложило построить железные дороги Сорока—Плесецк (345 верст) и Плесецк—Котлас (392 версты)<sup>30</sup>, что должно было обеспечить транзитные перевозки грузов, в первую очередь хлеба из Сибири, в западном направлении. Этот проект не был осуществлен в 1920-х гг., что не в последнюю очередь объяснялось тем, что военное значение этой дороги в то время было неочевидным.

Изменение к худшему общеполитической ситуации в Европе после аншлюса Австрии привело к тому, что 23 апреля 1938 г., незадолго до заседания, на котором ГВС РККА принял решение об усилении ЛВО, Экономическое совещание при СНК СССР постановило начать строительство железной дороги Сорока—Обозерская протяженностью 370 км и вторых путей в северной части Кировской железной дороги (664 км)<sup>31</sup>. Строительство было поручено ГУЛАГу НКВД<sup>32</sup> и осуществлялось силами специально организованного СорокЛАГа, управление которого располагалось в г. Беломорске. На этот раз проект имел военное значение, он позволял разгрузить однопутную Кировскую железную дорогу от части воинских перевозок в случае войны.

В соответствии с первоначальным проектом, утвержденным постановлением Эко-со СССР 7 июня 1938 г., временное движение предполагалось открыть на всем

\* Мурманская железная дорога была переименована в Кировскую в январе 1935 г.

протяжении трассы 1 сентября 1940 г. На участке Сорока—Лоухи (220 км) движение по вторым путям планировали начать 1 января 1940 г.

Первоначальные сроки, однако, были не соблюдены вследствие решения ГУЛАГа о консервации строительства, принятого в ноябре 1938 г. В декабре это решение было официально подтверждено, а в январе 1939 г. выделено 4 млн. руб. на осуществление этого плана. К 1 марта 1939 г. из 17 тыс. заключенных СорокЛАГа 6 тыс. человек были вывезены в другие места<sup>33</sup>.

Проект был спасен усилиями начальника СорокЛАГа старшего майора госбезопасности В. Гарина, который потребовал возобновления строительства, направив письмо о состоянии стройки А. А. Жданову. В итоге срок завершения линии Сорока—Лоухи был отнесен на 1 сентября 1940 г., а окончание строительства железной дороги Сорокская—Обозерская — на 1 сентября 1941 г.<sup>34</sup> (В годы Великой Отечественной войны по этой дороге доставлялись воинские грузы из Великобритании и США в центральные районы СССР).

В количественном и качественном отношении дорожная сеть КАССР была недостаточной для проведения успешных наступательных операций крупных войсковых соединений РККА. Состояние театра военных действий позволяло обеспечить операции лишь четырех-пяти стрелковых дивизий, в том числе до трех дивизий в Северном Приладожье и до двух дивизий на Ребольском, Кестеньгском и Кандалакшском направлениях<sup>35</sup>.

17 декабря 1938 г. по распоряжению штаба ЛВО военкоматам КАССР было поручено составить к 15 марта 1939 г. военно-экономические описания районов и республики<sup>36</sup>, в целях информационной подготовки к войне с Финляндией. Составлявшиеся до этого времени описания готовились военкоматами в рутинном порядке и были малоинформативны.

Составленные с опозданием, к концу марта 1939 г., военно-экономические описания районов, и в особенности сводное описание по КАССР, подвели объективный итог тому, что было сделано в автономной республике почти за двадцать лет советской власти<sup>37</sup>. Собранная информация не порадовала военных, обнажив бедность и запущенность народного хозяйства республики.

Даже в сравнении с планом инженера Х. Лангсета, относящимся к 1920 г., в Карелии было сделано очень мало. Почти за 20 лет не было завершено строительство ни одной железнодорожной ветки, за исключением 70,1 км узкоколейных лесовозных дорог. Программа строительства шоссейных дорог осталась невыполненной. В Карелии имелось лишь 6 посадочных площадок для авиации\* и ни одного аэродрома\*\*. Из 2030 автомобилей из-за плохого технического состояния и отсутствия резины около половины не эксплуатировалось<sup>38</sup>.

\* Составители справки в этом случае дали неверную информацию, так как начатое летом 1938 г. строительство 6 посадочных площадок не было завершено к началу советско-финляндской войны. См.: Постановление СНК КАССР 5. 6. 1939. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 5/41, л. 50.

\*\* Военный совет ЛВО, отметив в своем постановлении 7. 7. 1939, что аэродромное строительство «в районах Мурманской области и КАССР... совершенно не развернуто», потребовал «немедленно развернуть строительство на севере». РГВА, ф. 25888, оп. 15, д. 463, л. 9.

Имевшиеся в КАССР 105 электростанций, из которых 66 мелких работали на дровах, производили лишь 40,9 тыс. квт электроэнергии (138 тыс. квт намечалось по плану Х. Лангсета)<sup>39</sup>. Пашни в республике насчитывалось 66,9 тыс. га<sup>40</sup>, меньше, чем в начале 1920-х гг.\*

В связи с отставанием строительства жилья в городах КАССР к 1939 г. сложился тяжелый жилищный кризис. Так, в Петрозаводске при норме жилплощади 8,25 кв. м на одного человека приходилось 4,65 кв. м<sup>41</sup>. (В 1923 г. этот показатель составлял 7,16 кв. м, в 1926 г. — 6,1 кв. м<sup>42</sup>.) Такое положение дел ограничивало возможности армии по сосредоточению и размещению в Карелии войск.

2 июля 1939 г. первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов доложил А. А. Жданову о ходе выполнения мероприятий «оборонного характера» по республике. Самой большой проблемой было размещение прибывавших военнослужащих из состава сформированного в Петрозаводске управления 56-го корпуса\*\* (по штату в управление входило более 1,5 тыс. человек)<sup>43</sup>.

11 сентября 1939 г. по решению СНК КАССР началось развертывание госпиталей в госфилармонии и средней школе № 14, а 16 сентября — в средней школе № 18. Незадолго до начала войны, с 20 ноября, дополнительно были развернуты еще 4 госпиталя. (Всего же к концу войны в Карелии действовали 28 стационарных госпиталей, из них 23 — в Петрозаводске<sup>44</sup>.) В сентябре 1939 г. был сформирован 72-й смешанный авиаполк, который базировался на аэродроме Бесовец<sup>45</sup>.

С 7 сентября по распоряжению наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова в западных округах были проведены большие учебные сборы — скрытая мобилизация<sup>46</sup>. В Карелии и Ленинградской области, в районах компактного проживания ингерманландцев, мобилизация была проведена в два этапа — в начале сентября в армию был призван приписной состав всех национальностей, кроме карелов и ингерманландцев, а 16 ноября штаб ЛВО дал указание о проведении специальной мобилизации «националов»\*\*\*. Только в Ленинградской области было мобилизовано около 7,5 тыс. ингерманландцев и карелов<sup>47</sup>. К призыву в армию офицеров запаса — лиц финской национальности приступили еще в конце лета — начале осени 1939 г.<sup>48</sup> 11 ноября 1939 г. по приказу наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова в ЛВО была сформирована 106-я дивизия, позднее переформированная в 106-й корпус ЛВО<sup>49</sup>. Впоследствии он получил название 1-го стрелкового корпуса<sup>50</sup> народной армии Финляндии, известного также как «армия Куусинена».

\* По другим данным, в Карелии до революции было 74 тыс. га пашни. Доклад О. В. Куусинена 9. 7. 1940. НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 1/1, л. 47.

\*\* Формирование должно было завершиться 15. 2. 1939. Приказ штаба ЛВО № 0034 9. 1. 1939. РГВА, ф. 25888, оп. 4, д. 774, л. 66.

\*\*\* Штаб ЛВО еще 11 марта 1939 г. указал военкомату КАССР, что «таблица № 4 материалов военно-экономического описания «национальный состав» по КАССР особенно важна и эти данные необходимо получить». НА РК, ф. 606, оп. 3, д. 4/34, л. 26.

### 3.2. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ВОЙСК И ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ

Частичная мобилизация во всех западных военных округах началась одновременно утром 7 сентября 1939 г. К началу октября из запаса было призвано 2 млн. 600 тыс. человек, а общая численность Красной Армии к этому времени составила 4 млн. 471 тыс. человек<sup>51</sup>. К этому же времени присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии был завершен территориальный раздел Польши. Методами военно-политического давления была решена проблема военного присутствия СССР в Прибалтийских странах, и 18 октября первые части Красной Армии вступили на их территорию<sup>52</sup>. Финляндия, отнесенная в дополнительном протоколе советско-германского пакта 23 августа 1939 г. к сфере влияния СССР, осталась один на один со своим восточным соседом<sup>53</sup>.

5 октября 1939 г. последовало приглашение наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова финнам прибыть в Москву для обсуждения «конкретных политических вопросов». Переговоры велись с перерывами с 12 октября до 9 ноября, когда финляндская делегация получила распоряжение возвратиться домой, не достигнув никакого соглашения. Основные разногласия касались территориального обмена, предложенного советской стороной: СССР передавал Финляндии часть территории в бывших Ребольской и Поросозерской волостях (5529 кв. км)\* в обмен на 2761 кв. км территории Карельского перешейка, включая примыкающую к Финскому заливу часть «линии Маннергейма»<sup>54</sup> (в районе Койвисто), на кратчайшем направлении к Хельсинки. Кроме того, советская делегация рассчитывала на долгосрочную аренду полуострова Ханко или прилегающих к нему небольших островов для создания минно-артиллерийской позиции у входа в Финский залив. Против этого обмена на состоявшемся 16 октября в Хельсинки совещании правительства высказались военные. По расчетам начальника Генерального штаба Финляндии генерала К. Эша, территориальный обмен означал удлинение в два раза оборонительной линии финляндской армии на Карельском перешейке, что существенно снижало возможности успешной обороны<sup>55</sup>.

График сосредоточения войск РККА, которые должны были принять участие в военной кампании против Финляндии, ясно указывает на цель переговоров, преследовавшуюся руководством СССР, — скрыть подготовку к войне. К моменту начала советско-финляндских переговоров войска ЛВО были отмобилизованы. Некоторые соединения уже в конце сентября — начале октября заняли районы сосредоточения для последующего наступления и обеспечения операции. То, что советская сторона не возражала против затягивания финнами переговоров, которые дважды прерывали их, отправляясь за указаниями в Хельсинки, во многом объяснялось необходимостью проведения скрытого сосредоточения сил и средств в условиях недостаточно развитой дорожной сети ЛВО.

По причине неразвитости сети дорог на севере в целом и, в частности, в Карелии переброска частей Красной Армии на исходные позиции началась рано, чтобы

\* Такой обмен означал бы увеличение угрозы для Кировской железной дороги и Беломорско-Балтийского канала, так как государственная граница передвигалась бы в восточном направлении.

с полной отдачей использовать ограниченные возможности Кировской железной дороги. Соединения 14-й армии, 47-го стрелкового корпуса и Особого стрелкового корпуса 8-й армии, впоследствии вошедшие в состав 9-й армии, начали выдвижение в районы сосредоточения вскоре после объявления о проведении скрытой мобилизации.

Оперативный план ЛВО со второй половины 1930-х гг. предусматривал изоляцию Финляндии от «капиталистических стран» на Крайнем Севере — занятие района Петсамо. В плане допускалась возможность вмешательства третьих стран в конфликт между СССР и Финляндией путем высадки десантов на Кольском полуострове. Для противодействия экспедиционным силам третьих стран вскоре после начала мобилизации в западных военных округах, 19 сентября, начались перевозки морем частей 14-й с.д. из района Мурманска в бухты Кольского полуострова, которые командование ЛВО считало опасными в десантном отношении<sup>56</sup>.

Соединения 8-й армии также начали сосредоточение задолго до последовавшего 5 октября предложения о начале переговоров с Финляндией. Первый эшелон с подразделениями 118-го с.п. 54-й с.д. отправился из Кандалакши в Кочкому 18 сентября 1939 г. К 28 сентября полк и штаб дивизии расположились в д. Реболы и д. Колвасозеро, приступив к строительству дорог, ведущих в сторону границы. 337-й с.п. 54-й с.д. с 20 сентября по 10 октября был переброшен из Кемпи по железной дороге в Кочкому, а затем совершил пеший марш в район сосредоточения<sup>57</sup>.

Вместо 81-го с.п. 54-й с.д., который был передан в состав 163-й с.д., действовавшей на Ухтинском направлении, 54-я с.д., хорошо подготовленная к действиям в зимних условиях, получила 529-й с.п. (163-й с.д.)<sup>58</sup>, что уменьшило ее наступательные возможности. Тем не менее по боевой подготовке и материальному обеспечению 54-я с.д. оставалась самой сильной из частей, действовавших к северу от Ладоги.

Сформированная в Ельце 7—16 сентября 122-я с.д. с 21 сентября принимала участие в походе против Польши западнее Слуцка<sup>59</sup>. 29 октября по распоряжению военного совета Белорусского фронта дивизия в 40 эшелонах отбыла назначением на ст. Кандалакша, сосредоточившись к 12 ноября в районе озеро Верман—гора Лысая<sup>60</sup>. 163-я с.д., также переброшенная на это направление, была сформирована в Московском военном округе.

Первой из частей 56-го корпуса выдвижение в район сосредоточения начала 18-я с.д. В ее состав входили 208-й стрелковый, 3-й артиллерийский и 12-й гаубичный полки, которые в мирное время были дислоцированы в Петрозаводске, 316-й с.п. — в Медвежьегорске и 97-й с.п. — в д. Нурмолицы<sup>61</sup>.

В период 17—28 сентября дивизия, пополнившись до штатов военного времени, сосредоточилась в районе Чалкосельга—Масельга—Вешкелица—Колатсельга—Палалахта—Большие Горы—Видлица. Затем, после сосредоточения 168-й с.д. (сформирована в г. Череповце приказом ЛВО от 7 сентября на базе 325-го территориального полка)<sup>62</sup> 2 октября и 56-й с.д. 22 октября, 18-я с.д. к 8 ноября по приказу командования 56-го стрелкового корпуса сосредоточилась для наступления в районе Ивкожа—Вагаярви—Березовый Наволок<sup>63</sup>.

18—19 ноября соединение посетили А. А. Жданов и командующий войсками ЛВО К. А. Мерецков. Секретарь ЦК ВКП(б) пришел к выводу, что дивизия

«вполне боеспособна», и распорядился создать 15-суточный запас продовольствия, фуража и боеприпасов<sup>64</sup>.

Внимание столь высоких лиц было обращено на 18-ю дивизию потому, что ей предстояло в кратчайший срок выйти во взаимодействие со 168-й с.д. 56-го с.к. в тыл оборонительной линии Маннергейма, вдоль северного берега Ладоги, что могло привести к быстрому победоносному окончанию войны. Выполнение этой ответственной задачи было возложено на 18-ю и 168-ю с.д., которые были лучше других соединений подготовлены к ведению войны на северном театре военных действий.

Части 8-й армии, обеспечивавшие правый фланг 56-го с.к. на сковывающем направлении, как по подготовке личного состава, так и по материально-технической обеспеченности значительно уступали войскам, наступавшим на направлении основного удара.

Погрузка частей 155-й с.д. (г. Опочка) в составе 36 эшелонов назначением в Медвежью Гору началась 30 октября. Недостаточная пропускная способность однопутной Кировской железной дороги позволяла в сутки перевозить лишь 4—5 эшелонов, в результате чего переброска дивизии заняла много времени<sup>65</sup>.

Боевая подготовка личного состава дивизии была весьма низкой, а время до начала войны было использовано для строительства красноармейцами дорог, ведущих к границе от Поросозера по двум направлениям. Приписной состав старших возрастов в значительной части не умел пользоваться личным оружием, строить полевые укрепления, лучших же бойцов и младших командиров дивизия передала в 67-ю с.д., дислоцированную в Латвии<sup>66</sup>. По своим боевым возможностям 155-я с.д. была наиболее слабой из действовавших на этом направлении.

139-я с.д., сформированная в Белорусском военном округе в первой половине сентября, с 22 сентября участвовала в польской кампании, а 3 ноября началась ее переброска из Витебска в Петрозаводск в составе 40 эшелонов<sup>67</sup>. С 15 ноября дивизия совершила пеший переход по маршруту Петрозаводск—Спаская Губа—Вохтозеро. К началу войны личный состав дивизии, которой предстояло наступать на Суоярвском направлении, был измотан как физическими перегрузками, так и голодом, запасы продовольствия заранее не были созданы, а транспорт с подвозом не справлялся<sup>68</sup>.

В течение октября—ноября на исходные позиции со ст. Свирь прибывала 75-я с.д. 8-й армии, которая должна была действовать на правом фланге 1-го корпуса<sup>69</sup>. В районе д. Вешкелицы дислоцировалась 56-я с.д.<sup>70</sup> К 30 ноября 1939 г. в состав 8-й армии входило шесть стрелковых дивизий, что примерно вдвое превышало оперативную емкость этого направления\*.

Представления командования финляндской армии о том, что происходило по другую сторону границы в сентябре—ноябре 1939 г., не отличались ни полнотой, ни точностью. По оценке штаба армии «Перешеек» от 26 ноября 1939 г., силы Красной Армии в Восточной Карелии насчитывали четыре дивизии: две на Петрозаводском направлении и по одной в районах Кемь и Кандалакша—Мурманск<sup>71</sup>.

\* О сосредоточении 8-й армии см. также: *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война 1939—1940 гг. М., 1990. С. 17.

25 ноября, за 5 дней до начала войны, разведотдел Ставки финляндской армии подготовил последний в мирное время обзор сведений о противнике и прогноз дальнейшего хода событий. В соответствии с данными разведки, в Петрозаводске и окрестностях города дислоцировался армейский корпус, однако полной уверенности в этом не было. По некоторым сведениям, в этом районе был размещен 39-й или 53-й корпус РККА или находилась 75-я дивизия. Одна дивизия из состава корпуса предположительно была размещена на границе с Финляндией к северу, вторая — к югу от населенного пункта Хюрсюля. На направлении Кемь—Кандалакша, по данным Ставки, дислоцировалась 54-я дивизия<sup>72</sup>. Таким образом, командование финляндской армии полагало, что в Восточной Карелии к началу войны насчитывалось 3—4 дивизии РККА, в то время как их было 9.

В своем анализе ситуации разведотдел указывал на то, что войска РККА, численность которых превышала нормативы мирного времени, дислоцировались на небольшом удалении от Кировской железной дороги. Из этого обстоятельства был сделан вывод о том, что поскольку через Восточную Карелию проходила единственная в СССР дорога, ведущая к Мировому океану, концентрация вдоль нее войск не превышала необходимую для обеспечения безопасности государства<sup>73</sup>.

Надо отдать должное командованию ЛВО, сумевшему в период с начала мобилизации в сентябре по конец ноября 1939 г. перебросить в Карелию многочисленные дивизии незаметно для противника<sup>74</sup>. Сосредоточение здесь столь значительных сил стало для него полной неожиданностью. В своих воспоминаниях К. Г. Маннергейм объяснил сложившуюся ситуацию как крайне неэффективной работой военной разведки, так и масштабным дорожным строительством, осуществленным в Карелии осенью 1939 г., в частности, началом сооружения железной дороги Петрозаводск—Суоярви<sup>75</sup>. (В действительности к строительству этой дороги приступили в конце декабря 1939 г.)

К. Г. Маннергейм считал также, что в непосредственной близости от границы было построено большое количество складов для РККА<sup>76</sup>. Представления главнокомандующего финляндской армией относительно масштабов и эффективности материально-технической подготовки к войне, осуществленной в КАССР, были ошибочными, так же как и его оценка сил Красной Армии, действовавших в Восточной Карелии: 7 дивизий в начале войны и 10 — на завершающем этапе<sup>77</sup>.

30 октября 1939 г. штаб Новгородской армейской группы войск разработал вариант операции для Карельского ТВД, в котором предусматривалась возможность вмешательства в вооруженный конфликт между Финляндией и СССР третьих стран. Этот документ дает представление о том, почему на обладавшем ограниченной оперативной емкостью (4—5 дивизий) театре военных действий еще до начала наступления частей Красной Армии было сосредоточено 9, а к концу войны — 25 дивизий, немногим менее половины всех сил действующей армии.

Составители плана исходили из предположения, что командование финляндской армии могло, упорно обороняясь на Карельском перешейке, нанести решительный удар силами 5—6 пехотных дивизий, кавалерийской бригады и 3—4 артдивизионов севернее Ладожского озера в направлении ст. Лодейное Поле, Петрозаводск с целью перерезать Кировскую железную дорогу, отрезать части Красной Армии от баз и лишить их возможности маневра. В документе подчеркивалось, что при



активном содействии со стороны Великобритании и помощи «северных государств» такой вариант был вполне возможен, и к отражению этой угрозы следовало готовиться<sup>78</sup>.

По мнению разработчиков плана, финны могли развернуть столь значительные силы, используя развитую сеть дорог на прилегающей к границе территории Финляндии. Кроме того, «недостаточно развитое состояние нашей дорожной сети» делало возможным широкое использование противником действий отдельных отрядов и ведение партизанской войны в советской Карелии<sup>79</sup>.

Окончательный вариант «Плана операции против Финляндии» был разработан военным советом ЛВО 29 октября 1939 г., еще до прекращения переговоров в Москве. Замысел операции, завершить которую в основном предполагалось примерно в течение месяца, ко дню рождения И. В. Сталина (21 декабря), заключался в одновременном вторжении на территорию Финляндии на всех направлениях «с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии»<sup>80</sup>.

На Карельском перешейке силами 7-й армии следовало «разбить части прикрытия, овладеть укрепленным финским районом на Карперешейке и, развивая наступление в северо-западном направлении во взаимодействии с войсками Видлицкого направления, разгромить главную группировку войск противника в районе Сортавала, Виипури, Кякисалми (Кексгольм) и овладеть районом Хиитола, Иматра, Виипури. По выполнении этой задачи быть готовым к дальнейшим действиям в глубь страны»<sup>81</sup>. В указании, данном 29 ноября 1939 г. командному составу ЛВО, ставилась задача овладеть Выборгом в течение четырех дней, а в Хельсинки войти к исходу двух недель<sup>82</sup>.

В связи с усложнением задач, поставленных перед частями РККА, которым предстояло действовать на фронте от Ладожского озера до широты Кандалакши, распоряжением Военного совета ЛВО от 16 ноября 1939 г. для руководства и объединения действий группы войск на направлении Кандалакша—Кемь, было создано армейское управление сокращенного состава — 9-я армия<sup>83</sup>. В состав армии первоначально входили управление 47-го с.к., 122, 163 и 54-я с.д., а 44-я с.д. должна была прибыть в конце ноября.

21 ноября в военный совет 9-й армии поступила директива, в которой были поставлены боевые задачи. В соответствии с ними 47-й с.к. (122-я и 163-я с.д. и другие части и подразделения) и Особый корпус (54-я и 44-я с.д., корпусной артполк и танковый батальон) должны были «разгромить войска противника, действуя главными силами в направлении Каяни с ближайшей задачей выйти на фронт Кемиярви—ст. Конттимяки и в кратчайший срок овладеть Оулу (Улеаборг)»<sup>84</sup>.

Состав противостоявших сил противника, по оценке командования 9-й армии, к началу боевых действий достигал 3—4 батальонов, включая пограничные части. В последующем финны могли перебросить на это направление 5 пехотных полков (15 линейных батальонов), 1 запасной батальон, 1 легкий отряд и 5 артиллерийских дивизионов (48 орудий). Более значительное усиление группировки финляндской армии на этом направлении считалось маловероятным<sup>85</sup>.

9-я армия обладала подавляющим преимуществом перед противником в живой силе и особенно в техническом оснащении: в ее состав входили 4 дивизии (считая

44-ю с.д.), или 27 стрелковых батальонов, 16 стрелковых рот, 273 орудия (пушки и гаубицы) калибром 76—152 мм. С учетом противотанковых орудий общее число достигало 408 единиц. Кроме того, в состав приданных и штатных танковых подразделений армии входила 191 машина. ВВС 9-й армии насчитывали 39 самолетов<sup>86</sup>.

24 ноября штаб 9-й армии отдал боевой приказ № 3, ставивший задачу «овладеть Оулу, отрезая пути отхода южной группировки противника на север». Наступавшая на правом фланге 47-го корпуса 122-я с.д. в соответствии с планом операции выходила к Мятияярви, Хаутаярви, Куусамо. В район Куусамо планировали выйти одним полком, усиленным артиллерией. На левом фланге 163-я с.д. наступала на Тайвалкоски, Суомуссалми, Хюрюнсалми, обеспечив выход в Тайвалкоски не менее одного полка с артиллерией. Последующей задачей 47-го корпуса было овладение рубежом Кемиярви—Иосно—Пудасъярви—Пуоланко<sup>87</sup>.

Особый корпус комдива Шмырова, нанося главный удар в направлении Каяни, на первом этапе должен был выйти на фронт Кухмониemi—Нурмес, а затем захватить Ристиярви, ст. Кантиомяки, Каяни, ст. Кауппиланмяки. На левом фланге корпуса следовало установить связь с частями 8-й армии<sup>88</sup>.

25 ноября командующий 9-й армией М. П. Духанов утвердил подробный план операции, на которую отводилось около 20 суток, включая 3 суток на выход к Ботническому заливу. Главный удар наносился левым крылом армии, силами Особого корпуса (54-я и 44-я с.д., 51-й корпусной артполк, всего 186 орудий) через Реболы на Каяни—Оулу. Вспомогательный удар по кратчайшему направлению через Пуоланко на Оулу осуществляла 163-я с.д., усиленная 92 орудиями и танковым батальоном<sup>89</sup>. Правое крыло армии (122-я с.д., 273-й г.с.п., 130 орудий и танковый батальон) должно было обеспечить успех основных сил ударом на Кемиярви—Рованиemi, Кемиярви—Кеми<sup>90</sup>.

Операция была разделена на три этапа. На первом предполагалось выйти на фронт Мятияярви—Хюрюнсалми—Нурмес, затратив на преодоление 70—90 км 5 суток. После двухдневного отдыха и перегруппировки части армии выходили бы на фронт Кемиярви—Кауппиланмяки, пройдя 65—90 км за 3—4 дня. Третий этап завершал всю операцию овладением Оулу и Кеми при среднесуточном продвижении в 30 км<sup>91</sup>.

Этот план был нереалистичным и основывался на предположении, что противник не окажет никакого либо окажет незначительное сопротивление. Среднесуточный темп продвижения был запланирован в 22 км (примерно 10 дней отводилось на отдых) при том, что в ходе выдвигания к границе от Кировской железной дороги части 9-й армии преодолевали с учетом состояния дорог 12—16 км в сутки при максимальном напряжении своих сил. При этом части на марше растягивались, а артиллерия оставалась далеко позади<sup>92</sup>.

### 3.3. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПОЛОСЕ 9-й АРМИИ

Ровно в 8 часов утра 30 ноября 1939 г. передовые части 9-й армии перешли границу с Финляндией. 122-я с.д. силами четырех лыжных отрядов, до двух усиленных рот в каждом, и отдельного разведбатальона наступала в направлении на Алакурти<sup>93</sup>. 5 декабря 163-я с.д. вышла частями 662-го и 81-го с.п. на рокадную дорогу Писто—Суомуссалми, 759-й с.п. находился в 12 км юго-восточнее Суомуссалми. 6—7 декабря 662-й с.п. продолжил движение в направлении Перанко<sup>94</sup>.

На участке 54-й с.д. 181-й г.с.п. наступал в направлении Хииликко и 529-й с.п. (из состава 163-й с.д.) — в направлении озера Сяргиярви и Ильвесваара. В боевом донесении № 1 штаба 9-й армии был подведен итог первому дню войны: «...на всем фронте армии части продвигаются вперед и сопротивления не встречают»<sup>95</sup>.

7 декабря войскам 9-й армии приказом было объявлено: «...Ваш поход — истинно героический поход. В тылу противника паника. Происходит восстание в войсках. Народные массы поднимаются на революционную борьбу. Белофинское правительство бежало из Хельсинки в неизвестном направлении. Вперед до полной победы над врагом!»<sup>96</sup>. В первые дни войны могло показаться, что эта информация была правдивой.

К исходу 7 декабря 9-я армия, преодолев бездорожный приграничный район, вышла на рокадные дороги Писто, Суомуссалми, Корписалми, Нурмиярви. 596-й и 273-й с.п. 122-й с.д., преодолев оборонительный рубеж противника на реке Куолаёки, продвинулись в западном направлении на 4—5 км<sup>97</sup>.

В боевом донесении 9-й армии № 25 от 9 декабря было отмечено взятие 81-м г.с.п. деревни Суомуссалми вечером 7 декабря. Противник, как отмечалось в документе, «бежал, оставив много патронов и оружия». 9 декабря 122-я с.д. заняла местечко Куолаярви<sup>98</sup>.

Финны, не ожидавшие концентрации столь значительных сил РККА на севере, вынуждены были предпринять контрмеры, используя свои скудные резервы. 7 декабря 27-й п.п., на базе которого была сформирована бригада, получил приказ Ставки финляндской армии о переброске в район Суомуссалми<sup>99</sup>. Решающие события начались утром 11 декабря наступлением частей бригады, которые 13 декабря приступили к штурму укрепившихся в Суомуссалми частей 163-й с.д., неся при этом тяжелые потери<sup>100</sup>.

В ночь на 16 декабря 81-й г.с.п. и 759-й с.п. были окружены, после чего командир 163-й дивизии Зеленцов запросил разрешения на отход<sup>101</sup>. Управление 47-го корпуса, однако, приказало удерживать Суомуссалми до подхода частей 44-й с.д. в связи с распоряжением Ставки ГВС о совместном наступлении 163-й и 44-й с.д. через Пуоланко на Оулу<sup>102</sup>. Начало решительного совместного наступления было назначено на 21 декабря, а затем перенесено на 23 и 24 декабря<sup>103</sup>. Вечером 27 декабря было, наконец, дано разрешение отступить, и с 28 по 30 декабря части отошли в район Горлица—Юнтусранта—Йокела без воздействия со стороны противника<sup>104</sup>. (Разрешение на отступление было дано не в последнюю очередь потому, что в окруженном Суомуссалми находился начальник политического

управления РККА Л. Э. Мехлис, осуществлявший контроль за проведением операций 9-й армии<sup>105</sup>.) Финны, ожидавшие продолжения упорной обороны, не сумели организовать преследование<sup>106</sup>.

Отряд командира 662-го с.п. Д. В. Шарова\* из состава 163-й с.д., обеспечивавший коммуникации дивизии с севера от озера Пискоярви до 35-го км рокады, после дезертирства командира с поля боя вечером 27 декабря, оставив всю материальную часть, попытался лесом выйти к своим частям. Начальник штаба полка капитан Родин вывел из окружения около 300 человек<sup>107</sup>.

Второй отряд из состава 163-й с.д., занимавший перешеек между озерами в 12 км на северо-запад от Суомуссалми, должен был по плану операции нанести удар во взаимодействии с отрядом Шарова на Пуоланко. Командир отряда Чайковский, получив приказ отступить, около 10 часов утра 28 декабря приступил к организации маневра, который был прерван атакой трех бомбардировщиков из состава ВВС 9-й армии, нанесших удар по своим войскам. После этого началась паника. Чайковский бежал, бросив отряд, который, разбившись на две колонны, стал выходить на восток. В расположение своих частей вышли 617 человек, около 150 человек были убиты, ранены и пропали без вести<sup>108</sup>.

В ходе боев за Суомуссалми обе стороны понесли тяжелые потери, однако 163-я с.д. не была разбита наголову, как это представлялось современникам событий<sup>109</sup> и исследователям<sup>110</sup>. Лишь 662-й с.п. дивизии перестал существовать как боевая сила, оставив противнику все тяжелое вооружение, но при этом значительной части личного состава удалось выйти из окружения. Вскоре после отхода дивизия, пополненная личным составом и материальной частью, была переброшена на Ребольское направление, где приняла участие в операции по деблокированию 54-й с.д.

Иначе сложилась судьба 44-й с.д. из состава Киевского особого военного округа. Переброска частей дивизии на фронт заняла значительно больше времени, чем планировалось. Первоначально предполагалось использовать ее на Ребольском направлении, где она должна была наступать на Оулу во взаимодействии с 54-й с.д., однако после начала контрнаступления финнов в районе Суомуссалми 44-я с.д. была направлена на помощь 163-й с.д. — для нанесения импровизированного основного удара на Оулу. Тем самым первоначальный план был отменен.

К 14 декабря в Кеми выгрузились 305-й с.п., 2 батальона 25-го с.п., 2 батальона 146-го с.п. и другие части дивизии, которые были отправлены форсированным маршем на запад. Личный состав дивизии был в летней форме одежды при морозе, достигавшем минус 40 градусов<sup>111</sup>. Марш затянулся почти на две недели, поскольку дорога позволяла двигаться лишь в одном направлении и приходилось пропускать транспорт, подвозивший грузы для 163-й с.д.<sup>112</sup>

Вытянувшаяся на многие километры по дороге на Раате колонна 44-й с.д. представляла собой уязвимую цель для фланговых ударов, первый из которых последовал 27 декабря<sup>113</sup>. Командующий 9-й армией еще 4 января просил разрешения у Генерального штаба отвести 44-ю с.д. на свою территорию, однако оно не было дано<sup>114</sup>. К 7 января все было кончено: дивизия, оставив противнику все тяжелое вооружение, разрозненными группами стала выходить из окружения при темпера-

\* Расстрелян по решению военного трибунала 16. 1. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 218, л. 53.

туре воздуха, достигавшей минус 35 градусов. В своих воспоминаниях К. Г. Маннергейм отметил «необычное упорство», с которым обреченная дивизия оказывала сопротивление в течение недели<sup>115</sup>.

По данным штаба 9-й армии, потери 44-й дивизии до конца войны составили 5747 человек (1106 убитых, 1820 раненых, 2116 пропавших без вести, 705 обмороженных)<sup>116</sup>. После выхода части личного состава 44-й с.д. из окружения и прибытия пополнения дивизия вновь стала боеспособной к середине марта 1940 г. и должна была еще раз участвовать в операции по занятию Суомуссалми.

Разгром 44-й с.д. и вытеснение 163-й с.д. почти к линии госграницы заставили командование 9-й армии отказаться от осуществления плана, который мог значительно изменить положение на этом фронте. Предполагалось, что с утра 1 января соединения армии перейдут в общее наступление как на направлении Суомуссалми (163-я и 44-я с.д.), так и севернее, где Особый корпус, в который были включены части 122-й и 88-й с.д. (из Архангельска), должен был, разбив противника в районе Кемиярви, в дальнейшем овладеть Рованиеми<sup>117</sup>.

9 января командир Особого корпуса Шмыров отдал приказ об отводе частей 122-й с.д. на рубеж Мяркяярви для занятия прочной круговой обороны. Отход был завершен к 15 января<sup>118</sup>. С этого времени для 9-й армии начался период накопления сил для так и не последовавшего решающего наступления, который продолжался вплоть до окончания войны. Активные боевые действия велись лишь на участке 54-й с.д.

54-я с.д. до 18—19 декабря действовала на трех направлениях: Хииликко—Сивакко—Расти—Кухмониemi (основное направление), Коски—Кухмониemi, Кививаара—Нурмиярви (Тулеварское направление) и Хаттываара—Пиелисьярви (Лендерское направление). После выхода на рокаду Пиелисьярви—Кухмониemi дивизия должна была занять Кухмониemi и Нурмес, в дальнейшем наступая на Каяни<sup>119</sup>.

На основном направлении сначала действовал 118-й с.п., усиленный артиллерией, а при выходе к озеру Саунаярви сюда был переброшен и 337-й с.п. Слабому 529-му с.п. 163-й с.д. было доверено второстепенное направление — Лендерское. С 18—19 декабря на Лендерском направлении стали действовать погранчасти, а на участке Коски—Кухмониemi усиленные 4 стрелковые роты отступили к линии границы, заняв здесь оборону<sup>120</sup>.

Главные силы 54-й с.д. вышли в район Саунаярви 2 декабря, после чего Ставка финляндской армии, которая не ожидала здесь концентрации значительных сил противника, приняла решение перебросить в этот район бригаду из состава 9-й Оулуской дивизии. К 20 декабря части этой бригады остановили наступление 54-й с.д. в районе Юрjänкоски<sup>121</sup>.

Решающие события на этом участке фронта развернулись позднее, после разгрома 662-го с.п. 163-й с.д. и 44-й с.д. в районе Суомуссалми. В период с 18 по 26 января 9-я Оулуская дивизия была переброшена в район Кухмо<sup>122</sup>, а уже 29 января началась операция по окружению и уничтожению 54-й с.д.<sup>123</sup> 2 февраля Ставка ГВС, высказав опасение, что «с 54 с.д. может случиться, что и с 44 с.д.», потребовала, чтобы «позор, имевший место с 44 с.д. больше ни в каком случае не повто-

рился»<sup>124</sup>. 8 февраля командование 9-й армии доложило начальнику Генерального штаба РККА Б. М. Шапошникову, что «положение 54-й дивизии тяжелое. Противник фактически окружил дивизию»<sup>125</sup>.

Для обеспечения вывода 54-й с.д. из окружения была сформирована Ребольская группа, которая не выполнила свою задачу, понесла значительные потери. Общие потери всей Ребольской группы за 45 дней боев, включая все части 54-й и 163-й с.д., лыжной бригады Долина, частей НКВД, по данным штаба 9-й армии, составили убитыми около 3200 человек, ранеными — около 9500 человек.

К началу марта, когда неудачей завершились несколько попыток прорваться на помощь окруженным частям 54-й с.д., ее командование потеряло надежду на спасение. 3 марта в адрес прокуратуры 9-й армии и главы НКВД СССР Л. П. Берия (среди окруженных частей имелись и войска НКВД) были отправлены телеграммы. В первой из них говорилось, что дивизия «по существу стала небоеспособной», а для ее «спасения необходима реальная помощь в ближайшие дни»<sup>126</sup>. Во второй телеграмме командир дивизии Гусевский, указав, что «противодействовать больше нет сил», завершил текст словами: «Умираем, как подобает сынам нашей Родины»<sup>127</sup>. Части 54-й дивизии оставались в окружении до завершения боевых действий 13 марта, а ее потери, по данным штаба 9-й армии, составили 6431 человек (2118 убитых, 3732 раненых, 573 пропавших без вести, 8 обмороженных)<sup>128</sup>.

22 февраля 1940 г. Ставка ГВС довела до сведения командующего 9-й армией В. И. Чуйкова замысел новой операции. Основной удар на этот раз должен был наноситься силами особого стрелкового корпуса (122, 88, 141, 172 и 119-я с.д.) в направлении Кемиярви, Рованиеми, Кеми. 47-й с.к (44-я и 131-я с.д.) в зависимости от обстановки продвигался бы на Суомуссалми. Стрелковому корпусу, в который включались 54-я и 163-я с.д., ставилась задача разбить окружившего 54-ю с.д. противника и овладеть Кухмо. Начало наступления о.с.к. на Кемиярви было назначено на 15—17 марта 1940 г.<sup>129</sup>

11 марта 1940 г. командующий 9-й армией В. И. Чуйков доложил в Ставку план наступательной операции, составленный еще в начале марта в соответствии с полученными указаниями<sup>130</sup>. Направление главного удара армии было перенесено на правый фланг. Части, наступая через Кемиярви, Рованиеми, Кемь, должны были решить прежнюю задачу — выйти к Ботническому заливу по прямой линии, отрезав центральную часть Финляндии от «капиталистических стран»<sup>131</sup>.

Противостоящие 9-й армии силы противника, по оценке К. А. Мерецкова, состояли из 25—30 батальонов и шведского добровольческого корпуса численностью до 3000 человек<sup>132</sup>. При разработке новой наступательной операции армии учитывалось то важное обстоятельство, что части главной группировки финнов (9-я п.д. и 3—4 батальона) блокировали 54-ю с.д. значительно южнее и не могли быть быстро переброшены на север. Впрочем, такая возможность учитывалась в плане операции, но должна была быть предотвращена. Командование 9-й армии хотело повторить удачный опыт противника, который в первый месяц войны разгромил поочередно части 163-й и 44-й с.д., а затем, перегруппировавшись, окружил 54-ю с.д.

Дислокация собственных сил на 11 марта была следующей. 88-я с.д. без одного стрелкового полка располагалась в районе Куолаярви. 172-я с.д. в неполном соста-

ве сосредоточилась в районе Кайрала. Головные эшелоны 141-й с.д. подошли к Петрозаводску, следуя по направлению к Куоляярви. Части 131-й с.д. находились на марше из Архангельска через Кемь. Лишь два батальона этой дивизии находились в исходном районе — Юнтусранта<sup>133</sup>.

Части 163-й с.д. с 529-м с.п. вели упорные бои по освобождению окруженных частей 54-й с.д.; 273-й г.с.п., готовый к наступлению, находился в районе Котала. Полностью укомплектованная и боеготовая 122-я с.д. располагалась в районе Мяркьярви. К бою был готов и особый отряд Артемьева, в который было включено 9 батальонов<sup>134</sup>.

К 15 марта с подходом отставших частей превосходство над противником в живой силе должно было возрасти в 3 раза, а по артиллерии, танкам и авиации оно было абсолютным. На этот раз в состав 9-й армии входило 8 стрелковых дивизий в составе двух корпусов. На 15 марта 1940 г. списочный состав 9-й армии составлял 75 185 человек<sup>135</sup>.

Особый стрелковый корпус (122, 88, 172 и 141-я с.д., 51-й корпусной артполк, 41-й полк скоростных бомбардировщиков (50 самолетов), 145-й и 152-й истребительные авиаполки, в общей сложности 65 самолетов, и прибывающий 17-й авиаполк) переходил в наступление после окончательного сосредоточения 88-й с.д. и одной из вновь прибывающих дивизий, не дожидаясь готовности всех четырех дивизий. Особый корпус наносил удар на основном направлении Мяркьярви, Кемиярви, Рованиеми, Кеми<sup>136</sup>. (По оценке штаба корпуса, оперативная емкость направления, на котором предстояло действовать четырем дивизиям, соответствовала одной дивизии<sup>137</sup>.)

На Кемиярвское направление Генеральный штаб РККА первоначально планировал перебросить и 119-ю с.д., однако в конце февраля отказался от этого плана, несмотря на возражения командующего 9-й армией В. И. Чуйкова. 29 февраля он направил начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову телеграмму, в которой заявил, что четырех дивизий на этом направлении недостаточно. Одновременно В. И. Чуйков попросил дополнительно 1 полк и 2 батальона хорошо зарекомендовавших себя на севере танков Т-26<sup>138</sup>.

Левый фланг особого стрелкового корпуса обеспечивал отряд полковника Артемьева, который должен был выйти на рокаду Мяркьярви—Куусамо, выступив на 5—7 суток раньше основных сил<sup>139</sup>.

47-й корпус (44-я и 131-я с.д.) имел задачу ударом с востока и северо-востока уничтожить противника на Важенварской дороге и захватить Суомуссалми. Наступлению должно было предшествовать полное сосредоточение частей 131-й с.д. (из города Новоград-Волынского). После уничтожения противника, блокировавшего части 54-й с.д., 163-я с.д. с 529-м с.п. овладевали бы Кухмо<sup>140</sup>.

В оперативном плане особого корпуса учитывался опыт предыдущих месяцев, и на устранение угрозы флангам было обращено самое серьезное внимание. Успеху ответственной операции должен был способствовать и качественно иной уровень подготовки войск, имевших к этому времени боевой опыт. Кроме того, 172-я с.д. (из состава Московского военного округа), входившая в особый корпус, была полностью укомплектована добровольцами — отслужившими срок обязательной

службы кадровыми красноармейцами<sup>141</sup> и по своей выгучке значительно превосходила дивизии с приписным составом.

Численное превосходство частей особого корпуса над противником оценивалось как 4:1. Имея слева группу полковника Артемьева, действующую в направлении Куусамо, и справа части 52-й с.д. 14-й армии, о.с.к. наносил главный удар силами трех дивизий в направлении Кемиярви—Рованиemi. На этот раз дивизии должны были наступать не по дороге Мяркьярви—Салмиярви—Йоутсиярви—Кемиярви, а двумя эшелонами по обе стороны от нее, правее дороги — 141-я с.д. и левее — 122-я с.д. Во втором эшелоне продвигалась 172-я с.д., следуя за частями 122-й с.д.<sup>142</sup>

141-я и 122-я с.д. выделяли по одному стрелковому полку. Эти части действовали бы в обход на Салмиярви и Лакиянка, где они должны были окружить и уничтожить группировки противника. В дальнейшем главные силы во взаимодействии с подвижной группой (танки с пехотой) овладевали укрепленными позициями в районе Йоутсиярви—Кемиярви<sup>143</sup>.

88-я с.д. и 273-й г.с.п. имели задачу наступать в направлении Савукоски и, окружив и уничтожив Сайскую группировку, обеспечить коммуникации корпуса со стороны Савукоски, Пелкосенниemi. Для уничтожения 17-го Сальского батальона финнов в районе Калунки, Хаутаярви были выделены стрелковый полк и подразделения группы Артемьева<sup>144</sup>.

По расчетам командования о.с.к., на осуществление первого этапа операции — выхода в район Кемиярви — отводилось 6—8 суток. На овладение районом Кемиярви и выход к Рованиemi после двухсуточного отдыха должно было быть затрачено 8—10 суток<sup>145</sup>.

В целом этот план был более реалистичным в сравнении с его аналогом, который действовал на первом этапе войны, но его осуществлению препятствовала медленная переброска войск, в результате чего время начала операции постоянно откладывалось. Наиболее же уязвимой частью операции были транспортные трудности: наступавшая весна и вслед за ней распутица не позволили бы при имевшихся дорогах доставлять достаточное количество продовольствия, фуража и боеприпасов для всех восьми дивизий 9-й армии.

Сосредоточение войск безнадежно задерживалось низкой пропускной способностью железной дороги. 10 марта В. И. Чуйков телеграфировал Б. М. Шапошникову, что «сосредоточение 172-й и 141-й с.д. к установленным срокам срывается из-за невыполнения плана перевозок по Кировской железной дороге»<sup>146</sup>. На исходные позиции 172-я с.д. выходила лишь к 21—23 марта. Части 141-й дивизии, прибывавшие по железной дороге, были бы готовы к наступлению 23—25 марта<sup>147</sup>. Армия усиленно готовилась к ведению войны весной: для обеспечения бесперывных действий авиации, базировавшейся в зимнее время на озерах, строились сухопутные аэродромы — по одному на Ребольском, Кестеньгском направлениях и в Алакурти и два в районе Ухты<sup>148</sup>.

Заключение Московского мирного договора и прекращение боевых действий в 12.00 13 марта 1940 г. прервали проводившуюся подготовку к наступлению, на-



чало которого было отнесено на вторую половину марта\*. При наличии развитой сети путей сообщения в Карелии концентрация здесь дополнительных частей могла быть завершена еще во второй половине января — начале февраля 1940 г. В этом случае могло последовать мощное наступление на всех направлениях, включая карельский театр военных действий.

В ходе зимней войны 9-я армия понесла значительные потери, не выполнив поставленных перед ней задач. По данным штаба, с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. 9-я армия потеряла убитыми 8505 человек, ранеными — 17 632, пропавшими без вести — 4957 и обмороженными — 2649 человек, в общей сложности — 33 343 человека. Кроме того, потери частей НКВД, действовавших в полосу 9-й армии, составили 3150 человек<sup>149</sup>.

### 3.4. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПРИЛАДОЖЬЕ — ОПЕРАЦИИ 8-й И 15-й АРМИЙ

В соответствии с директивой ВС ЛВО от 21 ноября 1939 г. 8-я армия в составе шести стрелковых дивизий с частями усиления по получении особого приказа переходила в наступление с задачей «решительным ударом главных сил на Сердобольском направлении разгромить части противника и выйти на фронт Корписелькя, Вяртсиля, Сортавала\*\* (Сердоболь)». В дальнейшем во взаимодействии с 7-й армией части 8-й наступали бы на Миккели, обеспечивая свой правый фланг в направлении Куопио и установив «живую связь» с 9-й армией<sup>150</sup>.

3 декабря штаб 8-й армии отдал боевой приказ о выходе 1-го с.к. к исходу дня на фронт Кяскоски, Рюеккю, Куксенваара, оз. Ала-Толваярви, имея в виду в дальнейшем захват Иломантси и Корписельки. К этому же времени 56-й с.к. выходил бы правым флангом на ст. Лоймола, центром — на Ловаярви и левым флангом — к устью р. Уксуньёки<sup>151</sup>.

В соответствии с планом командования 56-го с.к., 168-я с.д. наступала вдоль побережья Ладожского озера в направлении Сортавалы, овладев на первом этапе населенным пунктом Салми<sup>152</sup>. В центре 18-я с.д. продвигалась в направлении Кясняселькя, Уома, Лавоярви, Митро, разделившись впоследствии на две колонны — на Сюскюярви и Руокоярви с выходом к озеру Янисъярви<sup>153</sup>. К 3—4 декабря части 18-й с.д. вышли к реке Уксуньёки. 12 декабря на фронт прибыла 34-я легкотанковая бригада<sup>154</sup>.

С 13 декабря 208-й и 316-й с.п. 18-й с.д. перешли к обороне на рубеже южная окраина Сюскюярви—Рухтиненмяки—восточная окраина Руокоярви. Категорические приказы командования корпуса продвигаться дальше части дивизии выполнить не смогли. 23 декабря дивизия получила 800 человек пополнения, а через

\* Подготовка наступления 9-й армии осталась незамеченной финляндскими исследователями: Vuorenmaa A. Defensive strategy and basic operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939—1940 // Revue internationale d'histoire militaire. 1985. № 62. P. 93.

\*\* Захват Сортавалы предусматривался на 5—7-й день от начала войны. *Aptekar P.* 8. Armeijan toiminta Neuvostoliiton — Suomen sodan alkuvaiheessa // Sotahistoriallinen aikakauskirja. 1995. № 14. S. 95.

четыре дня дорога на д. Кясняселькя была перерезана<sup>153</sup>. Начался длительный период окружения и попыток деблокирования частей 18-й с.д.

Более благополучным было положение окруженных в районе Салми—Кителя частей 168-й с.д.<sup>156</sup>, которые занимали относительно большую и компактную территорию, что облегчало их снабжение по воздуху. 168-я с.д. находилась в окружении вплоть до заключения Московского мирного договора, доставляя немало хлопот финнам. Отсутствие тяжелой артиллерии не позволило финнам уничтожить противника или заставить его сдаться, чтобы затем перебросить освободившиеся части на Карельский перешеек<sup>157</sup>. (30 ноября 1939 г. в 18-й и 168-й с.д. насчитывалось 29 521 человек личного состава, 119 орудий и 46 танков.)

3 января новый командующий 8-й армией командарм 2-го ранга Г. М. Штерн<sup>158</sup> довел до сведения командира 56-го с.к. комдива Черепанова, что окруженные части могут рассчитывать на помощь головных частей 60-й с.д. лишь через 6—7 дней. Имевший разрешение Ставки ГВС при необходимости отвести окруженные дивизии, Г. М. Штерн тем не менее не отдал приказа об отходе, заявив, что «18-я с.д. должна выдержать во что бы то ни стало»<sup>159</sup>. По его мнению, активизация наступательных операций всех соединений армии должна была привести к «истощению» противника через 1—2 дня<sup>160</sup>.

Наступавшая на правом фланге 56-го с.к. 56-я с.д. имела задачу нанести решительный удар на Суоярви, не допустив отхода противника в северном и северо-западном направлениях. 213-й с.п. по плану операции должен был овладеть населенным пунктом Лоймола<sup>161</sup>.

Решить эти задачи следовало во взаимодействии с соединениями 1-го с.к. и 139-й с.д., наступавшей вдоль северного берега озера Суоярви<sup>162</sup>, и 155-й с.д., части которой продвигались в направлении Иломантси, Лиусваара. Захват Иломантси был запланирован на четвертый день от начала наступления<sup>163</sup>. 75-я с.д. обеспечивала правый фланг 1-го с.к., имея задачу овладеть районом Хеполампи, Полвиярви, Онкамолампи<sup>164</sup>.

К середине декабря командование 1-го с.к. вынуждено было отказаться от осуществления плана наступления. По оценке штаба 8-й армии, к 16 декабря это соединение было разбито противником<sup>165</sup>. 139-я с.д., потерпев поражение в районе озера Толварявви, отступила\*. 20—21 декабря наступавшая в районе озера Аглаярви 75-я с.д., находясь в полуокружении, отошла на рубеж реки Айтёйки, оставив противнику значительную часть вооружения<sup>166</sup>. Относительно более благополучным было положение 155-й с.д., которая перешла к обороне 16 декабря на рубеже реки Койтаёки<sup>167</sup>. В ходе боев на этом направлении обе стороны понесли тяжелые потери: части Красной Армии, по оценке финляндского исследователя, — до 4 тыс. убитыми, финны — 630 убитыми и 1320 ранеными<sup>168</sup>. В дальнейшем линия фронта на этом направлении стабилизировалась.

Группировкой финнов на этом направлении командовал ветеран-активист полковник Талвела, под руководством которого финляндская армия добилась первого крупного успеха в ходе войны. Исход сражения в районе Толварявви—Иломантси

\* По выражению К. Г. Маннергейма, 139-я с.д. «вышла из игры». *Mannerheim C. G. Op. cit. S. 170.*

в пользу финнов имел даже не столько большое военно-стратегическое, сколько морально-политическое значение. После неудачных в целом для финляндской армии боев в приграничной полосе в начале декабря и отступления вглубь страны граждане Финляндии впервые поверили в возможность противостоять превосходящим силам Красной Армии<sup>169</sup>.

В начале марта 1940 г. в соответствии с указаниями Генерального штаба РККА в составе 8-й армии была создана группировка, целью которой было уничтожение сил противника в районе населенного пункта Лоймола, что могло вернуть стратегическую инициативу частям Красной Армии на этом направлении. В нее были включены 56, 75, 87 и 164-я с.д., 128-я мотострелковая и 24-я мотокавдивизия<sup>170</sup>.

План разгрома Лоймольской группировки предусматривал выход 75-й с.д. во фланг и тыл укрепленного района в направлении северо-восточного берега озера Суованъярви. 56-я с.д. должна была наступать вдоль железной дороги и шоссе, 164-я с.д. — с юга через шоссе и железную дорогу в направлении южного берега озера Суованъярви, выходя в тыл противнику, оборонявшемуся против 56-й с.д. Левый фланг 8-й армии обеспечивала 87-я с.д.<sup>171</sup>

128-я м.с.д. из района озер Кейнатсюлампи—Хейнелампи наступала на д. Лоймола с юга. 24-я м.к.д. продвигалась в направлении озера Исовелскалампи—северный берег озера Лоймоланъярви, выходя частью сил в тыл противнику западнее д. Лоймола<sup>172</sup>. Начатая в последние дни войны операция завершилась безрезультатно.

Понеся тяжелые потери\*, 8-я армия не смогла выполнить ни поставленную перед ней носившую стратегический характер задачу начального периода войны, выхода в тыл группировке финляндской армии на Карельском перешейке, ни более ограниченную задачу по овладению важным узлом коммуникаций — населенным пунктом Лоймола.

Приказом Ставки ГВС от 11 февраля 1940 г. из состава 8-й армии была выделена южная группа Сортавальского направления<sup>173</sup>. С 12 февраля началось формирование Управления 15-й армии, которая переходила в непосредственное подчинение Ставке. Основной задачей 15-й армии было деблокирование окруженных в Северном Приладожье частей 18, 168-й с.д. и 34-й легкотанковой бригады. Вывод частей РККА из окружения имел бы и политическое значение, поскольку западная печать не скупилась на описания военного успеха финнов на этом направлении, нанося тем самым ущерб тезису о непобедимости Красной Армии, который был официально закреплён в уставах.

Для обеспечения операции были сконцентрированы значительные силы. В состав 56-го корпуса вошли две окруженные дивизии (18-я и 168-я), а также 60-я с.д. Включенная поначалу в состав 56-го корпуса 8-й армии, 60-я с.д. передала один из двух своих стрелковых полков в 164-ю с.д., получив взамен 620-й с.п. окруженной 18-й с.д., и до конца операции действовала с одним стрелковым и одним арtpолком<sup>174</sup>.

\* По заниженным данным, общие потери 8-й армии с 30. 11. 1939 г. по 13. 3. 1940 г. составили 32 117 человек, в том числе 6102 убитых, 19 931 раненых, 3887 пропавших без вести, 2297 обмороженных.

В 15-ю армию были включены также 8-й стрелковый корпус, в который входили 25-я лыжно-мото-кавалерийская дивизия и 72-я с.д. 25-я л.м.к.д., в мирное время размещенная в Пскове, после 21 января по железной дороге была перебросена до станции Волховстрой, откуда на автомашинах доставлена в Салми, и заняла с 1 по 4 февраля район Лупикко—Юля-Ристиоя—Уксу<sup>175</sup>.

72-я легкострелковая дивизия в составе 2 стрелковых полков, артполка и танкового батальона была доставлена по железной дороге в ЛВО со станций Стрий и Долина (Украина) в период с 7 по 29 января 1940 г. и заняла позиции во втором эшелоне за 25-й л.м.к.д.<sup>176</sup>

Помимо дивизий, действовавших в составе корпусов, в 15-ю армию вошли 11-я с.д. и 37-я м.с.д., 201, 204 и 214-я воздушно-десантные бригады, 34-я легкотанковая бригада, 201-й химический танковый батальон, 4-й погранполк, шесть лыжных батальонов, позднее переформированных в лыжные эскадроны, отряд комбрига Коротеева (стрелковый полк и сводный батальон), две минометные роты, два лыжных эскадрона, один запасной полк и заградотряд НКВД<sup>177</sup>.

37-я с.д., постоянно расквартированная в г. Омске, приказом штаба Сибирского военного округа (СибВО) от 1 января 1940 г. была переформирована в мотострелковую и до 10 января укомплектована кадровым составом за счет частей СибВО. Затем штаб округа изменил мнение, кадровые красноармейцы были возвращены в свои части, а дивизия укомплектована приписным составом. С 1 по 7 февраля части дивизии прибыли на станцию Лодейное Поле, сосредоточившись к 13 февраля в Юля-Ристиоя—Ала-Уксу<sup>178</sup>. Между 17 февраля и 14 марта в 15-ю армию прибыли 144-я м.с.д. и 119-я с.д., не успевшие принять участие в боевых действиях, а также 62 лыжных эскадрона (в эскадрон по штату входило 150 человек)<sup>179</sup>.

Состояние окруженных подразделений ко времени формирования 15-й армии было следующим. 208-й и 316-й с.п. 18-й с.д., окруженные в районе Митро—высота 104,9—Рускасет, к 9 февраля в основном были уничтожены. Такая же участь постигла и штабы этих полков, 3-й артполк дивизии и 12-й гаубичный полк, окруженные в районе безымянной высоты в трех километрах южнее Рускасет<sup>180</sup>, которые в ночь с 17 на 18 февраля попытались прорваться в район расположения 168-й с.д. Этой цели достигли лишь 4 человека, а, кроме того, на командный пункт 18-й с.д. в южном Леметти вышли 2 человека<sup>181</sup>.

Остальные части 18-й с.д. были окружены в пяти гарнизонах: южный Леметти, в котором находилось управление дивизии; Ловаярви; южный берег озера Сариярви; у стыка дорог в четырех километрах южнее высоты 108,8 и в пункте Уома<sup>182</sup>.

168-я с.д. к началу февраля потеряла около 1/3 личного состава, ведя бои в окружении в районе Кителя. Снабжение этой дивизии осуществлялось по льду Ладожского озера из района Питкяранты, а также по воздуху<sup>183</sup>.

Перед частями 25-й м.к.д., 11-й с.д. и группой комдива Петрова была поставлена задача: к 5 февраля освободить блокированный в Леметти гарнизон 18-й с.д., ведя наступление с марша. К 6 февраля наступавшие по глубокому снегу части группировки смогли продвинуться лишь на 2,5 км<sup>184</sup>.

С 10 по 16 февраля 8-й с.к. и 11-я с.д. получили приказ ликвидировать группировку финнов в районе Питкяранты (так называемый питкярантский «язык»)

и выйти на рубеж Ниемеля—высота 66,0, на которой оборонялась окруженная рота 4-го погранполка. Кроме того, части 11-й с.д. с гарнизоном Питкьяранты (батальон 187-го полка) должны были выйти на фронт 1 км севернее Питкьяранты—южные и юго-западные скаты высоты 66,0. К 16 февраля наступавшие войска, не имея лыж, при снежном покрове, достигавшем 1—1,5 м, продвинулись на отдельных направлениях на 300—500 м, не выполнив задачу<sup>185</sup>.

15 февраля командование 15-й армии решило захватить острова Петяясаари и Максимансаари, чтобы улучшить возможности снабжения 168-й с.д. В состав выполнявшей задачу 204-й воздушно-десантной бригады входили 3 батальона (1450 человек) и 24 орудия калибра 45—152 мм. Плохая организация боя, недостаточная поддержка артиллерии и авиации, огонь противника с материка заставили бригаду отступить с занятого на 3/4 острова Петяясаари, потеряв убитыми 320 и ранеными 289 человек<sup>186</sup>.

21 февраля был отдан приказ о переходе 15-й армии в общее наступление с целью окружения и уничтожения Питкьярантской группировки противника, которая находилась в полуокружении в 3—4 км к северу от города. Операция должна была завершиться освобождением 18-й с.д. и установлением локтевой связи с частями 168-й с.д. Главный удар наносили 37-я с.д. на участке высот 66,0—69,5—Койвуселья и разведбатальон, который должен был войти в связь с частями 168-й дивизии. Фронт наступления 37-й дивизии составлял всего лишь 500—600 м<sup>187</sup>.

Наступавшая справа 11-я с.д. и гарнизон Питкьяранты имели целью захват безымянной высоты в двух километрах северо-восточнее города. 25-я м.к.д. в соответствии с планом операции наступала в направлении безымянной высоты юго-восточнее озера Ньетъярви фронтом на северо-запад. 72-я с.д. продвигалась фронтом на запад из района юго-западнее Ньетъярви—безымянная высота в 2 км северо-восточнее Питкьяранты<sup>188</sup>.

60-я с.д. наносила удар через район Куренъярви—западный берег реки Уксунтъёки—северная окраина Уома с целью уничтожения Уомовской группировки противника, имея в своем составе 194-й с.п., 83-й гаубичный артиллерийский полк, по два лыжных батальона и эскадрона<sup>189</sup>.

Операция началась в 13.00 23 февраля в условиях плохой погоды, исключившей поддержку авиации, и на следующий день была свернута. За два дня потери только 37-й с.д. составили 359 человек убитыми, 853 — ранеными, 214 человек пропали без вести<sup>190</sup>.

Командование 18-й с.д. и 34-й л.т.б.р., окруженных в южном Леметти, в период с 16 по 27 февраля слало в штаб 15-й армии многочисленные телеграммы с просьбами о немедленной помощи и разрешении выйти самостоятельно из окружения, оставив на месте все тяжелое вооружение, вывести его предварительно из строя. К 28 февраля в южном Леметти насчитывалось около 3800 человек<sup>191</sup>.

28 февраля в 0.45 было получено разрешение Ставки на отход частей на Ловаярви. Как отмечалось в отчете 15-й армии, «в расчете на более легкий выход северной колонны» командир 18-й с.д. комбриг Г. Ф. Кондрашев собрал в ее составе командование, штабы и наиболее здоровых людей<sup>192</sup>. В южную колонну, которой командовал начальник штаба дивизии полковник Алексеев, вошло большинство

раненых и больных, способных передвигаться самостоятельно. Приказ военного совета 15-й армии взять с собой всех больных и раненых не был выполнен. Всего было оставлено не менее 200 человек\*. В отчете 15-й армии было сказано, что «выход гарнизона преднамеренно был скрыт от них. Эти люди были сознательно брошены»<sup>193</sup>. В соответствии с данными, имеющимися у О. Дудоровой и П. Аптекаря, после отхода двух колонн землянки вместе с оставленными в них ранеными были сожжены финнами<sup>194</sup>.

22 февраля в 22.00 южная колонна вышла в расположение своих частей, выведя 1237 человек в район высоты 95,0, потеряв 249 человек убитыми<sup>195</sup>. Северную колонну разыскивали до 6 марта средствами воздушной и наземной разведки, но безуспешно. Позднее стало ясно, что она полностью погибла. В ней насчитывалось приблизительно 1500 человек\*\*.

Прибывший в 15-ю армию в начале марта заместитель наркома обороны СССР командарм 2-го ранга Г. И. Кулик поставил перед 37-й с.д. задачу освободить, наконец, 168-ю с.д. Для этого требовалось овладеть островами Петясаари, Максимаансаари и Паймионсаари. Замнаркома потребовал подвергнуть острова интенсивной обработке артиллерией и авиацией, «чтобы не было признаков жизни на островах, куда пойдет пехота». Это указание было выполнено, и к исходу 6 марта острова были захвачены<sup>196</sup>.

После овладения островом Вуоратсу, 8 марта части 37-й дивизии и 204-го в.д.б., не встречая сопротивления, выдвинулись на мыс Куйваниеми<sup>197</sup>. В ночь на 11 марта разведка 91-го с.п. вошла в соприкосновение с разведкой 168-й с.д. у озера Перялампи<sup>198</sup>.

Последней операцией 15-й армии в ходе войны стала попытка окружения Питкярантской группировки финнов, которая в ночь с 7 на 8 марта начала отход на север. В связи с окончанием боевых действий этот план остался невыполненным.

Потери 15-й армии, не выполнившей поставленную перед ней задачу, за весь период боев составили, по данным штаба, убитыми 12 180 человек, ранеными 22 871, заболевшими и обмороженными 3061, пропавшими без вести 2909 человек — всего 41 021 человек<sup>199</sup>.

Ход боевых действий в Северном Приладожье мог получить совершенно иной поворот, если бы удалось осуществить в назначенные сроки строительство железной дороги Петрозаводск—Суоярви протяженностью 132 км. Незадолго до прекращения наступления 7-й армии на Карельском перешейке 27 декабря 1939 г., в Москве было принято решение о сооружении этой дороги в кратчайшие сроки.

22 декабря 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление о строительстве железнодорожной линии облегченного типа по указанному маршруту к 15 февраля 1940 г. силами 10,5 тыс. рабочих<sup>200</sup>. Дорога должна была обеспечить переброску резервов из внутренних районов страны и тем самым вы-

\* О. Дудорова и П. Аптекарь называют другую цифру — около 120 человек. Дудорова О., Аптекарь П. Преданные и забытые // Родина. 1995. № 12. С. 91.

\*\* Описание гибели северной колонны см. в книге: Aarnio M. A. Talvisodan ihme. S. 366—375.

полнение плана операции по выходу частей РККА в тыл группировке финляндской армии, оборонявшей Карельский перешеек, что могло решить исход войны\*.

С 1 февраля по 13 марта, с опозданием на месяц, на всей трассе были выполнены земляные работы первой очереди. Строительство было начато и велось одновременно с проектированием и изысканиями. Две колонны, со стороны Суоярви и от Петрозаводска, параллельно с земляными работами укладывали рельсы.

Вскоре бюро Карельского обкома ВКП(б) постановило, что «сроки окончания строительства, к 15.02.40, установленные решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР и приказом Л. М. Кагановича, сорваны». Была поставлена новая задача: организовать не менее пяти укладочных колонн и с 24 февраля укладывать не менее 10 км путей в сутки, чтобы к 1 марта начать регулярно подавать воинские эшелоны к фронту. Это решение, как и предыдущие, оказалось невыполненным, первый поезд из Петрозаводска в Суоярви проследовал лишь 13 марта, в день завершения боевых действий. Невыполнение сроков строительства в основном объяснялось несвоевременной переброской заключенных ББК — основного подрядчика.

Пропускная способность однопутной Кировской дороги была столь незначительной, что не могла обеспечить своевременную переброску дивизий, предназначенных для усиления 8, 9, 14 и 15-й армий, а также доставку военных материалов. «Острые затруднения в продвижении поездов» начались в конце декабря 1939 г.<sup>201</sup> На Кировской железной дороге в январе 1940 г. среднесуточная скорость продвижения воинских составов равнялась 116 км, или 4,8 км/ч, и в феврале — 132 (5,5), а на Октябрьской — соответственно 183 (7,6) и 143 км (5,95 км/ч)<sup>202</sup>. (По мнению некоторых военных экспертов, Кировская железная дорога в зимних условиях могла обеспечить снабжение лишь четырех дивизий<sup>203</sup>.)

С целью наверстать упущенное время на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 25 декабря 1939 г. было намечено ускорение строительства железнодорожной линии Сорокская—Обозерская с переброской для этого 50 тыс. заключенных<sup>204</sup>. 5 февраля 1940 г., в день принятия в Париже Верховным Советом союзников принципиального решения о возможности посылки экспедиционного корпуса на помощь Финляндии, политбюро постановило начать строительство вторых путей железной дороги Ленинград—Мурманск<sup>205</sup>. Временное движение от ст. Волховстрой до ст. Лодейное Поле следовало открыть к 10 апреля и от ст. Лодейное Поле до Петрозаводска — к 1 июля 1940 г.<sup>206</sup>

Изменение первоначального плана наступательной операции 9-й армии и перенос направления основного удара севернее поставили на повестку дня строительство еще одной железной дороги — Кандалакша—Куоляярви. Решение о строительстве было утверждено совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1940 г.<sup>207</sup> Силами 9-й армии не достроенная к началу войны железная дорога Ухта—Кестеньга была доведена до конечного пункта, однако работы велись в такой спешке, что рельсы местами укладывались прямо на землю, без насыпи, и весной дорога вышла из строя<sup>208</sup>.

\* Некоторые западные исследователи считают, что строительство этой дороги началось осенью 1939 г.: Trotter W.R. Frozen Hell. The Russo-Finnish Winter War of 1939—40. Chapel Hill, 1991. P. 52.

В целом запоздавшие мероприятия по железнодорожному строительству в ходе войны не привели к желаемому результату, ни одно подразделение РККА не было доставлено на фронт по вновь отстроеным путям. Неразвитость путей сообщения в Карелии стала основной причиной, по которой командование РККА оказалось не в состоянии перебросить резервы для усиления 8, 9 и 15-й армий и осуществить намечавшиеся операции, которые могли решить исход войны.

После неудачных попыток прорвать линию Маннергейма в конце декабря 1939 г., части Красной Армии перешли к обороне на всех участках фронта, что, однако, не означало отказа от осуществления первоначального плана войны — оккупации всей территории Финляндии. На заседании политбюро в начале января утвердили план прорыва линии Маннергейма, доработанный затем командующим созданного 7 января Северо-Западного фронта С. К. Тимошенко и Генеральным штабом<sup>209</sup>. К началу решающего наступления на Карельском перешейке, целью которого был выход на рубеж Кякисалми, ст. Антреа, Выборг, фронт был усилен 12 дивизиями, двумя штабами армейских корпусов, а также шестью артиллерийскими полками<sup>210</sup>.

Группировка Красной Армии на Карельском ТВД получила еще более значительные подкрепления: по распоряжению Ставки ГВС к середине февраля она была увеличена с 9 до 25 дивизий, часть подразделений которых по причине слабости коммуникаций до конца войны не прибыла на фронт. Части 9, 8 и 15-й армий должны были решить поставленные еще в начале войны задачи выхода к Ботническому заливу и занятия Сортавалы.

В случае готовности действовавших в Карелии войск, как и планировалось, к наступлению одновременно с частями 7-й и 13-й армий или несколько позднее война могла завершиться иначе, гораздо менее благоприятно для Финляндии, поскольку одновременный натиск на Карельском перешейке и в Карелии, а также отсутствие у финнов достаточного количества обученных резервов не оставляли сомнений в том, как будут развиваться события.

Война закончилась в тот момент, когда Красная Армия могла в относительно короткий срок завершить разгром финляндской армии на Карельском перешейке, одновременно начав мощное наступление в Приладожье и на Севере Карелии. Имевшиеся силы и средства позволяли это сделать. Подписание мирного договора с Финляндией было вынужденным шагом, так как советское руководство опасалось вступления в войну Великобритании и Франции. В дневнике В. М. Молотова за 5 марта имеется собственноручная запись наркома иностранных дел СССР: «большая опасность иностранного вмешательства»<sup>211</sup>. В. М. Молотов был сторонником возможно более скорого прекращения войны, желая избежать непредсказуемых последствий вмешательства в конфликт Великобритании и Франции — потенциальных союзников СССР в случае войны против Германии.

Причинами, которые не позволили достичь главной цели войны — оккупировать всю территорию Финляндии, следует считать недооценку противника и готовности населения этой страны защищать свою независимость. На первом этапе фактором, серьезно ограничивавшим эффективность операций, была недостаточность мотивации бойцов Красной Армии, которые не понимали целей войны<sup>212</sup>. В январе—марте 1940 г. на первый план вышли другие факторы, основным из которых была неразвитость инфраструктуры северо-западного ТВД, что не позволило осуществить решающее наступление в намеченные сроки.



### 3.5. «НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» ДЛЯ ФИНЛЯНДИИ

Наряду с военным способом решения «финского вопроса» в ходе зимней войны советским руководством использовались нестандартные политические методы, важные с точки зрения жизнеспособности и устойчивости политического режима, который предстояло создать в Финляндии после оккупации страны.

В рамках подготовки ко второй мировой войне и к выдвиганию западных рубежей на запад, с включением в состав СССР стран Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Финляндии, руководство СССР решило использовать в них идею народного фронта: сотрудничества компартий со всеми нефашистскими движениями и партиями. Это был вынужденный шаг, объяснявшийся, прежде всего, слабостью национальных компартий и их неспособностью обеспечить стабильную политическую ситуацию в условиях, когда временно продолжали существовать демократические институты.

Зимой 1939—1940 гг. в Финляндии впервые была апробирована идея народного фронта, предложенная 7-м конгрессом Коминтерна еще в 1935 г. Внешне представлявшая собой отход от доктрины диктатуры пролетариата идея народного фронта была, по сути, тактическим маневром Коминтерна и вызывалась необходимостью противостояния фашизму. Помимо этого народный фронт был уступкой реалиям времени: советская система к середине 1930-х гг. окончательно себя скомпрометировала и влияние коммунистических партий в ключевых странах Западной Европы, особенно во Франции, в 1920 — начале 1930-х гг. было весьма незначительным<sup>213</sup>.

В подготовительных материалах к 7-му конгрессу Коминтерна отмечался «тревожный симптом» того, что, «несмотря на банкротство II Интернационала», наблюдается «чрезвычайно слабый переход к коммунистам, даже в тех странах, где это банкротство сознается массами»<sup>214</sup>.

В проекте декларации возглавленного О. В. Куусиненом «народного правительства» Финляндии, о существовании которого в Финляндии узнали из радиопередачи московского радио на финском языке в первый день войны<sup>215</sup>, говорилось о том, что оно «считает себя временным правительством, состав которого будет сейчас же по прибытии в столицу Финляндии, Хельсинки, расширен авторитетными представителями разных партий и групп, участвующих в трудовом народном фронте»<sup>216</sup>.

Новое правительство Финляндии должно было обратиться к правительству СССР «с просьбой удовлетворить вековую национальную надежду финского народа на воссоединение с Финляндией районов Советской Карелии, населенных в своем большинстве карелами»<sup>217</sup>. С началом войны Москва приступила к силовому решению «финского и карельского вопросов».

2 декабря 1939 г. между «народным правительством» О. В. Куусинена и правительством СССР был подписан договор о дружбе и взаимопомощи. В состав Финляндской Народной Республики\* (ФНР) были переданы приграничные рай-

\* «Революционный призыв к трудовому народу Финляндии» с правкой В. М. Молотова. Молотов от руки приписал название нового государства «Финляндская Народная Респуб-

оны КАССР, населенные преимущественно карелами. К ФНР отходила примерно половина довоенной территории Карелии — 70 тыс. кв. км<sup>218</sup>. Формирование правительства О. В. Куусинена в литературе обоснованно рассматривается как непосредственное доказательство намерения руководства СССР занять в ходе военной кампании всю территорию Финляндии<sup>219</sup>. По мнению А. Туоминена, руководителя КПФ, который в ноябре 1939 г. получил предложение возглавить правительство ФНР, идея формирования этого правительства принадлежала А. А. Жданову<sup>220</sup>.

О серьезности намерений Москвы осуществить в Финляндии идею народного фронта — временное и переходное мероприятие — с последующей советизацией, свидетельствует то обстоятельство, что ФНР уже в конце декабря 1939 г. имела государственную границу с СССР, на которой действовали обычные правила, установленные для такого рода границ, включая карантинные мероприятия<sup>221</sup>.

Правительство Куусинена имело свои вооруженные силы — четыре дивизии, из которых две\* действовали в составе 106-го (позднее 1-го) стрелкового корпуса Финляндской народной армии (ФНА). К 18 декабря 1939 г. в частях 106-го с.к. насчитывалось 17 983 человека, в том числе 11 928 финнов (ингерманландцев), 4811 карелов и 1244 представителя других национальностей. За исключением танкового полка, в котором численно преобладали русские, во всех остальных частях абсолютное большинство составляли националы<sup>222</sup>. В тылу 8-й армии формировалась 3-я дивизия ФНА, однако ограниченные мобилизационные ресурсы КАССР, а также неудача реализации плана зачисления в ФНА добровольцев из числа граждан Финляндии не позволили этому соединению превратиться в полноценную боевую единицу. На 15 марта 1940 г. в 3-й дивизии числилось лишь 2839 человек<sup>223</sup>. На Крайнем Севере действовала 4-я пограничная дивизия ФНА (1924 человека на 15 марта 1940 г.). К концу войны общая фактическая численность личного состава соединений ФНА была 27 648 человек<sup>224</sup>.

До конца войны так и не удалось решить проблему комплектования командного состава ФНА за счет националов, не в последнюю очередь вследствие репрессий против финского населения Ленинградской области и КАССР. В середине января 1940 г. из 1141 командира среднего и старшего звена 1-го корпуса ФНА 302 были финнами, 160 — карелами, 491 — русскими и 188 — представителями других национальностей<sup>225</sup>. «Армия Куусинена» предназначалась для поддержания порядка на занятой Красной Армией территории Финляндии, и ее использование на передовой командованием Красной Армии было запрещено.

В соответствии с предвоенным планом предполагалось, что правительство Куусинена приступит к осуществлению активной политической деятельности на территории Финляндии сразу после своего формирования в г. Териоки и заключения пакта о взаимопомощи с СССР. С этой целью «народным» правительством были

лика», хотя во время войны бытовали и другие варианты. Революционный призыв к трудовому народу Финляндии. Без даты. АВПРФ, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 192, л. 11.

\* Первые две дивизии, сформированные в Петрозаводске 29—30 ноября 1939 г., были переброшены на Карельский перешеек. *Веригин С. Г.* Финская народная армия в зимней войне 1939—40 гг. // *Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи.* Петрозаводск, 1995. С. 100.

сформированы специальные бригады, включавшие в себя 2—3 человека, для проведения политической работы среди населения оккупированной Красной Армией территории Финляндии и формирования комитетов трудового народного фронта (КТНФ)<sup>226</sup>. Осуществленная финнами на Карельском перешейке эвакуация всего населения ограничила масштабы намечавшихся мероприятий, которые проводились только в финляндской (западной) Карелии и в районе Петсамо.

В выступлении первого секретаря Карельского обкома Г. Н. Куприянова на партактиве в Петрозаводске в декабре 1939 г. был разъяснен замысел Москвы. В состав КТНФ включались «и представители мелких буржуазных и представители демократических партий. Надо уметь применять нашу большевистскую тактику к существующей обстановке»<sup>227</sup>. Отвечая тем номенклатурным работникам, которые впали в панику после присоединения карельских районов КАССР к Финляндской Народной Республике, стремясь «позорно дезертировать» из ФНР, Г. Н. Куприянов успокоил их, заявив, что «в конце концов Финляндия будет советской, вопрос во времени»<sup>228</sup>.

Карельский обком отправил в Финляндию два типа представителей. Одни должны были заниматься вербовкой добровольцев в «армию Куусинена». Так, в удостоверении под № 3, подписанном министром по делам Карелии в правительстве Куусинена Пааво Прокконеном (Проккопьев Павел Степанович) 17 декабря и заверенном печатью Финляндской Народной Республики, говорилось: «Финляндское народное правительстве направляет Окунева в восточную Финляндию для вербовки добровольцев в народную армию Финляндии»<sup>229</sup>. Представители второго типа должны были «выяснить положение и нужды населения и распространять декларацию правительства»<sup>230</sup>. В начале декабря вслед за частями Красной Армии в Финляндию были направлены 25 «ответственных партработников», затем еще 22<sup>231</sup>. В конце декабря в резерве Карельского обкома находилось еще 56 «человек товарищей» с удостоверениями и личным оружием<sup>232</sup>. Обязательным условием зачисления в состав спецбригады было знание финского языка.

В самом начале войны, однако, выяснилось, что большая часть гражданского населения из восточных районов Финляндии была эвакуирована, и на занятой Красной Армией территории осталось лишь немногим более 3 тыс. человек (до отступления на участке 9-й армии). Для советской стороны эвакуация стала полной неожиданностью<sup>233</sup>, и от широкого плана формирования КТНФ вскоре пришлось отказаться. (На Поросозерском направлении спецбригаде, возглавляемой А. Виролайненом, из-за отсутствия населения пришлось заниматься пропагандой в частях Красной Армии<sup>234</sup>.)

Первый комитет трудового народного фронта был учрежден в деревне Хаутаваара 9 декабря 1939 г.<sup>235</sup>, а во второй половине января их насчитывалось в общей сложности 15, в том числе в районе Петсамо. Кроме того, в 13 деревнях действовали уполномоченные КТНФ<sup>236</sup>.

Отход от первоначального плана деятельности спецбригад обозначился уже в декабре. Не успевшее эвакуироваться население, преимущественно женщины, дети и старики, оставшееся без средств к существованию и интересовавшееся в первую очередь проблемой собственного выживания, было плохим материалом для идеологической обработки. Образованным комитетам, в силу необходимости,

пришлось заниматься не столько агитационной, сколько административно-хозяйственной работой<sup>237</sup>.

Не была осуществлена и вербовка в народную армию добровольцев, несмотря на наличие более 40 человек из района Юнтусранты, изъявивших желание вступить в «армию Куусинена»<sup>238</sup>. 30 декабря 1939 г. Г. Н. Куприянов, проинформировав секретарей ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и А. А. Жданова о деятельности «народного правительства» на занятой Красной Армией территории Финляндии, поставил перед ними вопрос о включении в народную армию добровольцев из числа местных жителей и солдат-резервистов, дезертировавших из армии\*. Этот вопрос, который, как считал Г. Н. Куприянов, «в скором времени встанет во всей широте», он предложил решить положительно, «всесторонне» проверив каждого добровольца<sup>239</sup>.

Разрешение на зачисление добровольцев в «народную армию» в конце концов дано не было. Вместо этого часть добровольцев была включена в состав местных вооруженных отрядов. Представитель правительства ФНР А. Горбачев в январе 1940 г. доложил в Карельский обком партии о создании в районе Юнтусранты отряда из 7 человек, приступившего к «ликвидации банд у нас в тылу и работе за фронтом». Кроме того, в двух деревнях были образованы группы самообороны в количестве 12 человек<sup>240</sup>. В деревне Рюхтинанкюля «для борьбы с белофиннами» создали отряд из 25 человек<sup>241</sup>.

В начале февраля деятельность КТНФ была свернута, а население с территории Финляндии переведено в тыловые районы КАССР в связи с начавшейся операцией по эвакуации всего гражданского населения Карелии из приграничной 40-километровой зоны. Эвакуация граждан Финляндии началась 5 февраля. Всего из района Суоярви было вывезено 1768 человек<sup>242</sup>. Общая же численность эвакуированных вглубь Карелии граждан Финляндии составила 2080 человек<sup>243</sup>. Впоследствии большая часть этих людей вернулась на родину<sup>244</sup>.

Решение об эвакуации было принято 30 января Ставкой ГВС<sup>245</sup>, а 2 февраля НКВД СССР издал приказ № 42 о ее проведении в срок до 10 февраля. Несмотря на то, что в приказе в качестве обоснования этой широкомасштабной акции упоминалась лишь борьба со шпионажем\*\*, по всей видимости, учитывалась необходимость размещения вблизи границы прибывавших на фронт многочисленных дивизий в ходе подготовки к решающему наступлению на фронте от Ладоги до широты Кандалакши\*\*\*.

\* В районе Юнтусранты был один такой перебежчик.

\*\* В ходе войны наиболее точные сведения о действиях 8-й и 9-й армий финны имели благодаря перехватам и расшифровке шифротелеграмм, а не агентурной разведке. Командование Красной Армии об этом не знало. *Heiskanen R. The Effect of Finnish Military Intelligence Information and Assessments on World war II Decision Making in Finland // Comission internationale d'histoire militaire. Acta № 13. Helsinki, 1988. P. 281.*

\*\*\* Представители военных властей объясняли местным жителям проведение эвакуации необходимостью размещения войск. Интервью автора с жителем п. Реболы В. И. Моисеевым 9. 7. 1999.

В 8 приграничных районах Карелии подлежали эвакуации в тыл 34 288 человек\*, из которых некоторое количество было оставлено в местах постоянного проживания для обслуживания нужд армии. Эвакуация проводилась в большой спешке под строгим надзором начальника политуправления РККА Л. З. Мехлиса, людей вывозили на открытых армейских грузовиках при сильном морозе<sup>246</sup>. В родные места они вернулись лишь в конце марта 1940 г. после ухода войск.

### 3.6. «БЮРО К» СТАВКИ ФИНЛЯНДСКОЙ АРМИИ

Командование финляндской армии, имея смутные представления о составе частей Красной Армии в Восточной Карелии осенью 1939 г. до начала боевых действий, надеялось осуществить свой собственный план наступления на территорию противника после нападения со стороны СССР. Эта военная операция, разрабатывавшаяся Генеральным штабом финляндской армии с начала 1920-х гг., должна была проводиться на всем протяжении линии фронта в Восточной Карелии и помимо военных преследовала политические цели.

7 сентября 1939 г. начальник отдела сухопутных войск Генштаба подполковник Нихтиля направил директиву командованию группировок «Северная Финляндия» и «Северная Карелия», в которой поставил задачу с началом войны овладеть приграничной деревней Реболы, наступая из района Лиекса—Кухмониemi. Целью операции было также обеспечение наступления частей группы «Северная Карелия» в общем направлении Кухмониemi—Реболы. Кроме этого, обе группы должны были «безотлагательно» выслать диверсионные отряды к Кировской железной дороге<sup>247</sup>.

3 ноября командир 4-го армейского корпуса, действовавшего в Приладожье, генерал Хейсканен подписал директиву № 1, ставившую подвижным группам корпуса задачу сразу после начала войны пересечь границу и занять стратегически выгодные позиции, создав предпосылки для успешных действий главных сил<sup>248</sup>.

9 ноября 1939 г. В. Нихтиля отдал начальнику разведуправления распоряжение организовать диверсионную деятельность на территории Восточной Карелии после начала боевых действий для прекращения или замедления переброски резервов Красной Армии по Кировской железной дороге на ее южном участке. В документе предписывалось уничтожать запасы продовольствия и склады с военными материалами в прилегающей к дороге местности, выводить из строя промышленные предприятия и электростанции, имевшие военное значение, обращая особое внимание на лыжные заводы, пекарни и электростанции. (Единственный лыжный завод в Карелии находился в Петрозаводске. — Ю. К.) В населенных пунктах, подхитивших для размещения частей Красной Армии, следовало уничтожить путем поджогов жилой фонд\*\*.

\* Подсчитано по постановлению бюро Каробкома ВКП(б) от 3. 2. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 65, д. 11, л. 17.

\*\* Yleisesikunta. Op. Os. Maavoimatoimisto. № 355./Op./s. 9. 11. 39. Ohjeet tiedusteluosaston raalikolle. Sark. 1588/6. 8 декабря 1939 г. В. Нихтиля направил командованию частей, дей-

После начала войны, 3 декабря, командование группы «Северная Финляндия» предложило в соответствии с довоенными планами<sup>249</sup> захватить деревню Реболы в ходе операции, которую должны были осуществить 25-й пехотный полк, наступая из района Кухмо, и отряд под командованием Раапана из района Лиексы. Главнокомандующий Маннергейм одобрил эту инициативу и 4 декабря разрешил начать наступление<sup>250</sup>. 5—6 декабря части бригады подполковника Вуокко, которая должна была захватить Реболы, прибыли в Нурмес по железной дороге\*. Эта операция была отменена лишь после того, как финны убедились в численном превосходстве наступавших здесь частей РККА.

Перспективы проведения успешных наступательных операций в российской Карелии, по мнению К. Г. Маннергейма, появились вновь в начале января после крупных поражений Красной Армии в Северном Приладожье. Их осуществление могло принести существенные военно-стратегические выгоды финляндской армии, сократив протяженность линии фронта и позволив значительно облегчить оборону Карельского перешейка<sup>251</sup>.

Вскоре, однако, стало ясно, что эти планы были неосуществимы, поскольку вопреки надеждам финнов группировка Красной Армии на этих направлениях оказалась сильнее, чем ожидалось. В течение всей войны боевые действия регулярных частей обеих армий велись исключительно на территории Финляндии. Несмотря на то, что Красной Армии не удалось добиться решающих успехов к северу от Ладоги в ходе войны, концентрация здесь значительных военных сил принесла один весомый результат — руководство СССР избежало унижения и потери авторитета, которые могли последовать за занятием финнами хотя бы небольшого участка территории страны.

Помимо разработки военных операций по занятию части территории Восточной Карелии при благоприятных условиях, командование финляндской армии сразу после начала боевых действий проявило инициативу в создании структур, которые могли бы вести политическую работу на оккупированной территории советской Карелии. Эта работа должна была проводиться как среди гражданского населения Карелии, прежде всего карелов и ингерманландцев, а затем и других национальных меньшинств СССР, так и в войсковых частях Красной Армии с преобладанием лиц нерусской национальности. В последнем случае использовались такие методы, как распространение листовок, радиопропаганда и работа среди военнопленных.

С начала 1920-х гг. и до начала войны активизм в Финляндии, несмотря на энергичную племенную работу (*heimotyö*), установление стройной структуры активистских организаций, был лишен весьма важной составляющей — он существовал отдельно от государства, которое подчеркнуто дистанцировалось от представителей течения, приносившего много внешнеполитических затруднений. Обращения активистов о выделении им государственных средств на подготовку специалистов по Восточной Карелии, о предоставлении сведений из МИДа,

ствовавших в Северном Приладожье, указание приступить к осуществлению этого плана. См.: *Kilki P. Valo Nihtilä — päämajan eversti. Porvoo, 1994. S. 44—45.*

\* Suomen kenttätykistön historia. 2 osa. 1939—45. *Pieksämäki, 1994. S. 95.* Попытки овладеть частью приграничной территории Карелии предпринимались и в январе 1940 г., после разгрома 44-й дивизии в районе Суомусалми. *Siilasvuo H. Kuhmo talvisodassa. S. 67—69.*

Валпо (Государственной полиции) и Генерального штаба за несколькими исключениями оставались без ответа, а предоставление такого рода информации было запрещено<sup>252</sup>. Во второй половине 1930-х гг., с началом устойчивого экономического роста Финляндии, идеи активизма постепенно стали терять свою былую привлекательность для граждан страны. Этому в немалой степени способствовал и заметный рост военно-экономического потенциала СССР.

С началом зимней войны активисты воспрянули духом, утратив свой общественный характер, движение было взято под опеку командованием финляндской армии, планировавшим проведение военных операций на территории, прежде всего, Восточной Карелии. На первых порах энтузиазм был столь силен, что активистские организации в армии возникали, не будучи осведомлены о существовании друг друга.

Среди малоизвестных мероприятий командования финляндской армии, осуществленных после начала войны, было учреждение специального бюро Ставки — так называемого «бюро К» («toimisto K»). Сведения о задачах и деятельности этого отдела в период войны содержатся в ряде документов, из которых наибольший интерес представляет составленный 10 апреля 1940 г., через месяц после завершения войны, отчет начальника бюро, инженера-лейтенанта запаса Рейно Кастрена — одного из известных деятелей активистского движения<sup>253</sup>.

Переговоры о формировании специального бюро, задачей которого была пропагандистская работа среди карелов, ингерманландцев и других национальных меньшинств СССР, начались в Ставке 1 декабря, на следующий день после начала войны. В ходе переговоров Р. Кастрен предложил военным отдать приказ об учреждении бюро, и уже 9 декабря разведотдел пригласил добровольцев, первый из которых прибыл в тот же день<sup>254</sup>.

Решение важного для активистов вопроса об учреждении специальных курсов подготовки специалистов по пропаганде и агитации для Восточной Карелии было на некоторое время отложено. Это было вызвано тем, что штаб тыловых войск (Kotijoukot) Финляндии по инициативе еще одного ветерана-активиста майора в отставке Рагнара Нордстрёма в начале декабря дал распоряжение об учреждении в финском городе Кемпи особого добровольческого воинского формирования, составленного из выходцев из Восточной Карелии и Ингерманландии. Ответственным за формирование специального подразделения был назначен майор В. Хямляйнен. Р. Кастрен выехал в Кемпи на переговоры<sup>255</sup>.

Поначалу бюро предполагалось включить в состав разведотдела Ставки, однако, по-видимому, из-за особой деликатности дела оно было передано в первый отдел бюро пропаганды Ставки под названием «группа А». 21 декабря 1939 г. название было по распоряжению Ставки изменено на «бюро К»\*, которое сохранилось до конца войны. В связи с усложнением задач, стоявших перед бюро, в первую очередь для проведения пропагандистской работы среди военнопленных нерусской национальности и в частях Красной Армии, в которых преобладали национальные меньшинства, 17 февраля 1940 г. «бюро К» было разделено на два отдела: «отдел 2», занимавшийся проблемами Восточной Карелии и Ингерманландии, и подчиненный ему «отдел 3», или отдел национальных меньшинств<sup>256</sup>.

\* По всей видимости, по начальной букве фамилии начальника бюро Р. Кастрена.

До 5 января 1940 г. заместителем начальника «бюро К» Р. Кастрена являлся лейтенант запаса из контрольного отдела Ставки («Päämajan valvontaosasto») Эйно Лескинен, которого с 6 января заменил прапорщик Микко Карвонен. Помимо секретаря бюро Ибрагима Арифиллы в штат входило еще семь человек<sup>257</sup>. С 9 декабря по 13 января бюро располагалось в городе Миккели, где во время войны была расквартирована Ставка финляндской армии, по адресу Савилахденкату, 16, а затем переехало в главную народную школу Миккели<sup>258</sup>.

Задачи «группы А» были определены еще в начале декабря 1939 г. и включали в себя воздействие на гражданское население Восточной Карелии и Ингерманландии и связанную с этим политическую деятельность: подготовку совместно с разведотделом пропагандистских материалов для частей Красной Армии с преобладанием представителей национальных меньшинств; поддержание связей с беженцами из Восточной Карелии и Ингерманландии, а также с представителями других нерусских народов СССР; набор и подготовку курсантов для проведения всех этих мероприятий<sup>259</sup>.

12 декабря начальник бюро пропаганды утвердил новую, более детализированную, рабочую программу «группы А», в соответствии с которой она должна была продолжать работу Центральной комиссии племенных организаций (Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta) и кружка «Прометеус» («Prometeuserho»), проводившуюся ими в мирное время, и осуществлять разведывательную и политическую работу<sup>260</sup>.

С целью подготовки кадров для работы в Восточной Карелии были учреждены курсы специальной пропаганды (erikoispropaganda kurssit), на которые зачислили 27 слушателей, выбранных из 350 добровольцев. Критериями жесткого отбора были физическая пригодность к службе в диверсионных (партизанских) отрядах и политическая благонадежность, а также происхождение из Восточной Карелии, выходцами из которой было абсолютное большинство курсантов. Р. Кастрен намеревался таким образом подобрать слушателей, чтобы они равномерно представляли все местности Восточной Карелии, однако осуществить это в полной мере не удалось<sup>261</sup>.

Использовать выпускников курсов военные намеревались для политической разведки и пропаганды, включая их в состав диверсионных отрядов и отрядов дальней разведки. В тех районах, где не было значительных военных сил противника, курсанты должны были, действуя небольшими группами, поднимать население против существовавшей власти и вести политическую разведку. После занятия финляндской армией части территории Восточной Карелии выпускники курсов выполняли бы особые политические задачи, сосредоточившись на пропагандистской работе среди населения, а также военнопленных-карелов<sup>262</sup>.

Программа подготовки, военную часть которой проводили прикомандированные офицеры и унтер-офицеры 5-го партизанского батальона армии Финляндии, включала в себя изучение истории советской Карелии: угнетение карелов, экспроприация их имущества, принудительная коллективизация, преследования верующих, высылки, принудительные работы, концлагеря. Отдельно изучалась история освободительного движения карелов, при этом рекомендовалось делать акцент на желании карелов отделиться от «рюсся»\*, а также подчеркивать то обстоятельство,

\* Уничжительная кличка русских, от шведского gusk — русский.



что Финляндия в 1918—1920 гг. оказалась не в состоянии помочь карельскому освободительному движению по причине недостаточности сил<sup>263</sup>.

Идеологическая подготовка дополнялась приобретением других навыков: курсанты изучали ходьбу на лыжах и ориентирование, стрельбу, основы диверсионной работы, создание разведывательных сетей и руководство ими, технику пропаганды. За 16 дней им было прочитано 79 лекций и проведено 59 практических занятий<sup>264</sup>.

Первоначально представлялось, что для успешной деятельности выпускников курсов есть все необходимые предпосылки. В подготовленном «бюро К» 7 февраля 1940 г. «Обзоре обстановки № 1» подчеркивалось, что в Восточной Карелии насчитывалось по меньшей мере 100 тыс. «национального» населения, в том числе около 65 тысяч на территории Финляндской Народной Республики<sup>265</sup>. Подавляющее большинство «национального» населения, за исключением коммунистов, должно было, по мнению Р. Кастрена, поддержать пришедших их освободить финнов, поскольку карелы были недовольны советской системой, в течение двадцати лет осуществлявшей в Карелии террор, депортации, принудительные лесозаготовительные работы и учредившей колхозную систему, которая привела к «катастрофическим» последствиям для сельского хозяйства автономии. У Р. Кастрена имелись сведения не только об общем низком жизненном уровне карелов, но и об их недовольстве политикой русификации, проводившейся с 1935—1936 гг.<sup>266</sup>

В подготовленном «бюро К» 7 марта 1940 г. «Обзоре обстановки № 2» Р. Кастрен предложил сконцентрировать пропагандистскую работу на представлявших «самый подходящий материал» карелах, мобилизованных в «армию Куусинена». За несколько дней до завершения войны целью «бюро К» было «привлечение максимально большого числа карелов для оказания помощи нашим войскам»<sup>267</sup>.

В соответствии с показаниями пленных-карелов (вспоминавших 1926—1930 гг. как наиболее благоприятный для Карелии период) больше всего они были недовольны колхозной системой. Это дало Р. Кастрену основания для вывода о том, что «если финны пообещают ликвидировать колхозную систему и вернуть землю крестьянам, то карельский народ повсюду примет их хорошо, и, по крайней мере, часть будет активно помогать»<sup>268</sup>.

Признаки этого Р. Кастрен усматривал в том, что «некоторые карелы» добровольно переходили на «нашу сторону, доставляя ценные сведения», и просили разрешения сражаться с «рюсся» в рядах финляндской армии. Дело осложнялось, однако, тем, что, по данным командования финляндской армии, на различных участках фронта части Красной Армии с большим количеством карелов и украинцев отличались наибольшей стойкостью<sup>269</sup>.

Проверить на практике действенность пропаганды среди населения Восточной Карелии «бюро К» не удалось: сил для продвижения на восток у армии Финляндии не было, а население Карелии в начале февраля полностью эвакуировали из 40-километровой приграничной полосы в тыл. Выпускники курсов использовались лишь для выполнения разведзаданий непосредственно за линией фронта<sup>270</sup>.

Новые надежды появились после принятого Верховным советом союзников 5 февраля в Париже решения о посылке экспедиционного корпуса на помощь финнам. «Бюро К» планировало теперь организовать обучение для армейских офицеров,

которым предстояло действовать на территории Восточной Карелии. Началась подготовка специального руководства для оккупационных войск<sup>271</sup>.

Предстоявшее «освобождение» Восточной Карелии поставило на повестку дня административно-политические задачи. 19 февраля 1940 г. «бюро К» предложил Ставке план формирования из карельских беженцев Восточно-Карельского освободительного комитета (Itä-Karjalan Vapaustoimikunta), в задачи которого входило проведение пропагандистской работы и поддержание порядка по другую сторону границы после оккупации Восточной Карелии финляндской армией<sup>272</sup>.

23 февраля главнокомандующий К. Г. Маннергейм одобрил это предложение и через четыре дня в Хельсинки был учрежден Восточно-Карельский освободительный комитет. Приступить к работе комитет не успел, поскольку из-за особой щепетильности дела переговоры среди его членов и кандидатов затянулись, и не докладную записку (kirjelmä), в которой испрашивалось разрешение (toimintalupa) на начало деятельности у Ставки и Государственного совета, до конца войны ответ не был получен<sup>273</sup>. В своем отчете Р. Кастрен особо подчеркнул, что основание комитета не означало формирования «правительства Восточной Карелии»<sup>274</sup>. Принимая во внимание все известные обстоятельства, предшествовавшие появлению Восточно-Карельского освободительного комитета, следует признать, что речь шла именно о формировании правительства.

За неполные сто дней своего существования «бюро К» успело подготовить 3 аналитических обзора о родственных народах, записать для радиопередач 6 двух—трехминутных программ на беломорском и олонецком диалектах карельского языка и для ингерманландцев, а также 2 программы на тюркских языках для радиопропаганды на передовой. (С 14 февраля по 12 марта радиостанция в Поркередавала в эфир 15-минутные программы на азербайджанском языке<sup>275</sup>.)

Для облегчения условий работы среди военнопленных нерусских национальностей «бюро К» 4 февраля выступило с предложением сконцентрировать их в одном лагере. В последний день войны для этой цели была выделена тюрьма в пос. Каккола. Кроме того, просветительская работа среди военнопленных велась в двух других лагерях<sup>276</sup>.

По мнению Р. Кастрена, «ахиллесовой пятой» СССР являлась его национальная неоднородность, из которой можно и нужно было извлечь военно-политические выгоды. При условии проведения надлежащей пропагандистской работы среди нерусских народов СССР, как полагал Р. Кастрен, наступательная мощь Красной Армии могла «заметно уменьшиться» и даже привести к восстаниям и желанию национальных меньшинств выйти из состава СССР. В некоторых случаях представители нерусских народов, по мнению руководителя «бюро К», могли сражаться на стороне Финляндии или по меньшей мере отказаться от участия в войне против нее<sup>277</sup>.

В отчете о работе «бюро К» Р. Кастрен, упрекнув власти в том, что они заранее не готовились к использованию беженцев из Восточной Карелии, посоветовал учесть накопленный опыт в подготовке к будущей войне<sup>278</sup>. Знания же, приобретенные слушателями спецкурсов, были использованы ими на территории Восточной Карелии после ее оккупации финляндской армией летом—осенью 1941 г.

В связи с изменением к худшему общеполитической ситуации в Европе и нарастанием военной опасности советское государство после аншлюса Австрии приступило с лета 1938 г. к осуществлению военных и военно-экономических мероприятий для улучшения геополитического положения страны и выдвигания границ на запад. С этой целью были обновлены оперативные планы западных военных округов (ЛВО, БОВО и КОВО), которым предстояло действовать на протяженном фронте от Баренцева моря до Черного моря, и ускорена подготовка театров военных действий. Подготовительные мероприятия во всех западных округах, включая ЛВО, проводились одновременно. Вскоре после подписания Мюнхенского пакта в ЛВО началась непосредственная подготовка к проведению военных кампаний против Эстонии, Латвии и Финляндии: округу были выделены крупные средства для развития военной инфраструктуры, началась оперативно-тактическая подготовка штабов.

Мобилизация и сосредоточение частей РККА в сентябре 1939 г. проводились одновременно на всем протяжении фронта, от Баренцева моря до Черного моря, и западные военные округа действовали в соответствии с единым оперативным планом, предусматривавшим очередность решения задач. С точки зрения возможного конфликта с Германией наиболее важным было выдвигание границ на запад на фронте от Балтийского моря до Черного моря. Эта задача и была решена в первую очередь в результате польской кампании и размещения войск в Эстонии, Латвии и Литве. Проведение военной кампании против находившейся на второстепенном направлении Финляндии, также включенной в сферу влияния СССР, было отнесено на более поздний срок, так как слабость коммуникаций и особенности северного театра военных действий предопределяли длительность сосредоточения войск, к которому приступили примерно за месяц до начала советско-финляндских переговоров в Москве.

Окончательный вариант плана войны, утвержденный еще в период переговоров, предусматривал занятие всей территории Финляндии в ходе скоротечной военной кампании. Непреодолимыми препятствиями в реализации этого плана стали неподготовленность ТВД и провал материально-технической подготовки к войне, которая велась в ЛВО примерно в течение года, что объяснялось несогласованностью деятельности наркоматов, выполнявших «оборонные» задания, и отсутствием координирующего центра.

К началу советско-финляндской войны неразвита в экономическом отношении Карелия могла обеспечить операции не более 4—5 дивизий. Сосредоточение в Карелии большого числа войск (9 дивизий) уже на первом этапе войны, до конца декабря 1939 г., примерно вдвое превысило оперативную емкость театра военных действий, что наряду с неопытностью войск и недостаточностью мотивации солдат обусловило низкую эффективность проводившихся операций и привело к потерям, несоизмеримым с достигнутыми результатами. Сосредоточение на неподготовленном в военно-инженерном отношении карельском ТВД столь крупных сил следует считать самым серьезным стратегическим просчетом командования РККА, лишь усугубленным переброской в Карелию на втором этапе войны дополнительно 16 дивизий. Исход войны с помощью этих войск мог быть решен в относительно короткие сроки на Карельском перешейке.

В соответствии с политическим планом руководства СССР, наиболее важной частью которого было использование карельского вопроса, Карелии отводилась особая роль в решении «финского вопроса»: населенные карелами районы республики были включены в Финляндскую Народную Республику (государство «народной демократии»), было создано марионеточное «народное правительство», действовали комитеты трудового народного фронта. Невозможность осуществления первоначального плана войны преопределила исход этих политических мероприятий советского правительства.

Свои подходы к использованию «карельской карты» продемонстрировала и финляндская сторона. Командование финляндской армии с начала войны пыталось осуществить оккупацию части территории советской Карелии, рассчитывая на поддержку местного населения, что предусматривалось оперативными планами с начала 1920-х гг. По инициативе активистов в Генеральном штабе был образован отдел, «бюро К», для решения политических задач на подлежащей оккупации территории Карелии.

- <sup>1</sup> Протокол № 9 заседания ГВС РККА 22. 6. 1938. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 169, л. 27.
- <sup>2</sup> Там же, л. 28.
- <sup>3</sup> Там же.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Там же, л. 31—33.
- <sup>6</sup> Доклад отдела инженерных войск ЛВО в Ленинградский ОК и ГК ВКП(б) 31. 5. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3592, л. 62—63.
- <sup>7</sup> Там же, л. 63.
- <sup>8</sup> Чубарьян А. О. Внешнеполитический курс СССР // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 32.
- <sup>9</sup> Записка начальника группы контроля при Военном совете ЛВО майора Симоняка 14. 11. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3593, л. 119.
- <sup>10</sup> Записка секретарям Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) начальника ЛОВСУ военного инженера 3-го ранга Тарасова и начальника политотдела Болотова 14. 11. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3593, л. 113.
- <sup>11</sup> Указание Генштаба РККА Военному совету ЛВО 30. 12. 1938. РГА ВМФ, ф. 1877, оп. 1, д. 98, л. 1—3.
- <sup>12</sup> Отчет о проведении двухсторонней фронтовой оперативной игры. РГВА, ф. 25888, оп. 15, д. 478, л. 1—3. Об опасениях командования РККА относительно возможности получения Финляндией зарубежной помощи см. также: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 100.
- <sup>13</sup> Протокол выступления К. А. Мерещкова. Отчет о проведении двухсторонней фронтовой оперативной игры. РГВА, ф. 25888, оп. 15, д. 478, л. 14.
- <sup>14</sup> Там же, л. 15—16.
- <sup>15</sup> Там же, л. 17, 34.
- <sup>16</sup> Записка по плану действий Северо-Западного фронта, февраль—март 1939 г. РГВА, ф. 25888, оп. 14, д. 3, л. 1—11.
- <sup>17</sup> Там же, л. 2—3.
- <sup>18</sup> Там же, л. 4—6.
- <sup>19</sup> Докладная записка заместителя наркома здравоохранения КАССР Балагурова в СНК КАССР о ликвидации трудовой колонии психбольных в Бесовце. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 6/52, л. 5.
- <sup>20</sup> Из неопубликованной книги Г. Н. Куприянова. НА РК, ф. 5002, оп. 3, д. 283, л. 17.
- <sup>21</sup> Отчет 9-й армии о боевых действиях. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 292, л. 3—9.
- <sup>22</sup> Стенографическая запись распорядительного заседания СНК КАССР 27. 9. 1939. НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 132/1171, л. 20.
- <sup>23</sup> Письмо штаба ЛВО А. А. Жданову 3. 1. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3592, л. 2; План строительства грунтовых дорог на территории ЛВО. Там же, л. 5—6.
- <sup>24</sup> Постановление СНК КАССР 16. 9. 1939. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 6/50, л. 99.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> Приказ по НКВД СССР 4. 3. 1936. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 9, л. 105.
- <sup>27</sup> Постановление СНК КАССР 16. 9. 1939. НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 6/50, л. 99.
- <sup>28</sup> Upton A. F. Finland 1939—1940. London, 1974. P. 60—61; Ries T. Cold Will. The Defence of Finland. L., 1988. P. 55; Tillotson H. M. Finland at Peace and War 1918—1993. Norwich, 1993. P. 124.
- <sup>29</sup> Военно-экономическая справка КАССР по состоянию на 1. 1. 1940. НА РК, ф. 1951, оп. 1, д. 4/20, л. 188—189.

<sup>30</sup> Записка «Дорога Сорока—Котлас как соединительный участок Мурманско-Сибирского пути». Декабрь 1925 г. НА РК, ф. 794, оп. 2, д. 6/45, л. 2—3.

<sup>31</sup> Справка, составленная начальником управления строительства старшим майором госбезопасности В. Гариним, направленная А. А. Жданову 2. 3. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3549, л. 103.

<sup>32</sup> Приказ НКВД СССР 17. 5. 1938. ГАРФ, ф. 9104, оп. 1а, д. 20, л. 189.

<sup>33</sup> Справка, составленная начальником управления строительства старшим майором госбезопасности В. Гариним, направленная А. А. Жданову 2. 3. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3549, л. 109—110.

<sup>34</sup> Там же, л. 117.

<sup>35</sup> См.: Журнал боевых действий 8-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 114, л. 4—9.

<sup>36</sup> Распоряжение штаба ЛВО 17. 12. 1938. НА РК, ф. 606, оп. 3, д. 4/34, л. 6—8.

<sup>37</sup> Военно-экономическая справка КАССР по состоянию на 1. 1. 1940. НА РК, ф. 1951, оп. 1, д. 4/20, л. 180—264.

<sup>38</sup> Там же, л. 189, 206, 219—221.

<sup>39</sup> Там же, л. 253.

<sup>40</sup> Там же, л. 223.

<sup>41</sup> Там же, л. 256.

<sup>42</sup> Записка «Жилой фонд городов и сельских поселений Карелии». 1933 г. НА РК, ф. 700, оп. 1, д. 161/1123, л. 16.

<sup>43</sup> Письмо Г. Н. Куприянова А. А. Жданову 2. 7. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 273, л. 98.

<sup>44</sup> Сведения о помещениях, отведенных для развертывания госпиталей. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 1/1, л. 95—98.

<sup>45</sup> Письмо штаба 72-го САПа в Президиум Верховного Совета КАССР 14. 11. 1939. НА РК, ф. 689, оп. 5, д. 17/101, л. 281.

<sup>46</sup> Докладная записка о предварительных итогах проведения учебных сборов. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 413, л. 90.

<sup>47</sup> Политдонесение «Об отправке на сбор финнов и карелов по Ленинградской области». Без даты. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3645, л. 41—42.

<sup>48</sup> *Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeijasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. Jyväskylä, 1991. S. 290.*

<sup>49</sup> *Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992. S. 329; Seppälä H. Talvisodan venäläinen ruletti. Pieksämäki, 1992. S. 122; Веригин С. Г. Финская народная армия в зимней войне 1939—40 гг. // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 98.*

<sup>50</sup> Приказом штаба ЛВО 11. 1. 1940. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 473, л. 10.

<sup>51</sup> Доклад НКО СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову 27. 12. 1939. РГВА, ф. 40442, оп. 2, д. 128, л. 44.

<sup>52</sup> *Маннинен О., Барышников Н. И. Переговоры осенью 1939 г. // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 116.*

<sup>53</sup> *Ржешевский О. А., Вехвиляйнен О. Заключение // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 375.*

<sup>54</sup> *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki, 1951. S. 53.*

<sup>55</sup> *Tanner V. Op. cit. S. 53.*

<sup>56</sup> Отчет о боевых действиях 14-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 221, л. 9—11.

<sup>57</sup> Описание боевых действий 54-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 925, л. 5.

- <sup>58</sup> Там же, л. 6.
- <sup>59</sup> Описание боевых действий 122-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1994, л. 1.
- <sup>60</sup> Там же, л. 8.
- <sup>61</sup> Описание боевых действий 18-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1994, л. 1.
- <sup>62</sup> Очерк боевых действий 168-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3260, л. 1.
- <sup>63</sup> Там же.
- <sup>64</sup> Описание боевых действий 18-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 280, л. 1—2.
- <sup>65</sup> Описание боевых действий 155-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 2990, л. 1.
- <sup>66</sup> Там же, л. 3.
- <sup>67</sup> Описание боевых действий 139-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 2579, л. 1, 10.
- <sup>68</sup> Там же, л. 11—14.
- <sup>69</sup> Отчет о боевых действиях 75-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1235, л. 1.
- <sup>70</sup> Журнал боевых действий 56-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 945, л. 1.
- <sup>71</sup> KAN. AE. Tilanneselostus. № 479/11/5/39. 26. 11. 39. Sark. 1587/21.
- <sup>72</sup> Räämäja. Tiedusteluosasto. Tied. 1. pvk № 505. Tilannekatsaus № 4 25. 11. 1939. S. 6. Sark. 1587/21.
- <sup>73</sup> Ibid. S. 7.
- <sup>74</sup> Введены в заблуждение были и послевоенные исследователи, указывавшие на отсутствие сосредоточения частей Красной Армии на границе с Финляндией в октябре 1939 г. *Seppälä H., Kilkki P.* Neuvostoliiton maavoimat talvisodassa 1939—40 // *Sotilasaikakauslehti*. 1967. № 1. S. 5.
- <sup>75</sup> *Mannerheim G.* Muistelmat. Toinen osa. Helsinki, 1952. S. 160—163.
- <sup>76</sup> Ibid. S. 163.
- <sup>77</sup> Ibid.
- <sup>78</sup> Краткие соображения по подготовке операции против финнов на карельском ТВД 30. 10. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 88, л. 19. Проведение этой операции, как было показано выше, действительно планировалось командованием финляндской армии.
- <sup>79</sup> Там же.
- <sup>80</sup> План операции против Финляндии 29. 10. 1939. РГВА, ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 4.
- <sup>81</sup> *Manninen O.* Первый период боев // *Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история.* М., 1998. С. 148.
- <sup>82</sup> Там же.
- <sup>83</sup> ВС ЛВО комкору М. П. Духанову 16. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 1, л. 1.
- <sup>84</sup> ВС ЛВО комкору М. П. Духанову 21. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 2, л. 2.
- <sup>85</sup> Соображения по проведению операции 9-й А. 25. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 3, л. 1.
- <sup>86</sup> Там же, л. 2.
- <sup>87</sup> Боевой приказ № 3 штаба 9-й А. 24. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 3, л. 8—9.
- <sup>88</sup> Там же, л. 9.
- <sup>89</sup> Соображения по проведению операции 9-й А. 25. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 3, л. 5.
- <sup>90</sup> Там же.
- <sup>91</sup> Там же, л. 5—7. О замысле этой операции см. также: *Manninen O.* Neuvostoliiton operatiiviset suunnitelmat 1939—1941 Suomen suunnalla // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 1992. № 11. S. 99.
- <sup>92</sup> Замечания по решению ВС 9-й А. начальника 1-го отделения оперативного отдела ЛВО майора Чернова 27. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 3, л. 14.

- <sup>93</sup> Боевое донесение № 1 штаба 9-й А. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 214, л. 1.
- <sup>94</sup> Описание боевых действий 163-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3111, л. 1.
- <sup>95</sup> Боевое донесение № 1 штаба 9-й А. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 214, л. 1.
- <sup>96</sup> Приказ войскам 9-й А. 7. 12. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 214, л. 7.
- <sup>97</sup> Боевое донесение № 18 штаба 9-й А. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 214, л. 26.
- <sup>98</sup> Боевое донесение № 25 штаба 9-й А. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 214, л. 30, 32.
- <sup>99</sup> *Siilasvuo H.* Suomussalmen taistelut. Helsinki, 1940. S. 34.
- <sup>100</sup> *Ibid.* S. 69—101.
- <sup>101</sup> Описание боевых действий 163-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3111, л. 4.
- <sup>102</sup> Шифротелеграмма Ставки ГВС командующему 9-й армией комкору М. П. Духанову 15. 12. 1939. РГВА, ф. 37977, оп. 1, д. 232, л. 69.
- <sup>103</sup> Описание боевых действий 163-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3111, л. 4.
- <sup>104</sup> Там же, л. 3.
- <sup>105</sup> Шифровка Л. Э. Мехлиса И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову из Суомуссалми 27. 12. 1939. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1384, л. 126.
- <sup>106</sup> *Airas E.* Suomussalmen voiton tie. Jyväskylä, 1989. S. 47.
- <sup>107</sup> Донесение командующего 9-й А. В. И. Чуйкова начальнику ГШ о поражении 163-й д. (662-й с.п. и отряд Чайковского). РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 19, л. 45.
- <sup>108</sup> Там же, л. 46—48.
- <sup>109</sup> *Langdon-Davies J.* Finland. The First Total War. London, 1940. P. 48.
- <sup>110</sup> *Engle E., Paananen L.* The Winter War. The Russo-Finnish conflict 1939—1940. L., 1973. P. 98; *Allen F. Chew.* The White Death. The Epic of the Soviet Finnish Winter War. Michigan State University Press, 1971. P. 109.
- <sup>111</sup> *Stepakov V., Orehov D.* «Paraatimarssi Suomeen». Talvisota venäläisten silmin. Juva, 1992. S. 166.
- <sup>112</sup> Отчет о боевых действиях 44-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 658, л. 1.
- <sup>113</sup> *Mannerheim C. G.* Op. cit. S. 175.
- <sup>114</sup> Отчет о боевых действиях 44-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 658, л. 1.
- <sup>115</sup> *Mannerheim C. G.* Op. cit. S. 176.
- <sup>116</sup> Окончательно проверенные сведения о потерях 9-й А. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1236, л. 254.
- <sup>117</sup> Предварительное распоряжение штаба особого корпуса 27. 12. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1472, л. 4.
- <sup>118</sup> Боевой приказ штаба о.с.к. № 07 9. 1. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1472, л. 1.
- <sup>119</sup> Описание боевых действий 54-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 925, л. 1.
- <sup>120</sup> Там же, л. 3, 6.
- <sup>121</sup> *Ericsson R.* Kuhmon rintaman torjuntataistelut talvisodassa // *Sotilasaikakauslehti*. 1965. № 3. S. 125.
- <sup>122</sup> *Siilasvuo H.* Kuhmo talvisodassa. Helsinki, 1944. S. 70.
- <sup>123</sup> *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basic operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939—1940 // *Revue internationale d'histoire militaire*. 62 (1985). P. 85.
- <sup>124</sup> Шифротелеграмма Ставки ГВС в штаб 9-й А. 2. 2. 1940. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1381, л. 98.
- <sup>125</sup> Шифротелеграмма начальнику ГШ РККА Б. М. Шапошникову 8. 2. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 145.



- 126 Шифротелеграмма главному военному прокурору 9-й А. 3. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 63.
- 127 Шифротелеграмма наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия 3. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 64.
- 128 Окончательно проверенные сведения о потерях 9-й А. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1236, л. 253.
- 129 Распоряжение Ставки ГВС командующему 9-й армией В. И. Чуйкову. РГВА, ф. 37977, оп. 1, д. 232, л. 223—224.
- 130 План организации и проведения наступательной операции Особого корпуса 9-й А. Март 1940 г. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 19, л. 16—27.
- 131 Донесение начальнику ГШ РККА для Ставки. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 23.
- 132 Там же.
- 133 Там же, л. 24.
- 134 Там же.
- 135 Сведения о численном составе 9-й А. на 15. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 297, л. 27.
- 136 Там же, л. 25.
- 137 Отчет о действиях Особого стрелкового корпуса. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 298, л. 22.
- 138 Шифротелеграмма В. И. Чуйкова Б. М. Шапошникову 29. 2. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 68.
- 139 Донесение начальнику ГШ РККА для Ставки. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 25.
- 140 Там же.
- 141 Сообщение Мобилизационного Управления РККА К. Е. Ворошилову 14. 3. 1940. РГВА, ф. 40443, оп. 3, д. 301, л. 2.
- 142 План организации и проведения наступательной операции Особого корпуса 9-й армии. Март 1940 г. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 19, л. 22—23.
- 143 Там же, л. 22.
- 144 Там же, л. 20, 23.
- 145 Там же, л. 20—21.
- 146 Шифротелеграмма В. И. Чуйкова Б. М. Шапошникову 10. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 29.
- 147 Боевое донесение командующего 9-й армией В. И. Чуйкова начальнику Генштаба Красной Армии Б. М. Шапошникову для Ставки ГВС 6. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 19, л. 38.
- 148 Донесение начальнику ГШ РККА для Ставки. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 26.
- 149 Шифротелеграмма штаба 9-й А. начальнику ГШ 3. 4. 1940. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1387, л. 251.
- 150 Директива ВС ЛВО 21. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 73, л. 1—3.
- 151 Боевой приказ штаба 8-й армии 3. 12. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 73, л. 11.
- 152 Очерк боевых действий 168-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3260, л. 5.
- 153 Описание боевых действий 18-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 280, л. 1—2.
- 154 Там же, л. 5.
- 155 Там же, л. 6—7; *Halsti W. H. Suomen sota. Osa 1. Talvisota 1939—1940. Helsinki, 1957. S. 183.*
- 156 Очерк боевых действий 168-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 3260, л. 11.
- 157 *Halsti W. H. Op. cit. S. 186.*
- 158 Вступил в должность 16. 12. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 75, л. 107.

- 159 Шифротелеграмма Г. М. Штерна командиру 56-го с.к. Там же, л. 124.
- 160 Шифротелеграмма Г. М. Штерна командиру 18-й с.д. Там же, л. 125.
- 161 Боевой приказ 56-й с.д. № 001 25. 11. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 945, л. 3, 6.
- 162 Описание боевых действий 139-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 2579, л. 14.
- 163 Описание боевых действий 155-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 2990, л. 5—6.
- 164 Отчет о боевых действиях 75-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1235, л. 1.
- 165 Журнал боевых действий 8-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 4, д. 114, л. 51. О поражении 1-го с.к. см. также: *Aarnio M. A. Talvisodan ihme. Itärintaman venäläiskeskitykset ja suomalaisten torjuntavoitot. Jyväskylä, 1966. S. 238.*
- 166 Отчет о боевых действиях 75-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1235, л. 48.
- 167 Описание боевых действий 155-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 2990, л. 9—17.
- 168 *Kukkonen E.W. Tolvajärven ja Ilomantsin taistelut vv. 1939—1940. Helsinki, 1955. S. 128.*
- 169 *Kansakunta sodassa. 1. Sodasta sotaan. Helsinki, 1989. S. 141—142; Vuoremaa A. Kansakunnan kahdestoista hetki. Helsinki, 1994. S. 7.*
- 170 Донесение штаба 8-й А. начальнику ГШ РККА Б. М. Шапошникову 4. 3. 1940. РГВА, ф. 34980, оп. 5, д. 55, л. 55—56.
- 171 Там же, л. 56—57.
- 172 Там же, л. 56.
- 173 Приказ Ставки ГВС № 01663 11. 2. 1940. РГВА, ф. 37977, оп. 1, д. 232, л. 197.
- 174 Отчет о боевых действиях 60-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1001, л. 2.
- 175 Отчет о боевых действиях 25-й м.к.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 395, л. 1.
- 176 Отчет о боевых действиях 72-й л.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1209, л. 1.
- 177 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 1.
- 178 Доклад о боевых действиях 37-й м.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 444, л. 35—36.
- 179 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 2.
- 180 Там же.
- 181 Описание боевых действий 18-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 280, л. 9.
- 182 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 3.
- 183 Там же.
- 184 Отчет о боевых действиях 25-й м.к.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 395, л. 6.
- 185 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 22—24.
- 186 Там же, л. 25—28.
- 187 Доклад о боевых действиях 37-й м.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 444, л. 37.
- 188 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 29—30.
- 189 Отчет о боевых действиях 60-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 1001, л. 7; Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 29.
- 190 Доклад о боевых действиях 37-й м.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 444, л. 39.
- 191 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 34.
- 192 Там же, л. 35.
- 193 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 37.
- 194 *Дудорова О., Аптекарь П. Указ. соч. С. 91.*
- 195 Описание боевых действий 18-й с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 280, л. 9.
- 196 Доклад о боевых действиях 37-й м.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 444, л. 44—45.
- 197 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 40—41.
- 198 Доклад о боевых действиях 37-й м.с.д. РГВА, ф. 34980, оп. 10, д. 444, л. 50.

- 199 Отчет о боевых действиях 15-й армии. РГВА, ф. 34980, оп. 8, д. 29, л. 93.
- 200 Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР 22. 12. 1939. ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 64, л. 168
- 201 Подсчитано по: Докладная записка НКПС «Об уроках воинских перевозок в 1939—40 гг.», адресованная И. В. Сталину 21. 4. 1940. РЦХИДНИ, ф. 81, оп. 3, д. 336, л. 9.
- 202 Там же.
- 203 *Dzelda W. P., Coates K.* The Soviet-Finnish campaign. Military and Political 1939—1940. London, 1941. P. 80.
- 204 Решение политбюро ЦК ВКП(б) 25. 12. 1939. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1018, л. 5.
- 205 Решение политбюро ЦК ВКП(б) 5. 2. 1940. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1019, л. 26.
- 206 Там же, л. 27.
- 207 Постановление политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР 16. 1. 1940. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1018, л. 40.
- 208 Письмо Г. Н. Куприянова Л. М. Кагановичу 10. 12. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 45ф, л. 49—51.
- 209 *Маннинен О.* Мощное советское наступление // *Зимняя война 1939—1940: В 2 кн.* Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 304.
- 210 Там же. С. 304—305.
- 211 *Дневник В. М. Молотова* 5. 3. 1940. АВПРФ, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 36.
- 212 Стенограмма совещания у наркома обороны СССР по вопросу о военной идеологии, май 1940 г. РГВА, ф. 9, оп. 36, д. 4252, л. 8, 166.
- 213 *Allard S.* Op. cit. S. 53.
- 214 Подготовительные материалы 27. 7. 1934. РЦХИДНИ, ф. 522, оп. 1, д. 40, л. 17.
- 215 *Jussila O.* *Терпјоен hallitus 1939—1940.* Juva, 1985. S. 19.
- 216 Проект декларации народного правительства Финляндии. Без даты. АВПРФ, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 192, л. 2.
- 217 Там же.
- 218 Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической республикой // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 256.
- 219 *Finland and World War II 1939—1944.* New York, 1948. P. 66.
- 220 *Tuominen A.* *Мутскун аикаа.* Helsinki, 1970. S. 59.
- 221 Постановление СНК КАССР «О проведении карантинных мероприятий на границе с ФДР». НА РК, ф. 690, оп. 9, д. 1/3, л. 130.
- 222 Сведения о наличии людей в войсковых частях корпуса 18. 12. 1939. РГВА, ф. 34980, оп. 9, д. 5, л. 43.
- 223 Справка о боевом и численном составе 1-го СК ФНА. РГВА, ф. 34980, оп. 9, д. 18, л. 18.
- 224 Подсчитано автором по: Там же.
- 225 Донесение бригадного комиссара Егорова Л. З. Мехлису 19. 1. 1940. РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 89, л. 11.
- 226 Письмо Г. Н. Куприянова Г. М. Маленкову и А. А. Жданову 30. 12. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 8.
- 227 Доклад Г. Н. Куприянова. Декабрь 1939 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 296, л. 10.
- 228 Там же, л. 13.
- 229 *Okunevin todistus.* НА РК, ф. 690, оп. 10, д. 6/52, л. 187.

- <sup>230</sup> Karovin todistus. Там же, л. 183.
- <sup>231</sup> Информационная записка О. В. Куусинену. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 14, 19.
- <sup>232</sup> Письмо Г. Н. Куприянова Г. М. Маленкову и А. А. Жданову 30. 12. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 9.
- <sup>233</sup> Телеграмма секретаря Каробкома Исакова А. А. Жданову 2. 12. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 272, л. 43.
- <sup>234</sup> Докладная записка А. Виролайнена о работе с 25. 12. 1939 по 25. 1. 1940. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 28.
- <sup>235</sup> Röytäkirja Hautavaaran kyläkouksesta joulukuun 9 p:nä 1939. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/91, л. 1.
- <sup>236</sup> Список населенных пунктов, где организованы КТНФ. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 32—34.
- <sup>237</sup> Докладная записка И. Карачева П. Прокконену 24. 1. 1940. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 11.
- <sup>238</sup> Röytäkirja № 5. Tehty Ruhtinansalmen Härkövaarassa 7. 1. 1940; Röytäkirja № 6. Tehty Ruhtinankylässä 9. 1. 1940; Röytäkirja № 8. Tehty Ruhtinankylässä 20. 1. 1940. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/92, л. 17, 19, 21.
- <sup>239</sup> Письмо Г. Н. Куприянова Г. М. Маленкову и А. А. Жданову 30. 12. 1939. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 16.
- <sup>240</sup> Информационное письмо А. Горбачева О. В. Куусинену 14. 1. 1940. НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 9.
- <sup>241</sup> Список населенных пунктов... НА РК, ф. 690, оп. 12, д. 10/90, л. 34.
- <sup>242</sup> Докладная записка об итогах эвакуации. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 446, л. 46.
- <sup>243</sup> Веригин С. Г. Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период зимней войны 1939—1940 гг. // ВИЕС. Петрозаводск, 1994. С. 62.
- <sup>244</sup> Haasio A., Hujanen E. Tasavallan panttivangit. Jyväskylä, 1990. S. 86—91.
- <sup>245</sup> Приказ Ставки ГВС 30. 1. 1940. РГВА, ф. 37977, оп. 1, д. 233, л. 172.
- <sup>246</sup> Докладная записка об эвакуации. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 446, л. 59.
- <sup>247</sup> Maavoimatoimiston päälikön everstiluutnantin V. Nihtilän toimintaohje PSR.-PKR:lle 7. 9. 39. Sark. 1588/6.
- <sup>248</sup> IV AKE N 597/264/III/11 op.sal. Sortavala 3. 11. 1939. Toimintaohje № 1. S. 1. Sark. 1588/7.
- <sup>249</sup> Hakala I. Taistelut Jäämeren ja Laatokan välillä talvisodassa // Yksi sota — monta näkemystä. Tampere, 1990. S. 83.
- <sup>250</sup> P. Oper. Osas. Puhelinkeskustelut P-SRE:n kanssa 3—4. 12. 39. Maavoimaosasto. Sark. 1588/6.
- <sup>251</sup> Jägerskiöld S. Talvisodan ylipäällikkö. Sotamarsalkka Gustaf Mannerheim 1939—1941. Keuruu, 1976. S. 51.
- <sup>252</sup> Kertomus päämajan propagandaosaston toimisto K:n työstä 9. 12. 39 — 12. 3. 40. S. 1. Sark. T 19932/1.
- <sup>253</sup> Ibid. S. 1—20. Sark. T 19932/1.
- <sup>254</sup> Ibid. S. 3.
- <sup>255</sup> Ibid.
- <sup>256</sup> Ibid.
- <sup>257</sup> Ibid. S. 3—4.
- <sup>258</sup> Ibid. S. 4.

- <sup>259</sup> Ibid. S. 3.
- <sup>260</sup> Ibid. S. 4.
- <sup>261</sup> Toimisto K:n erikoispropaganda kurssit 31. 12. 1939. S. 1. Sark. 19932/2.
- <sup>262</sup> Ibid.
- <sup>263</sup> Toimisto K:n erikoispropaganda kurssit 31. 12. 1939. S. 3—4. Sark. 19932/2.
- <sup>264</sup> Ibid. S. 4.
- <sup>265</sup> Päämaja. Propagandaosasto. Toimisto K. N 75/40 sal. Tilanneilmoitus № 1. 7. 2. 40. S. 4. Sark. 19932/2.
- <sup>266</sup> Ibid. S. 5—6.
- <sup>267</sup> Päämaja. Propagandaosasto. Toimisto K:n tilanneilmoitus № 2 7. 3. 40. S. 4—5. Sark. 19932/2.
- <sup>268</sup> Ibid. S. 6—7.
- <sup>269</sup> Ibid. S. 7.
- <sup>270</sup> Kertomus päämajan propagandaosaston toimisto K:n työstä 9. 12. 39 — 12. 3. 40. S. 7.
- <sup>271</sup> Ibid.
- <sup>272</sup> Ibid. S. 12.
- <sup>273</sup> Ibid.
- <sup>274</sup> Ibid.
- <sup>275</sup> Ibid. S. 7—8.
- <sup>276</sup> Ibid. S. 7.
- <sup>277</sup> Ibid. S. 13—14.
- <sup>278</sup> Ibid. S. 15—20.

## *Глава 4*

# **КАРЕЛИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ (МАРТ 1940 — ИЮНЬ 1941 г.)**

### **4.1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ АССР В СОЮЗНУЮ РЕСПУБЛИКУ**

31 марта 1940 г., всего лишь через 19 дней после окончания зимней войны, Верховный Совет СССР принял постановление о создании Карело-Финской ССР (12-й по счету союзной республики). Шаг этот был вынужденным. Потеряв военно-политическую инициативу и действуя в условиях цейтнота, руководство страны нашло, как ему казалось, удачный выход из сложного положения.

Создание КФСР давало видимость некоего убедительного политического итога войны, коль скоро ее первоначальный план не удался. В то же время был создан задел на будущее. КФСР, как это впоследствии стало ясно из содержания переговоров В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., была временным образованием. Вскоре должно было последовать окончательное решение «финского вопроса» военными средствами, и создание КФСР было одним из шагов в этом направлении.

Представление о характере планировавшейся военной операции против Финляндии дают относящиеся к середине июля 1940 г. «Организационные указания по проведению армейской оперативно-штабной полевой поездки со средствами связи». В ходе состоявшейся 25—30 июля поездки, в которой приняли участие представители двух корпусных управлений, шести стрелковых дивизий, одной танковой и двух авиационных бригад (всего 280 человек), была проработана операция 2-й армии, которой предстояло до подхода немецких войск прорвать оборону противника и уничтожить его группировку на Выборгском направлении. Севернее Ладожского озера вела наступление 1-я армия. Решающий удар из района Таллина в направлении Хельсинки и Ханко наносила 3-я армия<sup>1</sup>.

Принципиальное решение о преобразовании КАСР в союзную республику было принято политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 г. «в связи с отходом к СССР по мирному договору с Финляндией новых территорий»<sup>2</sup>. Через три дня политбюро утвердило перечень мероприятий по преобразованию автономии в КФСР<sup>3</sup>. Столицей союзной республики стал Петрозаводск. Выборы в Верховный Совет СССР и КФСР были назначены на 16 июня. На август 1940 г. было намечено

проведение выборов в местные советы<sup>4</sup>, однако впоследствии они были отложены до декабря в ожидании окончательного решения «финского вопроса».

24 апреля 1940 г., выступая на первом съезде КП(б) КФССР, Г. Н. Куприянов изложил официальную версию создания новой союзной республики: «СНК СССР пошел навстречу пожеланиям трудящихся советской Карельской республики и включил эти территории (примыкающие к Карелии и отошедшие к СССР от Финляндии по мирному договору 12 марта. — Ю. К.) в состав Карелии. Из этого факта расширения территории, увеличения объема промышленности вытекает и другое пожелание трудящихся Карелии\*. О преобразовании Карелии в Союзную Советскую Социалистическую Республику»<sup>5</sup>.

Дальнейшие планы в отношении Финляндии также не скрывались. Первый секретарь обкома заявил собравшимся коммунистам о том, что «недалек тот час, когда... пролетариат и трудящееся крестьянство Финляндии... поднимутся с новой сокрушающей силой и сбросят в мусорную яму всю эту продажную шайку маннергеймов. В нужный момент мы протянем братскую руку помощи народу Финляндии в его борьбе против эксплуататоров»<sup>6</sup>.

Следовало как-то объяснить второе слово в названии новой союзной республики. Вследствие репрессий в отношении финского населения Карелии, финнов, по итогам январской переписи 1939 г., оставалось лишь 8322 человека<sup>7</sup>. С большими основаниями новое образование можно было назвать карело-русской, карело-украинской или даже карело-вепсской республикой. По той же переписи, русских в Карелии насчитывалось 296 529 человек, карелов — 108 571, украинцев — 21 112 и вепсов — 9388 человек<sup>8</sup>.

Население отошедших к СССР территорий Финляндии общей численностью более 400 тыс. человек<sup>9</sup> покинуло родные места, не дожидаясь решения своей судьбы политиками. Посланник Финляндии в СССР Ю. Паасикиви после завершения зимней войны полагал, что такой исход дела соответствовал замыслам Москвы, облегчая русификацию данной территории<sup>10</sup>. Представляется, что это утверждение было далеко от истины. В Москве не ждали такого поворота событий, рассчитывая получить заселенные территории. Официальное же объяснение причин полной эвакуации заключалось в том, что население эвакуировали силой.

В своих неопубликованных воспоминаниях Г. Н. Куприянов дал совершенно иное объяснение причин, приведших к созданию КФССР. Отбывший срок по «ленинградскому делу»\*\*, он приоткрыл завесу над картиной, все подробности которой, может быть, никогда не станут известными. «Сталин не спрашивал нашего мнения о том, надо ли создавать союзную республику, просто объявил свое решение. Мне было поручено написать проект решения политбюро о создании Карело-Финской республики и уточнить с А. А. Ждановым вопрос о границах между Ленинградской областью и Карело-Финской республикой. Г. М. Маленкову и мне было

\* Эта формулировка использовалась и позднее. См.: Трофимов Ф. Карело-Финская ССР. Б. м., 1942. С. 24.

\*\* Г. Н. Куприянов был арестован 17 марта 1950 г. и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 16. 1. 1952 на 25 лет лишения свободы. Он был помилован 18. 1. 1956. Чухин И. Карелия—37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 115—116.

поручено подготовить и внести на утверждение политбюро вопрос о руководящих работниках новой союзной республики»<sup>11</sup>.

Отошедшие от Финляндии к СССР по условиям Московского мира территории представляли большую ценность. «Уточнение вопроса о границах» между Ленинградской областью и будущей КФССР не было игрой равных. У малонаселенной (менее 0,5 млн. человек), неразвитой в экономическом отношении автономной республики, номенклатура которой не обладала большим политическим весом, при ординарных обстоятельствах не было бы шансов получить значительную часть бывшей финляндской территории. Ленинград с его тремя с лишним миллионами жителей, мощной номенклатурой оказался бы в обычных условиях непобедимым конкурентом. В борьбу за раздел части территории Финляндии ленинградское руководство вступило еще до завершения войны.

26 февраля 1940 г., за два дня до того, как в Москве были выработаны окончательные условия мирного договора, председатель Ленинградского облсовета Н. Соловьев направил А. А. Жданову проект указа по Карельскому перешейку. В документе предлагалось включить всю территорию Карельского перешейка в состав Ленинградской области<sup>12</sup>.

Расчет Н. Соловьева оказался неверным, так как в этом случае была замешана большая политика: для КФССР требовалась дополнительная территория. В итоге в состав Ленинградской области было передано лишь 4000 кв. км прилегающей территории, на которой насчитывалось около 200 селений с 5750 домами, 14 мелких предприятий и примерно 50 тыс. га пашни<sup>13</sup>. (После завершения войны с Финляндией в сентябре 1944 г. руководство Ленинграда добилось своего, присоединив к области весь Карельский перешеек с Выборгом.)

При создании КФССР пришлось преодолевать определенные трудности. Так, в соответствии с одним из критериев, автором которого был сам И. В. Сталин, население союзной республики должно было составлять не менее 1 млн. человек\*. В январе 1939 г. в КАССР насчитывалось, по данным переписи, 468 898 человек<sup>14</sup>. Если бы население отошедших к СССР финляндских территорий осталось на месте, это условие было бы соблюдено с небольшой недостачей, которую можно было бы как-то компенсировать. Так, 10 мая 1940 г. в президиум Верховного Совета РСФСР обратился председатель исполкома Оштинского района Вологодской области, 50% населения которого составляли вепсы, с просьбой включить этот район в КФССР<sup>15</sup>.

Гораздо сложнее оказалось обеспечить новую союзную республику достойной ее статуса территорией с соответствующим экономическим потенциалом, хотя законом необходимый минимум и не устанавливался. Идея создания КФССР была осуществима только в случае включения в ее состав довольно большой по площади и экономически развитой территории собственно Финляндии. Эти соображения учитывались советским руководством, вынужденным отказаться от осуществле-

---

\* Это обстоятельство отмечает также и финляндский исследователь: *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920—1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 31.



ния первоначального плана войны. У войны должен был быть хотя бы и скромный, но весомый в военном, экономическом и политическом смысле итог.

В целом исходный материал для создания новой союзной республики был весьма скуден, что заставило руководство СССР включить в ее состав всю советскую Карелию, а не только районы КАССР, в которых большинство составляли карелы<sup>16</sup>. Тем самым был совершен отход от предвоенного плана, в соответствии с которым в состав ФНР передавались только районы КАССР, населенные преимущественно карелами<sup>17</sup>.

Однако и это решение не принесло желаемого результата, экономический вклад советской Карелии в создание КФСР был весьма незначителен в сравнении с вкладом бывших территорий Финляндии. Слова Г. Н. Куприянова на партактиве Петрозаводска в декабре 1939 г., когда военный энтузиазм был еще высок, о том, что следует «все лучшее показать финским трудящимся», передав им «опыт нашей борьбы за культурную, зажиточную жизнь»<sup>18</sup>, были, по существу, пустым звуком. В то же время, оценивая новое приобретение, председатель СНК КФСР П. В. Соляков заявил, что «эта территория, отошедшая к СССР, является самой богатой из всей Финляндии»<sup>19</sup>. «Это сравнительно небольшая территория — лишь 34,8 тыс. км (без водных пространств. — Ю. К.), однако экономическое значение этих районов исключительно большое»<sup>20</sup>. К тому времени направленные в новые районы спецкоманды насчитали здесь 227 больших и малых предприятий<sup>21</sup>. Только целлюлозно-бумажные комбинаты производили примерно столько же целлюлозы, сколько на остальной территории СССР, причем лучшего качества<sup>22</sup>.

Важность приобретения СССР восьми крупных предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, расположенных в Приладожье и на Карельском перешейке, заключалась, прежде всего, в том, что тем самым было ликвидировано отставание развития этой отрасли, которое сложилось в стране в годы первых пятилеток. В 1939 г. производство целлюлозы в СССР составляло лишь 464 005 тонн<sup>23</sup>. СССР по этому показателю занимал 6-е место в мире, отставая не только от США, где годовое производство равнялось 5 млн. т, но и от Финляндии (1,3 млн. т)<sup>24</sup>.

Накануне второй мировой войны эта ситуация была весьма опасна, так как целлюлоза высших сортов использовалась в качестве сырья для изготовления взрывчатых веществ и пороха\*. Объемы производства и в особенности показатели качества целлюлозы, вырабатываемой предприятиями СССР, были ниже стандарта<sup>25</sup>. Особенно важными с точки зрения обороны для СССР были целлюлозный завод в городе Питкяранте<sup>26</sup> и комбинат Энсо (г. Светогорск)<sup>27</sup>.

Финляндская делегация, которая вела в Москве переговоры о заключении мирного договора, попыталась в последний момент на заседании, состоявшемся 12 марта, настоять на исключении промышленных центров Энсо, Яаски и Вярсиля из перечня отходящих к СССР населенных пунктов, однако безуспешно<sup>28</sup>.

\* Отставание в производстве пороха по причине недостатка качественной целлюлозы сложилось в годы первой пятилетки, к концу которой годовой выпуск пороха составлял 39,5 тыс. т при потребности 61,5 тыс. т. Тезисы доклада об итогах оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке. РГАЭ, ф. 4372, оп. 91, д. 1268, л. 89.

Примечательно, что, получив неверные сведения о предполагавшемся переносе границы в районе поселка Энсо, заместитель начальника ГУЛАГа Г. М. Орлов, курировавший восстановление комбината Энсо, направил заместителю председателя СНК Н. А. Булганину письмо, свидетельствующее об исключительной важности этого предприятия для СССР. Г. М. Орлов сообщил Н. А. Булганину о том, что «комбинат Энсо представляет из себя по своей мощности уникум (подчеркнуто в тексте. — Ю. К.) в мировом производстве целлюлозы, так как состоит из пяти самостоятельных больших предприятий (сульфитный завод, сульфатный завод, картонная фабрика, бумажная фабрика и хлорный завод)». «Достаточно указать, что производительность комбината Энсо по выпуску целлюлозы и картона равна 50% выработки всей целлюлозы — по всему СССР в 1939 г., как станет совершенно очевидным и ясным исключительная ценность этого комбината»<sup>29</sup>. Отдал должное финляндским целлюлозным заводам и И. В. Сталин, который, правда, преувеличил данные о производстве целлюлозы в довоенном СССР<sup>30</sup>.

Как оказалось впоследствии, тревога, охватившая ГУЛАГ, была беспочвенной, так как советская делегация на заседании Центральной смешанной комиссии, напротив, поставила вопрос не об уменьшении отходящей к СССР территории, а об увеличении<sup>31</sup>.

Велико было и сельскохозяйственное значение земель, включенных в состав КФССР, на которых было учтено 178 тыс. га пашни с налаженным производством зерновых и овощей. По этому показателю бывшая территория Финляндии в 2,7 раза превосходила довоенную КАССР, уступая ей более чем в 4 раза по площади.

Имевшиеся 19 крупных и средних электростанций производили гораздо больше электроэнергии в сравнении с советской Карелией. Только ГЭС Роухиала на реке Вуоксе вырабатывала около 100 тыс. квт/час, или в два раза больше, чем все электростанции довоенной КАССР.

Итоги создания новой союзной республики были подведены в октябре 1940 г. — составлен направленный в ЦК ВКП(б) паспорт городов КФССР. С территории в 177,7 тыс. кв. км (включая водные пространства), из которых 41,1 тыс. кв. км составляла бывшая финляндская территория, новая союзная республика занимала по этому показателю 8-е место среди 16 образованных к тому времени республик (0,7% всей территории СССР)<sup>32</sup>. Численность населения выросла к январю 1941 г. до 696 997 человек. Если бы в скором времени не началась война, то миллионный рубеж численности населения был бы вскоре достигнут, так как желающих работать на бывшей территории Финляндии было очень много — людей привлекали хорошее по советским меркам жилье и рабочие места.

В расчете на скорое окончательное решение «финского вопроса» для бывшей территории Финляндии, включенной в КФССР, был установлен особый порядок, запрещавший переименование городов, сел, железнодорожных станций, географических объектов<sup>33</sup>.

Особый порядок был установлен и в отношении бывших граждан Финляндии, пожелавших остаться в СССР. Уроженцы местности, отошедшей к СССР, не нуждались в получении специального решения о принятии гражданства СССР. Им автоматически выдавались советские паспорта.

## 4.2. ВТОРАЯ ФИННИЗАЦИЯ КАРЕЛИИ

Программа второй по счету финнизации Карелии была изложена в решении политбюро ЦК ВКП(б) 27 марта 1940 г. Финскому языку возвращался статус государственного, и он становился, наряду с русским, языком делопроизводства. С 10 апреля следовало организовать издание республиканской газеты на финском языке. Кроме того, предусматривались широкие мероприятия по его изучению в КФССР и перевод всех национальных учебных заведений с карельского на финский язык обучения. В Петрозаводске учредили государственный университет, в котором «преподавание научных дисциплин должно производиться на финском языке»<sup>34</sup>.

Минуло немногим более двух лет после запрещения финского языка в Карелии, когда он был объявлен непонятным для карелов, и теперь руководство СССР, готовясь к окончательному решению «финского вопроса», круто изменило курс. В решении политбюро говорилось, что «партийные организации Карело-Финской республики должны широко разъяснять трудящимся, что именно финский язык, понятный для карельского населения, может и должен стать главным средством подъема национальной культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров советской интеллигенции в КФССР»<sup>35</sup>.

Кроме того, в документе было указано на то, что «первоочередной задачей партийных и советских организаций КФССР является всесторонняя подготовка для различных областей государственного управления, хозяйства и культуры кадров, владеющих финским языком»<sup>36</sup>.

Перед карельским руководством Москвой была поставлена трудная задача разъяснения населению причин изменения языковой политики. Еще в июне 1939 г. секретарь Карельского обкома ВКП(б) П. И. Котельников доложил в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о том, что «до сих пор на карельском языке не издано ни одной работы Ленина—Сталина, за исключением нескольких брошюр. Буржуазные националисты долгое время орудовавшие в Карелии, издавали литературу на финском языке, не понятном для карелов»<sup>37</sup>.

Финский язык был реабилитирован после репрессий 1937—1938 гг. в начале 1939 г., когда в ходе подготовки к войне с Финляндией была начата политическая работа среди финского населения на родном для него языке<sup>38</sup>. (В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) был обозначен поворот в национальной и языковой политике, поскольку борьба с «местным национализмом» стала опасной для политического режима.)

В декабре 1939 г., в ходе подготовки к политической работе среди населения Финляндии, в Карелии было начато изучение финского языка местной номенклатурой, в Петрозаводске и районах были организованы языковые курсы и осуществлено издание учебника финского языка<sup>39</sup>.

После окончания войны, получив новые инструкции из Москвы, П. И. Котельников отправил в райкомы и горкомы партии письмо, в котором была поставлена задача: «добиться того, чтобы наш партийный и советский актив понял необходимость овладения финским языком, то есть, чтобы он понял, что это вытекает из перспектив развития КФССР и потребностей развития карело-финской культуры...»<sup>40</sup>.

Помимо этого, изучать финский язык должны были и представители всех других национальностей Карелии — «наряду с русским языком изучать финский язык населением Карелии, — такова политическая задача поставленная перед Карельской партийной организацией», — отмечалось в письме П. И. Котельникова<sup>41</sup>.

После неожиданного для советского руководства исхода войны с Финляндией в Карелии началась поразительная по масштабам и способам осуществления программа изучения финского языка. Один из труднейших европейских языков изучали руководство новой союзной республики, командный состав 71-й с.д., образованной на базе бывшей «армии Куусинена», учащиеся карельских школ, а в перспективе и все население КФССР, как явствовало из письма П. И. Котельникова.

На вершине возникшей «пирамиды» языковых курсов находились власти Карелии. 9 июня 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР приняло решение «организовать при КФГУ с 15 октября 1940 г. особый факультет по изучению финского языка на 55 человек с индивидуальным обучением на дому»<sup>42</sup>. Список из 52 зачисленных на спецфакультет человек возглавил председатель Госплана КФССР Б. С. Альперович. Будущий генеральный секретарь ЦК КПСС, в то время руководитель комсомольской организации республики, Ю. В. Андропов оказался в списке на 50-м месте. В список вошли 12 наркомов, 6 начальников управлений, все секретари ЦК<sup>43</sup>.

Тем же решением обязали наркомов, руководителей учреждений и организаций республики не позднее 20 октября 1940 г. открыть для своих руководящих работников кружки по изучению финского языка на 5—7 человек<sup>44</sup>, что в дальнейшем должно было помочь «с честью выполнить наши интернациональные обязанности перед пролетариатом Финляндии». К 1 января 1941 г. в 102 школах и кружках изучали финский язык начальники всех рангов (1263 человека)<sup>45</sup>. 21 декабря 1940 г. в ЦК ВКП(б) было доложено об успехах теперь уже 55 спецстудентов КФГУ — «занятия проходят нормально»<sup>46</sup>.

С началом 1941 г., впрочем, практически всем стало ясно, что «финский вопрос» по какой-то причине остается нерешенным. Неопределенность ситуации негативно сказалась на программе изучения финского языка карельской номенклатурой. 25 марта 1941 г. бюро ЦК КП(б) КФССР отмечало, что «изучение финского языка руководящим партийным, советским и хозяйственным активом резко снизилось... неудовлетворительно проходит изучение финского языка и на особом факультете КФГУ»<sup>47</sup>.

Последняя попытка активизировать реализацию проекта была предпринята незадолго до начала Великой Отечественной войны. 25 мая 1941 г. бюро ЦК КП(б) КФССР поставило карельским руководителям задачу к 1 января 1942 г. изучить финский язык в объеме учебника О. Куусинена<sup>48</sup> в кружках для начинающих и в объеме учебника У. Туурала для 5—6-х классов в повышенных кружках<sup>49</sup>.

Финский язык, как уже отмечалось, следовало изучать и личному составу 71-й с.д., дислоцированной в КФССР. Приказом наркома обороны СССР от 31 марта 1940 г. корпус Финляндской народной армии расформировывался к 5 апреля того же года<sup>50</sup>. Первыми были демобилизованы добровольцы, а затем из рядового и начальствующего состава «армии Куусинена» была сформирована 71-я с.д.,

которую разместили в Петрозаводске\*. Рядовой состав дивизии в основном представляли карелы, финны и вепсы.

В сентябре 1940 г. штаб дивизии отправил в нижестоящие штабы «предложение изучать финский язык... еженедельно не меньше 2-х часов в неделю в часы занятые по плану боевой подготовки». Для освоения 300-часовой программы было запасено достаточное количество учебников Е. П. Лаатикайнена<sup>51</sup> и О. Куусинена. Первыми приступили к занятиям в октябре 84 человека начсостава (4 группы)<sup>52</sup>.

Важным пунктом программы финнизации Карелии было учреждение в Петрозаводске государственного университета с преподаванием научных дисциплин на финском языке. Это предложение оказалось невыполнимым, поскольку осуществленная в 1937—1938 гг. кампания по борьбе с «буржуазным национализмом» не только унесла жизни многих финнов — носителей языка, проживавших в Карелии, но и поставила финский язык вне закона: прекратилось его преподавание в учебных заведениях, не выходили газеты, журналы, книги на этом языке.

В результате указание ЦК ВКП(б) о преподавании научных дисциплин в КФГУ, образованном на базе пединститута, на финском языке не было выполнено как по причине отсутствия кадров преподавателей, так и студентов, владевших финским языком. 1-й съезд КП(б) КФССР в апреле 1940 г., одобрив сначала решение ЦК партии, все же в последний момент отменил резолюцию, предусматривавшую издание необходимой литературы и учебников на финском языке к сентябрю 1940 г., указав, что «для вуза учебников на финском языке в три месяца не создать»<sup>53</sup>.

Следующий этап модификации первоначальной идеи был связан с решением бюро ЦК КП(б) КФССР «О практических мероприятиях по открытию Карело-Финского государственного университета» от 28 мая 1940 г. Комплектование студенческого состава университета было решено проводить «преимущественно за счет владеющих финским и карельским языками»<sup>54</sup>. В конце концов действительность все расставила по своим местам. 25 марта 1941 г. в университете из 400 студентов насчитывалось только 49 карелов и финнов<sup>55</sup>.

Трудно было ожидать иного исхода. В 1940 г. десятые классы в Карелии оканчивали лишь 455 человек, в национальных школах финский язык к этому времени не изучался уже около трех лет. Прием же на первый курс КФГУ в 1940 г. составлял 420 человек. (Кроме того, в Петрозаводске имелся Учительский институт.) Задача увеличения приема в университет за счет ингерманландцев, проживавших в Ленинградской области, и карелов, проживавших в Калининской области<sup>56</sup>, оказалась невыполнимой.

В то время Карелия была, видимо, единственной республикой не только в СССР, но и в мире, где возможности вузов по приему студентов превышали численность выпускников средних школ. Москва не жалела денег для нового университета.

\* 9. 5. 1940 было принято решение сформировать «Карело-Финскую дивизию» численностью в 9 тыс. солдат. Доклад наркомата обороны СССР об организации и численности РККА И. В. Сталину и В. М. Молотову 9. 5. 1940. РГВА, ф. 40442, оп. 2, д. 128, л. 7. Впоследствии этому соединению был присвоен номер 71.

В 1938 г. на содержание Пединститута выделили 1,9 млн. руб., в 1940 г. КФГУ дали 3,43 млн. руб., а в 1941 г. — свыше 4 млн. руб.<sup>57</sup>

Причины выделения столь крупных средств объяснил в своем конспекте выступления для заседания, посвященного открытию КФГУ, Г. Н. Куприянов. В нем он особенно выделил роль историко-филологического факультета. «Надо полагать, что руководствуясь... указаниями великого вождя товарища Сталина, профессорско-преподавательский состав, студенчество этого факультета широко организует изучение истории карело-финского народа, его культуры, языка и поставит университет в мобилизационную готовность прийти на помощь братскому трудовому финскому народу в его борьбе за освобождение тогда, когда это потребуется»<sup>58</sup>.

Наиболее значительной по масштабам частью программы финнизации Карелии было изменение языка преподавания в национальных школах. 28 мая 1940 г. бюро КП(б) КФССР утвердило список мероприятий по переводу карельских школ на финский язык обучения. Для этого требовалось поначалу «развернуть широкую разъяснительную работу среди трудящихся». Предстояло решить весьма сложную задачу, если учесть, что машина агитации и пропаганды три года работала в прямо противоположном направлении.

В соответствии с поручением 1-го съезда КП(б) КФССР еще в апреле 1940 г. было решено «разработать практические мероприятия по переводу преподавания в начальных, средних и высших школах с карельского языка на финский с таким расчетом, чтобы занятия в школах карельских районов в 1940—1941 учебном году начались на финском языке»<sup>59</sup>.

Через месяц проблему решили с учетом национального состава учащихся районов Карелии и тем самым отошли от указаний, полученных из Москвы, и рекомендаций съезда. Теперь предполагалось перевести карельские начальные школы, 1—4-е классы неполных средних и средних школ на финский язык обучения, «допустив преподавание на русском языке в 3 и 4-х классах отдельных карельских школ в районах: Олонецком, Ведлозерском, Пряжинском и Петровском»<sup>60</sup>.

С начала нового учебного года перевод на финский язык преподавания в 5—7-х классах всех карельских школ предусматривался в Кестеньгском, Ребольском, Медвежьегорском, Сегозерском, Ругозерском, Тунгудском и Кемском районах и в Калевале. В 5—7-х классах отдельных карельских школ остальных районов сохранили преподавание на русском языке. В 8—10-х классах всех карельских школ в качестве временной меры преподавание также планировалось оставить на русском языке<sup>61</sup> ввиду отсутствия учебников на финском языке, а также большого недостатка кадров преподавателей<sup>62</sup>.

6 июля 1940 г. бюро ЦК утвердило изменения к своему предыдущему решению. Теперь на финский язык переводились все 1—7-е классы карельских школ, «допустив как временную меру обучение в 3—4-х классах отдельных карельских школ Олонецкого, Пряжинского, Ведлозерского и Петровского районов на карельском языке»<sup>63</sup>. (6 августа наркомат просвещения КФССР определил порядок перевода карельских школ на финский язык обучения, оставив преподавание на русском языке в 8—10 классах<sup>64</sup>.) Это решение было, конечно же, уступкой здравому смыслу, поскольку карельские власти понимали невыполнимость перво-

начальных планов. Доложив в ЦК ВКП(б) об успехах, карельские руководители попросили помощи. Одновременный перевод 167 начальных, 42 неполных средних и 13 средних карельских школ привел к значительному недостатку преподавательских кадров. Для начальной школы требовалось 529 учителей (недостаток 140 человек), предметников — 380 (203) и преподавателей финского языка — 62 учителя (15 человек)<sup>65</sup>.

Проблему недостатка кадров предполагалось решить несколькими способами. С 10 июня 1940 г. были организованы курсы подготовки учителей на 60 человек из числа ранее работавших в школах и репрессированных в 1937—1938 гг. Кроме этого, были организованы курсы переподготовки учителей начальных классов для 200 человек и преподавателей финского языка (60 человек). В Ленинградский обком партии обратились с просьбой направить из Ленинградской области 100 учителей начальных школ и 50 преподавателей-предметников, владеющих финским языком<sup>66</sup>.

2 сентября 1940 г. Г. Н. Куприянов доложил куратору Карелии А. А. Жданову, что к началу 1941/42 учебного года все карельские начальные, неполные средние и средние школы будут полностью переведены на финский язык обучения. Преподавание в некоторых 3-х и 4-х классах четырех южных районов и на этот раз было оставлено на карельском языке. Кроме того, отдельные дисциплины в национальных педагогических учебных заведениях читались на русском языке по причине отсутствия преподавателей<sup>67</sup>.

Скорость, с которой происходили изменения в школах, вызывала и вполне понятные трудности. В докладной записке от 31 января 1941 г. отмечалось, что «многие учителя, особенно в начальных классах сами слабо владеют финским языком и в течение полугода занимались или на карельском языке, или в своей речи применяют очень много карельских и русских слов»<sup>68</sup>.

Для учителей с недостаточной языковой подготовкой были организованы при неполных средних и средних школах кружки финского языка, а для учителей начальных классов — 3-месячные постоянно действующие курсы при Институте усовершенствования учителей. Недостатки обозначились и в разъяснительной работе среди населения. В записке говорилось о «некоторых родителях карелах из с. Паданы, Сегозерского района, Спасской Губы, Пряжи и даже отдельных коммунистах», которые не отпускали своих детей в финские классы<sup>69</sup>.

В 1940/41 учебном году финнизация карельских учебных заведений все же в основном была завершена. Из 806 школ КФССР преподавание на финском языке велось в 206 школах. В них насчитывалось 15 314 учащихся. Из 3317 учителей республики 619 были карелами и 272 — финнами<sup>70</sup>.

В апреле начался перевод некоторых средств массовой информации республики на финский язык. 9 апреля 1940 г. Карельский обком партии запросил райкомы и горкомы партии о том, «на каких языках должна выходить районная газета, многотиражки и стенные газеты и что необходимо для перестройки». В ответах предлагалось учесть, что известный процент материала надо было печатать на русском языке, потому что «русский язык должны знать все независимо от национальностей», а к тому же в районах «есть русское население»<sup>71</sup>.

Райкомы и горкомы партии должны были сообщить и о том, «поймет ли коренное население районную газету, если ее сразу же перевести с карельского на финский язык», или потребуются какие-то переходные меры. При этом предлагался и готовый вариант ответа. В северных районах (Калевальский, Кестеньгский, Ругозерский, Ребольский, Тунгудский) можно было сразу же перейти с карельского на финский язык и печатать материалы на финском и русском языках. В южных районах (Олонецкий, Пряжинский, Ведлозерский и Петровский) необходимо было, взяв за основу русский язык, постепенно «расширять процент печатного материала на финском языке»<sup>72</sup>.

По решению от 19 июня 1940 г. вместо журнала «Карелия» на карельском языке с 1 июля 1940 г. стал выходить журнал «Puna Lipu» («Красное знамя»), а также были переведены на финский язык газеты северных районов КФССР, выпускавшиеся на карельском языке<sup>73</sup>. С 1 января 1941 г. на финском языке стали выходить газеты Олонецкого, Петровского, Пряжинского и Ведлозерского районов<sup>74</sup>.

Частью программы финнизации Карелии была коренизация, первый этап осуществления которой начался в 1923 г. В новых условиях особенно деликатным и сложным был вопрос о выдвижении «националов» на руководящую работу в союзных и автономных республиках СССР, в том числе в КФССР. К 1939 г. — времени проведения XVIII съезда партии — центральные власти осознали необходимость изменения сложившейся ситуации<sup>75</sup>. Вскоре были даны указания по усиленному выдвижению национальных кадров на руководящую работу. В Карелии этот процесс до мая 1940 г. продвигался очень медленно, прирост «националов» имел место в основном в нижних слоях «пирамиды власти». Более чем за год количество национальных кадров увеличилось лишь на 417 человек<sup>76</sup>.

Импульс коренизации в Карелии был дан образованием союзной республики. Только с мая по декабрь 1940 г. количество выдвинутых «националов» возросло до 1530 человек. Проще всего было обеспечить выдвижение национальных кадров в системе Советов. Из 133 депутатов Верховного Совета КФССР 45 человек, или 33,8%, составляли карелы, финны и вепсы. Высокий показатель был и в местных советах — 29,5% (1683 депутата из 5699)<sup>77</sup>.

Более скромными были успехи коренизации в органах, обладавших реальной властью. После полутора лет выдвижения из 489 партработников горкомов и райкомов партии карелы, финны и вепсы составили 22%, при том что их доля в численности населения Карелии на 1 января 1939 г. была 26,9%. Из 20 наркомов 9 принадлежали к категории «националов», из 20 заместителей наркомов «националов» было 5 человек, при этом все они были выдвинуты на высокую должность уже после XVIII съезда партии<sup>78</sup>.

Решение о коренизации «выполнялось неудовлетворительно» и на вершине «пирамиды» советской власти. Из 29 чиновников аппарата Президиума Верховного Совета к декабрю 1940 г. 4 были карелы, 3 — финны и 1 — вепс. В документе отмечалось, что из принятых после начала коренизации 10 человек было «лишь два финна и один карел, причем один из них Председатель Президиума товарищ Куусинен, и второй переводчик Лааксе»<sup>79</sup>.

Коренизация не принесла ожидаемых результатов и в сфере управления экономикой: в Наркомфине из 79 человек было лишь 14 «националов», в Госплане из



51 — один, в райпланах из 40 — девять человек. В СНК КФССР были включены 5 карелов и 2 финна, что увеличило представительство «националов» до 13 человек из 64 (20%)<sup>80</sup>. В целом кампания по коренизации принесла весьма скромные результаты, особенно в среднем и высшем звене.

28 июля 1940 г. бюро ЦК КП(б) КФССР приняло решение о переводе с карельского на финский язык делопроизводства в советских, партийных, судебных, хозяйственных и других учреждениях и организациях республики. Руководителям республиканских учреждений и организаций было предписано направлять письменные указания в национальные районы республики одновременно на финском и русском языках<sup>81</sup>.

Не все руководители КФССР понимали новую языковую ситуацию. 9 июня 1941 г. в решении бюро ЦК отмечалось, что «некоторые руководящие работники республиканских организаций и учреждений до сих пор не поняли значения введения финского языка как государственного языка республики и поэтому извращают принципы ленинско-сталинской национальной политики, не отвечают на посылаемые им на финском языке заявления трудящихся, а возвращают их заявителям и соответствующим учреждениям для перевода на русский язык»<sup>82</sup>.

Внешний вид населенных пунктов КФССР был приведен в соответствие с новыми требованиями. К 10 июля 1940 г. была завершена замена вывесок наименований учреждений, предприятий и улиц на финском и русском языках<sup>83</sup>.

Культурные запросы трудящихся, понимавших финский язык, должны были удовлетворять, помимо средств массовой информации, кинопрокат, театр и литература. 21 октября 1940 г. бюро ЦК распорядилось создать в Карелии фильмофонд на финском языке из 34 классических советских кинокартин<sup>84</sup>. В начале 1941 г. в зале консерватории разместилась бригада ленинградской фабрики «Ленфильм» для дублирования на финском языке разрешенных к показу фильмов<sup>85</sup>.

В мае 1940 г. в «целях широкого показа национального народного творчества» было решено в течение месяца создать при Карельском радиокомитете карело-финский национальный хор в составе 30 человек, финскую вокальную группу в составе 6 человек и группу чтецов<sup>86</sup>.

В ноябре 1940 г. был образован Государственный финский театр, в труппу которого было зачислено 23 финна и 5 карелов. По причине недостатка квалифицированных кадров ряд актеров были мобилизованы для работы в театре с лесозаготовок, среди них были рабочий-столяр и радист. Впрочем, в будущем положение должна была исправить созданная при Ленинградском театральном институте национальная студия КФССР в составе 30 человек<sup>87</sup>.

Весьма сложной была проблема издания литературы на финском языке. В памяти были свежи репрессии, а списки подлежащих изъятию книг неблагонадежных авторов регулярно поступали в библиотеки. Никто не хотел рисковать, и в программу дозволенного литературного чтения были включены произведения некоторых финских писателей по двум признакам — все они к этому времени уже умерли, а при жизни относились к писателям-реалистам. Среди них были А. Киви, П. Пяйвяринта, Э. Лейно. В список были включены и двое «финских советских писателей» — А. Эйкия и Л. Хело<sup>88</sup>.

Программа финнизации Карелии, диктуемая политической необходимостью, была с самого начала нереалистичной и невыполнимой в своем первоначальном варианте. Отчитавшись об осуществлении некоторых мероприятий, руководство КФССР значительно модифицировало указания Москвы. К выполнению наиболее одиозного пункта программы — изучению финского языка «всем населением Карелии» — так и не приступили.

В начале 1941 г. программа выполнялась по инерции, так как карельские руководители уже не верили в скорое решение «финского вопроса». Торопливая финнизация Карелии и создание КФССР в короткий межвоенный период имели, если отвлечься от их конечной цели, по меньшей мере одну положительную черту — помогли выжить уцелевшему в годы репрессий финскому населению новой союзной республики.

### 4.3. ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В феврале 1940 г. руководство СССР поставило перед Финляндией новые условия заключения мира, гораздо более жесткие, чем предлагавшиеся до войны, — к Советскому Союзу теперь отходили Приладожская Карелия и весь Карельский перешеек. Новая граница была отодвинута на северо-запад гораздо дальше линии, к которой вышла Красная Армия к концу войны.

Территориальные требования к Финляндии, окончательно сформулированные 28 февраля 1940 г. советской стороной, не только ставили эту страну в безвыходное положение в случае нового наступления Красной Армии, вынуждая оборонять более протяженную границу, но и в значительной мере подрывали ее экономические возможности. По оценке министра обороны Финляндии Ю. Ниукканена, Финляндия лишалась 1/3 построенных ГЭС, почти 15% промышленного потенциала и более 10% сельскохозяйственного производства<sup>89</sup>. Только потери финляндских железных дорог составили 1,5 млрд. марок<sup>90</sup>.

Численность населения территорий, отходивших к СССР, к началу зимней войны достигала почти 450 тыс. человек, или примерно 12% всего населения Финляндии<sup>91</sup>. К моменту завершения боевых действий здесь оставалось 100 тыс. человек постоянно проживавшего населения<sup>92</sup>. Дополнительные трудности создавало скопление на этой территории населения, эвакуированного из приграничных районов Финляндии.

Трудности предстоящего обустройства столь большого количества лишившихся собственности людей представлялись в марте 1940 г. столь значительными, что финляндское правительство поначалу предусматривало возможность установления годичного срока для того, чтобы это население могло сделать выбор — остаться в СССР или перебраться в Финляндию<sup>93</sup>.

Возможности жить в СССР финляндские карелы, которых больше заботило собственное выживание, а не трудности правительства, предпочли начало жизни на пустом месте. Эвакуация проходила в большой спешке, в установленные СССР короткие сроки. Движимое имущество вывозилось в импровизированные пункты

хранения сразу за линией новой границы. Многие лишились почти всего, накопленного в течение жизни. Территория досталась СССР обезлюдевшей.

На совещании, проведенном в Петрозаводске 5—6 сентября 1940 г., Г. Н. Куприянов, заявив, что «вопрос освоения новых районов является вопросом большой политики», поставил задачу организовать дело так, чтобы предприятия «давали продукции больше, города, дороги и прочее должно внешне выглядеть лучше, сельское хозяйство должно быть поставлено не хуже, а лучше», чем у прежних хозяев<sup>94</sup>.

Наибольший интерес для СССР представляла экономическая эксплуатация бывшей финляндской территории. Через неделю после прекращения боевых действий в новые районы была направлена комиссия СНК КАССР «по приему целлюлозно-бумажных предприятий» в составе начальника С. В. Шамшина, инженера-техника А. А. Трофимова и старшего эксперта лейтенанта А. А. Пикалева. 21 марта комиссией были осмотрены фанерный и лесопильный заводы в 40 км от Сортавалы и установлен ряд «умышленных разрушений», зафиксированных в протоколе и на фотопленке<sup>95</sup>.

Акты, составленные комиссией по всем предприятиям, завершались стандартной фразой: «Властями Финляндской республики допущено грубое нарушение статьи 6 протокола к мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года и тем самым нанесен значительный материальный ущерб СССР». 26 апреля комиссия составила последний акт по ЦБК Энсо, завершив на этом свою работу.

Еще 16 апреля 1940 г. правительство СССР своим совершенно секретным постановлением обязало НКВД восстановить основные предприятия целлюлозно-бумажной промышленности: комбинат Энсо (крупнейший и наиболее современный в Европе), целлюлозный завод в Питкяранте, ЦБК Иоханнес, бумажную фабрику в пос. Ляскеля, сульфитно-целлюлозные заводы в Кексгольме и Приозерске<sup>96</sup>.

В этот же день нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия приказал организовать спецстроительство НКВД на Карельском перешейке, возложив руководство на целлюлозно-бумажный отдел ГУЛАГа. Общая стоимость восстановительных работ была оценена в 160 млн. руб. при годовой стоимости продукции предприятий свыше 450 млн. руб. В последнюю пятидневку апреля началось поступление рабочей силы — заключенных, общая численность которых вскоре достигла 10 тыс. человек<sup>97</sup>.

Постановление СНК СССР от 14 мая 1940 г. устанавливало сроки пуска 8 крупнейших предприятий отрасли, последним, в феврале—марте 1941 г., должен был вступить в строй завод в пос. Харлу. В постановлении особо оговаривалось, что необходимо «восстановление восьми указанных выше предприятий производить в том виде, в каком они существовали до разрушения, без всяких изменений технологии»<sup>98</sup>.

Пристальное внимание И. В. Сталина и В. М. Молотова к процессу восстановления предприятий целлюлозно-бумажной отрасли на новых территориях, выраженное в принятии нескольких постановлений, принесло свои плоды — предприятия были введены в строй в установленные сроки.

Согласно донесению начальника спецстроительства старшего майора госбезопасности М. М. Тимофеева, уже 29 июня 1940 г. в пос. Ляскеля была пущена первая бумагоделательная машина. Через полгода М. М. Тимофеев доложил, что «строительные работы на всех предприятиях за исключением Харлу закончены. Затрачено рабочей силы 1 341 486 дней»<sup>99</sup>.

В апреле 1941 г. стал выпускать продукцию завод в пос. Харлу, а 23—25 мая 1941 г. 5-й пленум ЦК КП(б) КФССР подвел итоги: «...Все целлюлозно-бумажные предприятия дают продукцию. Энсо освоил выпуск вискозной целлюлозы, Кексгольм — полностью освоил выпуск высококачественной целлюлозы марки “Экстра” и “Прима”»<sup>100</sup>.

Приобретение бывших финляндских предприятий ЦБП позволило СССР не только увеличить производство дефицитной целлюлозы высшего качества, но и сократить технологическое отставание в ее производстве. На совещании, состоявшемся 14—15 января 1941 г., руководитель Главного управления 8 целлюлозно-бумажных предприятий Карельского перешейка Балмасов заявил, что «с момента включения наших предприятий, правительство передает нам наиболее ответственные ассортименты, которые раньше вырабатывались на Сясинском заводе, на заводе в Свердловске. Выработка вискозных и целлюлозных изделий высшего качества передается нам»<sup>101</sup>. Балмасов высоко оценил архивы, которые остались на комбинате Энсо. «Там мы многому научились и я должен сказать, что теория, которая существовала до сих пор у бумажников, опровергнута... мы выпускаем новые учебники... как вырабатывать новые высокие сорта»<sup>102</sup>.

Отошедшие к СССР от Финляндии территории позволили решить еще одну острую проблему<sup>103</sup>. К началу зимней войны энергетический кризис в Ленинграде достиг своего пика: в городе осуществлялись жесткие мероприятия по сокращению потребления электроэнергии, действовала сложная система очередей на ее получение с правом приоритета военных предприятий. Впрочем, это не помогло, город, население которого немногим уступало по численности населению Финляндии, вынужден был жить на скудном энергетическом пайке<sup>104</sup>. (В январе 1940 г. из-за недостатка электроэнергии в Ленинграде были остановлены крупные военные предприятия, выполнявшие заказы для действующей армии<sup>105</sup>.)

Незадолго до начала войны, 9 сентября 1939 г., начальник управления НКВД по Ленинградской области Гоглидзе направил А. А. Жданову докладную записку, в которой предупреждал о «прямой угрозе срыва обеспечения потребности ленинградской промышленности в электроэнергии». Указав на то, что «ежегодный прирост потребления энергии начиная с декабря 1936 года составил 13%», Гоглидзе оценил дефицит производства электроэнергии в осенне-зимний максимум 1939/40 г. в 22%<sup>106</sup>.

Гигантское развитие военной промышленности Ленинграда после завершения зимней войны, расширение производства танков и боевых кораблей, строительство нескольких новых авиазаводов, сооружение метро требовали быстрого увеличения мощности энергосистемы на 400 тыс. квт.<sup>107</sup> — совершенно невыполнимая задача, учитывая имевшиеся ресурсы и заделы.

Еще 22 февраля 1940 г. бюро Ленинградского горкома партии приняло решение «довести до сведения ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что спущенный НКЭП план

и направления капиталовложений по Ленэнерго на 1940 г. не разрешают катастрофического положения с энергоснабжением промышленности и не удовлетворяют потребностей в электроэнергии и тепле коммунального хозяйства и быта города»<sup>108</sup>. Приобретение бывших финляндских ГЭС Роухиала мощностью около 100 тыс. квт. и построенной на 60% ГЭС Энсо аналогичной мощности позволяло на некоторый срок отодвинуть энергетическую катастрофу, выиграть время в материальной подготовке к войне.

Решения об эксплуатации ГЭС Роухиала и достройке ГЭС Энсо принимались на самом высоком уровне. Уже 26 марта 1940 г. наркомат электростанций и электропромышленности СССР обратился в правительство страны с просьбой утвердить проект постановления о строительстве линии электропередачи Роухиала—Ленинград<sup>109</sup>. 20 апреля 1940 г., это постановление приняли ЦК ВКП(б) и СНК СССР, затем, 5 мая, заинтересованный в его выполнении больше всех Ленинградский горком ВКП(б). В октябре линия была испытана и вступила в строй. Правда, здесь сказалась еще одна особенность Ленинграда: ветхие, оставшиеся с царских времен, кабельные линии не позволили осуществить «вливание» мощности ГЭС Роухиала даже к декабрю 1940 г.<sup>110</sup> В мае 1940 г. было принято решение об организации войсковой охраны НКВД на ГЭС Роухиала и Энсо<sup>111</sup>. Постановлением СНК СССР от 11 июня 1940 г. в перечень особоохраняемых объектов, охраняемых войсками НКВД, были включены целлюлозная фабрика в Питкяранте и комбинат Энсо<sup>112</sup>. (Войска НКВД охраняли только жизненно важные для страны объекты.)

Помимо жизненно важных для экономики СССР строек, о которых говорилось выше, требовалось решить и другие задачи: наладить экономическую эксплуатацию промышленных предприятий, возобновить сельскохозяйственное производство, заселить пустующие земли.

В течение 1940 г. в Москве высшими органами власти принимались решения об освоении новых территорий. В марте карельским руководителям были даны два месяца на ознакомление с ситуацией и выработку предложений об эксплуатации новых земель<sup>113</sup>.

28 мая 1940 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области»<sup>114</sup>. Согласно этому документу, все промышленные предприятия были поделены между союзными отраслевыми наркоматами, на которые и были возложены задачи по их эксплуатации.

Для снабжения лесом мощных ЦБК на Карельском перешейке и в Северном Приладожье было предписано предоставить к 15 июня 1940 г. предложения в Экосо при СНК СССР\*. Поскольку к 1939 г. лесная промышленность КАССР переживала кризис и леса с трудом хватало на внутренние нужды республики, а также для экспортных лесозаводов, из положения было решено выйти, построив железную дорогу Суоярви—Юшкозеро для освоения ребольских массивов. При этом учитывалось и военное значение этой дороги<sup>115</sup>.

\* Эта проблема была рассмотрена в записке, составленной в Ленинграде после окончания зимней войны. РГАЭ, ф. 7637, оп. 5, д. 72, л. 1—18.

Общие затраты по восстановлению хозяйства новых районов без учета железнодорожного и водного транспорта были исчислены в июле 1940 г. в 380 млн. руб. Из этой суммы большая часть (300 млн. руб.) была выделена на 1940 г. По данным, приведенным П. В. Соляковым на 2-м пленуме ЦК КП(б) КФССР 25 июля 1940 г., разрушения в ходе войны на новых территориях были оценены в 600 млн. марок, или в 1/3 бюджета Финляндии того времени<sup>116</sup>.

Проблема трудовых ресурсов для освоения новых территорий решалась на самом высоком уровне. Постановление от 28 мая 1940 г. обязало Переселенческое управление при СНК СССР завезти в новые районы КФССР 40 тыс. семей колхозников — по 20 тыс. в 1940 и 1941 г.<sup>117</sup> Поначалу переселение осуществлялось быстрыми темпами.

5—6 сентября 1940 г. были подведены промежуточные итоги освоения новых районов. Городское население к этому времени насчитывало 120 тыс. и сельское — 42 тыс. человек. Только за август—сентябрь из различных областей СССР сюда было переселено и приехало добровольно около 80 тыс. человек. К этому времени было организовано 253 колхоза, насчитывавших 10 200 хозяйств, однако большинство из них только формировались<sup>118</sup>.

Поскольку для функционирования промышленных предприятий по советским нормам требовалось иногда в два раза больше рабочих, лимитирующим фактором вскоре стал недостаток жилья. (На станции Райвола до войны было занято 16 человек, после нее — 142 человека.)<sup>119</sup> Проблему усугубляли напряженные отношения между дислоцированными здесь воинскими частями и гражданскими властями. В Выборге 89% жилого фонда летом 1940 г. занимали войска (из 536 домов — 475), в Сортавале — 56%, в Кякисалми — 60%<sup>120</sup>.

Началась длительная тяжба между армией и местной администрацией из-за жилья, в которой стороны апеллировали к высшему руководству страны<sup>121</sup>. К началу Великой Отечественной войны этот спор так и не был завершён. Осложняло положение с жильем и соседство Ленинграда. В Выборгский район были завезены колхозные семьи, которые обнаружили, что отведенные им дома были самовольно заняты ленинградцами<sup>122</sup>.

Судя по всему, правительство СССР не руководствовалось соображениями об этническом составе будущего населения новых территорий — переселение рабочей силы производилось из трудоизбыточных районов СССР: Белорусской СССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, а также Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей<sup>123</sup>. Некоторое количество переселенцев было доставлено из Мурманской области\*. С наибольшими трудностями вербовщики столкнулись в Чувашии и Мордовии: люди не хотели перебираться в новые места<sup>124</sup>.

Этническая неоднородность переселенцев вызывала определенные проблемы. Управление погранвойск НКВД Ленинградского округа направило 18 февраля 1941 г. Г. Н. Куприянову информацию об «очень плохом подборе кадров» в кол-

\* Лайне А. Карело-Финская... С. 231—232. А. Лайне, однако, не поясняет, где были расселены прибывшие из Мурманской области финны, численность которых, по его данным, составляла около 2 тыс. человек.

хозах Карельского перешейка. В колхозе «Борьба» в деревне Кирыярви Выборгского района сложились 2 группировки — русская и татарская, которые «ведут между собой борьбу». Татары, проживавшие в деревне Терваэки того же района, потребовали построить мечеть для отправления культа<sup>125</sup>.

В начале 1941 г. среди колхозников распространились слухи о скором начале войны с Финляндией, и у многих появилось желание вернуться в родные места<sup>126</sup>. План сельскохозяйственного освоения новых территорий в итоге не был выполнен, из 20 тыс. семей в 1940 г. переселили лишь 13 тыс. семей. В конце 1940 г. в новых районах проживали 197 260 человек<sup>127</sup>. Весной 1941 г., по свидетельству Г. Н. Куприянова, было неофициально решено приостановить заселение новых территорий в связи с изменением ситуации и нарастанием военной опасности<sup>128</sup>.

В итоге времени для освоения бывших финляндских территорий до начала Великой Отечественной войны не хватило, а их экономическая эксплуатация не принесла ожидаемых результатов, за исключением производства продукции целлюлозно-бумажных предприятий и электроэнергии.

#### 4.4. ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КФССР

До осени 1940 г., пока руководство СССР надеялось на скорое военное решение «финского вопроса», строительство объектов военного назначения на территории ЛВО осуществлялось в весьма незначительных размерах. Результаты поездки наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., однако, не оставили сомнений в том, что Германия будет противодействовать включению Финляндии в СССР. Вскоре после этого в Москве было принято решение приступить к осуществлению колоссальной программы военного строительства на западе и северо-западе страны.

Данные советской разведки летом—осенью 1940 г. не оставляли сомнений в том, что немцы, получившие право транзита войск в Северную Норвегию через территорию Финляндии, использовали эту возможность для укрепления своего положения в этой стране<sup>129</sup>. Уже в сентябре 1940 г. был подготовлен один из вариантов плана военной кампании против СССР, в котором предусматривалось наступление немецких войск крупными силами и на северном направлении, используя территорию Финляндии<sup>130</sup>.

Советское руководство стремилось исправить сложившуюся после окончания войны с Финляндией опасную ситуацию на северо-западе СССР в ходе переговоров, которые вел в Берлине в ноябре 1940 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. Попытка добиться согласия А. Гитлера на окончательное решение «финского вопроса», однако, не привела к желаемым результатам, поскольку к этому времени немцы рассматривали Финляндию как своего потенциального союзника в войне против СССР<sup>131</sup>. Ленинградский военный округ 25 ноября 1940 г., через несколько дней после возвращения В. М. Молотова из Берлина, получил директиву подготовить план военной операции, целью которой было занятие всей территории Финляндии<sup>132</sup>. Не в последнюю очередь это решение вызывалось

необходимостью противодействия опасности немецкого наступления с территории Финляндии.

Во второй половине 1940 г. с учетом сложившейся военно-стратегической ситуации были разработаны планы усиления западных военных округов, в том числе ЛВО. Урок, который был усвоен военно-политическим руководством СССР в ходе зимней войны, заключался прежде всего в том, что войну можно будет выиграть, лишь имея соответствующую военно-гражданскую инфраструктуру. Ее недостаточное развитие на северо-западном театре военных действий в конечном счете и привело к неожиданному исходу войны с Финляндией — сил было достаточно, но не было возможности быстро перебросить их к линии фронта, пути сообщения не позволяли этого сделать. (Это напоминало ситуацию времен русско-японской войны 1904—1905 гг.: единственная железная дорога не смогла обеспечить своевременную переброску резервов на Дальний Восток.)

Кроме того, в апреле 1940 г., в ходе операции по завоеванию Норвегии, немцы продемонстрировали, что авиация может играть самостоятельную роль в решении стратегических задач. В Москве это было воспринято как очень серьезная угроза, на которую следовало найти адекватный ответ. Особенности северо-западного ТВД определяли исключительную роль здесь авиации. Во второй половине 1940 г. было принято решение о строительстве большого числа новых авиазаводов, в том числе в Ленинграде. Одновременно было решено построить и современную сеть аэродромов с твердым покрытием, чтобы уменьшить зависимость авиации от погодных условий и времени года.

Помимо этого было решено ликвидировать еще одно слабое место в осуществлении планов будущей войны — построить железные и шоссейные дороги в западной части СССР, в том числе и на северо-западе, где зависимость исхода войны от состояния путей сообщения была наиболее очевидна по опыту зимней войны. Масштабы того, что предполагалось построить с осени 1940 г. примерно до конца 1943 г., поражают, они превосходили по объему то, что было сделано в СССР в течение 20 предыдущих лет.

Осенью 1940 г. руководство СССР окончательно рассталось с представлением о будущей войне, как о легкой прогулке, фактически отказавшись от пропагандистского штампа «воевать на чужой земле, малой кровью». Началась серьезная подготовка к будущей войне.

К осуществлению неотложной программы дорожного строительства на севере и северо-западе СССР руководство страны заставило приступить решение, принятое Великобританией и Францией 5 февраля 1940 г. о посылке экспедиционного корпуса на помощь Финляндии. Эта угроза была воспринята очень серьезно, несмотря на высказанные В. М. Молотовым заявления противоположного свойства. Север СССР мог быть отрезан от остальной части страны сравнительно небольшими по численности войсками противника, особенно в зимне-весенний период. Это означало бы если не военную, то, во всяком случае, политическую катастрофу.

5 февраля 1940 г. ЦК партии и правительство СССР приняли решение о строительстве вторых путей на Кировской железной дороге. Приказом Л. М. Кагановича от 7 февраля 1940 г. было организовано строительство № 101 (участок Волховстрой—Петрозаводск), которое должно было завершиться в декабре 1940 г.



В мае 1940 г. было принято повторное решение по этому вопросу. Строительство предполагалось осуществить в три этапа: участок Волховстрой—Лодейное Поле завершить к осени 1940 г., Лодейное Поле—Петрозаводск (280 км) — к 15 ноября 1940 г., северный участок, Петрозаводск—Беломорск (390 км), — в 1941 г. В первоначальном виде эти планы не были выполнены до начала Великой Отечественной войны.

14 февраля 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о железнодорожном строительстве на юго-западе, западе и северо-западе страны. К работам привлекалось 128 тыс. строителей. На Кировской железной дороге должны были построить 192 км вторых путей на отдельных перегонах Петрозаводск—ст. Сорокская (Беломорск), на что в 1941 г. было выделено 80 млн. руб. Пропускную способность дороги на этом участке предполагалось довести до 30 пар поездов в сутки, на южном участке (Петрозаводск—Волховстрой) — до 48 пар поездов в сутки. Помимо этого планировалось осуществить восстановительные работы на железной дороге вдоль берега Ладоги, которая находилась в момент ее передачи СССР, по утверждениям специалистов, в очень плохом состоянии. На эти цели было ассигновано в 1941 г. 27,9 млн. руб.<sup>133</sup>

Постановление от 14 февраля должно было придать дополнительный импульс осуществлению планов, которые выполнялись начиная с декабря 1939 — февраля 1940 г. В 1940 г. на участке Волховстрой—Петрозаводск было сдано в эксплуатацию 34 из 37 перегонов, однако недостаточное развитие станционных узлов ограничило пропускную способность дороги 25 парами поездов вместо 48 по плану.

Принятие планов, однако, не означало, что они будут осуществлены в срок. Так, стоимость строительства северного участка (Петрозаводск—Сорокская) оценивалась ориентировочно в 250 млн. руб. Утвержденная на 1941 г. сумма в 80 млн. руб. позволяла приступить к работам лишь на 20—22 перегонах из 42.

На железной дороге Беломорск—Обозерская, сооружаемой силами СорокЛАГа НКВД (в июле 1940 г. здесь насчитывалось до 60 тыс. заключенных), временное движение было открыто, согласно отчету, 28 декабря 1940 г. — на два дня раньше установленного срока. Доложив о своевременном завершении строительства, НКВД сдал почти полностью непригодную для движения поездов дорогу, на которой только через полгода оказалось возможным открыть постоянное движение.

Летом—осенью 1940 г. в Карелии было решено построить современную сеть шоссейных дорог, пригодных для передвижения войск в любое время года. Этот план был частью общего замысла руководства страны по строительству военно-гражданской инфраструктуры в северных и западных районах страны.

Ушосдор НКВД КФССР после окончания зимней войны увеличил сеть стратегических дорог за счет новых районов с 1496 км до 4580 км, Главдорупр (гражданского подчинения) — с 8916 км до 12 144 км<sup>134</sup>.

Вскоре был утвержден титульный список по новому строительству стратегических дорог для Ушосдора НКВД КФССР. В него были включены дороги Кандалакша—Куолаярви, Кестеньга—Тунгозеро—Топозеро, Ухта—Войница—Вокнаволок—Госграница, Тунгозеро—Ухта, станция Свирь—Олонец—Кондуши, Петрозаводское полукольцо — всего 600 км. Стоимость программы нового

дорожного строительства стратегического значения в Карелии, рассчитанной на 3 года, составляла 196,9 млн. руб.\*

Помимо этого, основательной реконструкции подлежали дороги Палалахта—Колатсельга, Сямозеро—Суоярви—Береговая дорога, маршрут № 10, Поросозеро—Товеттила—Лутикковаара, Спасская Губа—Вохтозеро—Лапинниemi. Петрозаводск—Сямозеро, Вондульмяки—Вегарус—Таветтила—Госграница. Общие расходы по реконструкции дорог составляли по плану 58,3 млн. руб., а протяженность подлежащих восстановлению дорог — 379 км\*\*. Общая же протяженность дорог, включенных в программу нового строительства и реконструкции, таким образом, составляла около 1000 км. К началу Великой Отечественной войны осуществление всех этих проектов было на начальной стадии.

Помимо строительства шоссейных дорог на территории КФССР было решено построить и расширить в общей сложности 38 аэродромов для ВВС РККА. Наличие на территории КАССР лишь одного полноценного Бесовецкого аэродрома ставило эффективность ведения боевых действий к северу от Ладоги в зависимость от времени года, связывая действия командования армии, — использование крупных сил авиации было возможно лишь в зимнее время.

По планам Генштаба РККА в рамках подготовки к мировой войне в западной части СССР следовало построить 248 аэродромов с твердым покрытием<sup>135</sup>. В Карелии соответствующее решение было утверждено суженным заседанием СНК КФССР 11 февраля 1941 г.

На заседании был утвержден план строительства и расширения 17 аэродромов, в том числе 6 — на территории довоенной КАССР и 11 — в отошедших к СССР районах Финляндии<sup>136</sup>. Поскольку сложный рельеф местности определял ограниченный выбор подходящих для строительства аэродромов площадок (средняя площадь одного аэродрома равнялась 155,8 га с учетом имеющихся данных по 15 из 17 аэродромов), военные попытались выйти из положения за счет изъятия части сельхозугодий у колхозов республики. В ходе полемики между хозяйственниками и военными последние вынуждены были отступить, из 17 аэродромов в списке осталось 11<sup>137</sup>.

31 марта 1941 г. постановлением СНК КФССР было утверждено строительство дополнительно 9 аэродромов, в том числе 4 — в Ребольском, Петровском и Кестеньгском районах и 5 — на новых территориях<sup>138</sup>. В начале апреля 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о дополнительном строительстве в 1941 г. на территории КФССР 18 оперативных аэродромов, в том числе 7 — на территории прежней КАССР и 11 — в новых районах<sup>139</sup>. Таким образом, в общей сложности в Карелии предусматривалось строительство 38 аэродромов.

30 апреля 1941 г. СНК КФССР принял решение о «развертывании работ по спецстроительству на территории КФССР». Для ускорения проведения работ было разрешено приступать к ним до оформления документов по отводу земель<sup>140</sup>.

\* Подсчитано по: Титульный список по новому строительству грунтовых дорог. 1940 г. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 1/5, л. 311.

\*\* Подсчитано по: Титульный список по новому строительству грунтовых дорог. 1940 г. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 1/5, л. 312.

Для успешного завершения строительства требовалось привлечь 11 700 рабочих, 108 тракторов, 108 грузовых автомобилей и 36 грейдеров<sup>141</sup>.

К началу Великой Отечественной войны осуществление программы аэродромного строительства в КФССР находилось на начальной стадии: кое-где успели срубить лес на месте будущих аэродромов, начала прибывать рабочая сила и техника.

Обширные программы военного строительства в западной части СССР, в том числе на северо-западе, к июню 1941 г. находились на начальной стадии. Масштабы строительных работ и выделенные средства свидетельствуют о том, что речь шла о проектах, жизненно важных для страны.

Правительство СССР подписало мирный договор с Финляндией, минуя перемирие, с тем, чтобы избежать возможного вмешательства в войну Великобритании и Франции и закрепить за собой исключительно важные в стратегическом, военно-экономическом и политическом отношении территории.

Отодвинутая далеко на северо-запад государственная граница, с одной стороны, обеспечивала большую безопасность Ленинграда, Кировской железной дороги и ББВП. С другой стороны, включением в состав СССР финляндской Ладожской Карелии и Карельского перешейка с Выборгом приобретался выгодный оперативный плацдарм для планировавшейся военной операции против Финляндии. Развитая дорожная сеть на перешедших к СССР территориях, позволявшая осуществить быстрое сосредоточение войск, а также протяженная граница без подготовленных оборонительных рубежей и значительных естественных препятствий серьезно уменьшали оборонительные возможности финляндской армии.

Экономический потенциал отошедших от Финляндии районов, прежде всего передовое в технологическом отношении производство высококачественной целлюлозы, а также электроэнергии для военных предприятий Ленинграда, был особенно важен для материально-технической подготовки СССР к мировой войне, учитывая фактор времени. Производственные возможности по выпуску целлюлозы восьми целлюлозно-бумажных предприятий на Карельском перешейке и в Приладожье увеличивали вдвое выпуск этого ценного стратегического сырья в СССР, используемого для изготовления пороха и взрывчатых веществ. Кроме того, экономились значительные средства и время, необходимые для строительства капиталоемких предприятий целлюлозно-бумажной отрасли, а также сокращалось технологическое отставание.

Перешедшие к СССР новые территории руководство страны планировало использовать и в политических целях. Вскоре после завершения боевых действий КАССР была преобразована в союзную Карело-Финскую республику, что представляло собой одно из политических условий предстоявшего окончательного решения «финского вопроса» военными методами. Союзная республика создавалась с нарушением сложившейся практики государственного строительства: ее население составляло менее полумиллиона человек, а экономический потенциал был исключительно слаб, особенно в национальных (населенных карелами) районах, что заставило включить в состав КФССР всю территорию предвоенной КАССР.

В Карелии началось осуществление второй по счету финнизации, которая в отличие от первой (1922—1935 гг.) обладала определенной спецификой и проводилась

в условиях цейтнота. Финскому языку вернули статус государственного, наряду с русским, школы в населенных карелами районах были переведены на финский язык обучения, началось изучение финского языка карельской номенклатурой, была активизирована политика коренизации, осуществлялись мероприятия в области культуры. Масштабы и направленность перечисленных мероприятий, а также настойчивость в их реализации ясно свидетельствуют о намерениях советского руководства, готовившего в Карелии политические условия для ее последующего присоединения к советской Финляндии.

До осени 1940 г. в подходах советского руководства к решению «финского вопроса» преобладали политические методы, сменившиеся после поездки В. М. Молотова в Берлин военно-экономическими, которые стали приоритетными. Весной 1941 г. в Карелии приступили к реализации масштабной программы военного строительства, значительно превосходившей все, что было сделано в автономной республике за межвоенное двадцатилетие. К началу Великой Отечественной войны осуществление рассчитанной на 2—3 года программы находилось на начальной стадии.

- <sup>1</sup> См. также: «План мероприятий по инженерному обеспечению армейской наступательной операции на Карельском перешейке». 30. 10. 1939—10. 11. 1940. РГВА, ф. 25888, оп. 15, д. 534, л. 5—11.
- <sup>2</sup> Решение политбюро ЦК ВКП(б) 24. 3. 1940. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, л. 6.
- <sup>3</sup> Решение политбюро ЦК ВКП(б) 27. 3. 1940. Там же, л. 31.
- <sup>4</sup> Там же, л. 32.
- <sup>5</sup> Стенограмма 1-го съезда КП(б) КФССР 24—27. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 3ф, л. 4.
- <sup>6</sup> Там же, л. 5.
- <sup>7</sup> Национальный состав населения КАСССР по районам и городским поселениям (перепись 1939 г.). ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 279, л. 32—33.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> *Vexviiläinen O.* Мир или перемирие? // *Зимняя война 1939—1940*: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 362.
- <sup>10</sup> *Raasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. II osa: Väli rauhan aika. Helsinki, 1959. S. 34.
- <sup>11</sup> Неопубликованные воспоминания Г. Н. Куприянова. ГАОПДФ РК, ф. 5002, оп. 3, д. 297, л. 39—40.
- <sup>12</sup> Проект указа ВС СССР, составленный исполкомом Ленинградского облсовета 26. 2. 1940. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4241, л. 77.
- <sup>13</sup> Письмо Н. Соловьева А. А. Жданову 19. 5. 1940. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4247, л. 179.
- <sup>14</sup> Национальный состав населения КАСССР. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 279, л. 32—33.
- <sup>15</sup> Письмо председателя исполкома Оштинского РИКа Лазарькова 10. 5. 1940. НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 2/3, л. 50.
- <sup>16</sup> Закон «Об установлении границы между КФССР и РСФСР» был принят Президиумом ВС КФССР 10. 7. 1940. Протокол заседаний Президиума ВС КФССР. НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 1/2, л. 123—124.
- <sup>17</sup> Письмо архивного отдела НКВД КАСССР начальнику главного архивного управления НКВД СССР 13. 12. 1939. НА РК, ф. 30, оп. 5, д. 1/15, л. 5.
- <sup>18</sup> Выступление Г. Н. Куприянова, декабрь 1939 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 296, л. 13.
- <sup>19</sup> Выступление Солякова на 2-м пленуме ЦК КП(б) 25—27. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 15ф, л. 28. Об оценке новой территории см. также: Докладная записка Наркомлеса КФССР, 1940 г. НА РК, ф. 2716, оп. 1, д. 1/2, л. 16—17.
- <sup>20</sup> Там же, л. 20.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> Там же, л. 22—24.
- <sup>23</sup> Отчет наркома целлюлозной и бумажной промышленности СССР за 1940 г. РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 811, л. 82—83.
- <sup>24</sup> Выступление Солякова на 2-м пленуме ЦК КП(б) 25—27. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 15ф, л. 21.
- <sup>25</sup> Заключение по отчету Главкарелбумпрома за 1940 г. РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 612, л. 15.
- <sup>26</sup> Сульфитно-целлюлозный завод «Питкяранта», 4. 5. 1941. РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 1785, л. 3.
- <sup>27</sup> Заключение по отчету Главкарелбумпрома за 1940 г. РГАЭ, ф. 8513, оп. 1, д. 612, л. 2.
- <sup>28</sup> *Polvinen T. J. K.* Raasikivi. Valtiomiehen elämäntyö 1939—1944. 3. Porvoo, 1995. S. 142—143.

- <sup>29</sup> Письмо Г. М. Орлова Н. А. Булганину, первая половина мая 1940 г. АВПРФ, ф. 0135, оп. 23, п. 147, д. 2, л. 66.
- <sup>30</sup> Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14—17 апреля 1940 г. М., 1998. С. 282.
- <sup>31</sup> Справка для В. М. Молотова, составленная заместителем заведующего отделом Прибалтийских стран Маевским 17. 6. 1940. АВПРФ, ф. 0135, оп. 23, п. 147, д. 2, л. 69—70.
- <sup>32</sup> Паспорт городов КФССР 5. 10. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 221, л. 2—3.
- <sup>33</sup> Решение политбюро ЦК ВКП(б) 27. 3. 1940. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, л. 33.
- <sup>34</sup> Там же, л. 32—33.
- <sup>35</sup> Там же, л. 32.
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> Письмо П. И. Котельникова в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), июнь 1939 г. ГАОПДФ РК, ф. 3, оп. 5, д. 374, л. 24—25.
- <sup>38</sup> Выступление Г. Н. Куприянова на 1-м съезде КП(б) КФССР 24. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 3ф, л. 98.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> Письмо П. И. Котельникова райкомам и горкомам ВКП(б) 9. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 158ф, л. 2.
- <sup>41</sup> Там же.
- <sup>42</sup> Решение бюро 4. 10. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 22ф, л. 171.
- <sup>43</sup> Там же, л. 172—173.
- <sup>44</sup> Там же, л. 171.
- <sup>45</sup> Докладная записка о работе отдела кадров ЦК КП(б) КФССР с марта 1939 по 1. 1. 1941 г. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 216ф, л. 17.
- <sup>46</sup> Докладная записка в ЦК ВКП(б) 21. 12. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 56ф, л. 66.
- <sup>47</sup> Выписка из протокола заседания бюро ЦК КП(б) КФССР 25. 3. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 10а, л. 221.
- <sup>48</sup> *Kuusinen O. W. Suomen kielen alkeisopas. Petroskoi, 1940.*
- <sup>49</sup> Решение бюро ЦК КП(б) КФССР 29. 5. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 14а, л. 115.
- <sup>50</sup> Приказ ВС ЛВО 2. 4. 1940. РГВА, ф. 31921, оп. 1, д. 27, л. 123.
- <sup>51</sup> *Лаатикайнен Е. П. Учебник финского языка. Петрозаводск, 1940.*
- <sup>52</sup> Докладная записка об изучении финского языка личным составом 52 с.п. 11. 11. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 206, л. 67.
- <sup>53</sup> Стенограмма 1 съезда КП(б) КФССР 26. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 4ф, л. 103.
- <sup>54</sup> Приложение к протоколу бюро КП(б) КФССР 28. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 94.
- <sup>55</sup> Выписка из протокола заседания бюро ЦК КП(б) КФССР 25. 3. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 10а, л. 221.
- <sup>56</sup> Письмо наркомата просвещения КФССР Г. Н. Куприянову 17. 6. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 159ф, л. 7.
- <sup>57</sup> Конспект Г. Н. Куприянова. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 34ф, л. 42.
- <sup>58</sup> Там же, л. 34—35.
- <sup>59</sup> Резолюция съезда. ГАОПДФ РК, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 8.
- <sup>60</sup> Приложение к протоколу заседания бюро ЦК КП(б) 28. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 90.

- <sup>61</sup> Там же, л. 90—91.
- <sup>62</sup> Докладная записка в ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) 10. 6. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 43ф, л. 2.
- <sup>63</sup> Решение бюро 6. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 21ф, л. 24.
- <sup>64</sup> Приказ НКП КФССР 6. 8. 1940. НА РК, ф. 1192, оп. 2, д. 1/7, л. 34—37.
- <sup>65</sup> Докладная записка в ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) 10. 6. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 43ф, л. 2.
- <sup>66</sup> Там же, л. 3.
- <sup>67</sup> Докладная записка «О переводе карельских школ КФССР на финский язык обучения» 2. 9. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 43ф, л. 39.
- <sup>68</sup> Докладная записка 31. 1. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 131ф, л. 27.
- <sup>69</sup> Там же, л. 28.
- <sup>70</sup> Докладная записка о работе отдела кадров ЦК КП(б) КФССР с марта 1939 по 1. 1. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 216ф, л. 17.
- <sup>71</sup> Директивное письмо райкомам и горкомам ВКП(б) 9. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 158ф, л. 2.
- <sup>72</sup> Там же.
- <sup>73</sup> Протокол заседания бюро ЦК КП(б) 19. 6. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 176.
- <sup>74</sup> Протокол заседания бюро ЦК КП(б) 11. 12. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 24, л. 86.
- <sup>75</sup> XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 29.
- <sup>76</sup> Докладная записка о работе отдела кадров ЦК КП(б) КФССР с марта 1939 по 1. 1. 1940 г. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 216ф, л. 14.
- <sup>77</sup> Там же.
- <sup>78</sup> Там же, л. 15.
- <sup>79</sup> Докладная записка зам. зав. отдела кадров Власову 15. 11. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 123ф, л. 1.
- <sup>80</sup> Там же, л. 1—2.
- <sup>81</sup> Приложение к п. 23 протокола № 4 заседания бюро ЦК КП(б) КФССР. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 93.
- <sup>82</sup> Протокол заседания бюро ЦК КП(б) КФССР 9. 6. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 14а, л. 155.
- <sup>83</sup> Приложение к решению бюро ЦК КП(б) КФССР. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 92.
- <sup>84</sup> Приложение к решению бюро ЦК КП(б) 21. 10. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 23ф, л. 99—100.
- <sup>85</sup> Протокол заседания бюро ЦК КП(б) КФССР 20. 1. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 8а, л. 97.
- <sup>86</sup> Приложение к заседанию бюро ЦК КП(б) КФССР 9. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 20ф, л. 52.
- <sup>87</sup> Докладная записка о работе отдела кадров ЦК КП(б) КФССР с марта 1939 по 1. 1. 1940 г. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 216ф, л. 16.
- <sup>88</sup> Список сведений о писателях. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 43ф, л. 32—33.
- <sup>89</sup> *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Helsinki, 1951. S. 255.
- <sup>90</sup> *Hannula J. O.* Neuvostoliitto hyökkää pohjolaan. Suomen-Venäjäns talvisota 1939—40. Helsinki, 1944. S. 154.
- <sup>91</sup> *Hietanen S.* Siirtoväen pika-asutuslaki 1940. Helsinki, 1982. S. 105.
- <sup>92</sup> *Ibid.* S. 106.

- <sup>93</sup> Ibid. S. 107.
- <sup>94</sup> Протокол совещания при ЦК КП(б) 5—6. 9. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 19ф, л. 47.
- <sup>95</sup> Акты и фото комиссии по приему предприятий ЦБП. ГАОПДФ РК, ф. 8, оп. 9, д. 2, л. 1.
- <sup>96</sup> Там же, л. 2.
- <sup>97</sup> Докладная записка в ЦК КП(б) КФССР начальника спецстроительства НКВД СССР на Карельском перешейке ст. майора М. Тимофеева 4. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 40ф, л. 60.
- <sup>98</sup> Выдержка из постановления СНК СССР 14. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, оп. 10, д. 4, л. 90.
- <sup>99</sup> Справка о ходе работ по восстановлению ЦБП на Карельском перешейке. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 184ф, л. 10.
- <sup>100</sup> 5-й пленум ЦК КП(б) КФССР 23—25. 5. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 4а, л. 12—13.
- <sup>101</sup> Стенограмма совещания 14—15. 1. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 53а, л. 51.
- <sup>102</sup> Там же.
- <sup>103</sup> О диспропорциях в развитии советской экономики см: *Fitzpatrick S. The Russian Revolution 1917—1932. Oxford, 1984. P. 119.*
- <sup>104</sup> Докладная записка, 1940 г. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4092, л. 22.
- <sup>105</sup> Записка «О работе электростанций» 16. 1. 1940. РГАЭ, ф. 7964, оп. 1, д. 205, л. 18.
- <sup>106</sup> Докладная записка Гоглидзе А. А. Жданову 9. 9. 1939. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 3549, л. 230.
- <sup>107</sup> Справка по вопросу развития системы Ленэнерго до 1945 г. 29. 10. 1940. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4461, л. 2.
- <sup>108</sup> Протокол заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 22. 2. 1940. ЦГАИПД, ф. 25, оп. 2, д. 2575, л. 4.
- <sup>109</sup> Письмо наркома электростанций и электропромышленности СССР М. Первухина председателю Экоко при СНК СССР А. И. Микояну 26. 3. 1940. РГАЭ, ф. 7964, оп. 1, д. 184, л. 133—134.
- <sup>110</sup> Письмо управляющего Ленэнерго И. П. Карася А. А. Жданову 25. 11. 1940. ЦГАИПД, ф. 24, оп. 2в, д. 4461, л. 87.
- <sup>111</sup> Письмо совета по топливу и электрохозяйству при СНК СССР 13. 5. 1940. РГВА, ф. 38260, оп. 1, д. 45, л. 26.
- <sup>112</sup> Письмо секретарю Комитета обороны при СНК СССР, июнь 1940 г. РГВА, ф. 38262, оп. 1, д. 43, л. 69.
- <sup>113</sup> Доклад Г. Н. Куприянова на 1-м съезде КП(б) КФССР 24. 4. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 3ф, л. 86.
- <sup>114</sup> Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 896. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 35ф, л. 1—4.
- <sup>115</sup> Генеральная схема промышленного освоения лесных массивов КФССР, Ленинградской и западной части Вологодской области, 1940 г. РГАЭ, ф. 7637, оп. 5, д. 65, л. 504.
- <sup>116</sup> Выступление П. В. Солякова на 2-м пленуме ЦК КП(б) КФССР 25—27. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 15ф, л. 29.
- <sup>117</sup> Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 28. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 35, л. 1.
- <sup>118</sup> Протокол совещания при ЦК КП(б) 5—6. 9. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 19 ф, л. 29—40.
- <sup>119</sup> Стенограмма 2-го пленума ЦК КП(б) КФССР 25 -27. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 16ф, л. 73.



- <sup>120</sup> Стенографическая запись заседания СНК КФССР 20. 6. 1940. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 1/5, л. 128—133.
- <sup>121</sup> Письмо СНК КФССР в СНК СССР 22. 2. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 5/40, л. 38.
- <sup>122</sup> Стенограмма 2-го пленума ЦК КП(б) КФССР 25 -27. 7. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 16ф, л. 102.
- <sup>123</sup> Там же.
- <sup>124</sup> Протокол совещания 12. 11. 1940 по вопросу о хозяйственном устройстве переселенцев-колхозников в новые районы. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 19ф, л. 49.
- <sup>125</sup> Спецсообщение Управления погранвойск НКВД Ленинградского округа Г. Н. Куприянову 18. 2. 1941. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 45а, л. 10.
- <sup>126</sup> Там же.
- <sup>127</sup> Сведения о количестве населения по новым районам КФССР. НА РК, ф. 1411, оп. 2, д. 113/1080, л. 9.
- <sup>128</sup> Неопубликованная рукопись книги Г. Н. Куприянова. ГАОПДФ РК, ф. 5002, оп. 3, д. 283, л. 6.
- <sup>129</sup> Разведсводка 1-го управления штаба ВМФ за 9—15. 10. 1940. РГА ВМФ, ф. 92, оп. 2, д. 764, л. 341.
- <sup>130</sup> *Ziemke E.* The German Northern Theater of War 1940—1945. Washington, 1959. P. 122.
- <sup>131</sup> *Ibid.* P. 120—122.
- <sup>132</sup> *Manninen O.* Kokemusta viisaampina. Neuvostoliiton hyökkäyssuunnitelma vuodelle 1941 // *Sotilasaikakauslehti.* 1999. № 1. S. 64—67. Описание этой операции см.: *Manninen O.* Sallan rata oli todella hyökkäysura // *Sotilasaikakauslehti.* 1992. № 8. S. 596—597.
- <sup>133</sup> Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 февраля 1941 г. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 5/34, л. 54.
- <sup>134</sup> Приложение к заседанию бюро ЦК КП(б) КФССР 9. 5. 1940. ГАОПДФ РК, ф. 8, д. 10а, л. 205.
- <sup>135</sup> Список аэродромов. ГАРФ, ф. 8437, оп. 1, д. 1, л. 3.
- <sup>136</sup> Суженное заседание СНК КФССР 11. 2. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/45, л. 7—53.
- <sup>137</sup> Там же.
- <sup>138</sup> Постановление СНК КФССР 31. 3. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/45, л. 110—137.
- <sup>139</sup> Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 10. 4. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/44, л. 54.
- <sup>140</sup> Постановление СНК КФССР 30. 4. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/45, л. 139.
- <sup>141</sup> Постановление СНК КФССР 4. 6. 1941. НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 6/44, л. 56.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории советской Карелии 1920—1941 гг. можно выделить несколько этапов, содержание и специфика которых зависели от сложного и постоянно менявшегося сочетания внешне- и внутривнутриполитических, военно-стратегических и экономических факторов. Степень влияния каждого из этих факторов на особенности развития автономии, имевшей протяженную границу с западным государством — Финляндией, в свою очередь, находилась в зависимости от особенностей каждого конкретного этапа.

Подходы руководства советского государства к решению карельского вопроса с самого начала определялись стратегическими императивами: необходимостью обеспечить безопасность Мурманской железной дороги и свободу выхода в Мировой океан, используя незамерзающий Мурманский порт, важность которого для экономики и обороны России после потери балтийских портов неизмеримо возросла. С военно-стратегической точки зрения Карелия представляла собой, с одной стороны, тыл для наступательных и(или) оборонительных действий Красной Армии, а с другой — обширную зону безопасности Мурманской железной дороги.

В 1918—1919 гг. большевикам приходилось считаться с угрозой отторжения Восточной Карелии со стороны Финляндии, где еще в первое десятилетие XX века сформировалось активистское движение, ставившее своей целью аннексию населенных карелами территорий к востоку от Великого княжества Финляндского, а в перспективе — создание Великой Финляндии. Наиболее последовательными сторонниками этой идеи были представители военного крыла активизма — егерского движения, которые заняли со второй половины 1920-х гг. ведущие посты в финляндской армии. По их мнению, так называемая граница трех перешейков с включением в Финляндию Кольского полуострова и российской Карелии была необходима для обеспечения безопасности независимой Финляндии.

В 1918—1919 гг. активисты предприняли два похода в Восточную Карелию, которые имели ограниченные результаты, завершившись присоединением к Финляндии лишь Ребольской и Поросозерской волостей. Основной причиной неудачи

этих военных экспедиций, которые тайно финансировались финляндским правительством, было нежелание карелов вступать в добровольческие вооруженные формирования из местного населения, создание которых планировалось командованием армии Финляндии. Действия финских добровольческих отрядов на территории российской Карелии воспринимались большевиками как самое непосредственное свидетельство агрессивных замыслов Финляндии, ставивших под угрозу жизненные интересы советской России. В свою очередь, действия союзнических экспедиционных войск на севере России в 1918—1919 гг. выявили стратегическую роль Карелии как возможного плацдарма для осуществления операции против Петрограда вооруженными силами третьих государств, что учитывалось в оперативных планах ЛВО до начала второй мировой войны.

Факторами, во многом определившими особенности политики большевиков в Карелии в 1918—1920 гг., были национальное движение карелов, сформировавшееся как влиятельная политическая сила прежде всего в Беломорской Карелии, находившейся до осени 1919 г. под контролем союзников, а также утвердившаяся среди местного населения еще до октября 1917 г. идея предоставления краю автономного статуса. В период гражданской войны в российской Карелии определились два больших региона, население которых в основном ориентировалось соответственно на Россию (Южная, или Олонецкая, Карелия) и Финляндию (Северная, или Беломорская, Карелия). Следует, однако, отметить, что эта ориентация не носила безусловного характера и в Беломорской Карелии значительная часть населения выступала за государственную независимость и неприсоединение к России или Финляндии. Непреодолимыми препятствиями для реализации этих планов были отсутствие единого карельского национального движения, а также малонаселенность и неразвитость края.

До весны 1920 г. центральные власти РСФСР не имели четкого представления о способах решения карельского вопроса. Лишь после принятия съездом представителей северных волостей Карелии в марте 1920 г. резолюции об отделении края от РСФСР Москва была вынуждена сделать выбор между своим нежеланием предоставить Карелии автономный статус и необходимостью предпринимать шаги в этом направлении. Отрицательное отношение большевиков к созданию в Карелии автономии объяснялось тем, что при условии сохранения катастрофической ситуации со снабжением основными видами продовольствия население приграничной области могло вполне демократическим образом проголосовать за выход из РСФСР, как это показал ухтинский съезд. От предоставления населению Карелии права на самоопределение, как полагали представители командования Красной Армии, следовало отказаться для обеспечения безопасности Петрограда — крупнейшего политического и военно-экономического центра страны.

Принципиальное решение о создании карельской автономии было принято вскоре после безрезультатного завершения переговоров о заключении перемирия между РСФСР и Финляндией в апреле 1920 г., в ходе которых финляндская делегация, используя резолюции ухтинского съезда, поставила вопрос о проведении плебисцита по вопросу о присоединении Восточной Карелии к Финляндии. (С этого времени карельский вопрос занял центральное место в советско-финляндских отношениях.) Создание автономной области — Карельской Трудовой Коммуны —

позволяло решить две основные проблемы: стабилизировать внутривластную ситуацию в Карелии и лишить Финляндию предлога для постановки вопроса о Восточной Карелии на предстоящих переговорах о заключении мирного договора. У этой проблемы было и внешнеполитическое измерение — стремление НКВД воспрепятствовать присоединению Финляндии к польско-прибалтийскому блоку, что было возможно лишь при таком решении карельского вопроса, которое удовлетворило бы финляндскую сторону.

Создавая карельскую автономию, Москве пришлось преодолеть сопротивление местной организации большевиков, в большинстве своем русских, рассматривавших предоставление Карелии автономного статуса как дипломатический маневр на время ведения переговоров в Тарту. В отличие от других автономий РСФСР руководящие посты в Карелии заняли не представители местного населения, а финны-эмигранты, бежавшие из Финляндии после поражения в гражданской войне весной 1918 г. По мнению видного деятеля финляндской социал-демократии Э. Гюллинга, предложившего план создания карельской автономии, Карелия должна была стать плацдармом для распространения революции на Финляндию и Скандинавию. Цели политики властей РСФСР в Карелии были более прагматичными и заключались в умиротворении, прежде всего, населения Беломорской Карелии, что было достижимо лишь при помощи финнов-эмигрантов.

После образования в июне 1920 г. КТК положение карельской автономии было весьма непрочным, что объяснялось противодействием внутренней оппозиции, а также непоследовательностью политики центральных властей, делавших уступки одновременно и «красным» финнам, и их противникам, властям Олонецкой губернии, настаивавшим на немедленной фактической ликвидации автономии сразу после подписания мирного договора в Тарту. Москва также оставляла для себя открытой такую возможность, не предоставив Коммуне реальных экономических прав, что делало ее нежизнеспособной. Давление финляндской дипломатии, настаивавшей на предоставлении КТК таких прав, а также опасения, испытываемые НКВД, единственным центральным ведомством, заинтересованным в существовании автономии, относительно возможности вступления Финляндии во враждебный СССР польско-прибалтийский блок, толчком к которому могла стать ликвидация карельской автономии, позволяли сохранять неустойчивое равновесие.

Восстание зимой 1921—1922 гг. заставило Москву пересмотреть свою политику в Карелии: ей были предоставлены особые экономические права (следует отметить, что они были гораздо менее значительны, чем предлагали «красные» финны), оппозиция была подавлена, началось осуществление финнизации. Программа финнизации включала придание финскому языку статуса второго государственного языка и перевод на финский язык обучения школ в районах, населенных преимущественно карелами, миграционную политику, нацеленную на переселение в Карелию националов (финнов, ингерманландцев, тверских карелов), а также развитие финской культуры. Целью проводившейся в 1922—1935 гг. политики финнизации прежде всего было стремление центра обеспечить в приграничной Карелии стабильность.

В июле 1923 г. Карелия стала автономной республикой как вследствие новых подходов к решению национальных проблем, принятых в советской России, так и по

причине дипломатического давления со стороны правительства Финляндии, полагавшего, что советская сторона не выполнила обязательств в отношении Карелии, закрепленных Тартуским мирным договором, и обратившегося в Лигу Наций с просьбой разрешить спорный вопрос. Дипломатическая переписка НКВД свидетельствует о той роли в повышении статуса Карелии, которую играли опасения, что Лига Наций могла принять негативное для СССР решение по карельскому вопросу. Таким образом, роль внешнеполитического фактора, влияния Финляндии, в образовании карельской автономии, а впоследствии и в ее сохранении, как свидетельствуют убедительные данные, была определяющей.

К 1926 г. внешнеполитические обстоятельства, сыгравшие основную роль при принятии решения о создании карельской автономии, перестали быть актуальными. Финляндия оставалась вне польско-прибалтийского блока, а довольно быстрый экономический подъем в КАССР и устойчивое внутреннее положение в республике не давали финляндскому правительству повода для обсуждения карельского вопроса на международном уровне. Вследствие этого НКВД перестал играть роль куратора карельской автономии. (Референтура НКВД по Карелии, единственная в своем роде, была ликвидирована в 1926 г.) Одновременно Ленинград возобновил попытки взять под контроль экономику автономной республики, а власти РСФСР попытались де-факто отменить ее особые бюджетные права.

В 1920—1930-х гг. на политику Москвы в отношении Карелии оказывали влияние два основных фактора: во-первых, перспективные стратегические расчеты, связанные с северным регионом (создание на Кольском полуострове мощной военно-морской базы для действий подводного флота против Великобритании и строительство Беломорско-Балтийского канала для обеспечения морского сообщения с Дальним Востоком по Северному морскому пути); во-вторых, опасения, что Финляндия может принять участие во враждебных СССР коалициях, поставив под угрозу жизненные интересы советского государства.

В 1924—1930 гг. в Москве к Финляндии относились как к нейтральному государству в случае войны на западных границах СССР (некоторые представители командования Красной Армии и флота, впрочем, сомневались в этом) прежде всего потому, что Финляндия, по мнению советского руководства, не угрожала исключительно важному для успешной индустриализации страны товарообмену с Западной Европой с использованием традиционных торговых путей на Балтике.

Предполагаемый нейтралитет Финляндии стал основной причиной того, что Карелия не была включена в 1927—1928 гг. в особо угрожаемую зону (от Черного до Балтийского моря), в которой вводились ограничения на строительство крупных промышленных предприятий союзного значения. В 1930—1931 гг., в связи с подъемом праворадикального движения в Финляндии и началом тайного военного сотрудничества этого государства с Эстонией и Латвией, отношение к Финляндии пересмотрели и она была отнесена к безусловным противникам СССР — к ней стали относиться как к фактическому участнику враждебной коалиции, в которую входили Польша, Румыния, Эстония и Латвия. (Одной из причин переоценки роли Финляндии стали известные командованию РККА оперативные планы финляндской армии, предусматривавшие оккупацию части советской Карелии в случае войны.)

В 1930 г. значительная часть территории Карелии, в основном населенные карелами приграничные районы, была отнесена к особо угрожаемой зоне, что предполагало, с одной стороны, сокращение масштабов индустриализации, с другой — создание в республике современной военно-гражданской инфраструктуры, в первую очередь путей сообщения, для обеспечения успешных (оборонительных или наступательных) действий армии в случае войны против Финляндии. Планы создания в Карелии надежного тыла, однако, не были реализованы, так как в соответствии с действовавшим сценарием войны основными противниками СССР на Западе были Польша и Румыния. В 1924—1930 гг. средства в основном направлялись в Белорусский и Киевский военные округа, а впоследствии и на Дальний Восток, где начинался новый этап противостояния с Японией.

Крайне негативные последствия для экономического развития Карелии, влияние которых ощущается и в настоящее время, имели решения военно-политического руководства СССР, принятые в 1928 и 1931 г., о перераспределении средств на железнодорожное и шоссеное строительство в пользу Белоруссии и Украины. Финансирование дорожного строительства в Ленинградском военном округе, который противостоял слабым в военном отношении Эстонии, Латвии и Финляндии, было сокращено до минимума. Это, в свою очередь, определило провал планов экономического развития Карелии, предусматривавших строительство большого числа новых предприятий по переработке древесины, металлургических заводов, гидроэлектростанций, предприятий строительной отрасли. (Многие ориентиры, предусмотренные, например, во втором пятилетнем плане, в Карелии не достигнуты и в конце XX века.)

Основной причиной такого положения дел было невыполнение большой программы дорожного строительства — необходимого условия реализации пятилетних планов, а также недостаточное выделение средств союзными наркоматами. Кроме того, остались невыполненными планы колонизации Карелии, в результате чего образовался значительный дефицит трудовых ресурсов, что, в свою очередь, лимитировало хозяйственное развитие автономной республики. Руководство страны предлагало решить проблему дефицита рабочих кадров исключительно за счет использования труда бывших заключенных, чему активно сопротивлялись до 1935 г. финны-эмигранты, возглавлявшие КАССР. Наличие в республике Беломорско-Балтийского комбината, на котором к 1939 г. насчитывалось около 80 тыс. заключенных, до некоторой степени скрывало глубину экономического кризиса. Использование ГУЛАГа для развития производительных сил приграничной автономии не было ничем иным, как признанием со стороны центра несостоятельности своей экономической политики. К 1939 г. экономика Карелии переживала глубокий кризис без видимых перспектив выхода из него.

В 1935 г. вслед за пересмотром в Москве сценария войны (место основного противника СССР теперь занимала Германия, а не Великобритания) в рамках кампании, направленной против возможного сближения Финляндии с Германией «красные» финны, руководившие Карелией, были удалены со своих постов. В национальной политике СССР акцент был сделан на форсированной консолидации неоднородного в этническом отношении населения страны ввиду возросшей военной опасности. В приграничной Карелии были продолжены мероприятия по уда-

лению относимых к нелояльным к советской власти элементов, начатые еще в 1930 г. в связи с пересмотром роли Финляндии в случае войны против СССР. Неэффективная экономическая политика центра в автономной республике и, как следствие, низкий уровень жизни подавляющего большинства ее населения, недовольного по этой причине советской властью, были факторами, определившими выбор способа действий — осуществление репрессивной политики.

В 1937—1938 гг. в Карелии были осуществлены крупномасштабные репрессии, основным объектом которых было немногочисленное финское население, а также карелы, проживавшие в приграничных районах республики. В 1938 г. недоверие центральных властей к народам, населявшим территории, прилегающие к границам СССР, достигло своего апогея, выразившись в решении об отмене призыва в армию представителей ряда национальностей, в том числе карелов КАССР и ингерманландцев.

К началу советско-финляндской войны неразвита в экономическом отношении Карелия могла обеспечить операции не более 4—5 дивизий (в декабре 1939 г. в республике было 9 дивизий, а в марте 1940 г. — 25 дивизий, немногим менее половины из общего числа соединений, действовавших против Финляндии). Материально-техническая подготовка к войне, которая велась в ЛВО примерно в течение года, была провалена из-за несогласованности деятельности наркоматов, выполнявших «оборонные» задания, а также по причине отсутствия единого центра, координировавшего осуществление мероприятий. На втором этапе войны, в январе—марте 1940 г., недостаток путей сообщения в Карелии не позволил осуществить переброску резервных дивизий и начать одновременное наступление на Карельском перешейке и на фронте от Ладожского озера до широты Кандалакши, что могло решить исход войны и достичь ее цели — оккупации всей территории Финляндии.

Командование финляндской армии с начала войны пыталось осуществить свой план оккупации части территории советской Карелии, что предусматривалось оперативными планами с начала 1920-х гг. По инициативе активистов в Генеральном штабе был образован отдел, «бюро К», для решения политических задач на подлежащей оккупации территории советской Карелии. В феврале—марте 1940 г., рассчитывая получить военную помощь от Великобритании и Франции, военно-политическое руководство Финляндии одобрило план создания временного правительства для Восточной Карелии, которое, впрочем, не успело получить официального разрешения на начало деятельности до конца войны.

31 марта 1940 г. КАССР была преобразована в союзную Карело-Финскую республику, что представляло собой одно из политических условий предстоявшего окончательного решения «финского вопроса» военными методами. В Карелии началось осуществление второй по счету финнизации, которая в отличие от первой (1922—1935 гг.) проводилась энергичнее и в более сжатые сроки. Осенью—зимой 1940 г. в связи с размещением в Финляндии немецких войск политические мероприятия были дополнены военно-экономическими. Весной 1941 г. в Карелии приступили к реализации масштабной программы военного строительства, включавшей, кроме прочего, сооружение 38 аэродромов и около 1000 км новых и ре-

конструируемых дорог. К началу Великой Отечественной войны осуществление рассчитанной на 2—3 года программы находилось на начальной стадии.

Приграничное положение Карелии и необходимость обеспечения стратегических интересов государства на севере и северо-западе, а также существовавшая, по мнению руководства СССР, потенциальная военная угроза со стороны Финляндии обусловили особенности политики центральных властей в автономной республике в 1920—1941 гг. В то же время на протяжении всего этого периода северо-западный театр военных действий неизменно рассматривался как второстепенный, что стало основной причиной сокращения планов экономического развития входивших в ЛВО территорий, в том числе Карелии. Определившаяся к началу второй мировой войны военно-экономическая слабость советского государства на севере и северо-западе, в свою очередь, уменьшала как возможности проведения активной силовой политики на Севере Европы (инкорпорацию Финляндии в состав СССР посредством войны), так и решения оборонительных задач.



## SUMMARY

This study deals with strategic, diplomatic, economic and political aspects of the history of Soviet (Russian) Karelia from the Tartu (Dorpat) Treaty of 1920 until the outbreak of the Great Patriotic War in 1941. It relies upon a solid foundation of new data, drawn mainly from central state archives in Moscow.

It is possible to trace the origins of policies pursued by the Russian authorities in Karelia from the beginning of the 20<sup>th</sup> century. Throughout this period, strategic considerations and calculations were becoming more and more important. From the point of view of the Tsarist government, with large-scale war in Europe rapidly approaching, it had to establish a vital supply line from the unfrozen port at Murmansk to central regions in order to ensure the delivery of munitions from England to Russia. The railway from Murmansk to Petrograd via Petrozavodsk decisively changed the scene — a province previously with little or no strategic importance was now seen as a security zone of the new railway.

In the twilight years of the Russian empire a number of associations and organizations emerged in Finland with the declared objective of annexing East Karelia and creating a so-called Greater Finland — an idea which gained support especially among educated Finns. The movement had a military (Jaeger) wing which was primarily interested not in the cultural heritage of Karelia, so much admired by Karelians, but rather in the region's strategic importance, vital, it was believed, for the defence of an independent Finland.

After the October coup d'état, an actual state of war between Soviet Russia and Finland ensued with two military expeditions into East Karelia undertaken by Finnish volunteers in 1918 and 1919. The expeditions failed to achieve any substantial results owing to the unwillingness of the Karelian population to volunteer on a massive scale to serve in a «freedom army», and it prompted only two Karelian districts, Repola and Porojärvi, to declare their secession to Finland. Nevertheless, these unsuccessful military expeditions, covertly financed by the Finnish government, were long remembered by the Bolsheviks as proof of its neighbour's aggressive tendencies.

Another lesson was learned from the Civil War years and foreign intervention in Karelia. The expeditionary task force headed by General C. Maynard which operated in Karelia in 1918—1919 brought to light the strategic importance of Karelia as a possible bridge-head for the military operations of «third states» against «the cradle of the revolution», Petrograd. This factor was taken into consideration in the military planning of the Leningrad Military District as late as the mid-1930s.

The Karelian national movement, which took shape in 1917—1918, was from the very start split into two branches, one in favour of an independent Karelia (mainly supported in northern East Karelia), and the other advocating the idea of an autonomous Karelia (Olonets, southern Karelia), which emerged during the turbulent years of social instability in Russia in 1905—1907. In autumn 1918, supporters of incorporating Karelia into Finland were forced to withdraw behind the Finnish border by the military operations of the Karelian and Murmansk Legions, backed by the British with the objective of securing the Murmansk railway. By spring 1920, former rivals within the Karelian national movement, faced with the prospect of inevitable Red victory, were co-operating in a final attempt to win independence for Karelia.

Until March 1920, Moscow did not come up with any clear political concept for dealing with the Karelian Question. This cannot only be explained by the centre's preoccupation with fighting the Civil War in this province. Only when representatives of northern Karelian districts, meeting in Uhta, resolved to cede from Russia was Moscow finally forced to make a choice between its unwillingness to grant some kind of autonomy to Karelia and the necessity of taking steps in that direction. Having lost the Baltic ports, Soviet Russia needed secure access to the open seas through the Murmansk port. It was believed that granting autonomy to Karelia, especially at a time when the supply of food and other basic goods had fallen to catastrophic levels, could result in the population of Karelia deciding to cede to Finland in a wholly democratic manner. In the opinion of the Soviet military, the right to self-determination in the case of Karelia had to be abandoned in the name of the security of Petrograd.

Nevertheless, Moscow was prompted to grant some kind of autonomy to Karelia under diplomatic pressure from the government of Finland, which itself hoped for territorial acquisitions in Eastern Karelia. In April—May 1920, after fruitless truce negotiations, Moscow approved a principle decision to grant autonomy to Karelia. Edvard Gylling, a Finnish socialist who had already sketched out a plan for Karelian autonomy, was summoned to Moscow as a possible leader of Karelia. Subsequently, the Red Finnish exiles were indeed commissioned to govern Karelia, in sharp contrast to the other border territories of Soviet Russia. From the very start, Karelia was seen by the Red Finns as a platform for the expansion of revolution to Finland and Scandinavia. The leading Bolsheviks, on the other hand, treated this ambition with scepticism, since for the moment their only political goal in Karelia was of a defensive nature — keeping Karelia subdued.

The Karelian autonomous area (formally known as the Karelian Labour Commune) from its inception came under intense pressure, both internally and externally. The numerically superior Russian communists believed that the granting of autonomy had been merely a diplomatic manoeuvre and not only determinedly opposed its extension, but insisted on its immediate de facto dissolution as soon as the Peace Treaty was

signed. The Moscow authorities were not wholly sure what policies to pursue in Karelia and made a series of contradictory concessions to both the Red Finns and their opponents. In fact, along with the Red Finns Karelian autonomy had only one genuine supporter, Narkomindel (the Ministry for Foreign Affairs), which was concerned with the possibility of Finland joining an anti-Russian alliance of Poland, Romania, Estonia and Latvia. In the opinion of Narkomindel, precisely such a catalyst as the abandonment of Karelian autonomy could prompt Finland to sign up to this alliance.

The Karelian uprising in the winter of 1921—1922 broke the stalemate, forcing Moscow to reshape its politics in Karelia. Special economic rights were granted to Karelia (although these were far less reaching than expected by the Red Finns) to develop its weak economy. The opposition was discouraged and dispersed. A policy of 'finnicization' was authorised to pacify especially the Finnish-speaking population of northern Karelia. This policy involved the introduction of Finnish as the second language of administration and schooling in districts predominantly populated by Karelians, migration policies aimed at importing nationals (Ingrians, Finns, Karelians from Tver region) into Karelia, and the promotion of Finnish culture.

In July 1923, Karelia became an autonomous republic as a result both of diplomatic pressure by the Finnish government exercised through the League of Nations and of the emergence of new approaches to the national question in multi-national Soviet Russia. Narkomindel archival papers clearly show to what degree Moscow was influenced to grant Karelia a higher degree of autonomy by its fear of the League of Nations issuing a negative decision on the Karelian issue.

By the end of 1926, the «golden age» of the Karelian republic was coming to an end. In that year, the special unit within Narkomindel responsible for Karelia was dissolved, the Leningrad authorities redoubled their attempts to control the Karelian economy and Karelia lost its importance as a problem in international relations, which was to have decisive consequences soon to follow.

In the 1920's — 1930's, Moscow's policies towards Karelia were heavily influenced by two main factors: firstly, by far-reaching strategic calculations (establishing a strong naval base on the Kola Peninsula for a mighty sea-going fleet and securing a northern naval supply route to the Far East through the Baltic Sea — White Sea canal); and secondly by the necessity of coping with renewed threats posed by Finland's perceived realignment with the alliance of neighbouring states. In 1924—1930, Moscow believed that Finland would remain a neutral state in case of war against the alliance (although this was doubted by some high-ranking commanders of the Red Army and the Navy). Anyway, Finland did not seem to pose a threat to the Baltic transit route vital for the successful industrialisation of the USSR. In 1927—1928, a special «particularly threatened zone» stretching from the Black Sea to the Baltic Sea was defined and restrictions were imposed on building large industrial enterprises in this border area. In 1930, Karelia was included into this zone as a result of Moscow's re-examination of the strategic situation. This followed the march of Finnish peasants on Helsinki, which was believed at the time to represent a successful fascist coup d'état. Still, since the USSR's most powerful enemy until 1935 was Poland (along with Romania), Moscow did not re-examine its 1931 decision to shift a road building program southwards (to Ukraine and Byelorussia), which had an extremely negative effect on industrial development in

Karelia. After the outbreak of war in Manchuria in 1931, Moscow had to allocate substantial resources to strengthen its positions in the Far East which also resulted in cuts of industrial and military projects in the European part of the USSR.

Moscow's economic policies in Karelia proved to be a complete failure by 1934—1935, because of insufficient capital investments by central Narkomats (Ministries) and because of the absence of railways and highways needed to realise the ambiguous five-year plans (which envisaged the development of a number of major cellulose and paper-mills, as well as other industrial enterprises). In 1935, Moscow abandoned a program of building a modern transport network (railways and highways) in Karelia. By 1939, the economy of Karelia had plunged in a deep depression. The presence of a GULAG workforce in Karelia which numbered almost 80,000 by 1939 — a substitute for an effectively functioning economic system — to some extent obscured the gravity of the situation.

In 1935, following Moscow's re-evaluation of the strategic situation in Europe (Germany now became the USSR's main foe), the Red Finns who were running Karelia were forced out of their key posts in the Republic. (This was part of a larger campaign initiated in Moscow in 1935 which aimed at influencing Finland's foreign policy and precluding its possible co-operation with Germany.) Additionally, Soviet nationality policy underwent a principal change because of the war threat and now emphasised the rapid consolidation of national minorities. As a border territory, Karelia was a specific case. Already in 1930—1935, thousands of nationals («anti-soviet elements») had been deported from the vulnerable border zone. This deportation campaign started soon after the Soviet leadership changed its mind about Finland's neutral status. In 1937—1938, the centre implemented a full-scale terror with the Finnish population as its main target.

By the beginning of the Winter War, the economically underdeveloped Karelian rear zone was able to support the operations of at most 4-5 divisions. (In December 1939, there were 9 divisions deployed in Karelia and 25 divisions by February—March, 1940). A program of urgent military construction launched in the spring of 1939 was not fulfilled, and during the second phase of the Finnish war the Soviet authorities were unable to effect the concentration of reserve divisions as scheduled. The military operations of three armies (the Ninth, Eighth and Fifteenth) proved to be of little effect and resulted in massive losses. If Karelia's economy had been developed as planned in the 1920's and early 1930's, the Winter War would have ended, almost certainly, with the successful occupation of Finland.

Finnish military headquarters from the very start of the war were hoping to put into effect its long nurtured plans to occupy part of East Karelia (the origins of the plans can be dated back to the 1920's). A special organ, the so-called «Bureau K» was established with the purpose of undertaking political and propaganda tasks in occupied parts of East Karelia. In February—March 1940, while the Finnish military leadership was still hoping for the intervention of an allied expeditionary force in the war, it even formed a sort of a provisional government for East Karelia, although this did not receive formal authorisation until the war had already ended.

In the aftermath of the Winter War, the Soviet government granted Karelia the status of a union republic in an attempt to prepare for the ultimate resolution of the «Finnish Question». A second wave of 'finnicization' was launched, with a wide range of urgent

measures being put into immediate effect. In spring 1941, a large-scale program of military construction was started in Karelia, to include 38 airfields and some 1000 km of new and reconstructed roads. The program was to be fulfilled by 1943.

Karelia's border position determined the economic, political and national policies pursued in the autonomous republic by Moscow in 1920—1941. In particular, the Union authorities' policies towards Karelia were influenced by the need to secure the state's strategic position in the north-west and by the potential military threat from neighbouring Finland. The north-western theatre of war, however, was never considered more than of second-rate importance in Soviet strategic planning, and plans to develop Karelia industrially and militarily, although approved by the centre, were not fulfilled because the Leningrad Military District faced the military weak Finland, Estonia and Latvia. Consequently, however, the Soviet state's persisting economic and military weakness in Karelia greatly reduced its chances of achieving either its offensive objectives (the incorporation of Finland by military means into the USSR), or its defensive goals (successfully holding the country's north-western borders).

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ

#### **Российский государственный военный архив (РГВА), Москва**

- Ф. 4 — Революционный Военный Совет СССР
- Ф. 9 — Политуправление РККА
- Ф. 25888 — Ленинградский военный округ
- Ф. 31921 — Управление 1-го стрелкового корпуса Финляндской Народной Армии (ФНА)
- Ф. 33987 — Секретариат наркома обороны СССР
- Ф. 34980 — Коллекция документов советско-финляндской войны 1939—1940 гг.
- Ф. 37977 — Оперативное управление Генерального штаба РККА
- Ф. 40442 — Организационное управление Генерального штаба РККА
- Ф. 40443 — Административно-мобилизационное управление Генерального штаба РККА.

#### **Фонды НКВД, хранящиеся в РГВА**

- Ф. 38260 — Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных промышленных предприятий
- Ф. 38262 — Главное управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности.

#### **Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Москва**

- Ф. 04 — Секретариат Г. В. Чичерина
- Ф. 05 — Секретариат М. М. Литвинова
- Ф. 06 — Секретариат В. М. Молотова
- Ф. 09 — Секретариат Б. С. Стомонякова
- Ф. 010 — Секретариат Н. Н. Крестинского

Ф. 0135 — Референтура НКВД по Финляндии

Ф. 0149 — Референтура НКВД по Карелии

**Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Москва**

Ф. 17 — Фонд ЦК ВКП(б)

Ф. 74 — Коллекция документов К. Е. Ворошилова

Ф. 77 — Коллекция документов А. А. Жданова

Ф. 81 — Коллекция документов Л. М. Кагановича

Ф. 82 — Коллекция документов В. М. Молотова

Ф. 325 — Коллекция документов Л. Д. Троцкого

Ф. 495 — Польско-Прибалтийский лендерсекретариат

Ф. 516 — Финляндская коммунистическая партия

Ф. 522 — Коллекция документов О. В. Куусинена

Ф. 525 — Коллекция документов Ю. Сирола

**Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва**

Ф. р-1318 — Наркомат по делам национальностей РСФСР

Ф. 5446 — Совет Народных Комиссаров СССР—Совет Министров СССР. 1923—1991

Ф. 5674 — Совет Труда и Оборона СССР при Совете Народных Комиссаров СССР. 1923—1937

Ф. 8418 — Комитет Оборона при Совете Народных Комиссаров СССР. 1927—1940

Ф. 8437 — Главное управление аэродромного строительства НКВД СССР

Ф. 9401 — Секретариат НКВД—МВД СССР

**Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Москва**

Ф. 4372 — Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921—1955, 1957—1991

Ф. 5675 — Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925—1942, 1949—1954

Ф. 7637 — Министерство лесной промышленности СССР

Ф. 7964 — Народный комиссариат электростанций и электропромышленности СССР

Ф. 8513 — Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР

**Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), Санкт-Петербург**

Ф. р-92 — Штаб Краснознаменного Балтийского флота

Ф. р-914 — Организационно-плановое управление УВМС РККА

Ф. р-1483 — Управление военно-морских сил РККА

Ф. р-2041 — Морской отдел Генерального штаба РККА

**Центральный государственный архив исторической и политической документации (ЦГАИПД), Санкт-Петербург**

Ф. 25 — Городской комитет ВКП(б)

Ф. 24 — Областной комитет ВКП(б)

**Национальный архив Республики Карелия (НА РК), Петрозаводск**

- Ф. Р-28 — Олонецкий губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком)
- Ф. Р-46 — Государственный горнопромышленный трест «Союзкарелгранит»
- Ф. Р-115 — Совет народного хозяйства Карельской Трудовой Коммуны
- Ф. Р-286 — Государственный трест лесной и деревообрабатывающей промышленности Карельской АССР «Кареллес»
- Ф. Р-317 — Исполнительный комитет Олонецкого уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком, уик)
- Ф. Р-528 — Управление Кировской железной дороги
- Ф. Р-549 — Исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Карельской Трудовой Коммуны (Карисполком, исполком КТК)
- Ф. Р-550 — Революционный комитет Карельской Трудовой Коммуны (Карревком)
- Ф. Р-606 — Военный комиссариат Карельской АССР
- Ф. Р-630 — Народный комиссариат просвещения КАССР (Наркомпрос КАССР)
- Ф. Р-682 — Представительство Карельской АССР при Президиуме ВЦИК
- Ф. Р-689 — Центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Карельской АССР (ЦИК КАССР)
- Ф. Р-690 — Совет Народных Комиссаров Карельской АССР (Совнарком, СНК КАССР)
- Ф. Р-698 — Народный комиссариат земледелия КАССР (Наркомзем КАССР)
- Ф. Р-700 — Государственная плановая комиссия при СНК КАССР (Госплан КАССР)
- Ф. Р-711 — Представительство СНК КАССР в г. Ленинграде
- Ф. Р-794 — Центральный совет народного хозяйства КАССР (ЦСНХ КАССР)
- Ф. Р-841 — Народный комиссариат труда КАССР (Наркомтруд КАССР)
- Ф. Р-970 — Управление уполномоченного народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при СНК КАССР (Уполнаркомтяжпром)
- Ф. Р-1192 — Народный комиссариат просвещения КФСР (Наркомпрос КФСР)
- Ф. Р-1215 — Президиум Верховного Совета Карело-Финской ССР
- Ф. Р-1394 — Совет Народных Комиссаров Карело-Финской ССР (Совнарком, СНК КФСР)
- Ф. Р-1411 — Статистическое управление Карело-Финской ССР (Статуправление КФСР)
- Ф. Р-1532 — Управление народнохозяйственного учета КАССР (УНХУ КАССР)
- Ф. Р-1576 — Управление по постройке Мурманской железной дороги
- Ф. 1951 — Военный комиссариат Карело-Финской ССР



Ф. 2716 — Народный комиссариат лесной промышленности КФССР  
(Наркомлес КФССР)

**Государственный архив общественно-политических движений  
и формирований Республики Карелия (ГАОПДФ РК), Петрозаводск**

Ф. 3 — Карельский обком ВКП(б)

Ф. 4 — Олонецкий губернский комитет РКП(б)

Ф. 7 — Карельско-Олонецкий комитет РКП(б)

Ф. 8 — ЦК КП(б) КФССР

Ф. 5002 — Личный фонд

**Архив УФСБ по Республике Карелия, Петрозаводск**

Фонд СПО

Фонд КРО

**Военный архив (Sota arkisto), Хельсинки**

**Национальный архив (Kansallisarkisto), Хельсинки**

**ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ**

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов / Под ред. В. И. Машезерского и Н. Ф. Славина. Петрозаводск, 1957.

Во имя общего дела. Интернациональные связи Карелии 1917—1977 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1980.

Восемнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1939.

ГУЛАГ в Карелии: Сб. материалов и документов 1930—1941. Петрозаводск, 1992.

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.

Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959.

Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.

Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.

Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962.

Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920: Сб. документов и материалов / Под ред. Я. А. Балагурова и В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964.

Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979.

Карельская организация КПСС: Хроника. 1985—1987. Петрозаводск, 1988.

Карельская организация КПСС в цифрах. 1921—1984. Петрозаводск, 1985.

Лаатикайнен Е. П. Учебник финского языка. Петрозаводск, 1940.

Народное хозяйство Карелии. 1926 — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997.

Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929.

XV лет советской Карелии: Тезисы и материалы для докладчиков. Петрозаводск, 1935.

Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 г. — июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1984.

- Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг.: Сб. документов. Б. м., 1944.
- Сборник важнейших правительственных решений по вопросам строительства Карелии (за 1929, 1930 и январь месяц 1931 года). Петрозаводск, 1931.
- Красная Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1925.
- Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карело-Мурманского края. Л., 1925.
- Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14—17 апреля 1940 г. М., 1998.
- Уроки войны с Финляндией: Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 года // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 100—122.
- Facta 2001. Vol. 1. Porvoo, 1983.
- Kuusinen O. W. Suomen kielen alkeisopas. Petroskoi, 1940.

## ЛИТЕРАТУРА

- Антикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207—222.
- Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 49—66.
- Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928—1940. Петрозаводск, 1989.
- Афанасьева А. И. Начало. Образование Карельской Трудовой Коммуны и интернациональная помощь зарубежного пролетариата (1920—1921 гг.) // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 3—11.
- Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX—начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 43—51.
- Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1958.
- Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.
- Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.
- Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 28—41.
- Барышников Н. И., Маннинен О. В канун зимней войны // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 131—141.
- Бекренев Н. Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1932.
- Беляков А. А. Участие Дмитрия Владимировича Бубриха в карелизации // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. СПб., 1992. С. 106—111.
- Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
- Бочкова Л. М. Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926—1932) // История СССР. 1989. № 6. С. 144—152.

- Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973.
- Вашенко П. Ф. Если бы Финляндия и СССР... // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 27—34.
- В боях за Советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932.
- Веригин С. Г. Зимняя война: неизвестные страницы // Север. 1993. № 6. С. 118—131.
- Веригин С. Г. Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период зимней войны 1939—1940 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 56—62.
- Веригин С. Г. Финская народная армия в зимней войне 1939—40 гг. // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 96—114.
- Вехвилайнен О. Мир или перемирие? // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 362—373.
- Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
- Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920—1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 15—41.
- Вихавайнен Т. Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 37—69.
- Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
- Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849—1911. М., 1991.
- Воспоминания американца об интервенции на Севере // Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 3—5.
- Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921—1922 гг.). Петрозаводск, 1947.
- Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955.
- Голдин В. И. Агония белого режима на Европейском Севере // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 24—30.
- Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—83.
- Донгаров А. Г. Представлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 43—46.
- Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 28—45.
- Дубровская Е. Ю. Противоборство панфеннизма и русского великодержавия в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55—64.
- Дудорова О., Аптекарь П. Преданные и забытые // Родина. 1995. № 12. С. 88—91.
- Егоров Ф. И. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952.
- За Советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.
- Зашихин А. Н. Интервенция на Севере Советской России: проблемы изучения // Сквозь бури гражданской войны. Архангельск, 1990. С. 83—100.
- Зонин С. А. Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991.

- Иванов П. В.* Из истории русской школы в Карелии // Уч. зап. Карел. педагог. ин-та. Петрозаводск, 1960. Т. X. С. 101—107.
- Иноземцев А., Никошенко И.* Очерки по истории пограничных войск в Карелии. Петрозаводск, 1944.
- История национально-государственного строительства в СССР: В 2 т. М., 1972.
- Кангаспуро М.* Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20—30-х годах // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940 годы). Сыктывкар, 1996. С. 29—39.
- Кангаспуро М.* Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11—12. С. 114—123.
- Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123—160.
- Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
- Клементьев Е. И.* Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 года // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 43—66.
- Клементьев Е. И.* Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 112—124.
- Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969.
- Куджиев В.* Рождение Карельской Трудовой Коммуны // На рубеже. 1960. № 3. С. 100—106.
- Куджиев В. М.* Карельская Трудовая Коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970.
- Лаврушина Н. В.* Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 176—189.
- Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 223—250.
- Лаллукка С.* Штрихи к этнической карте северо-запада России (1926—1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 42—65.
- Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920—1935 гг.): Препринт доклада. Петрозаводск, 1992.
- Левкоев А. А.* Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 101—121.
- Левкоев А. А.* Национальная политика в Советской Карелии (1920—1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918—1923 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 24—50.
- Левкоев А. А.* «Правильная политика»: Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства советской Карелии в 1920-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940 годы). Сыктывкар, 1996. С. 23—28.

- Левкоев А. А. Д. В. Бубрих и полемика вокруг создания карельской письменности на рубеже 1920—1930-х гг. // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 181—186.
- Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР. Л., 1928.
- Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135—159.
- Маннинен О. Мощное советское наступление // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 303—328.
- Маннинен О. Первый период боев // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 142—175.
- Маннинен О., Барышников Н. И. Переговоры осенью 1939 г. // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 113—130.
- Машезерский В. И. Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1953.
- Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917—1918). Петрозаводск, 1957.
- Машезерский В. И. Из истории борьбы трудящихся Карелии за самоопределение // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 4—28.
- Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968.
- Морозов К. А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Петрозаводск, 1961.
- Мусаев В. И. Белофинская авантюра в Карелии весной—летом 1919 г. и ее ликвидация // Европейский Север. История и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1990. С. 48—49.
- Мусаев В. И. Олонецкая экспедиция и позиция западных держав / Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 230—236.
- Невалайнен П. Карелия после 1917 г. // Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 247—304.
- Никитина О. А. Роль центральных и местных органов власти Карельской АССР в проведении раскулачивания (1930—1931 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 50—68.
- Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997.
- Никифоров П. АКССР. М.; Л., 1932.
- Никулина Т. В. Лесэкспорт на севере России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 120—131.
- ✓ Очерки истории Карелии: В 2 т. Петрозаводск, 1964. Т. 2.
- Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.
- Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX—XX вв. Петрозаводск, 1986.
- Пеллинен С. О колонизационной работе в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 3. С. 7—10.

- Петров И. М. (Тойво Вякя)*. Красные финны: Воспоминания. Петрозаводск, 1973.
- Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 года // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 91—118.
- Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Политическая история Финляндии 1809—1995. М., 1998.
- Православие в Карелии: история и современность: Атеистические очерки. Петрозаводск, 1987.
- Репухова О. Ю.* Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 85—99.
- Ржешевский О. А., Вехвиляйнен О.* Заключение // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 374—376.
- Ровио Г.* К задачам национальной политики в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 8—9. С. 1—3.
- Рыбак Е. Д.* Обеспечение лесозаготовительной промышленности Карелии рабочей силой в начальные годы индустриализации (1926—1928) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 112—133.
- Ряузов С.* Карело-Финская ССР. М., 1955.
- Самойло А. А., Сбойчаков М. И.* Поучительный урок (Боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.) М., 1962.
- Седякин А.* Ликвидация белофинской авантюры в Карелии // Карело-Мурманский край. 1932. № 3—4. С. 1—4.
- Семиряга М. И.* Советско-финляндская война 1939—1940 гг. М., 1990.
- Семиряга М. И.* Тайны советской дипломатии, 1939—1941. М., 1992.
- Советская Карелия. Очерки партийного, советского и культурного строительства АКССР / Под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Юшьева, Э. А. Гюллинга, В. С. Ундревича и Г. М. Карташева. М.; Л., 1933.
- Соколов-Страхов К. И.* Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Л., 1927.
- Сорокин В. В.* К истории разработки постановления СТО об освоении Карело-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4. С. 107—116.
- Социалистическая индустриализация Карельской АССР. Л., 1935.
- Строгальщикова Э. И.* Языковая политика в Карелии и судьбы коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 4—15.
- Сунд Л.* Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 66—82.
- Сюкияйнен И. И.* Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948.
- Такала И. Р.* Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 92—104.
- Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 150—175.
- Такала И. Р.* Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 111—128.

- Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 161—206.
- Тойка Э. В. Сквозь грозные годы: Воспоминания. Петрозаводск, 1980.
- Трофимов Ф. Карело-Финская ССР. Б. м., 1942.
- Фалинов Ю. Н. Становление Карельской Трудовой Коммуны как начальной формы национальной государственности карельского народа // Уч. зап. ПГУ. Петрозаводск, 1966. Т. XIII. Вып. 4. С. 41—50.
- Фалинов Ю. Н. Восстановление Советской власти в северо-западных волостях Карелии во второй половине 1920 — начале 1921 г. // Вопросы истории КПСС: Сб. ст. Петрозаводск, 1967. С. 12—19.
- Филимончик С. Н. Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 145—156.
- Хесин С. С. Разгром белофинской интервенции в Карелии в 1921—1922 гг. М., 1949.
- Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975.
- Чистиков А. И. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 159—174.
- Чистиков А. Н. Территориально-политические проблемы отношений России с Финляндией и Германией // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 174—193.
- Чубарьян А. О. Внешнеполитический курс СССР // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 23—36.
- Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990.
- Чухин И. Карелия—37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.
- Шишкин В. А. Блокада Северо-Запада Советской России // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 255—300.
- Шишкин В. А. Выход Советской России из блокады // Шишкин В. А., Чистиков А. Н., Рупасов А. И. и др. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб., 1995. С. 367—388.
- Шувалов В. И. Первый Всекарельский съезд Советов // Вопросы истории: Сб. статей, посвященный 50-летию образования СССР. Петрозаводск, 1973. С. 90—112.
- Шумилов М. И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение советской власти. 1917—1918. Петрозаводск, 1957.
- Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.
- Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. Петрозаводск, 1992.
- Юргенс Б. А. Из истории электрификации Карелии // Вопросы истории. Петрозаводск, 1961. Вып. 1. С. 30—42.
- Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО. Образование Кондопожского промышленного района: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1963.
- Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118—125.
- Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине». К 110-летию Эдварда Гюллинга // Север. 1991. № 11. С. 137—144.

- Яровой А.* «Президент» из Вокнаволока // Север. 1991. № 1. С. 114—126.
- Яровой О. А., Смирнова И. А.* Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880—1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997.
- Aalto E.* Suomenkielisen aikakauslehdistön synty Neuvostoliitossa // Punalippu. 1987. № 4. S. 101—109.
- Airas E.* Suomussalmen voiton tie. Jyväskylä, 1989.
- Allard S.* Stalin ja Hitler. Tutkielma Neuvostoliiton ulkopolitiikasta vuosina 1930—1941. Porvoo, 1972.
- Allen F. Chew.* The White Death. The Epic of the Soviet Finnish Winter War. Michigan State University Press, 1971. An Outline of the East Carelia Question. Published by the Carelian delegation. Helsinki, 1935.
- Antikoski E.* «Uuven vuoven lahja». Karjalan kirjakieli 1937—1940 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 151—173.
- Arimo R.* Suomen puolustus suunnitelmat. 3 osaa. Helsinki, 1987.
- Arimo R.* Kenraaliluutnantti Oskar Paul Enckell yleisesikunnan päällikkö 1919—1924 // Tiede ja ase. 1990. № 48. S. 118—153.
- Aunuksen retken muistojulkaisu. Helsinki, 1930.
- Autio S.* Transition of Soviet Karelian forest economy from 1926 to 1932 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 258—269.
- Bazegski D.* Vienan karjalaisten laukkukauppa // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 77—89.
- Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjänsä välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo, 1970.
- Dauids J.* America and the World of Our Time. United States Diplomacy in the Twentieth Century. N. Y., 1970.
- Copeland W. R.* Amerikansuomalaiset 'pyhiinvaeltajat' Neuvosto-Karjalassa // Historiallinen aikakauskirja. 1973. № 4. S. 287—300.
- Dubrovskaja J.* Karjalan volostien valtuutettujen Uhtuan edustajakokouksen v. 1920 historiaa // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 115—125.
- Engle E., Paananen L.* The Winter War. The Russo-Finnish conflict 1939—1940. L., 1973.
- Ericsson R.* Kuhmon rintaman torjuntataistelut talvisodassa // Sotilasaikakauslehti. 1965. № 3. S. 125—132.
- Finland and World War II 1939—1944. N. Y., 1948.
- Fitzpatrick S.* The Russian Revolution 1917—1932. Oxford, 1984.
- Halsti W. H.* Suomen sota 1939—1945. Talvisota 1939—1940. (Ensimmäinen osa). Keuruu, 1957.
- Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit. Jyväskylä, 1990.
- Hakala I.* Taistelut Jäämeren ja Laatokan välillä talvisodassa // Yksi sota — monta näkemystä. Tampere, 1990. S. 75—88.
- Halsti W. H.* Suomen sota. Osa 1. Talvisota 1939—1940. Helsinki, 1957.
- Hannula J. O.* Neuvostoliitto hyökkää pohjolaan. Suomen-Venäjänsä talvisota 1939—40. Helsinki, 1944.



- Heiskanen R.* The Effect of Finnish Military Intelligence Information and Assessments on World war II Decision Making in Finland // Commission internationale d'histoire militaire. Acta № 13. Helsinki, 1988. P. 276—291.
- Hietanen S.* Siirtoväen pika-asutuslaki 1940. Helsinki, 1982.
- Hodgson J. H.* Edvard Gylling ja Otto W. Kuusinen asiakirjojen valossa 1918—1920. Helsinki, 1974.
- Hovi O., Joutsamo T.* Suomalaiset heimosoturit Viron vapaussodassa ja Itä-Karjalan heimosodissa vuosina 1918—1922. THArk. 1971. № 24. S. 107—180.
- Hovi R.-L.* Amerikansuomalaiset osuuskunnat Neuvosto-Karjalassa 1920-luvun alkupuolella amerikansuomalaisten ja neuvostokarjalaisten sanomalehtien valossa // Turun historiallinen arkisto. 1971. № 24. S. 181—257.
- Huomiotaherättävä ruotsalaisen asiantuntijalausunto Itä-Karjalan asiassa. Tohtori vapaaherra Lage Stael von Holsteinin lausunto huhtikuun 10 p:ltä 1923. Helsinki, 1923.
- Hämynen T.* Suomen unohdettu pakolaisongelma — loikka- ja liikenne Raja-Karjalasta Neuvosto Karjalaan // Studia Carelica Humanistica 1. Joensuu, 1989. S. 19—36.
- Hämynen T.* Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 55—75.
- Hyvämäki L.* Fasistiset ilmiöt Baltian maissa ja Suomessa 1920-luvun lopussa ja 1930-luvulla // Historiallinen arkisto. 1977. № 72. S. 113—137.
- Itä-Karjala. Esitys Itä-Karjalan maasta ja kansasta, sen vapausliikkeen tähänastisista vaiheista, nykyisistäätaloudellisista, sivistyksellisistä ja valtiollisista oloista sekä Karjalan kysymyksestä. Toimittanut Akateeminen Karjala Seura. Helsinki, 1934.
- Jalava A.* Kansallisuus kadoksissa: Neuvosto-Karjalan suomenkielisen epiikan kehitys. Helsinki, 1990.
- Joustela K. E.* Suomen Venäjän kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809-65. Helsinki, 1963.
- Juntunen A.* Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan. Helsinki, 1997.
- Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—1940. Juva, 1985.
- Jägerskiöld S.* Talvisodan ylipäälikkö. Sotamarsalkka Gustaf Mannerheim 1939—1941. Keuruu, 1976.
- Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyrietykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918—1920. Helsinki, 1961.
- Kalela J.* Right-Wing Radicalism in Finland During the Interwar Period // Scandinavian Journal of History. 1976. Vol. 1. № 1—2. S. 105—124.
- Kangaspuro M.* Nationalities Policy and Power in the 1920s and 1930s // Communism National & International. Tauno Saarela and Kimmo Rentola (ed.). Helsinki, 1998. P. 119—138.
- Kansakunta sodassa. Vol. 1. Sodasta sotaan. Helsinki, 1989.
- Kaukoranta T.* Itä-Karjalan kysymyksen kehitys kansainväliseksi asiaksi. Helsinki, 1941.
- Kaukoranta T.* Itä-Karjalan vapaudentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki, 1944.
- Keynäs W.* Itä-Karjalan asia ja pakolaiskysymys vv. 1922—1925. Helsinki, 1926.
- Kero R.* Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki, 1983.
- Kero R.* The Role of Finnish Settlers from North America in the Nationality Question in Soviet Karelia in the 1930's // Scandinavian Journal of History. 1981. № 6. P. 229—241.

- Kiiskinen O.* Pielisjärvi ja Repola — Lisiä Itä-Karjalan heimokysymyksen vaiheisiin // Historiallinen aikakauskirja. 1985. № 4. S. 268—277.
- Kilkki P.* Valo Nihtilä — päämajan eversti. Porvoo, 1994.
- Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan I 1920—1930. Helsinki, 1966.
- Kosonen M.* Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla. Studia Carelica Humanistica 5. Tampere, 1994. S. 161—172.
- Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1930-luvulla // Sotilasaikakauslehti. 1988. № 4. S. 275—281.
- Kukkonen E. W.* Tolvajärven ja Ilomantsin taistelut vv. 1939—1940. Helsinki, 1955.
- Lackman M.* Oliko Neuvosto-Karjala 1930-luvun pula-ajan El Dorado?: suomalaisten siirto-  
laisten kokemuksia ja näkemyksiä // Historioitsija — taaksepäin katsova profetta: Mauno  
Jokipiille omistettu juhlakirja. Studia historica Jyväskyläänsä. 30. Jyväskylä, 1984.  
S. 215—242.
- Laine A.* Suomalaisten yhteydet Neuvostoliiton Pohjois-Karjalaan 1900-luvulla toisen maail-  
mansodan loppuun asti // Maaseutuväkeä, hengen ja ruumiin kulttuuria. Historian  
tutkimuksia. Joensuu. 1991. № 8. S. 97—119.
- Langdon-Davies J.* Finland. The First Total War. London, 1940.
- Leskinen J.* Vaiettu Suomen silta. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta  
Neuvostoliiton varalta vuosina 1930—1939. Helsinki, 1997.
- Leskinen J.* The Silenced Bridge of Finland. Secret military cooperation between Finland and  
Estonia against the Soviet Union, 1930—1939 // Россия и Финляндия в XX веке.  
СПб., 1997. С. 116—128.
- Levkojev A.* Vienankarjalaisten kansannousu talvella 1921—1922. Lisiä teemaan «Gylling ja  
Itä-Karjala» // Karjalan heimo. 1994. № 7—8. S. 112.
- Levkojev A.* Vienan Karjalan kapinan v. 1921—1922 vaikutus Karjalan autonomian kehi-  
tysprosessiin // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997.  
S. 127—134.
- Levkojev A.* Neuvostoliiton Kommunistisen puolueen keskuskomitean Luoteisbyroo ja Karjalan  
autonomia vuosina 1921—1927 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren  
Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimus-  
laitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 41—50.
- Mannerheim C. G.* Muistelmat. Toinen osa. Helsinki, 1952.
- Manninen O.* Sallan rata oli todella hyökkäysura // Sotilasaikakauslehti. 1992. № 8.  
S. 596—597.
- Manninen O.* Neuvostoliiton operatiiviset suunnitelmat 1939—1941 Suomen suunnalla //  
Sotahistoriallinen aikakauskirja. 1992. № 11. S. 77—176.
- Manninen O.* Kokemusta viisaampina. Neuvostoliiton hyökkäyssuunnitelma vuodelle 1941 //  
Sotilasaikakauslehti. 1999. № 1. S. 64—67.
- Nevakivi J.* Muurmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjäälle  
1918—1919. Helsinki, 1970.
- Nevalainen P.* Karjala 1900-luvulla // Terra. 1993. Vol. 105. № 4. S. 291—298.
- Nevalainen P.* Työkansan kommuunista Karjalan tasavaltaan // Karjalan viesti. 1995. № 2.  
S. 14—24.
- Nieminen P.* Taistelimme talvisodassa 1939—1940. Pieksämäki, 1993.
- Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Helsinki, 1951.

- Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1978.
- Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922. *Studia historica Jyväskyläänsä* 19. Jyväskylä, 1980.
- Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Jyväskylä, 1982.
- Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. II osa. Välirauhan aika. Helsinki, 1959.
- Paasivirta J.* Finland and Europe. The early years of independence 1917—1939. Helsinki, 1988.
- Pratt J. W.* A History of United States Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1972.
- Ranta R.* Vienen karjalaisten liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906—1922. Tampere, 1997.
- Ries T.* Cold Will. The Defence of Finland. L., 1988.
- Rintala M.* Three Generations: The Extreme Right Wing in Finnish Politics. Bloomington, 1962.
- Salomaa M.* Punaupseerit. Juva, 1992.
- Saarikoski V.* Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Helsinki, 1997.
- Sevander M.* Red Exodus. Finnish-American Emigration to Russia. Duluth, 1993.
- Sevander M.* Of Soviet Bondage. Sequel to «Red Exodus». Duluth, 1996.
- Seppälä H., Kilkki P.* Neuvostoliiton maavoimat talvisodassa 1939—40. // *Sotilasaikakauslehti*. 1967. № 1. S. 5—10.
- Schauman H.* Reunavaltio politiikka // Itsenäisen Suomen ulkopolitiikan alkutaival. Porvoo, 1962. S. 121—144.
- Sélen K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931—1939. Keuruu, 1980.
- Siilasvuo H.* Suomussalmen taistelut. Helsinki, 1940.
- Siilasvuo H.* Kuhmo talvisodassa. Helsinki, 1944.
- Stepakov V., Orehov D.* «Paraatimarssi Suomeen». Talvisota venäläisten silmin. Juva, 1992. S. 166.
- Sundbäck E.* Britannian Suomea koskevat sotilaalliset suunnitelmat vuosina 1918—1919 // *Sotahistoriallinen aikakauslehti*. 1991. № 10. S. 47—70.
- Suomen kenttäykistön historia. 2 osa. 1939—45. Pieksämäki, 1994.
- Takala I.* Kysymys Suomen kansanarmeijasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. Jyväskylä, 1991. S. 287—294.
- Takala I.* Venäjän-Karjalan suomalaisten kohtaloita // *Historiallinen aikakauskirja*. 1991. 1. S. 42—48.
- Takala I.* Eldoradoa etsimässä // *Carelia*. 1993. № 3. S. 4—25.
- Talvisodan historia. Osa 1. Porvoo, 1977.
- Talvisodan historia. Osa 3. Porvoo, 1978.
- Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki, 1951.
- The Greater Finland. A union between the fennobaltic lands. The Carelian citizens League publication № 1. Helsinki, 1919.
- Tigerstedt O.* Vastavakoilu iskee. Helsinki, 1943.
- Tokoi O.* Maanpakolaisen muistelmia. Helsinki, 1959.
- Tuominen A.* Myrskyn aikaa. Helsinki, 1970.

- Turtola M.* Kiristyvä maailmantilanne ja Suomi. Turvallisuus- ja sotilaspoliittinen kehitys 1930-luvulla // Suomi kansainvälisessä kriiseissa. Turku, 1981. S. 88—103.
- Turtola M.* Erik Heinrichs — Mannerheimin ja Paasikiven kenraali. Keuruu, 1988.
- Turtola M.* Aksel Fredrik Airo. Taipumaton kenraali. Keuruu, 1997.
- Ullman. R. W.* Intervention and the War. Princeton, 1961.
- Vahe J.* Kenraali Paavo Talvela. Sodan ja rauhan tehtävissä. Porvoo, 1994.
- Vahtola J.* «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.
- Vahtola J.* Östkarelen i finländsk politik 1917—1945 / Oulun yliopisto. Historian laitos. Eripainossarja. N:o 233. Oulu, 1990.
- Vahtola J.* Itä-Karjala Suomen politiikassa 1918—1922 // Terra. 1993. Vol. 105. № 4. S. 280—290.
- Vehviläinen O.* Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933—1934. Porvoo, 1966.
- Visuri P.* Evolution of the Finnish Military Doctrine 1945—1985. Finnish defence studies 1. Helsinki, 1990. P. 16.
- Voionmaa V.* Suomen uusi asema. Maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo, 1919.
- Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basic operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939—1940 // Revue internationale d'histoire militaire. 1985. № 62. P. 74—96.
- Vuorenmaa A.* Kansakunnan kahdestoista hetki. Helsinki, 1994.
- Yläräkkö A.* Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Keuruu, 1976.
- Ziemke E.* The German Northern Theater of War 1940—1945. Washington, 1959.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — армейский корпус
- ББВП — Беломорско-Балтийский водный путь
- ББК — Беломорско-Балтийский канал
- ББК — Беломорско-Балтийский комбинат
- ВМА — военно-морская академия
- ВМБ — военно-морская база
- ВРК — военно-революционный комитет
- ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГВС — Главный военный совет
- Главдорупр — Главное дорожное управление
- ГПУ — Главное политическое управление
- Губком — губернский комитет
- Губисполком — губернский исполнительный комитет
- ИНО ВЧК — Иностраннный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии
- Карревком — Карельский революционный комитет
- Карчека — Карельская чрезвычайная комиссия
- КАО — Карельское академическое общество
- КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
- КМК — Карело-Мурманский край
- КОО ГПУ — Карельский областной отдел Главного политического управления
- КРО — контрразведывательный отдел
- ЛВО — Ленинградский военный округ
- ЛОВСУ — Ленинградское окружное военно-строительное управление
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

- НКВД — Народный комиссариат иностранных дел  
НКВТ — Наркомат внешней торговли  
ОГПУ — Объединенное главное политическое управление  
Ошосдор — отдел шоссейных дорог  
ПВО — Петроградский военный орган  
ПП ГПУ — Полномочное представительство Главного политического управления  
РВС — Революционный Военный Совет  
РВСР — Революционный военный совет республики  
РУ РККА — Разведывательное управление РККА  
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия  
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)  
РЗ СТО — Распорядительное заседание Совета Труда и Оборона  
САП — смешанный авиационный полк  
СКР — сторожевой корабль  
СТО — Совет Труда и Оборона  
СНК — Совет Народных Комиссаров  
СУЗ СНК — Суженное заседание СНК  
ТВД — театр военных действий  
УВМС — управление военно-морских сил  
УР — укрепленный район  
Ушосдор — управление шоссейных дорог  
ФНА — финская народная армия  
ФНР — Финляндская Народная Республика  
ЦБК — целлюлозно-бумажный комбинат  
ЦИК — Центральный исполнительный комитет  
ЦКК РКП(б) — Центральная контрольная комиссия РКП(б)

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айронсайд. 28  
Алексеев. 191  
Алкио С. 25, 63  
Альперович Б. С. 222  
Аминофф Т. 20  
Андропов Ю. В. 222  
Анохин П. Ф. 51, 77  
Антикайнен Т. 65  
Аполоник А. М. 113, 145  
Аптекарь П. 192  
Арифулла Ибрагим. 202  
Артемьев. 185, 186  
Асмус Э. А. 150—153  
Афанасьев (Ахава) Павел (Пааво). 21, 37  
Ахава Ииво. 33  
Балмасов. 230  
Берзин Я. А. 49, 71, 75  
Берия Л. П. 184, 229  
Бройдо Г. И. 83, 84  
Бубрих Д. В. 154  
Булганин Н. А. 220  
Валидов Э. Д. 50  
Валлениус К. 26, 117  
Вахтола Й. 25  
Веннола Ю. Х. 74, 84, 109  
Виролайнен А. 197  
Владимирский М. Ф. 46, 49  
Володин. 60  
Воровский В. В. 30  
Ворошилов К. Е. 65, 105, 106, 125, 136, 147, 151, 169, 174  
Вуд П. 33  
Вяхякаллио Рейно. 73  
Гаврилов Иван. 33  
Ганецкий Я. С. 62, 75, 76, 108, 109  
Гарин В. 173  
Генец А. 20  
Гитлер А. 146, 147, 171, 233  
Гиттис В. М. 106  
Гоглидзе С. А. 230  
Горбачев А. 198  
Гурьев В. Т. 56  
Гусевский. 184  
Гюллинг Э. 41, 42, 43, 44, 49, 51, 52, 53, 58, 59, 61, 64, 77—79, 81, 82, 84, 85, 107, 128, 131, 139, 149, 150, 152  
Данилов И. А. 50  
Даубе В. П. 67  
Долин. 184  
Домбровский В. Р. 68  
Дудорова О. 192  
Духанов М. П. 180,  
Евстигнеев. 122  
Егоров В. 47, 48

- Егоров Ф. И. 82  
Епифанов Семен. 33  
Ермолов В. В. 33,  
Жданов А. А. 127, 148, 149, 151, 171—174,  
176, 196, 198, 217, 225, 230  
Запорожец. 146  
Зверев. 172  
Зеленцов. 181  
Зиновьев Г. 44,  
Игнатиус Х. 26  
Каганович Л. М. 65, 151, 193, 234  
Каменев С. С. 45, 48, 61, 71  
Карвонен Микко. 202  
Кастрен Рейно. 144, 201, 202, 203, 204  
Кастрен Ялмари. 144  
Кауль А. И. 70  
Каширин И. Д. 67, 80  
Квантен Э., фон. 19, 20  
Кемп Т. 27  
Керзон Д. 37, 45  
Киви А. 227  
Киров С. М. 113, 141  
Клюев. 38  
Колчак А. В. 32, 36  
Кондрашов Г. Ф. 191  
Копп В. Л. 63, 74, 106  
Коротеев. 190  
Котельников П. И. 221, 222  
Крестинский Н. Н. 142  
Куджиев В. М. 44, 47, 51, 52, 56, 77, 80,  
81  
Кулик Г. И. 192  
Куприянов Г. Н. 127, 174, 197, 198, 217,  
219, 224, 225, 232, 233  
Куттуев Г. 35  
Куусинен О. В. 195, 196, 222, 223  
Кюёттинен П. 31  
Лаатикайнен Е. П. 223  
Лайне А. 232  
Лампио Э. 37  
Лангсет Х. 128, 129, 173, 174  
Лежоев Егор. 33  
Лейно Э. 227  
Ленин В. И. 25, 44, 45, 46, 57, 64, 221  
Лескинен Эйно. 202  
Лённрот Э. 18, 19  
Литвинов М. М. 151  
Лоренц И. Л. 109.  
Людендорф Э. 24  
Майский И. М. 116  
Маленков Г. М. 198, 217  
Мальм К. В. 26, 28, 31, 37  
Маннергейм К. Г. 25, 26, 31, 34, 35, 178,  
183, 188, 200, 204  
Марков А. 169  
Мархлевский Ю. 58, 59  
Маткевич Алексей. 33  
Мейнард Ч. 28, 29, 32, 33, 35, 36  
Мерецков К. А. 169, 170, 176, 184  
Мехлис Л. Э. 182, 199  
Миллер Е. К. 33, 35, 37, 38, 39  
Митро А. 34  
Молотов В. М. 54, 77, 125, 135, 137, 151,  
175, 194, 216, 223, 229, 233, 234  
Муклевич Р. А. 124  
Мяки Я. 44, 51, 52, 53, 57.  
Наумов. 64  
Невалайнен П. 131  
Ниеминен П. 116  
Никитин И. А. 79, 80, 82  
Николай (архиепископ). 21  
Никольский. 123  
Ниукканен Ю. 228  
Нихтия В. 199  
Нордстрем Р. 201  
Нуортева А. 131  
Ньюгорт Т. 66  
Оксала А. 152  
Окунев. 197  
Орлов Г. М. 220  
Паасивирта Ю. 16  
Паасикиви Ю. 217  
Петров. 190  
Пикалев А. А. 229  
Подвойский И. И. 111  
Позерн Б. П. 77, 78, 80, 81, 82  
Прайс. 32, 33  
Преображенский Е. А. 51  
Прокконен Пааво (Прокопьев П. С.). 197  
Пяйвяринта П. 227



- Рааппана. 200  
Равич С. 45  
Раутапяя Х. В. 30  
Ренваль Х. 26  
Риекки Э. 144  
Ровио Г. 141, 142, 149  
Рыков А. И. 49  
Ряйккёнен Эрки. 73  
Сарио В. 34, 36  
Свинхувуд П. 26, 31, 147  
Седякин А. И. 64-66  
Симелиус Элиас. 73  
Сирола Ю. 41, 42, 44, 85, 128  
Сихво А. 34, 35, 117  
Сихвонен. 35  
Склянский Э. М. 45  
Смирнов И. 77  
Смирнов П. 147  
Соловьев Н. 218  
Соляков П. В. 219, 232  
Спиридонов И. Д. 29  
Сталин И. В. 49, 77, 78, 83, 84, 85, 112,  
137, 142, 145, 151, 170, 179, 218, 220,  
221, 223, 229  
Стомоняков Б. С. 109, 147, 151  
Струмилини С. Г. 133  
Тайми А. 78  
Такала И. Р. 153  
Таккинен Я. 56  
Талвела П. 36, 55, 110, 144, 188  
Тарасюк С. А. 64, 70  
Тизенгаузен Э. 38  
Тимонов В. Е. 124  
Тимофеев М. М. 230  
Тимошенко С. К. 194  
Токой О. 33  
Топелиус-старший С. 19  
Трофимов А. А. 229  
Троцкий Л. Д. 41, 60—64, 76  
Туоминен А. 196  
Туурала У. 222  
Уншлихт И. С. 61, 71  
Форстен В. 58  
Халштейн Л. С., фон. 75  
Ханникайнен Л. 32  
Хейсканен Ю. 199  
Хело Л. 227  
Холсти Р. 61, 144, 145  
Хонкаюури Маури. 144  
Цилиакус К. 22  
Чайковский. 182  
Черепанов. 188  
Черных А. С. 58, 61, 62, 63, 68, 74—76,  
84, 106, 107, 109  
Черчилль С. 20, 23, 24, 27, 39, 41  
Черчилль У. 39  
Чичерин Г. В. 38, 44, 45, 46, 49, 50, 54,  
56, 57, 60—63, 71, 83  
Чуйков В. И. 184—186  
Шамшин С. В. 229  
Шапошников Б. М. 169, 184—186  
Шаров Д. В. 182  
Шмыров. 180, 183  
Шотман П. А. 83  
Штерн Г. М. 188  
Эйкия А. 227  
Энкель К. 36  
Энкель О. 117  
Эрих Р. 44  
Эрстрем Э. К. 19  
Эш К. 175  
Юляраккола А. 44  
Яаскеляйнен М. 18, 27, 29, 34  
Ягода Г. Г. 71  
Ялава А. 26  
Ярвисало И. А. 77

Юрий Михайлович Килин

**КАРЕЛИЯ**  
**В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**  
**1920–1941**

Научное издание

*Редактор* О. В. Обарчук  
*Художественный редактор* О. В. Черняков  
*Компьютерная верстка,*  
*оригинал-макет*  
*и оформление обложки* О. В. Черняков

ЛР № 040110 от 10.11.96.

Гигиенический сертификат № 10 КЦ. 34.953. П. 00136.03.99 от 05.03.99 г.

Подписано в печать 02. 11. 99. Формат 70 x 90 1/16. Бумага офсетная.

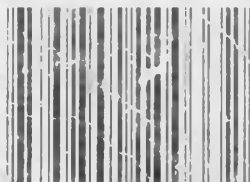
Гарнитура AcademyPro. Офсетная печать.

25 усл.-печ. л. 142 усл. кр.-отт. Тираж 1000 экз. Изд. № 152.

Издательство Петрозаводского государственного университета  
185640 г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Отпечатано с оригинал-макета в типографии  
Издательства Петрозаводского государственного университета

ISBN 5-8021-0033-8



9 785802 100332